

The background of the entire cover is a photograph of a tropical sunset. In the foreground, the calm surface of the ocean reflects the vibrant orange and yellow hues of the sky. In the middle ground, a dark, rocky island rises from the water. Two palm trees are silhouetted against the bright sky: one stands prominently on the left side of the island, and another, slightly smaller one, is positioned further back on the right. The sky is filled with soft, wispy clouds that catch the low light of the setting sun.

СТИВЕН КИНГ

МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ, КАК ВЫ ЛЮБИТЕ

Перевод Ернара Шамбаева (2024)

"Мрачные истории, как вы любите" (2024) — это новый сборник рассказов и повестей Стивена Кинга, общепризнанного короля ужасов и мастера триллеров.

Сборник включает в себя 12 произведений, 6 из которых уже были ранее переведены и выложены в Сети в 2023 году.

В данном сборнике:

[1. Дурной сон Дэнни Кофлина](#)

[2. Человек-ответ](#)

[3. Гремучие змеи](#)

[4. Два талантливых засранца](#)

[5. Чудик Вилли](#)

[6. Зловещие грёзы](#)

Детектив, ужасы, фантастика, мистика, чёрный юмор — талант Кинга многогранен!

Перевод и примечания сделаны Ернаром Шамбаевым.

В конце этого сборника вас ожидает приятный бонус — [свежее интервью с Мастером Кингом](#).

А теперь - откиньтесь на спинку кресла и наслаждайтесь.

Вас ожидает увлекательное, незабываемое путешествие!

В путь, друзья!

Дурной сон Дэнни Кофлина

1

Это плохой сон. У Дэнни уже бывали кошмары, время от времени они случаются у всех, но этот — самый ужасный. Поначалу не происходит ничего страшного, но это не приносит облегчения; чувство надвигающейся беды настолько сильное, что во рту появляется привкус, как от сосания медных монеток.

Он идет по обочине грунтовой дороги, которая утрамбована и покрыта маслом, чтобы не поднималась пыль. Ночь. Взошла четвертинка луны. Для Дэнни она выглядит, как кривая ухмылка. Или усмешка. Он проходит мимо знака с надписью "ОКРУЖНАЯ ДОРОГА F", но часть букв закрашена краской, а справа от буквы F приписано несколько букв, так что теперь на знаке красуется крайне непристойная надпись. И пара пулевых отверстий для пущего эффекта.

По обеим сторонам дороги растет кукуруза, не такая высокая, как столетний дуб, но, возможно, фута четыре, какой она бывает в начале лета. Окружная дорога F тянется прямо к небольшому подъему (в Канзасе большинство подъемов небольшие). На вершине стоит черное здание, наполняющее Дэнни беспричинным страхом. Что-то металлическое издает звуки "тинка-тинка-

тинка". Он хочет остановиться, не хочет иметь ничего общего с этим черным квадратом, но ноги несут его вперед. Их никак не остановить. Он совершенно не контролирует себя. От ветерка кукурузные поля издают звук, похожий на стук костей. По щекам и лбу Дэнни пробегает холодок, и он чувствует, что вспотел. Вспотел во сне!

Когда он поднимается на вершину подъема (называть его "гребнем" было бы глупо), ему хватает света, чтобы разглядеть табличку на здании из шлакоблоков с надписью "ХИЛЛТОП ТЕКСАКО"¹. Перед зданием стоят два потрескавшихся бетонных островка, где когда-то были бензоколонки. Звуки "тинка-тинка-тинка" доносятся от ржавых вывесок на столбе у входа. На одной написано "Обычный — 1 доллар 99 центов", на другой — "Средний — 2 доллара 19 центов", а на нижней — "Высокооктановый — 2 доллара 49 центов".

"Здесь не о чем волноваться", — думает Дэнни, — "и нечего бояться". И он не волнуется. Он не боится. Он в диком ужасе.

Звуки "тинка-тинка-тинка" издают вывески, рекламирующие давно ушедшие цены на бензин. Большое окно офиса разбито, как и стекло в двери, но Дэнни видит, как вокруг осколков, отражающих лунный свет, растут сорняки, и делает вывод, что окна были разбиты давным-давно. Вандалы — скорее всего, скучающие сельские подростки — позабавились да ушли.

Дэнни продолжает идти. Обходит заброшенную станцию. Не хочет, но вынужден. Теперь он слышит что-то еще: скребущие, царапающие звуки и пыхтение.

"Я не хочу этого видеть", — думает он. Если бы мысли звучали вслух, эта бы прозвучала как стон.

Он обходит угол, отбрасывая ногой пару пустых банок из-под моторного масла ("Хэволайн", бренд "Тексако"). Рядом валяется перевернутый ржавый мусорный бак, из которого рассыпалось куча банок, бутылок от пива "Корз" и гора всякого бумажного мусора, который еще не унесло ветром. За станцией облезлая дворняга копается в испачканной маслом земле. Услышав Дэнни, она оглядывается. Её глаза светятся серебристыми кругами в лунном свете. Пёс оскаливает зубы и рычит, ясно давая понять: "Это моё, моё".

— Это не для тебя, — говорит Дэнни, думая при этом: "Хотел бы я, чтобы это было не для меня тоже, но, увы".

Шелудивый пёс пригибается, словно готовясь прыгнуть, но Дэнни не боится (по крайней мере, не этой шавки). Хотя сейчас он проживает в городе, но вырос он в сельской местности Колорадо, где собак было полным-полно, и знает, что такое пустая угроза. Он наклоняется и поднимает пустую банку из-под масла, сон настолько реален, настолько подробен, что он чувствует оставшуюся на её боках смазку. Ему даже не нужно её бросать — достаточно просто поднять. Собака поджимает хвост и убегает, прихрамывая — у неё либо треснула подушечка на лапе, либо она как-то травмировала заднюю лапу.

Ноги Дэнни сами несут его вперед. Он видит, что собака выкопала руку и часть предплечья из земли. Два пальца обглоданы до костей. Мясистая часть ладони тоже исчезла и теперь

¹ "Тексако" — американская компания, специализируется на разведке, добыче и переработке нефти и природного газа, производстве нефтехимической продукции

находится в брюхе собаки. На запястье — несъедобном и потому бесполезном для голодной собаки — закреплен браслет с подвесками.

Дэнни делает вдох, открывает рот и...

2

...кричит, просыпаясь и резко выпрямляясь на кровати, чего раньше никогда не случалось. Слава Богу, он живет один, и никто его не слышит. Поначалу он даже не понимает, где находится. Зброшенная заправка кажется реальностью, а утренний свет, проникающий сквозь шторы, — сном. Он даже вытирает руку о футболку с логотипом "Роялс", чтобы стереть масло, оставшееся на банке "Хэволайн", которую он подобрал. Его тело покрылось мурашками с головы до пят, а яйца сжались, как грецкие орехи. Затем он осознает, что находится в своей спальне, и понимает, что каким бы реальным ни казался сон, ничего этого не было.

Он стягивает с себя футболку, сбрасывает трусы-боксеры и направляется в крошечную ванную комнату своего трейлера, чтобы побриться и смыть с себя этот сон. "Хорошо, что плохие сны", — думает он, намыливая лицо, — "не длятся долго. Сны похожи на сахарную вату: они просто тают и исчезают".

3

Только вот этот не тает. Он сохраняет свою чёткость и пока Дэнни моется в душе, и пока он надевает чистый комплект одежды от "Дикис", прикрепляя связку ключей к петле на поясе, и пока едет в среднюю школу на своем старом пикапе "Тойота", который до сих пор работает исправно, хотя скоро значения на одометре обнулятся². Может, уже этой осенью.

Парковки для учеников и учителей уайлдерской школы практически опустели, потому что занятия закончились несколькими неделями раньше. Дэнни объезжает здание сзади и паркуется на привычном месте, в конце линии школьных автобусов. Хотя нет никакого знака, что это место зарезервировано для завхоза, все и так знают, что оно его.

Это его любимое время года, когда можно что-то улучшить в школе, и это останется нетронутым... по крайней мере, какое-то время. Натёртый воском пол коридора будет блестеть через неделю или даже через две. Можно соскрести жвачку с полов в раздевалках для мальчиков и девочек (девочки в этом плане самые злостные нарушители, и он понятия не имеет почему) и не придется делать это снова до августа. Свежевымытых окон никто не будет пачкать. По мнению Дэнни, летние каникулы — прекраснейшая пора.

В школе Хинкл, расположенной в соседнем округе, идут летние занятия, там три штатных уборщика. "Они могут себе это позволить", — думает Дэнни. У него же всего пара летних помощников. Лучший из них, Джесси Джексон, как раз заходит к Дэнни на склад. Второго не видно. По мнению Дэнни, толку от него как от козла молока.

² Это происходит, когда пробег достигает максимального значения, например, 199999 миль, и затем возвращается к нулю

"Холм", — думает он. — "Хиллтоп Тексако".

— Где Пэт?

Джесси пожимает плечами. Он — черный парень, высокий и стройный, и превосходно двигается. Создан для бейсбола и баскетбола, но не для футбола.

— Не знаю. Его машины ещё здесь нет. Может, решил начать выходные на день раньше.

"Это было бы плохой идеей", — думает Дэнни, но понимает, что Пэт Грейди — это такой парень, который полон плохих идей.

— Мы натрём воском кабинеты в новом крыле. Начнем с кабинета 12. Перенеси все парты на одну сторону. Сложи их по два. Потом переходим в 10 и повторяем. Я пойду следом с полировальной машиной. Если Пэт решит появиться, пусть поможет тебе.

— Да, мистер Кофлин.

— Никаких "мистеров", парень. Я просто Дэнни. Сможешь запомнить?

Джесси ухмыляется.

— Да, сэр.

— И никаких "сэров" тоже не нужно. Вперёд. Если только тебе для начала не нужен кофе, чтобы взбодриться.

— Выпил уже по пути сюда.

— Молодец. Мне нужно кое-что проверить в библиотеке, потом я тоже подойду.

— Мне принести полировальную машину?

Дэнни усмехается. Ему нравится этот парень.

— На повышение нацелился?

Джесси смеется.

— Вряд ли.

— Правильно. Здесь, в округе Уайлдер, правят балом республиканцы, и они крепко держат кошельки и экономят на всём. Конечно, возьми полировальную машину и прикати ее в 12-й кабинет. Всё собирался спросить, тебя назвали случаем не в честь того знаменитого Джесси Джексона³?

— Да, сэр. То есть Дэнни.

— У тебя получится, парень. Я в тебя верю.

Дэнни берет свой термос с кофе и идет в библиотеку — еще одно преимущество летних каникул.

³ Джесси Джексон — американский общественный и религиозный деятель, правозащитник и политик

Он включает один из компьютеров и вводит пароль библиотекаря для разблокировки. Пароль, которым пользуются школьники, блокирует всё, похожее на порнографию, а также доступ к социальным сетям. С паролем миссис Голден можно получить доступ к чему угодно, но Дэнни не планирует посещать "Порнхаб". Он открывает браузер "Файерфокс" и набирает в поисковой строке "Хиллтоп Тексако". Его палец зависает над кнопкой ввода, затем он добавляет "Окружная дорога F" для полноты картины. Сон по-прежнему остаётся таким же ясным, как и в момент пробуждения. Он не дает ему покоя (на самом деле, даже немного пугает, несмотря на льющийся в окна утренний солнечный свет), и если Дэнни ничего не найдет, как он надеется, то сбросит камень с души.

Он нажимает на кнопку, и через секунду перед ним появляется фотография серого здания из шлакоблоков. На этом снимке оно выглядит новым, и вывеска "Тексако" совершенно чиста. Стекла в окне и дверях офиса целы. Бензоколонки сияют. Цены на табличках гласят, что бензин стоит 1 доллар и 9 центов за обычный и 1 доллар 21 цент за средний. Судя по всему, этот снимок был сделан в те времена, когда высокооктанового бензина в "Хиллтоп Тексако" ещё не было, а это было очень давно. Автомобиль у заправочных насосов — это огромный "Бьюик", а дорога перед зданием двухполосная асфальтированная, а не грунтовая. Если Дэнни не ошибается, то этот "Бьюик" сошел с конвейера в Детройте примерно в 1980 году.

Окружная дорога F находится в городке Ганнел. Дэнни никогда о нем не слышал, но это и неудивительно: Канзас большой, и в нем, наверняка, стоят сотни крошечных городков, о которых он никогда не слыхивал. Насколько он понимает, Ганнел может находиться за пределами штата, в Небраске. Часы работы — с 6 утра до 10 вечера. Стандартные часы для заправки где-то в глуши. Под часами работы красным цветом написано одно слово: ЗАКРЫТО.

Дэнни смотрит на это реализовавшееся воплощение своего сна с таким глубоким смятением, что оно переходит в страх. Он всего лишь хотел убедиться, что "Хиллтоп Тексако" (и рука, торчащая из земли, не забудьте про руку) — это просто бред его спящего разума, и вот нате вам. Сами посмотрите.

"Ну проезжал я мимо этого места когда-то", — рассуждает он. — "Вот и всё, наверное. Разве я не читал где-то, что мозг ничего не забывает, а просто складировает увиденное и услышанное на дальних полках?"

Он смотрит дополнительную информацию о "Хиллтоп Тексако" и не находит ничего стоящего. Только "Хиллтоп Бейкери" (в Де-Мойне), "Хиллтоп Субару" (в Дэнверсе, штат Массачусетс) и еще 100500 других "Хиллтопов", включая зоопарк в Нью-Гэмпшире. В каждом из этих результатов поиска его поисковая строка "Тексако Окружная дорога F" перечеркнута линией, что свидетельствует о том, что эта часть поискового запроса не была выполнена. Зачем тогда вообще нужна дополнительная информация? Это всего лишь заправка где-то в глуши — такие места его отец называл Мухосранском. Франшиза "Тексако", вероятно, разорившаяся ещё в девяностых.

Над основным результатом поиска есть несколько других вкладок: НОВОСТИ, ВИДЕО, ПОКУПКИ... и КАРТИНКИ. Он нажимает на "картинки" и откидывается на спинку стула, еще

больше потрясенный увиденным на экране. Здесь множество фотографий различных "Хиллтопов", в том числе четыре фотоснимка "Тексако". Первый — это копия того, что был на главной странице, но на другом заправка выглядит заброшенной: насосы исчезли, окна разбиты, вокруг разбросан мусор. Именно эту заправку он видел во сне, эту самую. В этом не может быть никаких сомнений. Единственный вопрос: зарыто ли тело в пропитанной маслом земле позади заправки.

— Офигеть!

Это всё, что может Дэнни выразить. Ему тридцать шесть лет, у него есть аттестат о среднем образовании, но нет диплома университета, он разведён, детей не имеет, стабильно работает, болеет за "Роялс"⁴ и "Чифс"⁵, держится подальше от баров после периода буйного пьянства, который отчасти привёл к его разрыву с Марджори. Он водит старенький пикап, отрабатывает свои рабочие часы, получает зарплату, время от времени любит устраивать марафон просмотра телесериалов на "Нетфликсе", изредка навещает своего брата Стиви, не следит за новостями, не интересуется политикой и паранормальными явлениями. Он никогда не видел призраков, считает фильмы о демонах и проклятиях пустой тратой времени и без страха прошел бы через кладбище в кромешной темноте, если бы это сократило ему путь до места назначения. Он не ходит в церковь, не думает о Боге, не размышляет о загробной жизни, принимает жизнь такой, какая она есть, и никогда не ставил под сомнение реальность.

Однако этим утром он ставит её под сомнение. Весьма.

Шум машины с неисправным глушителем (или вообще без него) выводит его из состояния, близкого к гипнозу. Он отрывает взгляд от экрана и видит, как старый "Мустанг" въезжает на парковку для школьников. Пэт Грейди, второй его летний помощник, наконец-то решил оказать честь своим присутствием. Дэнни смотрит на часы и видит, что уже без четверти восемь.

"Держи себя в руках", — думает он, поднимаясь со стула. Это хороший совет самому себе, потому что его вспыльчивость уже не раз приводила к неприятностям. Именно из-за неё он провёл ночь в тюрьме и поэтому бросил пить. Что касается брака, то он всё равно бы распался... хотя мог бы продержаться ещё пару годков.

Он идёт к двери в конце нового крыла. Джесси перенёс полировальную машину и сейчас передвигает и складывает парты в кабинете 12. Дэнни машет ему рукой, и Джесси отвечает тем же.

Пэт медленно подходит к двери — ни забот, ни проблем; на нём джинсы, футболка без рукавов и кепка "Уайлдер Уайлдкэпс", надетая задом наперёд. Дэнни приветствует его. Он крепко держит себя в руках, но наплевательское отношение этого парня его дико злит. И эти мотоциклетные ботинки, в которые он обут, наверняка оставят следы.

— Привет, Дэн, как дела?

— Ты опоздал, — говорит Дэнни. — Таковы дела. Время прихода — семь тридцать. Сейчас уже почти восемь.

⁴ Канзас-Сити Роялс — профессиональный бейсбольный клуб, базируется в городе Канзас-Сити

⁵ Канзас-Сити Чифс — профессиональный клуб по американскому футболу из Канзас-Сити

— Извините. — Пэт пожимает плечами и проскальзывает мимо него, его джинсы сидят низко на бедрах.

— Это уже третий раз.

Пэт оборачивается. Его ленивой улыбочки как не бывало.

— Проспал, забыл поставить будильник на телефоне, что ещё я могу сказать?

— Я скажу за тебя. Ещё раз опоздаешь — и всё, ты уволен. Понял?

— Вы прикалываетесь, что ли? За двадцать минут опоздания?

— В прошлую среду было полчаса. И нет, я не прикалываюсь. Иди и помоги Джесси переставить парты в новом крыле.

— Любимчик учителя, — говорит Пэт, закатывая глаза.

Дэнни не отвечает, зная, что сейчас любое сказанное им слово будет ошибкой. Летних помощников оплачивает школьный департамент. Дэнни не хочет говорить или делать что-то, после чего Пэт Грейди (или его родители) побежит жаловаться начальству, как его обижали на работе. Поэтому он не будет называть Пэта ленивым маленьким придурком. Вероятно, в этом и нет необходимости. Пэт видит это на его лице и поворачивается к кладовой, чтобы отметиться, одной рукой подтягивая джинсы. Дэнни бы не удивило, если другую руку Пэт держал бы с высунутым средним пальцем.

"В июле этого парня уже не будет", — думает Дэнни. — "А у меня есть другие заботы. Разве нет?"

Джесси стоит в дверном проходе кабинета 12. Дэнни пожимает плечами. Джесси сдержанно ухмыляется и возвращается к перестановке парт. Дэнни включает полировальную машину. Когда возвращается Пэт (всё той же ленивой походкой), Дэнни велит ему заняться перестановкой парт в кабинете 10. Если Пэт сейчас только вякнет, Дэнни уволит его на месте. Но Пэт держит рот на замке.

Может, он не совсем придурок, в конце концов.

Свой телефон Дэнни держит в бардачке "Тойоты Тундры", чтобы не было соблазна отвлекаться на него во время работы (он видел, как Пэт и Джесси заглядывали в свои мобильники — Джесси всего один раз, Пэт неоднократно). Когда они заканчивают работу и идут на обед, он выходит к своей машине, чтобы посмотреть информацию о городе Ганнел. Тот находится в округе Дарт, в девяноста милях к северу. Не за границей Небраски, но рядом с ней. Дэнни мог бы поклясться, что за всю свою жизнь не бывал в округе Дарт, никогда не забирался так далеко на север, даже в округ Рипаблик, но, должно быть, он всё-таки там бывал. Он закидывает телефон обратно в бардачок и идёт к Джесси, который обедает с телефоном в руке за одним из столиков для пикника в тени спортзала.

— Вы забыли запереть машину. Она не пипикнула.

Дэнни ухмыляется.

— Любому, кто украдёт что-нибудь из неё, желаю удачи, ибо она ему не мешает. Машина наездила свою долю дороги. На счетчике почти двести тысяч миль.

— Держу пари, вы её любите. Мой отец обожает свой старый "Форд"-четвертонник.

— Вроде как люблю. Видел Пэта?

Джесси пожимает плечами.

— Наверное, ест в своей машине. Он обожает этот старый "Мусти". Думаю, ему следует лучше за ним ухаживать, но это просто моё мнение. Мы закончим новое крыло?

— Попробуем, — отвечает Дэнни. — Если не получится, то всегда есть понедельник.

5

Тем вечером он звонит своей бывшей жене, что делает время от времени. В апреле он даже съездил в Уичито⁶ на её день рождения, подарил ей шарф — голубой, под цвет её глаз — и остался на чаепитие с тортом и мороженым с её новым парнем. С тех пор как он с ней развелся, они с Марджи стали ладить гораздо лучше. Иногда Дэнни даже обидно. А иногда он думает, что так и должно быть.

Они немного болтают, о том о сём, об общих знакомых, о глаукоме её матери и о том, как дела у брата Дэнни на работе (великолепно), а потом он спрашивает, не ездили ли они когда-нибудь на север, возможно, в Небраску, может, во Франклин или Бивер-Сити. Обедали ли они, скажем, в Бивер-Сити?

Она смеётся — не совсем своим прежним ехидным смешком, который доводил его до белого каления, но похожим на него.

— Я бы никогда не поехала с тобой в Небраску, Дэнно. Канзас скучен, что ли?

— Ты уверена?

— Абсолютно, — отвечает Марджи, затем сообщает ему, что, по её мнению, Хэл — её новый парень — скоро сделает ей предложение. Приедет ли Дэнни на свадьбу?

Дэнни отвечает, что приедет. Она спрашивает, следит ли он за собой, имея в виду, не пьёт ли он снова. Дэнни говорит, что да, следит и советует ей смотреть по сторонам, переходя дорогу (их старая совместная шутка), а затем кладёт трубку.

"Никогда бы не поехала с тобой в Небраску, Дэнно" — её слова.

Дэнни бывал в Линкольне пару раз и однажды в Омахе, но эти города находятся к востоку от Уайлдера, а Ганнел — на севере. И всё же он наверняка там бывал, а теперь просто забыл об этом. Может, в те дни, когда пьянствовал? Вот только он никогда не садился за руль, будучи в стельку пьян, боясь потерять права или натворить дел на дороге.

⁶ Уичито — крупнейший населённый пункт штата Канзас

"Я был там. Должно быть, в те времена, когда окружная дорога была ещё асфальтированной, а не грунтовой".

Он засиживается допоздна и долго ворочается, прежде чем окончательно вырубиться, боясь, что сон вернётся. Но сон не возвращается, хотя на следующее утро остается таким же ясным и чётким: заброшенная, пустынная бензоколонка, полумесяц, бродячий пёс, торчащая рука и браслет с подвесками.

6

В отличие от многих мужчин своего возраста и положения, Дэнни не пьет (во всяком случае, сейчас), не курит и не жуёт табак. Он любит профессиональный спорт и может поставить пять долларов на Суперкубок ради интереса, но в основном не играет в азартные игры — даже не покупает лотерейные билеты за два бакса в день зарплаты. Он также не бежит за женщинами. В его трейлерном парке есть одна дама, к которой он время от времени наведывается, Бекки (таких женщин раньше называли "соломенной вдовой"⁷), но это, скорее, дружба, чем то, что на дневных ток-шоу называют "серьёзными отношениями". Иногда он остаётся у Бекки на ночь. Иногда приносит ей продукты или присматривает за её дочерью, если Бекки нужно куда-то съездить по делам или сходить к парикмахеру. У них много общего, но любовь там и не ночевала.

В субботу утром он складывает в ссобойку пару сэндвичей и кусок пирога, который Бекки принесла после того, как он починил выхлопную трубу на её старенькой "Хонде Цивик". Наполняет свой термос черным кофе и отправляется на север. Если он заглянет за ту заброшенную заправку и ничего там не обнаружит, то с удовольствием поест, но если он увидит то, что уже видел во сне, то, аппетит, вероятно, пропадёт.

Джи-пи-эс на его телефоне помогает ему добраться до Ганнела к десяти тридцати. День выдаётся типичный для Канзаса — жаркий, яркий, ясный и не очень интересный. В городке нет ничего, кроме продуктового магазина, магазина сельхозтоваров, кафе и ржавой водонапорной башни с надписью ГАННЕЛ на боку. Через десять минут после того, как Дэнни выезжает из города, он видит окружную дорогу F и сворачивает на неё. Она асфальтовая, а не грунтовая. И тем не менее всё внутри него сжимается, а сердце бьется так сильно, что он ощущает его в шее и висках.

Кукуруза окружает дорогу с обеих сторон. Кормовая кукуруза, не для человека. Как и во сне, она еще не достигла внушительной высоты, но для конца июня выглядит замечательно и к августу вырастет до шести футов.

"Дорога заасфальтирована и этим отличается от проклятого сна", — думает он, но через две мили асфальт заканчивается, и начинается грунтовка. Еще через милю он останавливается посреди дороги (это не опасно, так как никакого движения нет). Прямо перед ним справа стоит дорожный знак, на котором аэрозольной краской написана непристойщина. Непонятно, как он мог видеть это во сне, но тем не менее видел. Дорога поднимается в гору. Еще через четверть мили, а может, и меньше, он увидит очертания заброшенной бензоколонки.

⁷ Раньше соломенной вдовой называли незамужнюю женщину, которая родила ребёнка

"Разворачивайся", — думает он. — "Ты туда не хочешь, и никто тебя не заставляет, так что просто разворачивайся и езжай домой".

Но есть одна маленькая деталь: он не может этого сделать. Его любопытство слишком сильно. А еще где-то рядом околачивается собака. Рано или поздно она откопает тело и осквернит и без того несчастную девушку или женщину. Если он этого допустит, то это будет преследовать его дольше и ужаснее, чем сам сон.

А он уверен, что рука принадлежит женщине? Да, из-за браслета с подвесками. Уверен ли он, что её убили? А зачем кому-то ещё понадобилось бы закапывать её за заброшенной бензоколонкой где-то у чёрта на куличках?

Он едет дальше. Заправка стоит на месте. Ржавые жестяные таблички спереди гласят: 1 доллар 99 центов за обычный бензин, 2 доллара 19 центов за средний и 2 доллара 49 центов за высокооктановый, как и было во сне. На вершине подъема дует лёгкий ветерок, и вывески тихонько постукивают ("тинка-тинка-тинка") о стальной столб, на котором они закреплены.

Дэнни съезжает на потрескавшийся асфальт, заросший сорняками, стараясь держаться подальше от разбитого стекла. Шины его автомобиля уже не новые, а запаска настолько лысая, что в некоторых местах виднеются корды. Меньше всего на свете ему хотелось бы застрять здесь.

Он выходит из пикапа, захлопывает дверь и вздрагивает от хлопка. Глупо, но он ничего не может с собой поделаться. Он до смерти напуган. Где-то вдалеке тарахтит трактор. Где-то на другой планете. Дэнни почувствовал себя одиноким, как никогда в жизни.

Проходя вокруг станции, он словно повторно погружается в сон; его ноги движутся сами по себе, без команд из центра управления. Он отпихивает в сторону брошенную кем-то банку с моторным маслом. Конечно же, "Хэволайн". Он хочет остановиться на углу здания из шлакоблоков и представить, что ничего этого нет, совсем ничего, но ноги несут его дальше без остановки. Они неумолимы. Дэнни видит перевернутый ржавый мусорный бак, из которого рассыпался всякий хлам. И собаку тоже. Она стоит у края кукурузного поля, поглядывая на него.

"Чертова шавка ждала меня", — думает Дэнни. — "Она знала, что я приду".

Это кажется глупостью, но это не так. Стоя здесь, за много миль от ближайшего человека (ближайшего живого человека), он понимает, что это не так. Он видел собаку во сне, а собака видела его. Всё очень просто.

— Пошла отсюда! — кричит Дэнни и хлопает в ладоши. Собака бросает на него злобный взгляд и, прихрамывая, убегает на кукурузное поле.

Дэнни поворачивается налево и видит руку, точнее, то, что от неё осталось. И даже хуже. Бродячая собака не сидела без дела. Она выкопала часть предплечья. Сквозь плоть поблёскивают кости, кишат насекомые, но ему удаётся разглядеть, что здесь закопан белый человек, а над браслетом имеется татуировка. Она похожа то ли на верёвку, то ли на виток колючей проволоки. Он мог бы сказать точнее, если бы подошёл ближе, но такого желания у него нет. Всё, чего он хочет, это убраться отсюда к чёртовой матери.

Но если он уйдёт, вернётся собака. Дэнни её не видит, но знает, что она где-то рядом. Следит. Выжидает, когда её оставят наедине с вкусным обедом.

Он возвращается к машине, достаёт из бардачка телефон и просто смотрит на него. Если он им воспользуется, то станет первым подозреваемым. Но что делать с этой чёртовой собакой!

Его осеняет идея. Мусорный бак лежит на боку. Он опрокидывает его полностью, вываливая кучу дряни (но, слава Богу, без крыс). Под ржавчиной — цельная сталь, весит фунтов тридцать-тридцать пять. Он прижимает его к своей груди (пот струится по щекам) и несёт к тому месту, откуда торчат рука и предплечье. Опускает и отступает назад, стряхивая ржавчину с рубашки. Насколько это надёжно? Сможет ли собака его перевернуть? Трудно сказать.

Дэнни возвращается к передней части станции и подбирает два приличных куска осыпавшегося бетона. Он относит их назад и складывает на перевернутый бак. Теперь достаточно? Наверное, да. Во всяком случае, на какое-то время. Если собака решит опрокинуть бак, чтобы добраться до трупа, один из этих кусков может упасть и стукнуть её по голове.

Пока всё хорошо. Что дальше?

7

Когда он добирается до своего пикапа, в его голове немного проясняется, и у него возникают мысли, как поступить дальше. Он заводит двигатель, сдает назад, снова стараясь не наехать на разбитое стекло, и едет на юг. Мимо проезжает фермерский грузовик, движущийся на север. Он тянет за собой небольшой открытый прицеп, наполненный лесоматериалами. Водитель, натянув кепку до самых ушей, мрачно смотрит вперёд, не обращая на Дэнни никакого внимания. И это замечательно. Когда фермерский грузовик исчезает за подъемом, Дэнни сворачивает с дороги и едет по той стороне, по которой приехал.

На окраине Томпсона он заходит в магазин "Доллар Дженерал"⁸ и спрашивает, продаются ли у них предоплаченные мобильные телефоны — те, что в некоторых телепрограммах называют "горелками". Он никогда не покупал таких телефонов и полагает, что продавец направит его в другое место, может, в "Уолмарт" в Бельвилле, но тот указывает ему на пятую секцию. Там много разных телефонов, но "Трэкфон"⁹, похоже, самый дешевый из них, без платы за активацию и с инструкцией в комплекте.

Дэнни достает бумажник из заднего кармана, чтобы расплатиться картой "Виза", и тут же спрашивает себя, родился ли он идиотом или стал таким со временем. Он убирает кошелек, достает наличные из левого переднего кармана и расплачивается ими.

Продавец, молодой парень с угревой сыпью и небрежной бородкой, ухмыляется Дэнни и спрашивает, собирается ли тот "оторваться" в "Тиндере". Он называет Дэнни "братишкой".

⁸ "Доллар Дженерал" — американская сеть универсальных магазинов со штаб-квартирой в Гудлетсвилле, штат Теннесси

⁹ "Трэкфон" — американская телекоммуникационная компания, предоставляющая предоплаченные мобильные услуги

Дэнни понятия не имеет, о чём идёт речь, поэтому просто говорит продавцу, что ему не нужен пакет.

Молодой человек умолкает, только пробивает покупку и выдаёт чек. За дверью Дэнни выбрасывает чек в ближайшую урну. Нужно избавиться от следов этой покупки. А теперь необходимо сообщить о найденном трупе. Остальное — забота тех, кто зарабатывает расследованиями на жизнь. Чем скорее он покончит с этим делом, тем лучше. Дэнни не может просто оставить всё как есть. Рано или поздно эта собака — возможно, вместе со стаей других бродячих псов — опрокинет бак, чтобы добраться до мяса под ним, но он не может этого допустить. Там, за заброшенной станцией похоронена чья-то жена или дочь.

8

В двух милях от дороги он паркуется в небольшой зоне отдыха. Там стоят два столика для пикника и переносной биотуалет. Вот и всё. Дэнни въезжает на парковочное место, вскрывает пупырчатую упаковку, достаёт "Трэкфон" и просматривает инструкцию. Она достаточно проста, и телефон заряжен на пятьдесят процентов. Через три минуты он уже активирован и готов к использованию. Сначала Дэнни подумывает, не записать на листочек то, что он хочет сообщить, но затем решает, что в этом нет необходимости. Он будет краток, чтобы никто не смог отследить звонок.

Его первой мыслью было позвонить в полицию Бельвилля, но это в другом округе, а он знает номер экстренной службы дорожного патруля Канзаса — тот вывешен в офисе средней школы Уайлдера и в коридорах старого и нового крыла. Наверное, в школах по всему штату. Никто не говорит, что это на случай стрельбы в школе, потому что это и так понятно.

Он набирает *47. Всего через один гудок ему отвечают.

— Дорожный патруль Канзаса. У вас чрезвычайная ситуация?

— Хочу сообщить о найденном трупе. Думаю, это жертва убийства.

— Как вас зовут, сэр?

Он едва не произносит своё имя. Идиотизм.

— Тело находится за заброшенной станцией "Тексако" в городе Ганнел.

— Сэр, могу я узнать ваше имя?

— Езжайте по окружной дороге F. Доедете до подъема. Заправка на вершине.

— Сэр...

— Просто выслушайте. Тело находится за станцией, ясно? Собака погрызла руку закопанного там человека. Это женщина или, может, девушка. Я накрыл её руку мусорным баком, но собака скоро доберётся.

— Сэр, мне нужно ваше имя и место, откуда вы звоните...

— Ганнел. Окружная дорога F, примерно в трёх милях от шоссе. За станцией "Тексако". Заберите её оттуда. Пожалуйста. Кто-то будет её искать.

Он завершает звонок. Сердце бешено колотится в груди. Его лицо мокрое от пота, и рубашка тоже влажная. Он чувствует себя так, словно только что пробежал марафон, а одноразовый телефон кажется радиоактивным в его руке. Он доносит его до мусорного бака между столиками для пикника, выбрасывает, не находит это лучшей идеей, достаёт телефон оттуда, вытирает о рубашку и снова бросает в мусорный бак. Он проезжает пять миль по дороге, прежде чем вспоминает — тоже из какого-то телесериала, — что, возможно, следовало бы вынуть СИМ-карту. Чем бы она там ни была. Но теперь возвращаться он не собирается. Он не думает, что полиция может отследить звонки с одноразовых телефонов, но он не будет рисковать и возвращаться на место преступления.

"Какого преступления? Чёрт возьми, ты сообщил о преступлении, а не совершал его!"

Тем не менее, ему хочется лишь вернуться домой, сесть перед телевизором и забыть о произошедшем. У него есть приготовленный ланч, но нет аппетита.

9

Теперь, когда Дэнни покончил со своими запоями, ему нет нужды отсыпаться по выходным. В воскресенье утром он встаёт в шесть тридцать, съедает миску хлопьев и в семь включает утренний выпуск новостей на KSNB¹⁰. Главная новость на текущий час — это столкновение девяти машин на шоссе I-70 к западу от Уилсона. Ничего не говорится о трупе, найденном за заброшенной заправкой. Он уже собирается выключить телевизор, когда ведущий утренних новостей, которому для покупки пива в баре, вероятно, требуется предъявлять документы, говорит: "Только что поступило сообщение. В небольшом городке Ганнел, расположенном недалеко от границы штата Небраска, обнаружено тело, захороненное за пустующим зданием. Полиция перекрыла окружную дорогу к северу от города, и на месте происшествия ведутся следственные действия. Мы будем держать вас в курсе событий на нашем сайте и в вечерних новостях".

Несколько раз за утро Дэнни заходит на сайт телестанции, а также на сайт KAAS¹¹. В четверть часа дня на сайте KAAS появляется сорокасекундный ролик, в котором полицейские машины блокируют въезд на окружную дорогу F. К сюжету, который он видел в утреннем выпуске новостей, добавилось еще одно уточнение: тело, как сообщается, принадлежит женщине. Для Дэнни это не новость.

Он идёт через трейлерный парк к Бекки. Её девятилетняя дочка-милашка Дарла Джин крепко обнимает его. Бекки просит его съездить в "Снэк-Шэк" и купить там бургеров.

— Можешь взять мою машину, — предлагает она.

— Я тоже хочу! — восклицает Дарла Джин.

¹⁰ Телевизионная станция, расположенная в городе Йорк, штат Небраска

¹¹ Телевизионная станция, расположенная в городе Салайна, штат Канзас

— Хорошо, — разрешает Бекки, — но сначала иди и переоденься. Футболка вся грязная.

— Необязательно переодеваться, — говорит Дэнни. — Я только заеду на автораздачу.

Они покупают бургеры, картошку фри и напитки из лаймового сока и едят в тени за трейлером Бекки. Там хорошо. У Бекки растёт дерево жакаранда, которое приходится постоянно поливать. Потому что, как она говорит, "такой флоре не место в Канзасе". Она спрашивает, чем заняты его мысли, потому что ей приходится по два раза ему повторять.

— Или ты стареешь.

— Просто думаю о том, что мне предстоит сделать на следующей неделе, — говорит он.

— А может, ты думаешь о Марджи?

— Вчера с ней разговаривал, — говорит Дэнни. — У неё чуйка, что её парень сделает ей предложение.

— Ты всё ещё носишься с ней? Да?

Дэнни смеётся.

— Не думаю.

— Дэнни! — кричит Дарла Джин. — Посмотри, как я делаю двойной кувырок!

И Дэнни смотрит на неё.

10

Тем вечером на KSNB показывают репортёршу с места происшествия. Она выглядит неуверенной и растерянной — явно дополнительный сотрудник, который работает только по выходным. Она стоит перед полицейскими машинами, перегородившими окружающую дорогу F.

— После вчерашнего анонимного звонка патрульные выехали на заброшенную заправочную станцию в городе Ганнел. Они обнаружили труп неустановленной женщины, закопанной за станцией, которая... — Она заглядывает в свои записи и смахивает волосы с лица, — ...которая закрылась в 2012 году, когда шоссе 119 было расширено до четырёх полос. Дорожный патруль Канзаса пока не разглашает информацию, была ли опознана женщина. Безусловно, её личность не будет обнародована в прессе до уведомления ближайших родственников. Полиция также не сообщает, была ли она убита, но учитывая это заброшенное место... — Она пожимает плечами, как бы говоря: что ещё можно предположить? — Передаю слово тебе, Пит.

"Скоро ее опознают", — думает Дэнни. Главное, что его самого не опознали. Пусть он остается всего лишь "анонимным информатором".

"Моё доброе дело в этом году", — думает он. И кто сказал, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным?

Но затем, на всякий случай, стучит по дереву.

На протяжении всей следующей недели Пэт Грейди приходит на работу вовремя каждый день. У Дэнни зарождается робкая надежда, что Пэт усвоил урок, но ему никогда не стать таким работником, как Джесси Джексон. Как говорили старожилы, этот молодой человек знает, как трудиться на совесть.

Тем временем начинает накапливаться информация о девушке из кошмара Дэнни. Хотя её имя по-прежнему не называется, сообщается, что ей было двадцать четыре года, и она жила в Оклахома-Сити. По словам её подруги, этой безымянной девушке надоели и родители, и местный колледж, и она собиралась добраться автостопом до Лос-Анджелеса, поступить в парикмахерское училище и, может, даже подрабатывать массовой в кино и телешоу. Она добралась только до Канзаса. Тело пролежало там некоторое время — детективы не сообщали, сколько оно пролежало, но достаточно, чтобы быть "сильно разложившимся".

"И собака. Собака тоже приложила к этому лапу", — думает Дэнни.

По словам источника в полиции, ей нанесли "множество ножевых ранений". Также она подверглась сексуальному нападению, что было политкорректным способом сказать, что её изнасиловали.

А вот от концовки сюжета в вечерних новостях в четверг Дэнни становится не по себе. Репортёр с места событий явно старше женщины, работавшей в выходные, и однозначно является частью основной команды. Он стоит перед заправкой, перегородженной жёлтой полицейской лентой.

— Детективы канзасского бюро расследований активно разыскивают человека, который позвонил и сообщил о местонахождении тела. Если кому-то известна его личность, пусть выйдет на связь. Или если кто-то узнает его голос. Послушайте.

На экране появляется силуэт, которым люди иногда скрывают свои лица в социальных сетях. Затем Дэнни слышит собственный голос. Он поразительно чёткий и практически не искажён: "Тело находится за заброшенной станцией "Тексако" в городке Ганнел... Окружная дорога F, примерно в трёх милях от шоссе. За станцией "Тексако". Заберите её оттуда. Пожалуйста. Кто-то будет её искать".

Он уже начинает сожалеть, что не оставил всё как есть. Но когда вспоминает о той обглоданной руке и предплечье, торчащих из земли, то понимает, что жалеть здесь не о чем. Он выключает телевизор и обращается к пустому трейлеру:

— О чем я действительно жалею, так это о том, что мне приснился этот чёртов сон. — Он делает паузу, затем добавляет. — И надеюсь, что больше никогда такого не увижу.

В пятницу днем, когда Дэнни чистит шваброй верхние части подвесных люминесцентных ламп в главном офисе, на стоянку для преподавателей въезжает темно-синий седан. С водительской стороны выходит женщина в белой рубашке и синих брюках. Через плечо у нее висит сумочка размером с портфель. С пассажирской стороны появляется мужчина в черном спортивном пиджаке и мешковатых джинсах. Дэнни смотрит на них, пока они идут к входной двери школы, и думает: "Попался".

Он ставит швабру в угол и идет им навстречу. Единственное, что его удивляет во всём этом, — это то, что он совсем не удивлён. Как будто он ждал этого.

Он слышит приглушенную рок-музыку, доносящуюся из динамиков в спортзале. Джесси и Пэт убирают там мусор, который всегда появляется, когда трибуны откатываются и складываются вдоль стен. На следующей неделе планировалось покрыть паркет лаком — работа, от которой у Дэнни всегда начинала болеть голова. Теперь крайне интересно, будет ли он вообще здесь на следующей неделе. Убеждать себя, что это абсурд и что он ничего не сделал плохого, бессмысленно. В памяти всплывает фраза из какого-то старого ситкома: "Тебе придется объясниться"¹².

Женщина открывает наружную дверь и придерживает её для мужчины. Дэнни выходит из офиса и идет по коридору. Новоприбывшие стоят в вестибюле у витрины с трофеями и кубками, над которой висит главный школьный баннер в сине-золотых цветах. Женщине на вид лет около тридцати, ее темные волосы собраны в тугий пучок. На левой стороне её пояса висит пистолет, рукоять направлена наружу. На правой стороне — сине-желтый значок с буквами КБР¹³ посередине. Её красота строгая и сдержанная, но внимание Дэнни привлекает мужчина, хотя поначалу непонятно почему. Позже ему придет в голову мысль, что врага чувствуешь инстинктивно, когда он появляется в твоей жизни. Дэнни попытается отмахнуться от этой мысли как от чуши, но ясно помнит, что первое, что пришло ему в голову, было: "Остерегайся этого парня".

Мужчина из этого тандема старше женщины, но насколько — остается вопросом. Обычно Дэнни хорошо угадывает возраст с точностью до нескольких лет, но перед этим мужчиной пасует. Ему может быть сорок пять, а может, он уже близок к пенсии. Может, он болен, а может, просто устал. Полуостров грубых волнистых волос, в которых в равной степени перемешаны рыжий и серый цвета, спускается почти до самого лба. Волосы зачесаны назад, образуя что-то вроде огромного мыса вдовы¹⁴. По обеим сторонам его череп блестит безупречной кремовой белизной. Глаза у него темные и глубоко посаженные, под ними мешки. Черный спортивный пиджак уже протерся на локтях, видимо, его десятки раз отдавали в химчистку. На поясе мужчины тоже висит значок КБР, но пистолета он не носит. Наверное, вес пистолета мог бы стянуть эти джинсы до самых лодыжек, обнажив мешковатые семейные трусы. У него нет ни живота спереди, ни выраженных бедер по бокам, и если бы он повернулся спиной, Дэнни бы увидел, что эти джинсы обвисли на его плоской заднице, которая присуща

¹² фраза из американского телевизионного ситкома "Я люблю Люси", который транслировался в 1950-х годах. Есть мнение, что именно такой фразы там нет, то есть сработал эффект Манделы, когда у множества людей есть воспоминания, противоречащие реальным фактам

¹³ Канзасское бюро расследований

¹⁴ Мыс вдовы — линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз. Термин произошёл от английского поверья, будто такой тип линии роста волос у женщины говорит о том, что она переживёт своего мужа

многим худощавым белым мужчинам со Среднего Запада. Ему не хватает лишь кيسета с табаком "Скоал" во рту.

Полицейский делает шаг вперед, протягивая руку.

— Дэниел Кофлин? Я — инспектор Франклин Жальбер, Бюро расследований штата Канзас. Это мой напарник, инспектор Элла Дэвис.

Рука Жальбера твердая, а хватка горячая, как будто у него жар. Дэнни символически пожимает ему руку. Женщина не подаёт руку, а лишь оценивающе смотрит на него. Словно уже видит, как он исполняет печальный танец под названием "походка преступника", но не это беспокоит Дэнни так, как взгляд Жальбера. Во взгляде того есть что-то выцветшее, какая-то заезженность, как будто он видел таких, как Дэнни, тысячу раз.

— Догадываетесь, почему мы здесь? — спрашивает Элла Дэвис.

Дэнни узнает этот стиль вопросов — типа спросить мужчину, продолжает ли он бить свою жену, — на которые нет правильного ответа.

— Может, вы мне сами скажете?

Прежде чем кто-либо из них успевает ответить, дверь в конце старого крыла со скрипом открывается и с грохотом захлопывается. Это Джесси.

— Мы закончили подметать там, где были трибуны, Дэнни. Вы бы только видели, сколько... — Он замечает мужчину в выцветшем черном спортивном пиджаке и женщину в синих брюках и осекается.

— Джесси, почему бы тебе не...

Дверь снова скрипит и гремит, прежде чем Дэнни успевает закончить. На этот раз это Пэт, джинсы сидят низко на бедрах, кепка повернута назад, полностью "в теме". Он встаёт чуть позади Джесси и смотрит на новую компанию Дэнни, склонив голову на бок. Он замечает пистолет женщины, значки, и на его лице появляется легкая улыбка.

Дэнни пробует снова.

— Почему бы вам двоим не начать выходные пораньше? Я отмечу ваш уход в четыре.

— Серьезно? — спрашивает Пэт.

Джесси переспрашивает, точно ли можно уходить. Пэт легонько похлопывает его по плечу, словно говоря "не порть малину". Он всё еще улыбается, и не потому, что выходные начнутся на час раньше. Он кайфует от мысли, что у его босса могут быть проблемы с копами.

— Да, можно. Если вы оставили что-то своё в кладовой, заберите, когда будете уходить.

Они уходят. Джесси быстро оглядывается через плечо, и Дэнни тронут беспокойством, которое видит в его глазах. Когда дверь с грохотом захлопывается, он поворачивается к Жальберу и Дэвис и повторяет свой вопрос.

— Может быть, вы мне скажете?

Дэвис уклоняется от ответа.

— У нас к вам есть несколько вопросов, мистер Кофлин. Давайте проедем с нами. Полиция Маниту любезно предоставила нам комнату отдыха. Мы будем там через двадцать минут.

Дэнни качает головой.

— Я обещал этим молодым людям отметить их уход в четыре. Давайте поговорим в библиотеке.

Элла Дэвис бросает быстрый взгляд на Жальбера, который лишь пожимает плечами и улыбается, на мгновение обнажая белые зубы ("Значит, не курит "Скоал", - думает Дэнни), но такие маленькие, словно колышки. "Он их стачивает", — думает Дэнни. — "Именно так".

— По-моему, библиотека нам вполне подойдет, — говорит Жальбер.

— Это сюда.

Дэнни идет по коридору, но не ведет их за собой; Жальбер идет слева от него, Дэвис — справа. Когда они усаживаются за один из столов в библиотеке, Дэвис спрашивает Дэнни, не против ли он записи их разговора. Дэнни не возражает. Она роется в сумочке, достает телефон и кладет его на стол перед Дэнни.

— Ставлю вас в известность, — говорит она, — что вы не обязаны с нами разговаривать. У вас есть право хранить молчание. Всё, что вы скажете...

Жальбер поднимает два пальца со стола, и она сразу умолкает.

— Не думаю, что нам нужно зачитывать мистеру Кофлину... скажите, могу я вас называть Дэнни?

Дэнни пожимает плечами.

— Как вам угодно.

— Не думаю, нам нужно в данный момент зачитывать ему права. Он же их уже слышал, правда, Дэнни?

— Да, слышал. — Он хотел бы добавить, что обвинения были сняты, они с Марджи договорились, к тому времени он уже бросил пить и конфликтовать с ней. Но понимает, что Жальбер прекрасно знает об этом. Эти двое в курсе, кто сделал анонимный звонок. Они уже успели покопаться в его прошлом, уже успели выяснить, что Марджи подавала на него заявление о запрете приближаться к ней.

Они ждут, что он скажет больше. Но Дэнни молчит, тогда Дэвис роется в своей сумочке-портфеле и достает электронный планшет. Она показывает ему фотографию. Это фото "Трэкфона" в пластиковом пакете, на котором указана дата его обнаружения и имя офицера (Г. С. Лэйнг, криминалист КБР), который его нашел.

— Вы покупали этот телефон в магазине "Доллар Джeneral" на Байфилд-роуд в городе Томпсон? — спрашивает Дэвис.

Врать бессмысленно. Эта парочка покажет продавцу из "Доллар Дженерал" его фотографию, сделанную в полицейском участке во время ареста за нарушение запретительного ордера. Он вздыхает.

— Да. Наверное, мне следовало вытащить ту карту из задней части телефона.

— Это бы не помогло, — говорит Жальбер. Он не смотрит на Дэнни. Он смотрит в окно на Джесси и Пэта, который ржёт до упаду. Пэт хлопает Джесси по плечу и направляется к своей машине.

— У офицера, который принял ваш звонок, на экране высветился номер телефона и вышка сотовой связи, с которой был сигнал.

— Понятно. Я не подумал об этом, да?

— Да, Дэнни, вы действительно не подумали. — Дэвис смотрит на него серьезно, не улыбаясь, но давая понять, что улыбнётся, если он скажет больше. — Словно вы хотели, чтобы вас нашли. Вы этого хотели?

Дэнни обдумывает вопрос и приходит к выводу, что он идиотский.

— Нет. Просто не продумал всё до конца.

— Но вы признаете, что это вы звонили, верно? И сообщили о местоположении Ивонн Уикер? Так звали погибшую женщину.

— Да.

Теперь ему точно не отвертеться, и он это знает. Он не думает, что они могут арестовать его за убийство, эта мысль абсурдна, ведь самое худшее, что он сделал в своей жизни, — это стоял перед домом своей будущей (теперь бывшей) жены и орал на неё, пока она не вызвала полицию Уичито. Первые два раза они просто убедили его уйти. В третий раз — это было после того, как она получила запретительный ордер — его арестовали, и он провел ночь в окружной тюрьме.

Они ждут, что он продолжит. Дэнни скрещивает руки на груди и молчит. Ему придется объясниться, сомнений нет, но он боится этого.

— Итак, вы были на заправке "Тексако" в Ганнеле? — спрашивает Жальбер.

— Да.

— Сколько раз?

"Два раза", — думает Дэнни. — "Один раз во сне и один раз наяву".

— Один раз.

— Вы сознательно поставили мусорный бак на останки той бедной девушки, чтобы защитить её от депредации? — голос Жальбера тихий и мягкий, приглашающий к откровенности.

Дэнни не знает слова "депредация", но смысл ясен.

— Да. Там была собака. Что с ней стало?

— Её усыпили, — отвечает Элла Дэвис. — Офицеры, приехавшие на место, не смогли её отогнать и не стали ждать службу по контролю за животными из Бельвилля, так что...

Жальбер кладёт свою руку на её, нежно кладёт, и она тут же замолкает, даже немного покраснев. "Нельзя давать подозреваемому так много информации", — думает Дэнни. — "Он знает это, даже если она не знает". И снова думает: "Остерегайся этого парня".

Дэвис проводит пальцем по экрану планшета, переходя к следующей фотографии.

— У вас есть белый пикап "Тойота Тундра" 2010 года выпуска?

— Он 2011 года. Я паркуюсь сзади, у школьных автобусов. — Там они её еще не видели, но они всё знают: и марку, и модель. И он догадывается, какую следующую фотографию ему продемонстрируют. Это его пикап на стоянке у магазина "Доллар Дженерал", где он приобрёл телефон. Номерной знак четко виден.

— Камера наблюдения?

— Да. У меня есть и другие снимки с вами. Желаете ознакомиться?

Дэнни качает головой.

— Хорошо, но вот этот фотоснимок может вас заинтересовать. — На этот раз это черно-белая фотография высокого разрешения следов шин на потрескавшемся асфальте заправки "Тексако". — Когда мы сравним их с шинами вашего автомобиля, как думаете, они совпадут?

— Думаю, да. — Он даже не подумал, что мог оставить следы, хотя следовало бы. Потому что там, где заканчивается асфальт, окружная дорога F переходит в грунт. До него доходит, как можно быть чертовски беспечным и небрежным в заметании своих следов — в буквальном смысле слова, — если не совершал преступления.

Дэвис кивает.

— Кроме того, фермер по имени Делрой Фергюсон видел белый пикап, припаркованный перед той заправкой. В тот же самый день, когда вы звонили из Томпсона. Он позвонил в дорожную полицию и сообщил, что кто-то шарится в мусоре. Или делает закладки.

Дэнни вздыхает. Он мог бы поклясться, что фермер не отрывал глаз от дороги, пока тащил свой прицеп с лесоматериалами на север по пустынной окружной дороге. Он снова думает: "Я попался".

— Да, это был мой пикап, я был там, я купил телефон, я сделал звонок. Так почему бы нам не прекратить весь этот цирк? Спросите меня, почему я был там. И я расскажу. — Он думает добавить: "Хотя вы всё равно не поверите", но разве это не очевидно?

Ему кажется, что Дэвис сейчас задаст именно этот вопрос, но тут вклинивается мужчина в черном пиджаке.

— С этим телефоном приключилась забавная вещь. Он был полностью очищен от отпечатков пальцев.

— Да, это сделал я. Хотя, судя по тому, что вы говорите, вы бы всё равно его нашли.

— Да, да. С другой стороны, вы заплатили за него наличными, — говорит Жальбер, как бы между прочим. — Это было умно. Если бы не видео с камер наблюдения, нам бы потребовалось много времени, чтобы найти вас. Возможно, мы бы вас вообще не нашли.

— Я не продумал всё как следует. Я вам это уже говорил. — В библиотеке прохладно, но он начинает потеть. Щеки приобретают румяный оттенок. Он чувствует себя дураком. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, это точно.

Жальбер наблюдает, как Пэт Грейди уезжает, двигатель его машины громко ревет, а из выхлопной трубы бьет масло из-за неисправного клапана. Затем он переводит свой тусклый взгляд на Дэнни.

— Вы хотели, чтобы вас поймали, я не ошибаюсь?

— Не хотел, — отвечает Дэнни, хотя в душе сомневается. Взгляд Жальбера мощный и убедительный. "Я знаю таких, как ты", — словно говорит он. — "Я занимаюсь такими делами давно, Санни Джим¹⁵, и я знаю таких".

— Я просто не хотел объяснять, откуда узнал, что эта женщина там. Я был уверен, что мне никто поверит. Если бы у меня была возможность всё переиграть, я бы написал анонимное письмо.

Дэнни замолкает, смотрит на свои руки и кусает губу. Потом снова поднимает взгляд и говорит правду.

— Хотя нет. Я бы поступил так же. Из-за собаки. Она начала выкапывать её. И могла бы выкопать ещё больше. И, возможно, прибежали бы другие собаки, как только она вытащила бы руку и предплечье из земли. Они бы учуяли...

Он останавливается. Жальбер помогает ему.

— Тело. Бедное тело мисс Ивонн.

— Я не хотел, чтобы это произошло. — Он всё ещё привыкает к её имени. Ивонн. Красивое имя.

Элла Дэвис смотрит на него, как на нездорового человека, но мутный взгляд Жальбера остаётся неизменным. Он произносит:

— Так расскажите нам. Как вы узнали, что она там?

И тогда Дэнни рассказывает им про сон. Про табличку с пошлой надписью, про луну, про "тинка-тинка-тинка" ценников, стучащих по столбу. Он рассказывает им, как его ноги несли его вперёд сами по себе. Рассказывает им о руке, браслете с подвесками, собаке. Он рассказывает им всё, но не может передать ясность и чёткость сна, его реальность.

— Я думал, что сон просто растает и исчезнет, как большинство снов после пробуждения. Но с этим было не так. И, в конце концов, я поехал туда, потому что хотел убедиться, что это просто

¹⁵ Санни Джим — фамильярное или покровительственное обращение к мужчине, особенно во время упрёка или исправления

какой-то сумасшедший фильм в моей голове. Только... она была там. И собака была там. Поэтому я и позвонил.

Они молчат, глядя на него. Обдумывают его слова. Элла Дэвис не произносит вслух: "Вы в самом деле думаете, что мы в это поверим?" Ей и не нужно это произносить. Её лицо говорит за неё.

Молчание затягивается. Дэнни понимает, что он должен его как-то прервать, должен попытаться убедить их, рассказав больше подробностей. Он должен болтать без остановки. Но он молчит. Это требует усилий.

Жальбер улыбается. Это поразительно, потому что улыбка добрая. Тёплая. За исключением глаз. Они остаются неизменными. Как человек, произносящий великую истину, он восклицает:

— Ты — экстрасенс! Как мисс Клео!¹⁶

Дэвис закатывает глаза.

Дэнни качает головой.

— Я не экстрасенс.

— Нет, ты — экстрасенс! Клянусь Богом! Трижды! Бьюсь об заклад, ты помогал полиции в других расследованиях, как Нэнси Вебер или Питер Гуркос. Возможно, ты даже читаешь мысли людей! — Он постукивает по впалому виску, где пульсирует клубок маленьких голубых вен.

Дэнни улыбается и указывает на Эллу Дэвис.

— Я не знаю ни Нэнси Вебер, ни Питера Гуркоса, но могу прочесть её мысли. Что я — полное дерьмо.

Дэвис улыбается в ответ, но в её улыбке нет ни веселья, ни радости.

— Точно.

Дэнни поворачивается к Жальберу.

— Я никогда раньше не помогал полиции. До этого случая, я имею в виду.

— Нет?

— У меня никогда не было таких снов.

— Никаких экстрасенсорных вспышек вообще? Может, предупреждал друга, что на ступенях лестницы в подвале что-то лежит, так что будь осторожен, а то кто-нибудь навернётся?

— Нет.

— Или, ради всего святого, не выходи из дома 12 мая? Двенадцатого?

— Нет.

¹⁶ Настоящее имя — Юри Делл Харрис. Популярная в 90-е годы американская телеведущая и экстрасенс

— Или пропавшее кольцо лежит на верхушке шкафчика в ванной?

— Нет.

— Всего один раз! — Жальбер пытается изобразить удивление. Но в его глазах нет изумления. Они ползают туда-сюда по лицу Дэнни. Они почти весят. — Один!

— Да.

Жальбер качает головой — демонстрируя ещё большее изумление — и смотрит на свою напарницу.

— Что будем делать с этим парнем?

— Может, арестуем его за убийство Ивонн Уикер, как тебе такой план?

— Да бросьте! Это же я сообщил, где находится тело. Если бы я убил её, зачем мне так делать?

— Ради известности? — С презрением выплюнула она эти слова. — Как насчет этого? Пироманы постоянно так поступают. Поджигают, сообщают о пожаре, борются с огнем, и их фотографии попадают в газеты.

Внезапно Жальбер наклоняется вперед и хватается Дэнни за руку. Его прикосновение неприятно — такое сухое и горячее. Дэнни пытается вырваться, но хватка Жальбера крепка.

— Ты клянешься? — шепчет он доверительно. — Клянешься ли ты, клянешься, клянешься — трижды, один и еще два, — что ты не убивал мисс Ивонн Уикер?

— Да! — Дэнни вырывает руку. Вначале ему было неловко и боязно, теперь же он перепуган. Ему приходит в голову, что Франклин Жальбер вполне может быть психом. Скорее всего, это притворство, а если нет? — Мне приснилось, где было её тело, вот и всё!

— Знаете что, — говорит Элла Дэвис, — за свою жизнь я слышала немало нелепых оправданий, но это побило все рекорды. Оно даже круче, чем "собака съела мою домашнюю работу".

Тем временем Жальбер качает головой и выглядит печально... но его глаза не меняются. Они продолжают ползать по лицу Дэнни. Туда-сюда.

— Элла, я думаю, нам нужно снять обвинения с этого человека.

— Но он знал, где находится тело!

"Они работают по сценарию, разыгрывают тут представление", — думает Дэнни. — "Будь они прокляты, если это не так".

Жальбер продолжает качать головой.

— Нет... нет... мы должны снять с него обвинения. Нам нужно снять обвинения с этого одноразового ясновидящего уборщика.

— Я — завхоз! — восклицает Дэнни и тут же чувствует себя глупо.

— Прошу прощения, этого одноразового ясновидящего завхоза. Мы можем это сделать, потому что человек, который изнасиловал мисс Ивонн, не использовал презерватив, и у нас теперь золотая жила ДНК. Не возражаешь, если мы возьмем у тебя мазок, Дэнни? Чтобы вычеркнуть тебя из нашего расследования? Без напряжения, без боли, просто ватной палочкой по внутренней стороне щеки. Устраивает?

Дэнни не осознает, насколько прямо и напряженно он сидел, пока не принимает более удобную позу на стуле.

— Да! Давайте!

Элла тут же снова ныряет в свою сумку. Она — хорошая девочка-скаут, которая всегда готова. Она достает пачку ватных палочек. Дэнни смотрит на Жальбера и видит — возможно — на его лице мимолетное разочарование. Дэнни не может знать точно, но ему кажется, что Жальбер блефовал.

— Откройте рот пошире, мистер ясновидящий завхоз, — говорит Дэвис.

Дэнни открывает рот, и Дэвис берет мазок с внутренней стороны его щеки. Она с удовлетворением смотрит на ватную палочку, прежде чем поместить её в контейнер.

— Клетки расскажут, — говорит она. — Они всегда всё рассказывают.

— Эвакуатор прибыл, — говорит Жальбер.

Дэнни выглядывает в окно и видит, как на парковку заезжает платформенный тягач. Элла Дэвис смотрит на Жальбера. Он кивает, и она снова ныряет в свою сумку. Затем достает два тонких листочка бумаги, скрепленных скрепками.

— У нас тут ордера на обыск. Один на вашу машину и один на ваш дом по адресу... — Она сверяется с одним из листочков. — Оук-Драйв, 919. Желаете ознакомиться с ними?

Дэнни качает головой. Чего ещё он должен был ожидать?

Жальбер говорит:

— Выйди и скажи им, что его пикап стоит сзади школы. Сними на видео, как они грузят его на платформу, чтобы наш завхоз потом не заявил, что мы что-то подбросили.

Она берет телефон и встает, но на её лицо ложится тень сомнения. Жальбер дарит ей улыбку, демонстрируя свои крошечные зубы, и машет рукой в сторону двери.

— У нас всё будет хорошо, правда, Дэнни?

— Как скажете.

— Ключи? — спрашивает она.

— Под сиденьем. — Он щёлкает связкой ключей на поясе. — У меня и так достаточно здесь ключей, не хочу добавлять еще. Пикап не заперт. — На этот раз телефон у него с собой, а не в машине.

Она кивает и выходит. Когда дверь закрывается, Жальбер говорит:

— Эта платформа отвезет твой пикап в Грейт-Бенд, где его осмотрят от бампера до выхлопной трубы. Как думаешь, найдем ли мы что-нибудь, принадлежавшее мисс Ивонн?

— Только если вы подбросите.

— Один из её волосков? Один-единственный светлый волос?

— Только если...

— Только если мы подбросим, понял. Дэнни, мы всё-таки прокатимся, но не в полицию Маниту. А к тебе домой. Просто из любопытства, растут ли дубы в трейлерном парке "Оук-Гроув"¹⁷? Четыре или пять? А может, только три?

— Ни одного.

— Я так и знал. Там будут копы и криминалисты. Ключ от твоего дома в машине?

— Да, но дверь не заперта.

Жальбер поднимает брови, такого же рыжего цвета с серыми прядями, что и его мыс вдовы.

— Такая доверчивая душа?

— На ночь я запираюсь. А днем... — Дэнни пожимает плечами. — У меня нечего красть.

— Живешь налегке, да? Не только ясновидящий, но и последователь Торо¹⁸!

Дэнни не знает, кто это такой, как не знает, что такое "Тиндер". Он догадывается, что Жальбер в курсе этого. Его глаза ползают и ползают. Дэнни понимает, почему взгляд этого человека показался ему мутным. В его глазах нет ни блеска, ни искорки, только какая-то алчность. "Он как белый шум", — думает Дэнни. Странная мысль, но в чем-то правильная. Он задается вопросом, видит ли Жальбер сны.

— У меня есть к тебе вопрос, Дэнни, который я уже задавал, и ты на него ответил, но на этот раз я для начала зачитаю тебе твои права. Ты имеешь право хранить молчание. Если ты решишь поговорить со мной — ты не обязан, но если захочешь, — то всё, что ты скажешь, может быть использовано против тебя в суде. Ты имеешь право на адвоката. Если ты не можешь позволить себе адвоката, он будет предоставлен тебе бесплатно. — Он делает паузу. Появляются маленькие белые зубья-колышки. — Уверен, тебе это знакомо.

— Да. — Дэнни думает, что когда они с Жальбером подъедут к его трейлеру, там уже будут копы. Те жители трейлерного парка, кто не на работе, увидят это и разнесут: полиция обыскивала трейлер Дэнни Кофлина. К вечеру эта новость разлетится по всему "Оук-Гроув".

— Ты понял свои права?

— Да. Но вы не записываете. Она забрала телефон.

¹⁷ "Оук-Гроув" переводится как "Дубовая роща"

¹⁸ Генри Дэвид Торо — американский писатель, философ, публицист, натуралист и поэт

— Это неважно. Это только между нами. — Жальбер встает и наклоняется вперед, сложив пальцы на библиотечном столе, его глаза снова изучают лицо Дэнни. — Давай еще разок. Ты убил Ивонн Уикер?

— Нет.

Впервые улыбка Жальбера выглядит настоящей. Тихим, почти ласковым голосом он говорит:

— А мне кажется, что ты убил её. Я знаю, что ты её убил. Точно не хочешь об этом поговорить?

Дэнни смотрит на часы.

— Чего я хочу, так это отметить время ухода с работы тех двоих ребят. И своё тоже.

13

На "Оук-Гроув" происходит именно то, чего и ожидал Дэнни. Перед его трейлером припарковались две полицейские машины и белый фургон криминалистов. С полдюжины соседей-зевак стоят и наблюдают за происходящим. Там же находится Элла Дэвис вместе с четырьмя полицейскими в форме и двумя криминалистами, одетыми в белые костюмы, перчатки и бахилы. Дэнни предполагает, что она добралась до трейлерного парка на эвакуаторе, который тащил его пикап, так что соседи это тоже видели. Мило. Радует только то, что здесь нет Бекки. По понедельникам, средам и пятницам она подрабатывает в прачечной Фредди. Дарла Джин рисует или читает книгу, пока Бекки опустошает стиральные и сушильные машины, выдает клиентам сдачу и складывает одежду.

"Но она узнает", — думает Дэнни. — "Кто-нибудь обязательно поспешит ей рассказать. Наверняка, болтушка Синтия Бэбсон".

Хотя его трейлер не заперт, они дожидаются Жальбера. Дэвис подходит к машине. Когда Дэнни выходит из переднего сиденья, а не заднего, она хмуро смотрит на Жальбера, который лишь пожимает плечами.

Она спрашивает:

— Мы найдем там какое-нибудь оружие, мистер Кофлин?

Значит, "Дэнни" больше нет, и она произносит слова достаточно громко, чтобы зеваки услышали. Хочет ли она, чтобы они узнали, что Дэнни Кофлин подозревается в чем-то серьезном? Конечно же, хочет.

— Полуавтоматическое оружие 38-го калибра в прикроватной тумбочке. Кольт Коммандер. — Он хотел было добавить, что имеет полное право на оружие для самообороны, что у него никогда не было судимости, но держит рот на замке. Он видит Билла Дамфриса, стоящего у своего трейлера: мускулистые руки скрещены на груди, выражение лица нейтральное. Дэнни решает, что нужно поговорить с Биллом, когда появится возможность.

— Заряжен?

— Да.

— Мы найдем какие-нибудь наркотики, шприцы и подобное?

— Только аспирин.

Она кивает криминалистам. Те заходят внутрь, неся свои чемоданы. Полицейский с видеокамерой следует за ними. На нём бахилы и нитриловые перчатки, но нет защитного костюма.

— Можно мне войти? — спрашивает Дэнни.

Дэвис качает головой.

— Пусть стоит в дверях и смотрит, — говорит Жальбер. — Вреда от этого не будет.

Дэвис снова бросает на Жальбера хмурый взгляд, но Дэнни убеждён, что они уже неоднократно разыгрывали этот спектакль. Не "хороший полицейский — плохой полицейский", а "агрессивный полицейский — нейтральный полицейский". Вот только Дэнни сомневается, что Жальбер нейтрален. Да и Дэвис тоже.

Дэнни поднимается по ступенькам, которые сделаны из бетонных блоков. Даже после трех лет проживания здесь он продолжает считать свой трейлер в "Оук-Гроув" временным пристанищем, но по обеим сторонам ступенек растут цветы. Он дал Бекки деньги на покупку семян, и они вместе с Дарлой Джин их посадили.

Он стоит в дверях и смотрит, как криминалисты роются в его личном пространстве, открывая ящики и шкафчики. Они заглядывают в холодильник, духовку, микроволновку на столешнице. Это его жутко бесит. Он не перестаёт думать: "Вот что получаешь, когда пытаешься помочь, вот что получаешь".

Сзади него Жальбер произносит тихо:

— Они дадут тебе квитанции за те вещи, которые возьмут на экспертизу.

Дэнни вздрагивает. Он не слышал, как подошел Жальбер. Бесшумный сукин сын.

В итоге они забирают только его пистолет и мясницкий нож. Один из криминалистов кладет их в пакет, а другой фотографирует — видеозаписи, видимо, недостаточно. У Дэнни также есть три ножа для стейков, но их не забирают. Наверное, их зазубренные лезвия не совпадают с ранами, найденными на теле Ивонн Уикер.

Дэнни спускается по ступенькам. Дэвис и Жальбер о чем-то шепчутся. Она что-то бормочет Жальберу, который слушает, не сводя глаз с Дэнни. Жальбер кивает, что-то бормочет в ответ, и они идут к Дэнни. Куча любопытных глаз наблюдают за ними. Визиты полиции не редкость в этом трейлерном парке, но к Дэнни пришли впервые.

Элла Дэвис говорит небрежным тоном, как бы мимоходом:

— Ты убивал других, Дэнни? И это преступление стало для тебя перебором? Ты позвонил из-за чувства вины, а не ради публичности? Девушка Уикер стала последней каплей?

Глядя ей прямо в глаза, Дэнни отвечает:

— Я никого не убивал.

Дэвис улыбается.

— Завтра тебе нужно будет подойти в полицейский участок Маниту. У нас еще остались вопросы. Как насчет десяти часов?

"Именно так я и хотел провести субботнее утро", — думает Дэнни.

— Что, если я откажусь?

Она округляет глаза.

— Ну, это будет твое решение. Пока, во всяком случае. Но если ты ничего не сделал, кроме как сообщил о трупe, я бы на твоём месте захотела всё прояснить.

— Закрывать окончательно тему и умыть руки, — говорит Жальбер и для демонстрации стряхивает руки. — В десять часов, хорошо?

— Если вы не заметили, ваши парни забрали мой пикап.

— Мы приехали за тобой машину, — обещает Жальбер.

— Может, мне взять машину напрокат в "Баджит" и отправить вам счет?

— Удачи в получении оплаты, — говорит Жальбер. — Бюрократия. — Его зубья мерцают и исчезают. — Но можешь попробовать.

Дэвис говорит:

— Будь поблизости сегодня вечером. Ты можешь уехать из города, но не из округа. — Она улыбается. — Мы будем присматривать.

— Не сомневаюсь. — Дэнни колеблется на мгновение, затем говорит. — Если вы так относитесь к тем, кто вам помогает, то я даже не хочу знать, как вы относитесь к тем, кто вам вредит.

— Мы знаем...

Дэнни всё достало.

— Вы ничего не знаете, инспектор Дэвис. А теперь убирайтесь. Оба.

Она сохраняет олимпийское спокойствие, просто расстегивает молнию в боковом кармане своей сумочки и протягивает ему карточку.

— Это мой сотовый. Я на связи и днем, и ночью. Позвони мне, если решишь отказаться от разговора завтра утром. Но я бы не советовала.

Она и Жальбер садятся в темно-синий седан и едут к выезду из трейлерного парка мимо таблички с надписью "ЕЗЖАЙТЕ МЕДЛЕННО, МЫ ЛЮБИМ НАШИХ ДЕТЕЙ".

Дэнни подходит к Биллу Дамфрису.

— Что это было, черт возьми? — спрашивает Билл.

— Если двумя словами, то я нашёл тело убитой девушки в небольшом городке к северу отсюда. Ганнел. Попытался анонимно сообщить об этом. Они вычислили меня. Теперь думают, что я её убил.

— Господи Иисусе, — говорит Билл и качает головой. — Копы!

Возможно, сомнение, которое Дэнни видит в глазах Билла, — лишь его воображение, но Дэнни это не волнует. Билл ушел на пенсию из "Дамфрис Контрактинг" три года назад, и если кто-то в "Оук-Гроув" знает адвоката в этом районе, то это Билл. Он спрашивает, Билл проверяет свой телефон, и имя адвоката с его номером появляются в "Контактах" Дэнни даже до того, как темно-синий седан выезжает на шоссе.

— Удивительно, что они не забрали мой телефон, — говорит Дэнни. — Если бы я оставил его в бардачке машины, как обычно, они бы его забрали.

Билл отвечает, что, скорее всего, им бы понадобился для этого отдельный ордер, а затем добавляет:

— Они могут потребовать телефон завтра. Если у тебя там есть что-то, что ты не хочешь им показывать, я бы удалил.

— У меня там нет ничего такого, — произносит Дэнни слишком громко. Люди всё еще смотрят на него, а дверь его трейлера осталась открытой. Он чувствует себя оскорбленным и оскверненным и пытается убедить себя, что это глупо, но скверное чувство не проходит. Потому что это не глупо.

— Билли! — Кричит миссис Дамфрис, стоя в дверях их двухместного трейлера, самого шикарного в парке. — Иди сюда, ужин стынет!

Билл не оборачивается, но быстро показывает Дэнни большой палец вверх. Это лучше, чем ничего.

14

В закрытом трейлере Дэнни внезапно охватывает дрожь, и ему приходится сесть. Это первый такой случай с тех пор, как он бросил пить. В те времена пьянства его трясло по утрам, пока он не выпивал чашку кофе. И принимал аспирин. И, конечно, его трясло, когда он очнулся в тюремной камере в Уичито, где не было ни кофе, ни аспирина, чтобы избавиться от дрожи. Именно тогда он решил, что пора завязывать с алкоголем, иначе он попадет в еще более крупные неприятности. И вот он бросил, и взгляните теперь, в каком дерьме он оказался. Не делай добра — не получишь зла, и так далее.

Он не утруждает себя приготовлением кофе, но в холодильнике находится упаковка "Пепси". Он выпивает одну банку залпом, громко отрыгивает, и дрожь начинает стихать. Адвоката зовут Эдгар Болл, он местный. Дэнни не рассчитывает дозвониться до Болла — уже за 5 вечера пятницы, — но автоответчик даёт ему номер для срочных случаев. Дэнни звонит по нему.

— Алло?

— Это Эдгар Болл? Адвокат?

— Да, это я, и я как раз собираюсь с женой на ужин в ресторан "Счастливым Джек". Поэтому, пожалуйста, покороче.

— Меня зовут Дэниел Кофлин. Думаю, полиция считает, что я убил девушку. — Он переформулирует. — Нет, я знаю, что они так считают. Но я не убивал её, просто сообщил им, где находится труп. Завтра я должен прийти на допрос в полицейский участок Маниту.

— Полиция Маниту хочет...

— Не они, а КБР. Они просто используют комнату в участке Маниту для допроса. Они дали мне ночь на раздумья, но, думаю, завтра утром они могут меня арестовать. Мне нужен адвокат. Ваш телефон дал мне Билл Дамфрис.

На заднем фоне женщина что-то кричит. Болл отвечает ей, что освободится в мгновение ока. Потом, обращаясь к Дэнни:

— Я — адвокат по недвижимости, Билл вам сказал об этом? Я не вёл уголовных дел с тех пор, как открыл свою практику, и даже тогда это были в основном дела о вождении в нетрезвом виде и мелких кражах.

— Я не знаю других...

— Во сколько ваш допрос?

— Они ждут меня в десять.

— В полицейском участке Маниту на Рэмпарт-стрит.

— Так точно.

— Я буду представлять вас на допросе, это я могу сделать.

— Спа...

— Если они не закроют это дело, я порекомендую вам адвоката, который занимается уголовными делами.

Дэнни начинает благодарить его еще раз и хочет попросить Болла подвезти его до полицейского участка, но Болл уже повесил трубку.

Это не так много, но хоть что-то. Он звонит Бекки.

— Привет, Бек, — говорит он, когда она отвечает. — У меня тут небольшая проблема, и я подумал...

— Я знаю о твоей небольшой проблеме, — перебивает Бекки. — И она мне не кажется такой уж небольшой. Я только что разговаривала по телефону с Синтией Бэбсон.

"Конечно же, ты разговаривала с ней", — думает Дэнни.

— Она говорит, копы считают, что ты убил ту девушку, которую нашли на севере.

Она замолкает, ожидая, что он сейчас начнёт оправдываться, говоря, что всё это нелепость, но он не будет этого делать. Она знает его уже три года, они спят вместе раз в неделю, иногда два, он забирает ее дочь со школы, и он не будет этого делать, и точка.

Вместо этого он произносит:

— Завтра я должен поговорить с ними, с этими двумя следователями из КБР, и я подумал, можно ли взять твою машину. Они забрали мой пикап в Грейт-Бенд, и я не знаю, когда его вернут.

Наступает долгая пауза, затем Бекки говорит:

— Я собиралась завтра отвезти Дарлу Джин в Зал славы Хай-Бэнкс. Ты же знаешь, как она обожает эти смешные машинки.

Дэнни знает это место, хотя никогда там не был. А еще он знает, что Дарла Джин не проявляла ни малейшего интереса к куче карликовых гоночных машин, по крайней мере, не говорила ему об этом. Вот если бы это был музей кукол, тогда другое дело.

— Ладно. Без проблем.

— Ты же не имеешь к этой девушке никакого отношения, правда, Дэнни?

Он вздыхает.

— Не имею, Бек. Я просто знал, где она была, вот и всё.

— Как? Откуда ты узнал?

— Мне это приснилось.

Она загорается.

— Как Летиции в "Инсайд Вью"¹⁹?

— Да. Прямо как ей. Мне пора, Бекки.

— Береги себя, Дэнни.

— И ты тоже, Бек.

"По крайней мере, она поверила мне насчет сна", — думает он. С другой стороны, Бекки, похоже, верит всему, о чём читает в своем любимом таблоиде из супермаркета, включая истории о том, как призрак королевы Елизаветы завладел замком Балморал и о разумных муравьеподобных людях, живущих в глубине тропических лесов Амазонки.

¹⁹ "Инсайд Вью" — вымышленный таблоид, который часто фигурирует в произведениях С.Кинга, например, в "Мертвой зоне" или "Летающем в ночи"

Элла Дэвис подвозит своего напарника к гостинице в Лайонсе и паркуется под навесом. Жальбер забирает свой старый потрепанный портфель — неизменный спутник двадцати с лишним лет расследований, охвативших Канзас вдоль и поперёк, — и говорит ей, что будет в полицейском участке Маниту завтра к девяти утра. Нет необходимости заезжать за ним, он поедет на своей машине. Они могут ещё раз обсудить план атакующих действий до приезда Кофлина. Сама Дэвис отправляется в Грейт-Бенд, где остановится у своей сестры. Скоро там намечается большая вечеринка по случаю дня рождения. Дочери Эллы исполняется восемь лет.

— У нас достаточно улики, чтобы арестовать его, Фрэнк?

— Посмотрим, что найдут криминалисты в его машине.

— Но у тебя же нет сомнений, что это сделал он?

— Ни капли. Будь осторожна на дороге, Элла.

Она уезжает. Жальбер машет ей рукой и, похлопав свой "Шеви Каприс", направляется в номер. Как и его портфель, "Каприс" сопровождал его во многих делах от Канзас-Сити на одном конце штата до Скотт-Сити на другом.

У него двухкомнатный номер, далекий от роскошного, то, что называют "канзасской простотой". Здесь пахнет дезинфицирующим средством и слегка плесенью. Туалет имеет свойство кудахтать после смыва, если не похлопать по ручке несколько раз. Кондиционер слегка дребезжит. Он бывал в местах и получше, но бывал и в гораздо худших. Жальбер бросает портфель на кровать и открывает кодовый замок. Достает папку с надписью УИКЕР на вкладке. Проверяет, чтобы шторы были плотно задернуты. Накидывает цепочку на дверь и поворачивает замок. Затем раздевается донага, складывая каждый предмет одежды поверх портфеля. Садится на стул у двери.

— Один.

Он перемещается к стулу у крошечного (почти бесполезного) стола и садится на него.

— Один плюс два, добавить три будет шесть.

Идет к кровати и садится рядом с портфелем и сложенной одеждой.

— Один, два, три, четыре, пять и шесть дают двадцать один.

Идет в ванную и садится на закрытую крышку унитаза. Пластик холодит его худые ягодицы.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и десять — это пятьдесят пять.

Возвращается к первому стулу — его худой пенис раскачивается, как маятник — и садится.

— Теперь добавить одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать и пятнадцать получится сто двадцать.

К своему удовлетворению он делает еще один полный круг. Иногда ему приходится делать десять или двадцать кругов, прежде чем его разум скажет, что этого достаточно. Он, наконец, позволяет себе помочиться, терпев долгое время, затем моет руки, считая до семнадцати. Он

понятия не имеет, почему число семнадцать идеально для мытья рук, просто это так. Для чистки зубов это число тоже подходит. Для мытья волос хорошо число двадцать пять, и так было заведено с его подростковых лет.

Он достает из-под кровати чемодан и надевает свежую одежду. Та, которую он снял и сложил, отправляется в чемодан. Чемодан возвращается под кровать. Встав на колени, он произносит:

— Господи, по Твоей воле я служу народу Канзаса. Завтра, если на то будет Твоя воля, я арестую человека, убившего бедную мисс Ивонн.

Он кладёт папку на стул у бесполезного стола и открывает файл. Смотрит на фотографии мисс Ивонн, пролистывая их пять раз (числа от одного до пяти, сложенные вместе, дают пятнадцать). На неё страшно смотреть; это ужасно, ужасно. Эти фотографии разобьют самое каменное сердце. Что его особенно цепляет, так это браслет с подвесками – на вид некоторые подвески отсутствуют – и грязь в ее волосах. Бедная мисс Ивонн! Двадцатилетняя, изнасилованная и убитая! Через какую боль она должна была пройти! Через какой страх! Пастор Жальбера утверждает, что все земные ужасы и боли стираются в небесных радостях. Это красивая идея, но Жальбер в ней не уверен. По его мнению, некоторые травмы могут пережить даже смерть. Ужасная мысль, но она ему кажется верной.

Он смотрит на отчет патологоанатома, который добавляет проблем. В отчете говорится, что мисс Ивонн пролежала в пропитанной моторным маслом земле не менее десяти дней, плюс-минус, прежде чем ее тело было эксгумировано дорожным патрулем, поэтому невозможно точно определить, когда именно она была убита. Кофлин мог закопать ее за заброшенной заправкой сразу после убийства, а мог держать тело какое-то время, возможно, потому что не мог решить, как от него избавиться, возможно, по каким-то своим психическим причинам. Без более точного времени смерти Кофлину не нужно иметь алиби; он как движущаяся цель.

— С другой стороны, – произносит Жальбер, ни к кому не обращаясь, – он хотел, чтобы его поймали. Вот почему он объявился. Он как девушка, которая устами говорит "нет-нет", а глазами "да-да". — Хотя такую аналогию он никому бы не рискнул привести, и особенно Элле Дэвис. Не в эту эру #ВеримЖенщине²⁰.

"Я верю в мисс Ивонн", – думает он.

Он недоволен тем, что у них так мало улик, и думает о том, чтобы снова поупражняться со стульями, но передумывает. Вместо этого он идет в "Снэк-Шэк" за чизбургером и коктейлем. Он считает свои шаги и складывает их. Это не так хорошо, как со стульями, но вполне успокаивает. Он сидит в своем номере с "канзасской простотой", который забудет, как только выедет отсюда, как забыл многие другие временные пристанища. Ест свой бургер. Пьет коктейль, пока соломинка не хрустит на дне стакана. Он вспоминает о том, как Кофлин рассказал про свой сон о местонахождении мисс Ивонн. Это та самая часть Кофлина, которая хочет сознаться в преступлении. Завтра он сознается, и тогда с ним будет покончено.

²⁰ американский политический лозунг, возникший в результате движения #ЯТоже

Дэнни смотрит что-то по "Нетфликсу", особо не вникая в происходящее, когда звонит его телефон. Он смотрит на экран, видит, что это Бекки, и думает, что она передумала и теперь готова одолжить ему машину. Однако, это не так. Она говорит ему, что им лучше на какое-то время остыть и держаться на расстоянии. Только до тех пор, пока полиция не снимет с него подозрений по делу Уикер, как, конечно же, и будет.

— Видишь ли, в чём дело, Дэнни. Энди говорит, что собирается подать на меня в суд... как это там называется... подать иск об опеке над Дарлой Джин. И если его адвокат скажет, что я проводила время с кем-то, кого подозревают в... ну, ты понимаешь, в убийстве той девушки... возможно, он сможет убедить судью.

— Серьезно, Бек? Ты же говорила, что он на полгода просрочил выплату алиментов? Не думаю, что судья охотно передаст Дарлу Джин безответственному отцу, как считаешь?

— Я знаю, но... Дэнни, пожалуйста, пойми... если у него будет Дарла Джин, ему не придётся платить алименты. На самом деле... я точно не знаю, как всё это работает, но, возможно, мне придется платить ему.

— Когда он последний раз забирал Дарлу Джин хотя бы на выходные?

У неё есть ответ и на это, ещё более бредовый, и он сам не понимает, зачем продолжает настаивать. Это никогда не было настоящей любовью, просто договоренность между двумя одинокими людьми, живущими в трейлерном парке и вступающими в средний возраст. Она хочет отстраниться? Ладно. Но он будет скучать по Дарле Джин, которая помогала ему сажать цветы, чтобы хоть немного украсить ступеньки из бетонных блоков. Дарла Джин — милая девочка, и...

Мысль молнией пронзает ему голову. Неприятная, правдоподобная, неприятно правдоподобная мысль.

— Бекки, ты боишься, что я могу сделать что-то плохое с Дарлой Джин? Буду помогать её или что-то в этом роде? В этом всё дело?

— Нет, конечно, нет!

Но он слышит опасения в её голосе или думает, что слышит, что в общем-то одно и то же.

— Пока, Бек.

— Дэнни...

Он прекращает разговор, садится и смотрит в телевизор, где какой-то дурачок говорит какой-то дурёхе, что всё очень сложно и запутанно.

— А кому сейчас легко? — говорит Дэнни и отправляет сериал в небытие. Он сидит, смотрит на пустой экран телевизора и думает: "Я не буду жалеть себя. Я просто облажался, сообщив о трупе, но я не буду жалеть себя".

Затем он вспоминает глаза Жальбера, которые буквально ползали по его лицу.

— Остерегайся его, — произносит он. Впервые за два года он ловит себя на желании выпить пива.

17

Жальбер лежит в своей постели, вытянувшись, как струна, слушает, как за окном дует ветер прерий, и думает о завтрашнем допросе. Он не хочет о нём думать, ему нужно выспаться, чтобы утром быть свежим и бодрым. Кофлин — вот кто должен лежать без сна этой ночью, ворочаясь и вертясь.

Но иногда невозможно заглушить поток мыслей.

Он спускает ноги с кровати, хватает телефон и звонит Джорджу Гибсону, который последние семь лет возглавляет отдел криминалистики КБР. Гибсон прилетел из Уичито, как только судья подписал ордера на обыск, и немедленно приступил к работе, как только пикап Кофлина был ему доставлен. Звонить ему — ошибка, Гибсон сам позвонит, если что-то обнаружит, но Жальбер ничего не может с собой поделаться. Иногда — как сейчас, например — он понимает, что чувствуют наркоманы.

— Джордж, это Фрэнк. У тебя есть что-нибудь? Какие-нибудь признаки того, что девушка была в его машине?

— Пока ничего, — отвечает Гибсон, — но мы продолжаем работать.

— Я оставлю телефон включённым. Позвони мне, если найдешь что-то определенное. Неважно, как будет поздно.

— Обязательно. Теперь я могу вернуться к работе?

— Да. Прости. Просто... мы работаем ради неё, Джордж. Ради мисс Ивонн. Мы её...

— Защитники. Спасибо, что напомнил.

— Извини. Извини. Возвращайся к работе.

Жальбер заканчивает разговор и ложится. Он начинает считать и складывать. Один и два — три, ещё три — шесть, ещё четыре — десять, ещё пять — пятнадцать. Когда он доходит до семнадцати — это сто пятьдесят три, он наконец-то начинает расслабляться. А когда он доходит до двадцати восьми — это четыреста шесть, то погружается в сон.

18

В два часа ночи его будит телефон. Это Гибсон.

— Сообщи мне хорошие новости, Джордж.

— Сообщил бы, если бы мог, — Гибсон устал и измотан. — Машина чиста. Я поеду домой, пока ещё могу держаться на ногах.

Жальбер сидит в кровати, выпрямившись.

— Совсем ничего? Ты шутишь?

— Я не шучу после полуночи.

— Ты поднимал её на подъёмник? Проверил днище?

— Не учи рыбака ловить рыбу, Фрэнк.

Гибсон явно на грани того, чтобы выйти из себя. Жальбер должен остановиться. Он не может остановиться.

— Он её помыл, да? Сукин сын помыл её и, наверное, начисто вылизал.

— В последнее время не мыл. Там полно грязи с его поездки в Ганнел. Следов отбеливателя в кабине и багажнике тоже нет.

Жальбер ожидал большего. Он ожидал, что что-нибудь найдут. Он был уверен в этом.

Гибсон продолжает:

— Найти отпечатки пальцев, волосы, предмет её одежды... это было бы идеально, золотой стандарт, как говорится, но это не значит, что её там не было. Либо он сделал превосходную уборку, либо...

— Либо её вообще не было в этом пикапе, — у Жальбера начинает болеть голова, и снова заснуть, скорее всего, уже не получится. — Он мог использовать другую машину для её перевозки. У него есть подруга в том трейлерном парке. Может, он воспользовался её машиной. Если он не признается, нам, возможно, придётся...

— Есть и третий вариант, — говорит Гибсон.

— Какой? — резко спрашивает Жальбер.

— Он невиновен.

Несколько секунд Жальбер ошеломлённо молчит. Потом начинает хохотать.

19

Когда на следующее утро Жальбер приезжает в полицейский участок Маниту — в свежих джинсах, свежей рубашке и всё в том же счастливом чёрном пиджаке, — он видит, что Элла Дэвис ждёт его на крыльце и курит. Заметив его, она бросает сигарету и давит окурки. Она думает сказать ему про его усталый вид, но отказывается от этой идеи и вместо этого спрашивает, что он узнал о машине Кофлина.

— Чиста, — отвечает Жальбер, ставя портфель между своими чёрными практичными ботинками. — А это значит, что нам предстоит ещё немного поработать.

— Это также может значить, что Ивонн Уикер была у него не первой. Думал об этом?

Конечно, он об этом думал. Серийные преступники частенько косячат в своем первом деле, но если их не ловят, они учатся на своих ошибках. Он мог бы сказать Дэвис, что в машине Кофлина не было обнаружено следов отбеливателя, а это значит, тот не использовал его для уборки крови, других жидкостей или ДНК, но какое это имеет значение? Кофлин убил её. История со сном была либо непродуманной попыткой покрасоваться — как пироман, который является помогать тушить устроенный им же пожар, как верно заметила Дэвис, — либо потому что чувство вины стало для него настолько невыносимым, что он решил признаться. Жальбер надеется на второй вариант и будет рад помочь Кофлину в этом.

— Мисс Ивонн остановилась в одной ночлежке в Арканзас-Сити ночью 31 мая, — говорит Жальбер. — Её подпись стоит в их журнале. На следующее утро она купила кофе и колбасный бисквит в "Гас-эн-Гоу" возле пересечения шоссе I-35 и... напomini мне.

— И дороги штата 166, — говорит Дэвис. — Она есть на записи с камер наблюдения. Явно видна. Продавец увидел её фото в "Оклахомане"²¹ и сообщил об этом. Золотую звезду ему.

Жальбер кивает.

— Это было 1 июня, чуть позже восьми утра. Затем она отправилась автостопом по шоссе 35. И это был последний раз, когда кто-то видел мисс Ивонн, пока Кофлин не поехал в Ганнел и не сообщил о трупе. Пока всё сходится?

Дэвис кивает.

— Значит, когда будем допрашивать Кофлина, нужно спросить его, где он был и что делал с 1 июня по 24-е, когда сделал тот звонок.

— Он скажет, что не помнит. И это вполне разумно. Только в телесериалах люди с точностью до минуты помнят, где они были. Если ты спросишь меня, где я была 5 июня... или 10-го... я тебе не отвечу. Или отвечу приблизительно.

— Он отмечается на работе в школе, это решает часть проблемы.

Она начинает что-то возражать, но он поднимает два пальца, и она умолкает.

— Я знаю, о чем ты подумала, табельный учёт не гарантия, но у него есть два помощника. Поговорим с ними. Узнаем, оставлял ли он их одних на несколько часов или даже на целый день.

Дэвис достаёт из своей большой сумки блокнот и начинает в нем что-то царапать. Не поднимая глаз, она говорит:

— В первую неделю июня в школе ещё шли занятия. Я проверила учебный календарь в Интернете. Много людей видели его, если он там был.

— Мы поговорим со всеми, — говорит Жальбер. — Только ты и я, Элла. Выясним как можно больше о том, где он был в течение этих трёх недель. Найдём дыры. Несоответствия. Сделаем?

— Да.

²¹ крупнейшая ежедневная газета в Оклахоме

— Это если он не признается сегодня утром, а у меня такое чувство, что он не признается.

— Меня беспокоит только одно, — говорит Дэвис. — То, как он выглядел, когда ты сказал, что преступник оставил сперму. На его лице я увидела облегчение. Почти радость. Он не мог дожидаться, чтобы сдать мазок изо рта.

Жальбер поднимает руки ладонями наружу, как будто физически отгоняя эту мысль.

— А с чего ему беспокоиться о ДНК? Он знал про мой блеф, потому что надевал презерватив перед тем, как изнасиловать её.

Она молчит, но у неё такое выражение, что он хмурится.

— Что?

— На его лице было написано облегчение, — повторяет она. — Как будто он не знал о резинке. Как будто думал, что тест ДНК снимет с него подозрения.

Жальбер смеётся.

— Некоторые из этих плохишей — выдающиеся актёры. У Теда Банди²² была девушка, а Деннис Рейдер²³ годами водил за нос собственную жену. Годами.

— Допустим, но ведь он не отличился умом, когда позвонил с одноразового телефона?

Хмурый взгляд возвращается.

— Да брось, Элла, он хотел, чтобы его нашли. Ну, так что, теперь мы добьёмся справедливости для мисс Ивонн?

Она размышляет. Жальбер работает следователем в КБР уже двадцать лет. Она — инспектор пять лет. Она доверяет его профессиональным инстинктам, его чутью. К тому же вся эта история со сном — это такой бред.

— Да, добьёмся.

Он похлопывает её по плечу.

— Вот и всё, напарница. Держись этой мысли.

20

Меньше всего Дэнни хочет, чтобы у его трейлера появилась ещё одна полицейская машина, поэтому в девять тридцать он стоит у въезда в "Оук-Гроув", засунув руки в карманы и ожидая транспорт. Он не перестаёт думать о том, как сильно он облажался с анонимным звонком,

²² Тед Банди — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы

²³ Деннис Рейдер — американский серийный убийца. История Рейдера вдохновила Стивена Кинга на написание повести "Счастливым браком". Получил широкую известность из-за своей неуловимости, ему удавалось скрываться от правосудия более 30 лет

лишь усугубив своё положение. А ещё он думает о Жальбере. Женщина его не пугает. Его пугает Жальбер. Потому что Жальбер уже всё решил для себя, а у Дэнни есть лишь история со сном, в которую поверят только читатели "Инсайд Вью" вроде Бекки.

Впрочем, есть ещё одно обстоятельство в его пользу: он не убивал эту девушку.

Как оказалось, он мог бы подождать у своего трейлера, потому что полицейский, который его забирает, приезжает на машине без опознавательных знаков. Он в форме, но сидя за рулём, отложив полицейскую фуражку на сиденье и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, он может сойти за любого обычного гражданина.

Полицейский опускает окно со стороны пассажира.

— Кофлин?

— Да. Можно мне сесть спереди?

— Ну, не знаю, — отвечает полицейский. Он молод, наверняка не старше двадцати пяти. Хотя это Канзас, но от него исходит расслабленная и непринужденная атмосфера чувака-серфингиста. — Не собираешься напасть на меня?

Дэнни улыбается.

— Я не нападаю ни на кого раньше полудня.

— Ладно, можешь сесть спереди, как большой мальчик, но сделай одолжение — держи руки на виду.

Дэнни садится и пристёгивает ремень безопасности. Компьютер на приборной панели копа выключен, но полицейская рация постоянно что-то бормочет, но слишком тихо, чтобы разобрать.

— Итак, — говорит полицейский. — Допрос КБР в нашем маленьком участке. Круть, да?

— Не для меня, — замечает Дэнни.

— Это ты убил ту девку? Ту, что нашли в Ганнеле? Только между нами.

— Не я.

— Ну, а что ещё ты бы сказал? — говорит полицейский и смеётся. Дэнни удивляет сам себя, смеясь вместе с ним. — Как ты тогда узнал, что она там, если не убивал её?

Дэнни вздыхает. Всё, это уже вышло наружу, и, как говорил Элвис, твой ребёнок — тебе его и качать.

— Я увидел её во сне. Поехал проверить сам, и она там оказалась.

Он уверен, что полицейский сейчас скажет, что это самая нелепая история в его жизни, но тот этого не делает.

— Жизнь полна странного дерьма, — произносит он. — Ты знаешь Ред-Блафф, примерно в шестидесяти милях к западу отсюда?

— Слышал, но никогда не был там.

— Одна старушка обратилась в полицию и сказала, что у неё было видение: маленький мальчик упал в старый колодец. Это было шесть или восемь лет назад. И знаешь что? Этот мальчик действительно был там. Еще живой. Об этом говорили по всей стране. Скажи этим ребятам из КБР, пусть загуглят. Ред-Блафф, мальчик в колодце. Они найдут. Но...

— Что но?

— Придерживайся своей версии, если не убивал ту девушку. Не меняй её, иначе они повесят это на тебя.

— Похоже, вы не фанат КБР.

Коп пожимает плечами.

— В большинстве своём они нормальные. Относятся к нам как к деревенщине, но разве мы не деревенщина, если разобраться? Отдел из шести человек, маленький радарный патруль за городом — это всё про нас. Наш дежурный офицер сказал им, что они могут взять комнату отдыха для допроса. Мы иногда в ней допрашиваем подозреваемых, там есть камера и микрофон.

Он останавливается у здания. Дверь участка открывается, и оттуда выходит Жальбер. Он стоит на верхней ступеньке в своём чёрном пиджаке с потёртыми локтями и смотрит вниз.

— И ещё одно, мистер Кофлин. Все мы знаем Фрэнка Жальбера. Он не сдаётся. В дорожной полиции его обожают, считают чёртовой легендой. И, думаю, он не верит в сны.

— Это я уже понял, — говорит Дэнни.

21

Дэнни поднимается по ступенькам. Жальбер протягивает ему руку. Дэнни колеблется, но всё же пожимает её. Рука такая же сухая и горячая, какой была вчера.

— Спасибо, что пришёл, Дэнни. Давай зайдём внутрь и всё проясним, как ты смотришь на это? Старший офицер только что сварил свежий кофе.

— Пока нет.

Жальбер хмурится.

— Сейчас только без пяти десять, — говорит Дэнни. — Я жду одного человека.

— О?

— Адвоката.

Жальбер поднимает брови.

— Как правило, люди, бегущие к адвокату, виновны.

— Или это неглупые люди.

На это Жальбер ничего не отвечает.

Ровно в десять появляется Эдгар Болл. Он приезжает на огромном мотоцикле "Хонда Голд Уинг". Двигатель работает так тихо, что Дэнни даже слышит из радиоприемника на приборной панели старый хит — "Хватай на бегу" группы "РЕО Спидваген". Болл паркуется, ставит мотоцикл на подножку и слезает с него. Дэнни он сразу нравится, отчасти из-за огромного байка, отчасти потому, что он — мужчина средних лет, одетый в гольф-рубашку, явно не скрывающую его "мужские сиськи", и большие старые шорты цвета хаки, которые болтаются до колен. Никогда ещё адвокат по недвижимости не был столь не похож на адвоката по недвижимости.

— Я так понимаю, вы — Дэниел Кофлин, — говорит он, протягивая пухлую руку.

— Да, — отвечает Дэнни, пожимая её. — Спасибо, что пришли.

Болл переключает внимание на мужчину в чёрном пиджаке.

— Я — Эдди Болл, адвокат. А вы, сэр?

— Инспектор Франклин Жальбер, Канзасское бюро расследований. — Он смотрит на почти безлюдную Мейн-стрит, как будто не замечая протянутой руки Болла. — Давайте зайдём внутрь. У нас есть вопросы к Дэнни.

— Вы идите внутрь, — говорит Болл, — а мы присоединимся к вам чуть позже. Я хотел бы поговорить со своим клиентом наедине.

Жальбер хмурится.

— У нас нет целого дня. Я бы хотел закончить с этим, и уверен, что Дэнни тоже.

— Конечно, но это серьёзное дело, — всё ещё доброжелательно произносит Болл. — И если понадобится целый день, значит, так тому и быть. Я имею право поговорить со своим клиентом, прежде чем вы начнёте его допрашивать. Если вы работаете в КБР, вам это должно быть известно. Будьте благодарны, инспектор, что я готов сделать это здесь, на ступеньках полицейского участка, а не забираю его в свой офис на заднем сиденье мотоцикла.

— Пять минут, — говорит Жальбер. Затем обращается к Дэнни. — Ты делаешь себе только хуже, сынок.

— О, пожалуйста, — всё таким же приятным тоном произносит Болл, — избавьте нас от этих театральных эффектов.

Жальбер на мгновение ухмыляется, обнажая свои зубья-колышки. "Вот так он выглядит внутри всё время", — думает Дэнни.

Когда Жальбер уходит, Болл говорит:

— Настоящий татарин, да?

Дэнни не знает этого слова, и на мгновение ему кажется, что Болл назвал Жальбера соусом тартар.

— Ну, он нечто. Факт в том, что он меня пугает. В основном потому, что я не убивал эту девушку, а он уверен, что это сделал я.

Болл поднимает руку.

— Стоп, никаких первичных заявлений. Я назвал вас своим клиентом, но вы им пока не являетесь. Мой гонорар за это утро — четыреста долларов. Мне следовало бы брать только двести, поскольку я забыл большую часть из того, что когда-то знал об уголовном праве, но сейчас субботнее утро, и я предпочёл бы игру в гольф. Сумма устроит?

— Хорошо, но у меня нет с собой чека...

— У вас есть доллар?

— Да.

— Пойдет для аванса. Давайте его сюда. — И когда Дэнни отдаёт ему доллар, продолжает. — Теперь вы мой клиент. Расскажите мне, что именно произошло и почему у инспектора Жальбера на вас зуб. Не добавляйте ничего лишнего, но и не упускайте ничего важного.

Дэнни рассказывает ему о своем сне. Рассказывает о поездке в Ганнел и о том, как он нашёл станцию "Тексако". Рассказывает о собаке. Рассказывает о руке и мусорном баке. Всё это звучит как полный бред, но лицо Дэнни начинает краснеть только тогда, когда он рассказывает Боллу, как глупо он поступил, сделав анонимный звонок.

— На мой взгляд, это даже в вашу пользу, — говорит Болл. — Вы не просчитывали, что делаете. И желание сохранить анонимность, учитывая то, как вы получили эту информацию, вполне объяснимо.

— Мне следовало изучить её немного лучше, — говорит Дэнни. — Я предположил, а вы знаете, что говорят про предположения...

— Да, да, человек предполагает, а Бог располагает. Старая, но верная поговорка. Дэниел, у вас когда-нибудь был подобный опыт экстрасенсорного характера?

— Нет.

— Подумайте хорошенько. Было бы неплохо, если бы раньше...

— Нет. Только это.

Болл вздыхает и покачивается назад и вперёд. На нём мотоциклетные ботинки и компрессионные носки до колен, и всё это вместе с его огромными шортами Дэнни находит забавным.

— Ладно, — говорит он. — Что есть, то есть — ещё одна старая, но верная поговорка.

Из полицейского участка выходит Элла Дэвис.

— Дэнни, если не хочешь прокатиться до Грейт-Бенда, до которого два часа езды, и отвечать на наши вопросы там, давай уже начинать.

Болл улыбается ей.

— А вы кто?

— Инспектор Дэвис из КБР, и у меня заканчивается терпение. У Фрэнка тоже.

— Ну, мы этого точно не хотим, так же? — говорит Болл. — И поскольку ваше драгоценное время является также драгоценным временем моего клиента, то я уверен, Дэниел с радостью ответит на все ваши вопросы, чтобы поскорее вернуться к своим субботним делам.

22

В комнате отдыха в полицейском участке Маниту стоит дребезжащий автомат с прохладительными напитками. На стойке с кофеваркой лежит выпечка, над ней висит табличка "ПОЖЕРТВУЙ ДОЛЛАР". На одной из стен висит табличка с надписью "МЫ СЛУЖИМ И ЗАЩИЩАЕМ". На другой стене — плакат с изображением О.Дж. Симпсона²⁴ и Джонни Кокрана²⁵ с подписью "ЭТО НИЧЕГО НЕ СТОИТ, ЕСЛИ ПЕРЧАТКА НЕ ПОДХОДИТ". В центре комнаты стоит стол с двумя стульями с каждой из сторон и микрофоном посередине. Между автоматом с напитками и стойкой с выпечкой мигает красный глаз камеры на штативе.

Жальбер указывает руками на два стула. Дэнни и его новоиспеченный адвокат занимают их. Элла Дэвис садится напротив них и достает блокнот. Жальбер пока стоит. Он объявляет дату, время и имена присутствующих. Затем снова зачитывает Дэнни его права по Миранде и спрашивает, понимает ли он их.

— Понимаю, — отвечает Дэнни.

— Небольшое предупреждение, инспекторы, я в основном юрист по недвижимости, — говорит Болл. — Я занимаюсь землей, работаю с местными банками, координирую покупателей и продавцов, составляю контракты, иногда — завещания. Я не Перри Мейсон²⁶ и не Сол Гудман²⁷. Я здесь для того, чтобы удостовериться в вашем уважении к допрашиваемому и непредвзятости.

— Кто такой Сол Гудман? — спрашивает Жальбер с подозрением.

Болл вздыхает.

— Вымышленный персонаж из телесериала. Забудьте. Задавайте свои вопросы.

²⁴ О. Джей Симпсон — американский раннинбек и актёр, в 1994 году получил скандальную известность после того, как был обвинён в убийстве своей бывшей жены и её приятеля. Суд присяжных оправдал Симпсона после того, как ему на руку не подошла перчатка, которую якобы использовал преступник

²⁵ Джонни Кокран — адвокат Симпсона на том судебном процессе

²⁶ Перри Мейсон — литературный персонаж серии романов классика американского детектива Эрла Стенли Гарднера, практикующий лос-анджелесский адвокат

²⁷ Сол Гудман — персонаж американского сериала "Во все тяжкие", адвокат по уголовным делам

Жальбер говорит:

— Говоря об уважении, хочу напомнить, кто его действительно заслуживал — Ивонн Уикер. Вместо этого её изнасиловали, нанесли множество ножевых ранений и убили.

Впервые за всё время Болл хмурится.

— Вы не прокурор в этом деле, сэр. Вы ведете расследование. Оставьте свои пламенные речи и задавайте вопросы, чтобы мы могли покончить с этим и разойтись.

Жальбер снова показывает свои зубья, видимо, это была улыбка.

— Просто чтоб вы понимали, мистер Болл. Поняли и запомнили. Мы говорим о хладнокровном убийстве беззащитной молодой женщины.

— Понял. — Болла таким не запугаешь (по крайней мере, так думает Дэнни), но его приятная улыбка исчезла.

Жальбер кивает своей напарнице. Элла Дэвис спрашивает:

— Как ты сегодня, Дэнни? Всё в порядке?

Дэнни думает: "Значит, всё-таки старая добрая игра в "хорошего" и "плохого" полицейского".

— Всё в порядке, кроме того, что все в "Оук-Гроув" теперь знают, что у меня неприятности с полицией. А у вас?

— У меня всё хорошо.

— Но скоро они узнают, какого рода у меня неприятности, не так ли?

— Не от нас, — отвечает она. — Мы не распространяемся о ходе расследования, пока оно не завершено.

"Но Бекки узнает", — думает Дэнни. — "И как только она поведаст об этом Синтии Бэбсон, это разлетится повсюду".

— Мы хотели бы взглянуть на твой телефон, — говорит Дэвис. — Просто рутинная проверка. Ты ведь не против? — Она смотрит ему прямо в глаза и улыбается. — Просмотрев твою геолокацию, мы, возможно, исключим тебя из числа подозреваемых. Сэкономим время и избавим тебя от хлопот.

— Не самая лучшая мысль, — говорит Болл Дэнни. — Думаю, им нужен специальный ордер на обыск твоего телефона, иначе они давно бы уже его забрали.

Не обращая на него внимания и продолжая улыбаться лучезарной улыбкой, Дэвис продолжает:

— И тебе, конечно же, придется разблокировать его. "Эпл" очень трепетно относится к вопросу конфиденциальности.

Жальбер отходит к стойке с выпечкой, удовлетворенный тем, что добрый полицейский взял на себя инициативу, по крайней мере, пока. Наливая себе кофе, он произносит:

— Это укрепило бы к тебе доверие, Дэнни.

Дэнни едва не отвечает ему: "Ты доверяешь мне, как чёрту в церкви", но сдерживается. Он не хочет, чтобы Болл — вроде бы симпатичный, но явно не на своём месте — говорил ему, что чем меньше он скажет, тем лучше. Враждебная тактика не поможет, как бы ему ни хотелось её придерживаться. Если он будет говорить правду, это не приведет к неприятностям. А если будет пытаться объяснить правду — может привести.

Дэнни достает из кармана телефон и смотрит на него. Уже 10:23. "Как быстро летит время, когда весело его проводишь", — думает он и убирает телефон обратно.

— Посмотрим. Я повременю пока с этим.

— На самом деле, нам не нужен ордер, — говорит Жальбер. С чашечкой кофе он подходит к плакату с изображением О.Джея и его адвоката.

— Практически уверен, что ваши слова — липа, — говорит Болл, — но я могу позвонить коллеге и уточнить. Хотите, чтобы я это сделал, инспекторы?

— Я уверена, что Дэнни примет правильное решение, — говорит Дэвис. Женщина с суровым, пронизательным взглядом, которая приходила в среднюю уайлдерскую школу с Жальбером, исчезла. Теперь эта женщина стала моложе и симпатичнее, создавая атмосферу "я на твоей стороне".

"По крайней мере, пытается", — думает Дэнни.

— В твоём пикапе нет регистратора событий, — говорит она. — Слышал про такую вещь?

Дэнни кивает.

— У этой чертовой колымаги нет даже камеры заднего вида. Когда сдаешь назад, приходится поворачиваться и смотреть в заднее окно.

Она кивает.

— Значит, тебе придется рассказать нам про свои путешествия за последние несколько недель, сможешь это сделать?

— Их было не так уж и много. Я ездил к брату в Боулдер на выходные после окончания учебного года. Летал на самолете.

— Выходные в какие дни?

Жальбер смотрит в свой телефон.

— 3 и 4 июня?

— Похоже на то. Он работает в "Тэйбл Меса Кинг Суперс"²⁸. — Ему хочется сказать больше, он очень гордится Стиви, но оставляет это при себе.

²⁸ "Тэйбл Меса Кинг Суперс" — супермаркет, расположенный в городе Боулдер, штат Колорадо. Этот конкретный магазин стал широко известен после трагического события 22 марта 2021 года, когда там

Всё еще улыбающаяся, с искренним лицом и широко раскрытыми глазами Элла Дэвис говорит:

— Давай постараемся вспомнить точнее, Дэнни. Это очень важно.

"Думаешь, я этого не понимаю?" — хочет сказать он. — "Ты играешь моей жизнью".

— Я поехал в пятницу днем. Летел самолетом компании "Юнайтед". Вернулся в воскресенье, мой рейс в Грейт-Бенд задержался, и я добрался до дома после полуночи. Так что, по сути, я вернулся в свою постель только в понедельник утром.

— Спасибо, мы это проверим. Другие поездки?

Дэнни задумывается.

— В воскресенье съездил в Уичито к своей бывшей жене. Это было до того сна.

Жальбер фыркает.

Болл, глядя на свой телефон, уточняет:

— Возможно, это было 11 июня?

Дэнни задумывается.

— Наверное. Всё остальное время я был здесь. Ходил туда-сюда в школу, ездил в магазин, пару раз забирал ДД из школы...

— ДД? — спрашивает Дэвис.

— Дарлу Джин. Она дочь моей подруги Бекки. Славный ребенок. — Он не может удержаться, чтобы не добавить. — Благодаря вам, я думаю, что теперь не скоро её увижу.

Дэвис оставляет это без внимания.

— Просто для ясности, ты ездил в Уичито к своей бывшей жене, Марджори Кофлин, 11 июня?

— Одиннадцатого, — произносит Жальбер, а затем повторяет, словно для большой уверенности.

— Марджи, да. Но она вернулась к своей девичьей фамилии. Джервейс. — Он не стал добавлять, что, по её словам, ей надоела его кашляющая фамилия²⁹. Как только решаешь не вываливать всю подноготную, становится легче.

— Тебя ведь арестовывали за её преследование, было такое? — спрашивает Дэвис, как бы мимоходом.

Болл приходит в волнение, но Дэнни кладет свою руку ему на плечо, прежде чем тот успевает что-то сказать.

произошла стрельба, в результате которой погибли десять человек, включая одного полицейского. Этот инцидент вызвал волну сочувствия и поддержки людей по всей стране

²⁹ Первые пять букв фамилии Кофлин с английского переводятся как "кашель"

— Нет. Меня арестовывали за нарушение запретительного ордера. И за нарушение общественного порядка. Обвинения были сняты. По ее инициативе.

— Хорошо, замечательно, теперь вы ладите! — Дэвис говорит это с такой теплотой, как будто между Россией и Украиной был заключен мир.

Дэнни пожимает плечами.

— Наши отношения сейчас лучше, чем в последний год нашего брака. В тот день мы пообедили, и я починил её поворотники. Перегорел предохранитель. Поэтому можно сказать — да, мы ладим.

— Ладно, это хорошо, это хорошо, — с той же теплотой и искренним взглядом произносит Дэвис. — А теперь можешь объяснить, как отпечатки пальцев Ивонн Уикер оказались на приборной панели твоей машины?

Дэнни обдумывает вопрос и, учитывая тот факт, что он находится в комнате для допросов, а не в тюремной камере, улыбается Дэвис и говорит:

— Вы врёте, как дышите.

— Считаешь себя шибко умным? — говорит Жальбер, стоя перед плакатом.

Дэвис бросает на него взгляд. Жальбер пожимает плечами и щелкает двумя пальцами, как бы говоря ей продолжать. Он произносит не к месту (по крайней мере, как кажется Дэнни):

— Один, три, шесть.

— Что?

— Ничего. Продолжай свой рассказ. — С легким акцентом на слове "рассказ".

Дэвис спрашивает:

— У тебя небольшие проблемы с характером, не так ли, Дэнни?

— Раньше я пил. Теперь завязал.

— Это не очень развёрнутый ответ. — Говорит она с укором. — Если мы спросим твою бывшую, а мы обязательно её спросим, что она скажет о твоём характере?

— Она скажет, что у меня были проблемы с характером, как вы только что выразились. В прошедшем времени.

— О, всё позади? Так ли это?

Она ждет. Дэнни молчит.

— Ты когда-нибудь бил её?

— Нет. — Затем заставляет себя добавить, потому что это правда. — Однажды схватил её за руку. Остался синяк. Это было как раз перед тем, как она меня выгнала.

— Никогда не хватал за шею? — Она улыбается и подаётся вперед, приглашая к откровенности.
— Скажи правду и пристыди дьявола³⁰.

— Нет.

— И никогда не насиловал её?

— Ну, бросьте, — вмешивается Болл. — Уважение, не забыли?

— Я вынуждена спросить, — возражает Дэвис. — Девушку Уикер изнасиловали.

— Я никогда не насиловал свою жену, — говорит Дэнни. Уже не в первый раз его охватывает чувство нереальности происходящего, и он думает: "Я помог вам, ребята. Если бы не я, эту девушку сейчас поедала бы бродячая собака".

— Когда ты в последний раз был в Арканзас-Сити?

Смена направления допроса похожа на удар хлыстом.

— Что? Я никогда в жизни не был в Арканзасе.

— Арканзас-Сити, штат Канзас. Недалеко от границы с Оклахомой.

— Никогда там не был.

— Не был? Ну, мы не можем проверить регистратор событий в твоей машине, так ведь? Потому что их начали устанавливать в "Тойота Тундра" только через год. Но мы можем проверить твой телефон, я права?

Дэнни повторяет:

— Посмотрим.

— А как насчёт Ханнуэлла? Он тоже в Кан...

Дэнни качает головой.

— Слышал о нем, но никогда не был там.

— А как насчет "Гас-эн-Гоу", где пересекаются шоссе I-35 и дорога штата 166? Ты когда-нибудь был там?

— Кажется, не был в этом конкретном, но они почти все одинаковые, так же?

— Тебе кажется? Ну, давай, Дэнни. Это серьезно.

— Если про "Гас-эн-Гоу" именно в Ханнуэлле, то не был там.

Она делает пометку, затем бросает на него укоризненный взгляд.

— Если бы мы только могли проверить твой телефон...

³⁰ строчка из пьесы Шекспира "Генрих IV"

Дэнни это уже достало. Он достает телефон из кармана и подталкивает его через стол. Жальбер делает шаг вперед и набрасывается на него, словно боясь, что Дэнни передумает.

— Пароль — 7813. И мой айтишник проверит его, когда я получу обратно, не добавили ли вы чего. — Это чистый блеф. У Дэнни нет никакого айтишника.

— Мы так не работаем, — говорит Дэвис.

— Ага, и не лжёте про отпечатки пальцев тоже. — Он делает паузу. — Или про ДНК из спермы.

На мгновение Дэвис кажется сбитой с толку. Затем она снова наклоняется вперед и одаривает его улыбкой "ты можешь мне довериться".

— Давай поговорим о твоём сне, хорошо?

Дэнни молчит.

— Часто у тебя бывают такие фантазии?

Болл возражает:

— Да ладно вам. Это была не фантазия, если труп женщины действительно оказался там.

Еще одно фырканье от Жальбера.

— Ну, ты должен признать, это чертовски удобно, — говорит Дэвис.

— Не для меня, — возражает Дэнни. — Посмотрите, куда это меня привело.

— Ты не против снова рассказать нам об этом... сне, Дэнни?

Он пересказывает им свой сон. Это сделать легко, потому что сон совсем не поблек и не потускнел, и хотя его поездка туда была на него похожей, между сном и реальностью нет пересечения или смешивания. Сон — это отдельная вещь, такая же реальная, как и вывеска "ПОЖЕРТВУЙ ДОЛЛАР" над выпечкой. Такая же реальная, как и своеобразный мыс вдовы Жальбера и его жадные, но безжизненные глаза.

Когда он заканчивает, Дэвис спрашивает — для официального протокола, как предполагает Дэнни, поскольку его уже спрашивали об этом раньше, — были ли у него предыдущие экстрасенсорные вспышки. Дэнни отвечает, что нет.

Жальбер садится рядом со своей напарницей. Он опускает телефон Дэнни в карман своего черного пиджака.

— Ты готов пройти полиграф?

— Думаю, да. Но для этого мне ведь придется поехать в Грейт-Бенд? Так что это будет после того, как я закончу свою работу в школе. И мне, конечно же, нужно будет вернуть пикап.

— В данный момент мытье окон и подметание полов — это твоя наименьшая забота, — замечает Жальбер.

— Мы здесь закончили? — спрашивает Болл. — Я полагаю, мистер Кофлин ответил на все ваши вопросы, и куда вежливее, чем я бы на его месте. И ему нужно вернуть телефон как можно скорее.

— Еще пара вопросов, — говорит Дэвис. — Мы можем проверить твою поездку в Колорадо и поездку в Уичито, Дэнни, но между первым и двадцать третьим всё равно остаётся много времени. Я права?

Дэнни отвечает:

— Посмотрите на локации в моем телефоне. Когда меня нет дома, он обычно лежит в бардачке моей машины. Двое парней, с которыми я работаю в школе, могут подтвердить, что я был там каждый день с семи тридцати до четырех. Это значительная часть времени, которое вас интересует.

Хотя Эдгар Болл не адвокат по уголовным делам, но далеко не дурак. Он говорит Жальберу:

— О, Боже. Вы ведь не знаете, когда она была убита? Или даже когда ее похитили.

Жальбер бросает на него каменный взгляд. Щеки Эллы заливаются краской. Она говорит:

— Это не имеет отношения к нашему обсуждению. Мы пытаемся исключить Дэнни из числа подозреваемых.

— Нет, вы не пытаетесь, — возражает Болл. — Вы пытаетесь его прижать, но у вас не так много на него, верно? У вас нет даже времени её смерти.

Жальбер возвращается к плакату с изображением О.Джея и Джонни Кокрана. Дэвис спрашивает имена ребят, с которыми работает Дэнни.

— Пэт Грейди и Джесси Джексон. Как тот политик из семидесятых.

Дэвис царапает в блокноте.

— Быть может, твоя девушка поможет нам уточнить некоторые моменты, когда...

— Она моя подруга, а не девушка. — По крайней мере, была. — И держитесь подальше от Дарлы Джин. Она ещё ребенок.

Жальбер хихикает.

— Ты не в том положении, чтобы указывать нам.

— Дэнни, послушай меня, — начинает Дэвис.

Он указывает на нее пальцем.

— Знаешь что, меня уже начинает раздражать, когда ты произносишь мое имя. Мы не друзья, Элла.

На этот раз Болл кладет руку на плечо Дэнни.

Дэвис продолжает, как будто Дэнни ничего этого не сказал. Она смотрит на него с серьезностью, улыбка исчезла.

— У тебя на душе камень. Я практически вижу его. Вот почему ты раз за разом рассказываешь эту историю со сном.

Он молчит.

— Это звучит крайне неправдоподобно, согласись. Я имею в виду, посмотри на это с нашей точки зрения. Думаю, даже твой адвокат не верит в неё ни на грош.

— Не будьте так уверены, — замечает Болл. — Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. Это из Шекспира.

— Брехня, — говорит Жальбер у плаката. — Это из меня.

Дэнни выдерживает взгляд женщины. Жальбер — это безнадежный случай. Дэвис, возможно, нет, несмотря на свою жёсткую оболочку.

— Ты чувствуешь угрызения совести, я знаю. То, что ты накрыл баком руку и плечо Ивонн, чтобы собака не смогла до неё добраться, — это акт раскаяния.

Он ничего не отвечает, но если она действительно так считает, то она тоже представляет собой безнадежный случай. Это было сострадание, а не раскаяние. Сострадание к мертвой женщине с браслетом на изувеченном запястье. Но Дэвис на подъеме, так что пусть продолжает в том же духе.

— Мы поможем тебе сбросить этот камень. Главное — начни, дальше будет легче. И есть бонус. Если расскажешь всю правду, мы тоже пойдем тебе навстречу. В Канзасе есть смертная казнь, и...

— Не применялась уже более сорока лет, — перебивает Болл. — Хикок и Смит, те, о ком написал книгу Трумен Капоте³¹, были последними.

— Ее могут применить для случая с девушкой Уикер, — настаивает Дэвис. Дэнни позабавило, что молодая женщина превратилась в девушку. Но, конечно, так её и назовет прокурор: девушка. Беззащитная девушка. — Но если ты признаешься в содеянном, смертная казнь наверняка будет исключена. Облегчи жизнь и себе, и нам. Расскажи, что произошло на самом деле.

— Я уже рассказал, — говорит Дэнни. — Мне приснился сон. Я поехал туда, чтобы убедиться, что это всего лишь сон, но девушка оказалась там. Я позвонил в полицию. Вы мне не верите. Я понимаю это, но я говорю правду. А теперь давайте прекратим этот цирк. Вы собираетесь меня арестовать?

³¹ Трумен Капоте — американский романист, драматург театра и кино, актёр; многие его рассказы, романы, пьесы и документальные произведения признаны литературной классикой; "Хладнокровное убийство" — роман Трумена Капоте, написанный в стиле "новой журналистики", на основе реальных событий, когда 15 ноября 1959 года два молодых человека, Перри Смит и Ричард Хикок, убили семью Клаттеров в Холкомбе в штате Канзас

Воцаряется молчание. Некоторое время Дэвис продолжает смотреть на него с той же теплой искренностью. Затем её лицо меняется, становится не холодным, а пустым. Профессиональным. Она откидывается на спинку стула и смотрит на Жальбера.

— Не в этот раз, — отвечает Жальбер. Его тусклые глаза при этом говорят: "Но скоро, Дэнни. Очень скоро".

Дэнни встает. Его ноги, как и в том сне, словно не принадлежат ему и могут унести куда угодно. Болл встает вместе с ним. Они идут к двери. Дэнни пошатывается, он слишком бледен, поэтому Болл по-прежнему держит свою руку на его плече. Дэнни хочет лишь одного — выбраться из этой комнаты, но он оборачивается и смотрит на Дэвис.

— Человек, который убил эту женщину, по-прежнему гуляет на свободе, — говорит он. — Я говорю с вами, инспектор Дэвис, потому что не вижу смысла разговаривать с ним. Он уже всё решил. Вы говорите красиво и убедительно, но я не уверен, что вы всё для себя решили. Поймите его, хорошо? Перестаньте смотреть только на меня и ищите человека, который её убил. Пока он не сделает это снова.

Возможно, он заметил что-то в её лице. Возможно, нет.

Болл тянет его за руку.

— Пойдем, Дэнни. Пора уходить.

23

Когда они уходят, Жальбер выключает камеру и диктофон.

— Интересненько.

Она кивает.

Он пристально смотрит ей в лицо.

— Есть сомнения?

— Нет.

— Потому что пару раз мне показалось, что он может тебя убедить.

— Никаких сомнений. Он знал, где она, потому что сам её туда отвёз. Вот и вся логика. А история со сном — чушь телевизионщиков.

Жальбер достает из кармана пиджака телефон Дэнни. Вводит пароль, пролистывает различные приложения, затем выключает его.

— Отправим его в криминалистику как можно скорее, они проверят всё, не только его местоположение с 1 июня. Электронные письма, сообщения, фотографии, историю поиска. Сделают полную копию и вернут ему завтра или в понедельник.

— Судя по тому, как он его передал, думаю, мы не найдем там ничего особенного, — говорит Дэвис. — Я от него не ожидала этого.

— Он самоуверенный сукин сын, но мог что-то упустить. Одно-единственного сообщения будет достаточно.

Дэвис вспоминает, как Жальбер говорил то же самое или что-то близкое о том, что одно-единственного волоска в кабине машины Кофлина будет достаточно. Но они ничего не нашли. Она говорит:

— Мы найдем там всего лишь одну поездку в Ганнел. Ты же это понимаешь, да? Его телефон оставался в трейлере, когда он её убивал и закапывал, одновременно это было или по отдельности. Уверена в этом.

Жальбер говорит:

— Четыре.

— Не поняла?

— Ничего. Просто мысли вслух. Мы его возьмём, Элла. Эта его уверенность... высокомерие... приведёт его к падению.

— Насколько серьезно ты предложил полиграф?

Жальбер хмыкает без тени юмора.

— Он либо социопат, либо откровенный психопат. Почувствовала это?

Она задумывается, затем говорит:

— Вообще-то я не уверена.

— Я уверен. Видал таких раньше. И в девяти случаях из десяти они легко обманывают полиграф. Что превращает его в полную бессмыслицу.

Они выходят из комнаты и идут по коридору. Молодой коп, который привёз Кофлина, спрашивает их, как всё прошло.

— Закручиваем гайки, — отвечает Дэвис. Жальберу это по душе, и он одобительно хлопывает её по руке.

Когда они выходят на улицу, Дэвис достаёт из сумки сигареты и предлагает Жальберу, который качает головой, но говорит, что она может курить, курение здесь разрешено. Она щелкает зажигалкой "Бик" и глубоко затягивается.

— Тот адвокат был прав. У нас не так уж много на Кофлина, да?

Жальбер смотрит на Мейн-стрит, на которой мало что происходит — это порядке вещей для Маниту.

— Будет, Элла. Можешь быть уверена. Если не считать всего остального, он действительно хочет признаться. Ты почти его дождала. Он колебался.

Дэвис не считает, что он колебался, но не озвучивает свои мысли. Жальбер в этом деле давно, и она доверяет его инстинктам больше, чем своим собственным.

— Меня продолжают беспокоить две вещи, — говорит она.

— Какие?

— Какое облегчение нарисовалось на его лице, когда ты сказал ему, что у нас есть ДНК преступника, и как он улыбнулся, когда я сказала, что у нас есть её отпечатки пальцев на приборной панели его машины. Он знал, что я лгу.

Жальбер проводит рукой по остаткам своих рыжевато-седых волос.

— Он знал, что ты блефуешь.

— Но с ДНК, это было так...

— Как?

— Так моментально. Как будто он думал, что снимет с себя все подозрения.

Он поворачивается к ней.

— Подумай о сне, Элла. Ты хоть на секунду поверила в него?

Она отвечает без колебаний.

— Нет. Он солгал. Никакого сна не было.

Он кивает.

— Придерживайся этой линии, и всё будет хорошо.

24

У Жальбера есть пятикомнатное холостяцкое ранчо в Лоуренсе, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки от главного офиса в Канзас-Сити, но он не вернется туда, пока Кофлин не будет арестован, обвинен и предан суду. Его квадратный двухкомнатный номер в Лайонсе находится близко и к Маниту, и к Грейт-Бенду. Ну, по канзасским меркам это близко. Штат большой, тринадцатый по величине. Жальбер любит запоминать подобные вещи.

В субботний вечер он стоит у окна, наблюдая, как сгущаются сумерки, и размышляет об утреннем допросе Кофлина. Элла отлично справилась со своей работой, Жальбер не смог бы лучше, но это всё равно не удовлетворило его. Он не ожидал, что Кофлин заявит со своим адвокатом, он ожидал признания вины.

"В следующий раз, — думает он. — "Нужно просто продолжать давить".

Он хорош в этом, но сегодня вечером ему не на что и не на кого давить. Делать совершенно нечего. Телевизор он не смотрит, а стулья пересчитывал уже дважды. Он купил пару "Хот-Покетс" в магазине через дорогу и разогрел их в микроволновке. Три минуты, 180 секунд,

сумма чисел от 1 до 18 включительно, но остаётся еще 9. Жальбер не любит оставшиеся числа, но иногда с ними приходится мириться. "Хот-Покетс" не особенно вкусны, и хотя у Жальбера есть счет для расходов, он даже не думает заказывать еду себе в номер. Какой в этом смысл? Еда — это просто топливо для тела.

Он никогда не был женат, у него нет друзей (ему нравится Дэвис, но она всегда будет оставаться его коллегой), нет домашних животных. В детстве у него был волнистый попугайчик, но тот давно приказал долго жить. У него нет пороков, если не считать мастурбацию, которой он занимается раз в неделю. Проблема с Кофлином не дает ему покоя. Он как муха, которая постоянно ускользает от свернутой газеты.

Жальбер решает лечь спать. Он поднимется в четыре утра, но это нормально. Ему нравятся ранние часы, и, возможно, он проснется с большей ясностью, как решить проблему под названием Кофлин. Он медленно раздевается, считая до 11 каждый раз, когда снимает тот или иной предмет одежды. Два ботинка, два носка, брюки, трусы, рубашка, майка. Итого 88. Плохое число — его любят неофашисты³². Он достает из-под кровати чемодан, вынимает спортивные шорты, в которых спит, и надевает их. Это доводит число до 99. Он садится на стул у стола, чтобы добавить единицу, и получается сто. Хорошее число, на которое можно положиться. Идет в ванную. Там нет весов. Завтра он попросит принести их. Чистит зубы, считая движения от 17 до 0. Затем мочится, моет руки и становится на колени у изножья кровати. Он просит Бога помочь ему добиться справедливости для бедной мисс Ивонн. Затем ложится в темноте, сложив руки на узкой груди, в ожидании сна.

"У нас мало на него", — сказала Элла и была права. Они знают, что преступление совершил он, но пикап чист, трейлер чист, и он явился с адвокатом. Не очень хорошим, но адвокат есть адвокат. Телефон может им что-то дать, но глядя на то, как уверенно Кофлин его передал...

— Но не сразу, — замечает Жальбер. — Он взял время на раздумья, так же? Прикинул, безопасно ли это.

Но зачем ему адвокат? Может, Кофлин не хочет признаваться, пока не получит свои пятнадцать минут славы ясновидящего, которому привиделось, где закопано тело? Он хочет публичности?

— Ты хочешь славы — ты её получишь, — произносит Жальбер и вскоре после этого погружается в объятия Морфея.

25

Для Дэнни неделя с четвертым июля³³ оказалась адовой.

В понедельник Пэт Грейди не появляется на работе. Дэнни спрашивает Джесси, не заболел ли Пэт.

— Без понятия, — отвечает Джесси. — Я с ним здесь только работаю, а так мы не общаемся. Может, он подумал, что раз завтра 4-е, то и сегодня выходной.

³² 88 — числовой акроним клича "Heil Hitler!", "8" — позиция буквы "H" в латинском алфавите

³³ 4 июля в США отмечается День независимости

Это не удивляет Дэнни. Джесси Джексон — это молодой человек, который движется к своей цели. Пэт Грейди — молодой человек, который блуждает без цели. Разве что его целью станут бары Маниту, когда ему исполнится достаточно лет для алкоголя. Их здесь немало. В своё время Дэнни посетил их все.

Пэт заявляется к десяти, начинает рассказывать историю о том, как ему пришлось помочь отцу, и Дэнни объявляет ему, что он уволен.

Пэт смотрит на него, шокированный и потрясенный.

— Вы не посмеете!

Дэнни говорит:

— Я только что посмел.

Пэт смотрит на него недоверчиво, щеки краснеют, прыщи на лбу воспаляются. Затем он направляется к двери. Дойдя до неё, он оборачивается и кричит:

— Да пошел ты!

— Взаимно, — отвечает Дэнни.

Пэт громко хлопает дверью. Дэнни поворачивается и видит Джесси у дверей в спортзал, тот катит ведро со шваброй. На мгновение он останавливается, чтобы показать Дэнни большой палец вверх, вызывая у него улыбку. Пэт выезжает с парковки, двигатель его старенького измученного "Мустанга" ревет. Он оставляет сорок футов резины. "Это не пойдет на пользу твоим шинам", — думает Дэнни. Но, по крайней мере, Пэт Грейди больше не является для него обузой.

Когда вечером он возвращается домой (его подвозит Джесси), то видит у трейлера свой пикап. По всей кабине размазаны следы от порошка для снятия отпечатков пальцев, и ощущается запах, похожий на эфир, вероятно, от вещества, которое используют для поиска пятен крови. Ключи лежат в подстаканнике, а телефон — на пассажирском сиденье.

Во вторник — славное 4 июля — Дэнни отсыпается. Во время позднего завтрака он вспоминает, что забрал ключи от машины, но оставил телефон в ней. Он идёт за ним, в основном, чтобы посмотреть, не пришло ли сообщение от Марджи, возможно, открытки с фейерверками. От неё нет ни поздравлений с праздником, ни электронных писем, зато есть голосовое сообщение от его адвоката с просьбой перезвонить. Дэнни догадывается, о чем идет речь. Он поздравляет Болла с праздником. Болл отвечает взаимностью.

— Вы, наверное, звоните по поводу своего гонорара, но мне вернули пикап только вчера. — Он с сухой иронией осознает, что оправдывается в стиле Пэта. — Сегодня днем я привезу вам чек в офис.

— Я звоню по другой причине. Вы попали в газету.

Дэнни хмурится.

— О чём вы говорите? В газету Бельвилля?

— Не в "Телескоп". В "Плейнс Трут".

Дэнни отодвигает от себя миску с хлопьями.

— Вы имеете в виду ту бесплатную газетёнку? Ту, что полна купонов? Никогда ей особо не интересовался.

— Именно её. Сара, моя помощница, позвонила мне по этому поводу, и я взял один экземпляр с утренним пончиком. Газета содержится исключительно рекламодателями, поэтому её раздают бесплатно. Эти объявления, должно быть, хорошо оплачиваются, потому что её можно найти в любом супермаркете, магазине, кормовом магазине и на заправке в четырех округах. Контент — если его можно так назвать — включает местные спортивные новости, правые редакционные статьи и две-три страницы писем читателей, в основном в духе "жалоб и восторгов". Что касается новостей, то им всё равно, что печатать. А в последнем номере они напечатали имя погибшей женщины.

— Они его напечатали?

— Да, Ивонн Уикер из Оклахома-Сити. Только послушайте это: "Полиция получила анонимный сигнал, который привел к могиле несчастной молодой женщины за заброшенным зданием в Ганнеле, небольшом городке у границы с Небраской. Надежный источник сообщил "Плейнс Трут", что наводчик был идентифицирован как Дэниел М. Кофлин, в настоящее время работающий уборщиком в средней школе Уайлдер. Говорят, он помогает детективам КБР в поисках убийцы".

Дэнни поражен.

— Они могут так сделать? Опубликовать мое имя, хотя меня официально ни в чем не обвиняют?

— Это не принято в газетной практике, но "Плейнс Трут" не совсем газета, скорее, туалетное чтиво. Это еще не все. Далее говорится: "На вопрос, откуда мистер Кофлин узнал о местонахождении тела, наш источник промолчал". Они не призывают читателей к очевидным выводам, но этого и не требуется, верно?

— Жальбер, — гневно произносит Дэнни. Свободная рука сжалась в кулак.

— Да, согласен, либо он, либо Дэвис...

— Нет, это не она, это он.

— ...но попробуй это докажи. С полдюжины копов в участке Маниту видели нас. Плюс тот, кто подвозил вас на допрос из трейлерного парка. А ещё люди в вашем трейлерном парке. Они могли догадаться, зачем там были копы.

Конечно, и Бекки знала. Он даже рассказал ей о сне. Но всё же...

— У него недостаточно оснований для моего ареста, поэтому он так гадит мне.

— Пospешные выводы не помогут...

— Да ладно вам! Вы его видели? Слышали?

Болл вздыхает.

— Дэнни, вам нужен адвокат, который в данной ситуации сможет лучше проконсультировать, чем я. Адвокат по уголовным делам.

— Я останусь пока с вами. Может, это само пройдет.

— Может, и пройдет, — Всего три слова, но они ясно дают понять Дэнни, что Болл считает это маловероятным. Возможно, даже абсурдным.

26

В среду этой кошмарной недели Дэнни узнаёт, что лишается работы.

В полдень он выходит из школы и идёт к своему пикапу, собираясь взять оттуда ссобойку с обедом и присоединиться к Джесси за одним из столиков для пикника на заднем дворе. Он достаёт из бардачка телефон, проверяет электронную почту и тут же теряет аппетит. Ему пришло три письма. Одно от газеты "Бельвилль Телескоп", другое — от "Плейнс Трут", обе газеты просят у него комментариев по поводу его связи с убийством Ивонн Уикер. "Плейнс Трут" также просит подтвердить или опровергнуть "сообщения о том, что к месту захоронения мисс Уикер вас привел ваш сон".

Он удаляет оба письма. Третье письмо пришло от начальника управления школ округа Уайлдер. В нем сообщается, что из-за сокращения бюджета его должность завхоза в средней школе Уайлдер упраздняется. Ему предписано доработать неделю, но в понедельник он останется без работы.

"Ввиду вызывающей сожаление внезапности этой реорганизации", — говорится в письме, — "ваша зарплата будет выплачиваться до конца июля и первую неделю августа".

Если у него остались вопросы, он может связаться с заместителем начальника и контролером школ округа, Сьюзан Эггерс. Указан номер телефона, а также ссылка на "Зум".

Дэнни перечитывает эту шаблонную отписку несколько раз, чтобы убедиться, что всё правильно понял. Затем бросает телефон обратно в бардачок и идет через спортзал к столу для пикника.

— Хотите немного чили? — спрашивает Джесси. — Моя мама всегда дает мне слишком много. Я разогрел его в микроволновке.

— Откажусь. У меня есть ливерная колбаса с сыром.

Джесси морщит нос, как будто от неприятного запаха.

— И еще, — продолжает Дэнни, — походу меня уволили.

Джесси откладывает пластиковую ложку.

— Что вы сказали?

— Что слышал. Пятница — мой последний день.

— Почему? — Он делает паузу, а потом говорит. — Это из-за той девушки?

— Ты об этом знаешь, да?

— Все об этом знают.

"Конечно же, они знают", — думает Дэнни.

— Ну, они этого не говорят, но и не могли, так же? Ведь я ничего не сделал, только сообщил о трупе. Они объясняют мое увольнение сокращением бюджета.

Он ожидает, что Джесси сейчас начнёт задавать вопросы о трупе и о том, как Дэнни его нашел, но Джесси, возможно, единственный человек в Уайлдере или округе Рипаблик, кто не жаждет узнать о его дурном сне. У Джесси другие заботы. "И да благословит его Бог за это", — думает Дэнни.

— О, черт! Нам же нужно покрыть лаком пол в спортзале! Я не смогу сделать это сам, я не знаю как!

— Это не ракетостроение. Мы сделаем это завтра. Главное — начать и не останавливаться. И надень бандану или ковидную маску. Мы откроем все окна, но всё равно будет вонять.

— Меня нельзя здесь оставлять одного! — ноет Джесси. — У меня нет ключей! И они мне не нужны! Чёрт, Дэнни, я же черный! Если что-то случится — пропадут чистящие средства или что-то из столовой, — кого обвинят?

— Я тебя понял, и я выясню, что они собираются делать, — говорит Дэнни. — Они дали мне номер, по которому можно позвонить. Я позабочусь о тебе, если смогу.

— А они могут такое сделать? А можно, не знаю, подать на них в суд?

— Не думаю, — отвечает Дэнни. — Канзас — это штат, где могут уволить в любое время и по любой причине. Мой работодатель не обязан предоставлять веские причины моего увольнения.

— Но это так несправедливо!

Дэнни улыбается.

— Для кого из нас?

— Для нас обоих, чувак! Ой, вырвалось!

Дэнни говорит:

— Можно мне всё-таки немного того чили?

В тот день он не звонит Сьюзан Эггерс по телефону, а связывается с ней через "Зум". Он хочет видеть ее лицо. Но сначала он проверяет бюджет округа Уайлдер за прошлый и текущий годы и находит то, что ожидал.

Эггерс — женщина средних лет с копной седых волос, круглыми очками в золотой оправе и узким лицом. "Лицо бухгалтера", — думает Дэнни. Она сидит за своим столом. За её спиной висит обрамленная, огромного размера обложка книги "Маленький домик в прериях"³⁴, на которой изображены маленькие девочки в конестогской повозке, обе выглядят до смерти перепуганными.

— Мистер Кофлин, — говорит она.

— Он самый. Человек, которого вы только что уволили.

Эггерс складывает руки и смотрит прямо в объектив камеры компьютера.

— Человек, с которым был расторгнут договор, мистер Кофлин. И мы даже сообщили вам уважительную причину, хотя не обязаны были этого делать...

— Сокращение бюджета. Да. Но школьный бюджет округа в этом году не меньше, а на десять процентов больше. Я проверил это.

Она улыбается ему натянутой улыбкой, которая говорит: "О, невежа!"

— Инфляция обогнала наш бюджет.

Дэнни говорит:

— Давайте обойдемся без этого, мисс Эггерс? Вы не уволили меня, вы меня выгнали. И причина была не в бюджете. Это всё из-за слухов о преступлении, которого я не совершал и в котором меня не обвиняют. Хватит трюндеть!

Сьюзан Эггерс явно не привыкла, чтобы с ней разговаривали подобным образом. Её щеки заливаются краской, и на прежде гладком лбу появляется вертикальная морщина.

— Хотите начистоту? Ладно. Мне сообщили крайне неприятную информацию о вас, мистер Кофлин. Помимо вашей нынешней ситуации, вы арестовывались за нарушение запретительного ордера после того, как преследовали свою бывшую жену. Вас посадили в тюрьму в Уичито, насколько я понимаю.

Насчёт тюрьмы она права, но он провел там всего одну ночь за пьянство и буйное поведение. Сказав это, однако, он не поможет своему делу... да и дела-то у него никакого нет.

— Вы разговаривали с человеком по имени Жальбер, да? Вы или ваш начальник? Инспектор из КБР? Носит черный пиджак и мешковатые джинсы?

Она не отвечает, но моргает. Этого ответа достаточно.

³⁴ Лора Инглз-Уайлдер — американская писательница, автор серии книг для детей "Маленький домик в прериях" о жизни семьи первопроходцев времён освоения "Дикого Запада"

— Мистер Кофлин, на мой взгляд, школьный департамент был более чем щедр с вами. Мы платим вам за работу до конца июля...

— И за первую неделю августа, не забывайте об этом.

— Да, до конца июля и за первую неделю августа за работу, которую вы не будете выполнять.

— Она колеблется, раздумывая о целесообразности продолжения, но он её задел. Если ему нужна чертова правда, он её получит. Не трындеть — так не трындеть. — Скажем, что ваша текущая... ситуация... сыграла определенную роль. Ваше имя упоминается в связи с ужасным преступлением. Что бы вы сами сделали, если бы до вас дошло, что школьный завхоз из вашего округа, человек, который каждый день находится рядом с девочками-подростками, был обвинен в насилии над женой и сейчас допрашивается полицией по поводу изнасилования и убийства женщины?

Он мог бы сказать ей, что Марджи никогда не обвиняла его в насилии, она просто хотела, чтобы он перестал кричать на ее лужайке в два часа ночи — "Вернись, Марджи, я изменюсь". Он мог бы сказать ей, что понятия не имеет, кто убил Ивонн Уикер. Он мог бы сказать ей, что уверен, что бесплатная газетенка узнала его имя от инспектора Жальбера, потому что Жальбер знал, что они без колебаний опубликуют эту информацию. Но ничто из этого ни на грош не изменит мнение этой женщины.

— Мы закончили, мистер Кофлин? Потому что у меня еще есть работа.

— Не совсем, потому что вы, похоже, не задумывались над тем, что будет с уайлдерской средней школой, когда меня не будет. Как это называется? Правильно: последствия. Кто заменит меня? У меня всего один летний помощник, парень по имени Джесси Джексон. Он хороший парень и отличный работник, но он не справится один. Во-первых, он не знает, что делать. Во-вторых, ему всего семнадцать. Слишком молод, чтобы брать на себя такую ответственность. В-третьих, в сентябре он вернется к учебе на полный день.

— Его тоже уволят, — говорит Эггерс. — Когда в пятницу вы закроете помещение, верните ключи директору школы, мистеру Коутсу. Он живет прямо там, в Маниту, насколько мне известно.

— А Джесси тоже заплатят за июль и первую неделю августа? — Дэнни знает ответ на этот вопрос, но хочет услышать, как она его произнесет.

Если он надеялся на смущение, то не дождался его. Вместо этого он получает лишь снисходительную улыбку.

— Боюсь, что нет.

— Ему нужны эти деньги. Он помогает родителям.

— Уверена, он найдет другую работу. — Как будто они просто так валяются в округе Уайлдер. Она берет лист бумаги со стола, изучает его и откладывает. — У вас вроде был еще один мальчик, Патрик Грейди. Его родители подали жалобу. Они позвонили мистеру Коутсу и сказали, что мальчик уволился, потому что вы угрожали ему.

На мгновение Дэнни настолько поражен и разгневан, что лишается дара речи. Затем он произносит:

— Пэт Грейди был уволен за хронические опоздания и небрежную работу. Ему никто не угрожал, он просто обыкновенный лентяй. Джесси сказал бы вам то же самое, если бы вы спросили его. Хотя я сомневаюсь, что вы спросите.

— А в этом нет никакой необходимости. Это всего лишь деталь общей картины, которая не может похвастаться своей красотой. Картины вашего характера, мистер Кофлин. Радуйтесь, что мы увольняем вас по бюджетным причинам. В вашем резюме это будет выглядеть лучше, когда вы будете искать новую работу. А теперь, поскольку я — довольно занятой человек...

— Школа будет просто пустовать до конца лета? — Помимо всего прочего, Дэнни крайне неприятна эта мысль. Уайлдерская средняя школа — старая добрая леди, и за учебный год она изрядно изнашивается. Сейчас июль, а он только начал приводить её в порядок. — А что будет осенью?

— Это не ваша забота, — отвечает Эггерс. — Спасибо за звонок, мистер Кофлин. Надеюсь, ваши текущие проблемы разрешатся. До свидания.

— Подождите, черт возьми...

Но продолжать нет смысла, потому что Сьюзан Эггерс уже отключилась.

28

Ранним вечером в четверг этой бесконечно кошмарной недели Дэнни делает еженедельные покупки в супермаркете "Маниту Ай-джи-эй". Он предпочитает закупаться именно по четвергам, потому что для большинства работающих людей пятница — день зарплаты или аванса, и в четверг народу не так много. Его собственная зарплата — одна из последних пяти или шести — поступит на счет в "Ситизенс Нейшнл" на следующий день. У него также есть чуть более трех тысяч, положенных на сберегательный и текущий счета, но этого надолго не хватит. Он не платит бывшей жене алименты, но отправляет ей пятьдесят или шестьдесят долларов каждую неделю или две. Он считает, что должен ей за те неприятности, которые причинил. Долго так продолжаться не сможет, и он со страхом ждет момента, когда ему придется объяснять ей свою ситуацию. Хотя она, наверняка, уже знает. Хорошие новости доставляются конной почтой, плохие — реактивным самолетом. И ему больше не придется содержать Стиви. Младший брат Дэнни всё еще живет в интернате в Мелоди-Хайтс, но, вероятно, зарабатывает больше, чем Дэнни за неделю.

"А в итоге он будет содержать меня", — думает Дэнни. — "Вот будет хохма".

Он стоит у мясного прилавка, пытаясь выбрать между однофунтовым и двухфунтовым куском говяжьего фарша (самым дешевым из имеющихся), когда слышит за спиной громкий голос:

— Дэниел Кофлин? Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Это Жальбер. Конечно же, это он. Сегодня он сменил свой мешковатый черный пиджак на синюю ветровку с надписью КБР на левой груди. Хотя Дэнни не видна задняя часть ветровки, он уверен, что там будут те же буквы, только покрупнее. Жальбер мог бы подойти к нему и заговорить спокойным, нормальным тоном, мог бы также выбрать парковку для разговора. Другие покупатели, стоящие вдоль мясного прилавка, оглядываются, чего и добивается Жальбер.

— Я уже ответил на все ваши вопросы. — Дэнни бросает упаковку мяса в тележку — один фунт вместо двух, пора начинать экономить. — Если желаете задать еще, я буду отвечать только в присутствии своего адвоката.

— У вас есть такое право, — чуть ли не кричит Жальбер. Его рыжеватые шерстистые волосы похожи на наконечник стрелы или на острие ржавого копья. Глубоко посаженные глаза смотрят на Дэнни как на новую разновидность насекомого. — Право на адвоката. Однако вам придется подождать в полицейском участке, пока он не прибудет.

Тем же громким голосом. Люди начали скапливаться в начале и конце мясного ряда: кто-то толкал свои тележки, кто-то просто глазел.

— Или можем пообщаться здесь. Выбор за вами.

"Чтобы все слышали", — думает Дэнни. — "Тебе бы это понравилось, не так ли?"

— Пойдем на компромисс. Выйдем наружу.

Дэнни не дает Жальберу шанса возразить, просто проходит мимо него (сдерживая огромное желание толкнуть его плечом по пути) и направляется к выходу. Инспектор и не смог бы его удержать; Дэнни тяжелее его на пятьдесят или шестьдесят фунтов, а у Жальбера снова нет оружия, только его значок, пристегнутый к ремню. Его удостоверение инспектора на шнурке висит на шее. Дэнни не смотрит, следует ли Жальбер за ним.

Кассирши перестали работать на своих кассах. Двух из них он знает ещё по средней школе. Он вообще много кого знает из школы, потому что работает там с тех пор, как уехал из Уичито. Когда двери с надписью "ВЫХОД" раздвигаются, выпуская его в теплую канзасскую ночь, ему внезапно приходит в голову, что никто из тех, кого он встретил в проходе, не поздоровался с ним, хотя он узнал нескольких из них, включая пару учителей.

Миновав белый свет, падающий на тротуар из окон супермаркета, он поворачивается лицом к Жальберу.

— Ты меня преследуешь.

— Я веду это дело. Если кого и преследовали, так это бедную мисс Ивонн. Ты допреследовал её до смерти. Разве нет?

Вспоминая какой-то телесериал, Дэнни отвечает:

— Сам спросил — сам ответил.

— Мы проверили твой телефон. В журнале локаций очень много промежутков. Мне нужно, чтобы ты объяснил каждый из них. Если сможешь.

— Нет.

Брови Жальбера — такие же шерстистые и спутанные, как и его редющие волосы — взмывают вверх. У Дэнни возникает странная мысль: "Он преследует меня, но, возможно, и я его преследую. Эти круги под его глазами стали глубже и темнее, как мне кажется".

— Нет? Нет? Разве ты не хочешь, чтобы тебя исключили из числа подозреваемых, Дэнни?

— Ты этого не хочешь. Это последнее, чего ты желаешь. — Он указывает на ярко-желтую надпись КБР на груди ветровки Жальбера. — Можешь прям рекламный щит носить "Эй, ты похудел?"

Жальбер изо всех сил пытается сохранить невозмутимое выражение лица и не выказывать удивления, однако ему это не удаётся, как кажется Дэнни. Или он выдает желаемое за действительное? Всё возможно.

— Мне нужно, чтобы ты разъяснил все эти пробелы, Дэнни. Как можно боль...

— Нет.

— Тогда ты будешь видеть меня часто. Ты же это понимаешь?

— Как насчет полиграфа? Мне вернули машину, и я смогу поехать в любой день на следующей неделе, так как ты позаботился о том, чтобы я потерял работу.

Жальбер демонстрирует свои зубья-колышки. "Наверное, ест много мягкой пищи", — думает Дэнни.

— Меня всегда забавляло, когда такие люди, как ты, социопаты, обвиняют во всех своих несчастьях других.

— Полиграф, инспектор. Что насчет полиграфа?

Жальбер машет рукой перед лицом, будто отгоняя надоедливую муху.

— Социопаты легко обманывают полиграф. Это доказанный факт.

— Или ты боишься, что он покажет, что я говорю правду.

— Двадцать один, — говорит Жальбер.

— Что?

— Ничего.

— У тебя с головой всё в порядке? — Дэнни получает огромное удовольствие от этого вопроса. Это низко, это подло, но его только что унизили перед его городом. Тем, что когда-то было его городом, во всяком случае.

Жальбер произносит:

— Ты убил ее.

— Нет, не убивал.

— Ну же, признайся. Сними груз, Дэнни. Тебе станет легче. Здесь только ты и я. На мне нет жучка, и ты можешь потом всё отрицать. Сделай это для меня и для себя. Сбрось камень с души.

— Мне не в чем признаваться. Мне приснился сон. Я поехал туда, где она была похоронена. Я сообщил полиции. Вот и всё.

Жальбер смеется.

— Ты упёртый, Дэнни. Я признаю в тебе это. Но и я тоже.

— Есть идея. Если ты считаешь, что это сделал я, предъяви мне обвинение. Арестуй меня.

Жальбер молчит.

— Не можешь, да? Спорю, ты уже поговорил с окружным прокурором Уайлдер-Сити, и он сказал, что у тебя недостаточно улик. Ни судебно-медицинских доказательств, ни видеозаписей, ни свидетелей. У тебя есть только старик, который видел меня у "Тексако", но это было в тот же день, когда я сообщил о трупе, так что он ничем тебе не поможет. В общем, инспектор, ты облажался.

Что забавно, размышляет Дэнни, потому что он тоже облажался. Жальбер постарался.

Жальбер ухмыляется и указывает пальцем на Дэнни. Эта ухмылка напоминает ему четвертинку луны из его сна.

— Ты сделал это. Я это знаю, ты это знаешь, двадцать восемь.

Дэнни говорит:

— Я пойду обратно в магазин. Можешь следовать за мной, если хочешь. Я не могу тебя остановить, и ущерб ты уже нанёс, когда слил мое имя той туалетной газетёнке.

Жальбер не отрицает этого, но не следует за Дэнни обратно в "Ай-джи-эй". Его работа завершена. Все смотрят на Дэнни, пока он делает покупки. Некоторые, когда видят, что он приближается, даже сворачивают с дороги.

29

Он возвращается домой, в свой трейлер в "Оук-Гроув". Раскладывает продукты по местам. Он позволил себе купить коробочку "Набиско Пинуилс" — своего любимого печенья — и намеревался съесть пару штук за просмотром телевизора. Теперь он не хочет ни смотреть телевизор, ни уж точно есть никакого печенья. Если бы он попытался съесть хоть одно, то, наверное, подавился бы. Такой злости он не испытывал со школьной поры, когда над ним издевался один бугай, и определенно никогда не чувствовал себя таким... таким...

— Таким загнанным в угол, — бормочет он.

Заснет ли он этой ночью? Только если сможет успокоиться. А он хочет успокоиться, хочет взять себя в руки. Жальбер выглядел так, будто вообще не спал, и ему бы хотелось, чтобы Дэнни разделил его участь. "Измотайся, Дэнни, сделай какую-нибудь глупость. Может, ударишь меня? Подумай, как тебе станет хорошо! Попробуй!"

Можно ли как-то снять хоть часть этого давления, часть напряжения? Возможно.

Он достаёт бумажник и перебирает карточки. Оба следователя дали ему визитки со своими номерами КБР и добавочными номерами на лицевой стороне и номерами мобильных на обратной. Просто на случай, если он устанет от своей невероятной сказки про сон и решит поведать им, что же произошло на самом деле. Он кладёт карточку Жальбера обратно в бумажник и звонит на сотовый Дэвис. Она отвечает на первый же звонок, происходящее рядом с ней (или, возможно, вокруг нее) почти заглушает её "алло". Это фальшиво исполняемая юными голосами песенка "С днем рождения".

— Алло, инспектор Дэвис. Это Дэнни Кофлин.

На её конце наступает минута молчания, как будто она не знает, как реагировать на звонок от главного подозреваемого в 7 часов вечера. Он думает, что застал её врасплох так же, как Жальбер застал врасплох его, и это кажется справедливым... по крайней мере, в его нынешнем раздраженном настроении. Пауза длится достаточно долго, чтобы Дэнни услышал "С днем рождения, дорогая Лори, с днем рождения тебя", а затем Дэвис приходит в себя.

— Дай мне секунду. — Затем, обращаясь к участникам вечеринки (Дэнни предполагает, что это вечеринка), говорит. — Мне нужно ответить на этот звонок.

Пение стихает, когда она переходит в более уединённое место. У него достаточно времени, чтобы подобрать правильный глагол. Разговаривал? Нет. Опрашивал? Нет, совершенно неправильно. Допрашивал? Теплее... но тоже неверно. И тут до него доходит.

— Чем могу помочь, Дэнни?

— Полчаса назад, когда я покупал продукты, ваш напарник устроил мне засаду в супермаркете.

Еще одна пауза. Затем она говорит:

— У нас по-прежнему имеются вопросы о твоих местонахождениях в те три недели, которые нас интересуют. Я поговорила с твоим братом, и он подтвердил, что ты был у него в первые выходные июня. У него аутистическое расстройство?

Дэнни хотелось бы спросить, не расстроила ли она Стиви — а его так легко расстроить, когда он вне зоны своего комфорта, — но она не отвлечет его от того, ради чего он позвонил.

— Вместо черного спортивного пиджака на нём была ветровка с надписью КБР на груди и спине. У него не было рупора, да он и не нуждался в нём, поскольку звучал достаточно громко. В четверг вечером в магазине было не так уж много людей, но все, кто там был, хорошо его слышали. И насмотрелись.

— Дэнни, это паранойя.

— Нет ничего параноидального, когда тридцать человек glareют, как тебя целенаправленно провоцируют. Я специально вышел на улицу, когда понял, что он затеял. И знаете что? У него тут же закончились вопросы. Как только мы оказались на тротуаре, начался тот же самый рефрен: "Признайся, ты это сделал, тебе станет легче".

— Тебе действительно станет легче, — искренне говорит она. — Правда станет.

— Я позвонил, чтобы задать вам пару вопросов.

— Отвечать на твои вопросы не моя работа, Дэнни. Моя работа — задавать тебе вопросы.

— Но, понимаете, эти вопросы не касаются дела. По крайней мере, не напрямую. Они, скорее, процедурного характера. Первый вот такой. Подошли бы вы ко мне в магазине "Ай-джи-эй" в своей полицейской ветровке, чтобы допрашивать во весь голос?

Она не отвечает.

— Ну же, это простой вопрос. Вы бы унижали и позорили меня перед соседями?

На этот раз ее ответ раздается мгновенно, негромко и яростно.

— Ты сделал гораздо хуже. Ты не просто унижил Ивонн Уикер, ты её изнасиловал. Ты её убил!

— Чёрт возьми, а как же презумпция невиновности, инспектор Дэвис? Я только нашел её. Но мы уже обсудили это, и это не имеет отношения к тому, о чем я спрашиваю. Вы бы так поступили, как Жальбер, особенно когда у него не было ничего нового, о чем спрашивать?

Дэнни слышит отдаленный шум вечеринки. Пауза затягивается, прежде чем Элла произносит:

— У каждого следователя свои методы.

— И это весь ваш ответ?

Она коротко и раздраженно смеется.

— Я не на суде. Не устраивай мне тут перекрестный допрос. Раз у тебя нет ничего по существу, я завершу этот р...

— Вам говорит что-нибудь имя Питер Андерссон? Андерссон с двумя "эс".

— А оно должно что-то говорить?

— Он — журналист в бесплатной газете под названием "Плейнс Трут". Они напечатали имя мисс Уикер. Это обычная процедура? Раскрывать имена жертв убийств, когда их ближайшие родственники еще не были оповещены?

— Я... их оповестили! — Элла Дэвис немного стушевалась. — На прошлой неделе!

— Но в "Телескопе" имени не было. Или, если было, они его не напечатали. Напечатала только газета "Плейнс Трут". А как насчет моего имени? Его тоже опубликовали. Входит ли в процедуры КБР разглашение имён людей, которым не предъявлены обвинения?

Снова наступает молчание. Дэнни слышит слабый хлопок. Наверное, лопнул воздушный шарик на дне рождения.

— Твоё имя опубликовали? Ты уверен?

— Возьмите экземпляр и убедитесь сами. Мы знаем, кто это слил, не так ли? И знаем почему. У него нет ничего конкретного, только моя версия, в которую он отказывается верить. Не может поверить. Не хватает воображения, чтобы поверить. То же самое можно сказать и про вас, но вы, по крайней мере, не дали моё имя той единственной газетёнке, которая согласилась бы его опубликовать. Поэтому я и звоню вам.

— Дэнни, я... — Она замолкает, прежде чем, возможно, выразить сожаление. Дэнни подозревает, какое слово было на кончике её языка.

Она перефразирует:

— Кто угодно мог слить твоё имя в эту газету. Очень вероятно, один из твоих соседей по трейлерному парку. Это абсурд, что Фрэнк Жальбер якобы травит тебя.

— Так ли это?

— Да.

— Тогда позвольте поведать, что я знаю о "Плейнс Трут", — говорит Дэнни. — По дороге с работы я взял один экземпляр. Это мой предпоследний день. Меня уволили. За это я тоже вам благодарен.

Она ничего не отвечает.

— Там размещаются в основном рекламные объявления, перемешанные с местными новостями... плюс криминальные истории, которые все так любят. Всё, что угодно, от опрокидывания коров³⁵ до поджогов. Эта чёртова газета знает, чем привлечь читателей.

— Дэнни, мне кажется, что этот разговор уже затянулся.

Он продолжает.

— В штате "Плейнс Трут" нет правдоискателей. Они не проводят расследования. Андерссон и ещё пара человек просто сидят на своих задницах и ждут, пока новости сами к ним не приплывут. В данном случае, имя Уикер и моё. Кто-то снял трубку телефона и сообщил им наши имена.

— Если ты хочешь попросить меня выяснить, кто это сделал, то ты размечтался. Журналисты хранят свои источники в тайне.

Дэнни смеётся.

³⁵ Опрокидывание коровы — предполагаемое шуточное действие, заключающееся в том, чтобы незаметно подкрасться к стоящей корове и неожиданно сбить её с ног сильным толчком. Опрокидывание коров считается американской городской легендой, а рассказы об этом — выдумкой

— Называть тех, кто работает в этой дешёвке, журналистами — это всё равно, что называть ученика из коррекционной школы Эйнштейном. Думаю, Питер Андерссон выдаст имя, если надавить на него. Как вы надавили на меня.

Наступает молчание, но она не завершает звонок. Слышен приглушённый шум вечеринки. Интересно, Лори — её дочь? Или племянница?

— Не настоящее имя, а то имя, которым представился информатор, — говорит Дэнни. — Если Андерссон вообще спрашивал имя, то Жальбер ответил бы, что он из полиции Маниту или дорожного патруля, и повесил бы трубку. Конечно, авторитетная газета не напечатала бы анонимную наводку без подтверждающего источника, но они это сделали, и с удовольствием. Это был он, инспектор. Я знаю это, и вы тоже.

— Прощай, Дэнни. Не звони мне больше. Если только не захочешь признаться.

Время рискнуть.

— Он сыплет случайными числами? Ни с чем не связанными числами, просто так, наобум?

Тишина.

— Не желаете говорить на эту тему? Ладно. Передайте имениннице... — начинает он, но она уже отключилась.

Он тут же звонит Стиви в Боулдер. Его брат отвечает, как всегда, словно записал голосовое сообщение на автоответчик.

— Вы позвонили Стивену Альберту Кофлину.

— Привет, Стиви, это...

— Знаю-знаю, — говорит Стиви, смеясь. — Дэнни-Дэнни-бо-бэнни, банана-фанна-фо-фэнни³⁶. Как ты, брательник? — Этого приветствия Дэнни достаточно. Значит, Элла Дэвис не сказала Стиви, что его старший брат подозревается в убийстве. Она была... осторожна? Может, это нечто большее. Может, слово, которое он ищет, — дипломатична. Как бы неприятно это ни было признавать, Дэнни немного благодарен ей за это. Стиви — особенный, он потихоньку развивает социальные навыки, но эмоционально он очень хрупок.

— У меня всё пучком, Стиви. Тебе звонила моя подруга Элла Дэвис?

— Да, эта дама. Она сказала, что она из полиции, и ты помогаешь им в расследовании. Ты помогаешь им в расследовании, Дэнни-бо-бэнни?

— Пытаюсь, — говорит он, затем переводит разговор на другую тему. Они говорят о Недерланде, куда Стиви ходит в походы по выходным. Говорят о танцах, на которые Стиви ходил со своей подругой Джанет, и о том, как они трижды поцеловались, пока шли домой. Кто-то включает громкую музыку, и Стиви кричит, чтобы сделали звук потише, чего он никогда не сделал бы, будучи подростком; тогда он просто бил бы себя по голове, пока кто-нибудь не остановил бы его.

³⁶ похожую считалку использовал Норман Дэниелз, главный герой романа С.Кинга "Мареновая роза"

Дэнни говорит, что ему пора. Его гнев почти прошёл. Разговоры со Стиви благотворно на него действуют. Стиви говорит "окей", а затем добавляет привычное:

— Дай мне задачку!

Дэнни готов.

— "Фолджерс Спешл Роуст"³⁷.

Стиви смеется прекрасным, радостным смехом. Когда Стиви счастлив, он действительно счастлив. Он не умеет притворяться.

— Пятый ряд, верхняя полка справа, если идти к мясному отделу, цена двенадцать долларов и девять центов. На самом деле там "Классик Роуст". — Он доверительно понижает голос. — "Фолджерс Спешл Роуст" снят с производства.

— Хорошо, Стиви. Мне пора.

— Хорошо, Дэнни-бо-бэнни. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

Он рад, что со Стиви поговорила именно Дэвис. Дэнни даже думать не хочет, что было бы, если с братом пообщался бы Жальбер — или если приблизился бы к нему. От таких мыслей холод пробирает его до костей.

30

Элла Дэвис кладёт телефон в карман брюк и возвращается к вечеринке. Её сестра раздает торт и мороженое полудюжине маленьких девочек в праздничных колпаках. Дочка Дэвис, именинница и звезда сегодняшнего шоу, то и дело бросает жадные взгляды на груды подарков на серванте. Сегодня Лори исполняется восемь лет. Подарки будут открыты и вскоре забыты — за исключением, возможно, Адоры, куклы, которая обошлась Дэвис в сорок с трудом заработанных баксов. Маленькие девочки, наевшись сладостей, будут играть в веселые игры в гостиную, и их крики заполнят дом её сестры. К восьми часам их глаза будут смыкаться под очередной показ "Холодного сердца"³⁸ по телевизору.

— Кто это был? — спрашивает ее сестра. — Это по твоему делу?

— Да. — Одна тарелка мороженого уже пролита. Митци, бигль Реджины, сразу же принимается за уборку.

— Не он ли это был? — шепотом спрашивает Реджина. — Кофлин? — Потом. — Вилкой, Оливия!

— Нет, — лжет Дэвис.

³⁷ название кофе

³⁸ "Холодное сердце" — американский компьютерно-анимационный музыкальный фэнтезийный фильм, созданный студией Уолта Диснея

— Когда ты его арестуешь?

— Я не зна...

— КОГО арестуешь? — кричит одна из девочек. Ее зовут то ли Мэри, то ли Меган, Элла никак не может запомнить. — КОГО арестуешь?

— Никого, — отвечает Реджина. — Не лезь в дела взрослых, Марин.

— Я не знаю, Редж. Это не в моих полномочиях.

Когда торт и мороженое поданы и девочки начинают есть, Дэвис извиняется и выходит на заднее крыльцо покурить. Её напрягает мысль о том, что Фрэнк подходил к Кофлину в магазине, намеренно выделяя его и как бы говоря свидетелям конфликта: "Это он, это тот самый парень, которого подозревают в убийстве, посмотрите хорошенько, запомните его".

Еще больше её напрягает мысль, что Жальбер мог дать имя Кофлина тому единственному изданию, которое бы согласилось его напечатать. Она не хочет верить, что он так поступил, и в целом не верит, но нельзя отрицать, что Фрэнк сосредоточился на Кофлине. Он помешался на этом деле.

"Неправильное слово", — говорит она себе. — "Правильное — он предан делу".

Больше всего её беспокоит сам Кофлин. На его лице возникло искреннее облегчение, когда Фрэнк сказал, что у них есть ДНК преступника, и он охотно согласился дать образец для сравнения. И он знал, что Дэвис солгала об отпечатках пальцев девушки на приборной панели его пикапа. Но это могло быть потому, что он их стёр. А ещё это могло быть потому, что Уикер — бедная мисс Ивонн для Жальбера — вообще никогда не была в кабине; он мог завернуть её труп в брезент и положить на заднее сиденье. Если он избавился от брезента, это также объясняет, почему они не нашли ни волос, ни отпечатков, ни ДНК в кузове пикапа. Но почему бы тогда не похоронить её в брезенте?

Или это могло быть потому, что Ивонн Уикер вообще не было в его машине.

"Нет. Я отказываюсь это принимать".

Кофлин также предлагал пройти проверку на полиграфе, чуть ли не умолял пройти её. Фрэнк отклонил это предложение, и на то были веские причины, но...

Выходит её сестра.

— Лори открывает свои подарки, — говорит она с лёгкой ноткой язвительности в голосе. — Тебе интересно посмотреть?

"Чёрт возьми, а как насчёт презумпции невиновности, инспектор Дэвис?"

— Да, — говорит Элла, туша сигарету. — Конечно.

Реджина берёт её за плечи.

— Ты явно обеспокоена, дорогая. Это был он?

Дэвис вздыхает.

— Да.

— Говорит, что невиновен?

— Да.

— Тебе станет легче, когда его посадят, правда?

— Да.

Позже, когда девочки, одетые в пижамы, собираются на полу в гостиной и зачарованно слушают, как Эльза и Анна поют "Впервые в жизни"³⁹, Элла спрашивает у Реджины, были ли в её жизни какие-нибудь экстрасенсорные случаи. Например, сон, который сбывся.

— У меня нет, но моей подруге Иде приснилось, что у Хорста будет сердечный приступ, и через две недели он действительно случился.

— Правда?

— Да!

— И ты веришь в это?

Реджина задумывается.

— Ну, я не считаю Иду лгуньей, но я бы больше поверила, если бы она рассказала мне о том сне до того, как у Хорста случился сердечный приступ. Можно подумать, этот толстяк не напрашивался на него. Посмотри на свою малышку, Элс! Она обожает эту куклу!

Лори прижимает к груди рыжеволосую Адору, и у Дэвис вдруг возникает собственное видение: Дэнни Кофлин снова и снова вонзает нож в Ивонн Уикер, затем забирается на неё сверху в кукурузном поле и насилует, пока та истекает кровью. Они знают, что это произошло на кукурузном поле, потому что в её волосах обнаружили кукурузные волокна.

"Если он это сделал, он заслуживает всего, что ему устроит Фрэнк", — думает она. Затем, стоя в дверях рядом с сестрой, она осознаёт, что впервые с начала расследования ей пришло в голову это смертоносное (и нелояльное) слово из четырех букв — "если".

Есть ещё кое-что, и она готова признаться (но только себе, только себе), что это её шокирует. Он действительно произносит случайные числа? Ни с чем не связанные, просто так, наобум? Она раньше слышала, как Фрэнк делал это несколько раз, но с тех пор, как они расследуют убийство Уикер, это происходит всё чаще и чаще, и это, вероятно, ничего не значит, но он так похудел и так помешался на Кофлине...

"Не употребляй это слово! Не помешан, а предан делу. Он поборник Уикер и хочет добиться справедливости для неё".

Но что, если это правильное слово?

³⁹ песня из "Холодного сердца"

На полпути к Лайонсу Жальбер сворачивает на разбитую и покрытую выбоинами стоянку заброшенного торгового центра. Он чувствует, что если не выйдет из машины и не начнет считать, то взорвётся. На улице ещё светло, и так будет до девяти часов. Неподалеку хихикающая компания маленьких девочек смотрит "Холодное сердце".

— Он тянет время, — шепчет Жальбер. — Этот сукин сын пытается тянуть время.

О, Боже, его голова! Как она пульсирует! Он проводит обеими руками по своим волосам, уложенным как наконечник стрелы. По обе стороны от мыса вдовы чувствуются крошечные капли пота. Ему нужно посчитать. Счет его успокоит. Всегда успокаивал, и когда он вернется в свой двухкомнатный номер в "Селебрейшн Сента", то посчитает с помощью стульев. Он не сможет заснуть, пока не сделает это. То, что раньше было лишь развлечением, теперь стало необходимостью.

Он идет от своей машины к входу в заброшенный ломбард. Тридцать три шага, что равно семнадцати и шестнадцати. Возвращается обратно: пятнадцать и четырнадцать. Снова идет к ломбарду: тринадцать, двенадцать, одиннадцать — последние три шага совсем маленькие, чтобы в сумме получилось тридцать шесть, и всё должно быть правильно. Он начинает чувствовать себя лучше. Десять, девять, восемь и семь приводят его обратно к машине. Он сжимает кулак и стучит им по капоту двадцать один раз, бормоча цифры себе под нос.

Пока он не может арестовать Кофлина. Дело даже не в окружном прокуроре; директор КБР поставил на этом крест. И Жальбер вынужден признать, что директор прав. История со сном абсурдна, но без чего-то серьезного даже этот провинциальный адвокат Эдгар Болл добьётся прекращения дела.

А даже если не добьётся прекращения дела и окружной прокурор будет достаточно глуп, чтобы довести такое дурацкое дело до суда, то Кофлин будет признан невиновным и не сможет предстать перед судом повторно: "двойная угроза"⁴⁰, дело закрыто. Жальберу нужно что-то, что заставит Кофлина раскрыться, и тогда весь мир увидит психопата в овечьей шкуре. Он должен надавить. Он должен закрутить гайки.

Жальбер решает прогуляться по торговому центру, тщательно считая с единицы. Он доходит до двадцати шести (в сумме 351), когда возвращается к входу и видит, что рядом с его "Фордом" без опознавательных знаков припаркована патрульная машина, мигающая аварийными огнями. С помощью наплечного микрофона патрульный передает номерной знак автомобиля. Он слышит приближение Жальбера и поворачивается, его рука ложится на рукоятку "Глока". Затем видит ветровку Жальбера с надписью КБР и расслабляется.

— Здравствуйте, сэр. Я увидел, как вы припарковались здесь и...

— И вы выполнили свой долг. Проявили должную осмотрительность. Двадцать шесть. Молодец. Я достану из кармана своё удостоверение и покажу его вам.

⁴⁰ "двойная угроза" — запрет дважды привлекать к уголовной ответственности за одно и то же преступление

Патрульный качает головой и улыбается.

— Нет необходимости. Фрэнк Жальбер, верно?

— Да. — Он протягивает руку. Патрульный пожимает её три раза, подходяще для рукопожатия.

— Как вас зовут, патрульный?

— Генри Кальтен, сэр. Вы расследуете дело о погибшей девушке?

— Мисс Ивонн, да. — Жальбер качает головой. — Бедная мисс Ивонн. Я остановился, чтобы размять ноги и обдумать свои дальнейшие действия.

— Парень, который сообщил о теле, скорее всего, и есть убийца, — говорит патрульный Кальтен. — Просто мое мнение.

— Мое такое же, патрульный, но он залег на дно. — Жальбер качает головой. — По правде говоря, он насмехается над нами.

— Печально такое слышать.

— Мы должны надавить. Должны найти способ закрутить гайки.

— Не буду мешать вам думать, — говорит Кальтен, — но если я могу чем-то помочь, я знаю, это маловероятно...

— Не так уж и маловероятно, — отвечает Жальбер. — В этом мире возможно всё. Шестнадцать.

Кальтен хмурится.

— Простите?

— Это хорошее число, вот и всё. Кстати, о числах, дайте мне свой номер.

Кальтен охотно отзывается:

— Конечно, конечно. — Он достает из нагрудного кармана визитку полицейского дорожного патруля и записывает на обратной стороне свой личный номер. — Знаете, я и сам подумывал подать заявление в КБР.

— Сколько вам лет? — Жальбер берет визитку.

— Двадцать четыре.

— В три раза больше восьми, хорошо. Хотите совет? Не тяните. Не откладывайте. И хорошей вам ночи.

— И вам того же. И если я могу помочь хоть чем-то...

— Буду иметь это в виду. Возможно, позвоню вам.

Патрульный Кальтен задерживается, прежде чем сесть в свою машину, и оглядывается с мрачной улыбкой.

— Возьмите его, инспектор.

— Возьмём.

32

В отеле Жальбер останавливается у стойки регистрации и спрашивает, нет ли у них складных стульев. Портье отвечает, что такие вроде стоят в бизнес-центре отеля. Жальбер просит принести три стула в номер 521.

— Хотя нет, лучше я сам их возьму, — говорит Жальбер и идёт за ними. У стены стоит дюжина или даже больше стульев, поэтому он берет четыре. Четыре — это хорошее число, лучше, чем три. Сложно объяснить, но четные числа всегда выигрывают у нечетных. Он берет по два стула в каждую руку и несет их к лифту, не обращая внимания на вопросительный взгляд портье.

Он раскладывает два стула в маленькой гостиной и два в спальне. Теперь в его распоряжении восемь стульев (кровать и сиденье унитаза тоже считаются). Сумма чисел от одного до восьми включительно дает тридцать шесть, от одного до двадцати четырех — триста, от одного до сорока — восемьсот двадцать. Люди не понимают этого (большинство людей), но на самом деле это прекрасно, своего рода пирамида сверху вниз, которая приносит дивиденды не в виде денег, а в виде ясности ума.

Когда он завершает пятый круг со стульями, то понимает, что делать дальше. Он складывает стулья, принесённые из конференц-зала, и ставит их рядом с небольшим столиком. Они ещё могут пригодиться. Он достает из-под кровати свой чемодан и открывает его. Вынимает из эластичного кармашка пару тонких резиновых перчаток и надевает их. Пора надавить. Затем звонит патрульному Кальтену. Пора немного подкрутить гайки.

33

Глубокой ночью в пятницу этой ужасной недели Дэнни просыпается от громкого металлического удара, за которым следует рёв двигателя автомобиля с неисправным глушителем либо без глушителя вообще. Часы на его тумбочке показывают 2:19. Он встает, хватая фонарик, который держит на случай перебоев с электричеством, и подходит к окну гостиной. Снаружи ничего не происходит, кроме суеты облака мотыльков, кружащих вокруг фонаря на столбе, который стоит между офисом парка и прачечной. "Оук-Гроув" (где не растёт ни одного дуба) крепко спит. Этот громкий удар разбудил только его, потому что предназначался именно ему.

Дэнни открывает дверь. Иногда он забывает запереть её на ночь, но, видимо, после публикации в "Плейнс Трут" и вчерашнего небольшого представления Жальбера в "Ай-джи-эй" эту привычку придется изменить. Он спускается по бетонным ступенькам и включает фонарик, пытаясь отыскать источник стука. Долго искать не приходится. В алюминиевой обшивке трейлера, чуть ниже матового окна ванной, появилась вмятина. Дэнни догадывается, что именно в это окно целился его ночной гость.

В самой глубине вмятины виднеется пятно красного цвета. Дэнни проводит фонариком по стороне трейлера и видит на гравии кирпич. Обернутая вокруг него записка закреплена витком

проволами. Дэнни уже знает, что там будет написано, но всё равно приседает и вытаскивает её. Послание короткое, написанное либо черным карандашом, либо фломастером.

УБИРАЙСЯ, ТЫ, ГРЕБАНЫЙ УБИЙЦА. ИЛИ ПОЖАЛЕЕШЬ

Первой мыслью Дэнни при прочтении записки была: "Ни за что". Следующей: "О, неужели? Это что, кино? А ты — Клинт Иствуд?"

Он стоит в два часа ночи с посланием-угрозой в руке и кирпичом, доставившим его, у ног, и осознает, что убраться из Маниту кажется не только разумной, но и привлекательной мыслью. Его подруга Бекки — точнее, партнёрша по сексу — порвала с ним и теперь будет держать милую маленькую Дарлу Джин от него подальше, как будто он болен бубонной чумой; кроме того, он потерял работу. Бонусом идёт тот факт, что, похоже, полгорода болеет ковидом. Ему не по душе мысль, что его изгоняют, как Каина после убийства брата, но этот трейлерный парк не похож на Эдем. Возможно, пришло время попробовать Колорадо. Может, Стиви будет этому рад.

Он гадает, не был ли тот шумный уносящийся прочь автомобиль "Мустангом" Пэта Грейди. Возможно, и был, но какая разница?

Дэнни заходит в дом и ложится в постель, но сначала запирает дверь трейлера.

34

Последний рабочий день Дэнни в департаменте образования округа Уайлдер. Он переносит книги из кладовой в учительскую, которая де-факто служит отделением истории и английского языка. Там книги будут сложены в стопки, готовые к раздаче ученикам, когда в сентябре возобновятся занятия... К тому времени, как надеется Дэнни Кофлин, он уже будет далеко от округа Уайлдер.

Оторвавшись от мытья плитусов в новом крыле, Джесси бежит трусцой вверх по лестнице. Он встречает Дэнни у библиотеки и говорит:

— Просто предупреждаю, тот коп, который приходил на днях, идет сюда. Тот, с забавной... — Джесси потирает двумя пальцами о лоб, намекая на мыс вдовы Жальбера. — Он припарковался сзади.

— Женщина с ним?

— Нет, он один.

— Спасибо, Джесси.

— Этот дядька в самом деле помешался на вас, да?

— Я спущусь и помогу тебе, как только разгружу эти книги.

Джесси не отстаёт:

— Он же не собирается вас арестовывать?

Дэнни выдавливает из себя улыбку:

— Думаю, он не может, и это сводит его с ума. Иди, давай ударно проведём наш последний день.

Джесси уходит. Жальбер стоит в вестибюле, снова осматривая витрину с трофеями. В руке у него свёрнутая газета.

"Может, он собирается хлопнуть меня ею по носу", — думает Дэнни. Лучик веселья на фоне страха от новой встречи с Жальбером. Он знает, что именно этого страха и добивается Жальбер. Дэнни был бы рад не бояться его, но ничего не может с собой поделать. Он начинает спускаться по лестнице, как раз когда Жальбер входит в дверь.

— Как отпраздновал Четвёртое? — спрашивает он.

Дэнни не достаивает его ответом:

— Что ты здесь делаешь один?

К его удивлению, Жальбер отвечает на вопрос:

— У дочери моей напарницы проблемы со здоровьем. Съела слишком много торта и мороженого, как она думает. Нужно, чтобы ты приехал в Грейт-Бенд сегодня после обеда.

— Я арестован?

Жальбер показывает свои зубья-колышки:

— Пока нет. Нужно, чтобы ты дал официальные показания. Для протокола. Всё о своем сне. И как только твой сон станет достоянием общественности, держу пари, ты попадёшь на телевидение. Получишь такую известность, о которой даже не мечтал. Жаль, что Джерри Спрингер⁴¹ отдал концы, ты бы отлично вписался в его шоу со шлюхами и слюнтяями.

— Обвиняешь меня в том, что я хочу известности, когда сам же слил моё имя? Это мерзко даже для тебя.

— Это сделал не я, — говорит Жальбер, всё ещё улыбаясь. — Я никогда на такое бы не пошел. Наверное, это был кто-то из твоих соседей.

Дэнни мог бы сказать Жальберу, что один из его соседей (или, возможно, Пэт Грейди) прошлой ночью бросил кирпич в его трейлер, мог бы даже показать записку, которая лежит у него в кармане, но это было бы бесполезно.

Вместо этого Дэнни спрашивает Жальбера, почему он так долго тянул, прежде чем попросить дать показания.

⁴¹ Джерри Спрингер — американский телеведущий, продюсер, актёр и политик. "Шоу Джерри Спрингера" затрагивало такие скандальные темы как супружеская измена, инцест, зоофилия, педофилия, проституция, порнография, гомофобия, расизм, фетишизм и так далее. Между гостями постоянно происходили перепалки, нередко перераставшие в драку, поэтому на съёмках всегда присутствовало несколько охранников

— Потому что ты надеялся на что-то большее, верно? Не на показания, а на признание. Вот только твое начальство не сочло бы мое признание удовлетворительным. Подумай об этом, инспектор Жальбер. Я не знаю, где её зарезали, сколько раз ударили и чем именно.

— Ты был в кровавом угаре, — говорит Жальбер. Он верит в виновность Дэнни так же свято, как покойная мать Дэнни верила в Христа-Спасителя. — Частое явление у маньяков-убийц. Это старый термин, вероятно, политически некорректный, но мне он нравится. Он тебя идеально описывает.

— Я не убивал её. Я только её нашёл.

Жальбер показывает то, что осталось от его зубов.

— Расскажи мне про Санта-Клауса, Дэнни. Я обожаю такие сказки.

— Я не заканчиваю работу до четырех. А это значит, что я не смогу быть в Грейт-Бенде раньше шести тридцати, если буду соблюдать скоростной режим. А я буду его соблюдать.

— Я подожду тебя. Элла Дэвис тоже. Или можешь уйти чуть пораньше, всё-таки твой последний день.

Дэнни так устал от этого человека.

— Я тут подумал, что тебе также будет интересно взглянуть на вот это. — Жальбер разворачивает газету. Это "Оклахоман". Жальбер открывает газету на внутренней странице и протягивает её Дэнни. Статья озаглавлена "УБИТАЯ ДЕВУШКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ". Там есть фотография. Видимо, именно она послужила истинной причиной прихода Жальбера.

На фотографии изображено всё, что нужно знать о человеческом горе. Отец Ивонн Уикер придерживает свою жену, чьё лицо утонуло в его рубашке. Его голова откинута назад. Рот искривлен и перекошен в гримасе. На шее выделяются вены. Глаза плотно закрыты. Позади них, рядом с длинным черным кадиллаком с надписью "ПОХОРОННОЕ БЮРО ХЁРСТА" на боку, стоит молодой человек в школьной куртке. На голове у него бейсболка. Козырек скрывает его осунувшееся лицо. Дэнни предполагает, что это младший брат Ивонн.

Дэнни приходит в голову, что он видит то, над чем редко задумываются и осознают: потеря человека. Молот горя и нелепость утраты. Катастрофа.

Его глаза наполняются слезами. Он смотрит на фотографию, на заголовок "УБИТАЯ ДЕВУШКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ", затем на лицо Жальбера. Он поражен, увидев, что тот улыбается.

— О, гляньте! Убийца плачет! Прямо как в итальянских операх!

Дэнни едва не ударяет его по лицу. Мысленно он наносит ему удар, разбивая нос Жальбера в кровь. Его сдерживает только то, что Жальбер именно этого и добивается. Вместо этого Дэнни вытирает глаза рукой.

— Скажи хотя бы, что её родители не узнали про собаку. Скажи хотя бы это.

— Без понятия, — отвечает Жальбер, чуть ли не веселясь. — Я их не оповещал, это сделал детектив из Оклахома-Сити. Моя работа — расследовать преступление, Дэнни. А это значит работать с тобой.

Дэнни всё еще держит газету в руках. Она смята. Он разглаживает её и показывает Жальберу.

— Ты хочешь увидеть ещё одну мать и отца на подобной фотографии? Потому что убийца может не остановиться. Он может убить еще двух или трех, пока ты помешался на мне.

Жальбер отшатывается, как будто Дэнни махнул рукой перед его лицом.

— Я не помешался, я предан делу. Я знаю, что это сделал ты, Дэнни. Не было никакого сна. Тебе не нужен был сон, чтобы найти место, где она была похоронена, потому что ты сам её там похоронил. Но давай останемся при своих мнениях. Будь в Грейт-Бенде к шести тридцати, или я передам твоё имя и номер машины дорожному патрулю. Приводи своего адвоката, если хочешь. А газету можешь оставить себе. Возможно, тебе захочется насладиться тем, что ты сделал с её семьёй. Четыре жертвы по цене одной.

Он поворачивается, полы его черного пиджака развеваются, и идёт обратно к вестибюлю.

— Инспектор Жальбер!

Он оборачивается, приподняв брови, гладкий череп по обе стороны от его причудливого мыса вдовы бледен, как сливки.

— Ты скрежещешь зубами?

Брови Жальбера сдвигаются.

— Что?

— Твои зубы. Они все сточены. Может, тебе стоит приобрести одну из тех резиновых накладок. Их продают в "Уолгринс".

— Мои зубы вряд ли предмет обсуждения...

— Это помогает считать?

Впервые Жальбер выглядит сбитым с толку.

— Я прочитал об этом сегодня утром перед работой, — продолжает Дэнни. — Это называется арифмомания⁴². Этим же ты занимаешься? Считаешь, когда просыпаешься по ночам из-за скрипа зубов?

Также впервые Дэнни видит, как у правого виска Жальбера пульсирует вена: тика-тика-тика.

— Ты убил её, умник. Мы оба это знаем, и ты за это ответишь.

⁴² Арифмомания, "счетоводство" — вид обсессии, представляющий собой навязчивую иррациональную потребность подсчитывать предметы (дома, окна, людей, плитки, карандаши, буквы и так далее), вне зависимости от их формы, размера, цвета и тому подобного

Он уходит. Дэнни стоит на месте со смятой газетой в руках, пытаясь справиться с эмоциями и не поддаваться панике. Каждая новая встреча с Жальбером хуже предыдущей. Он вытирает глаза рукавом рабочей рубашки. Затем возвращается к переноске книг. Последний день, надо всё сделать как следует.

35

В обеденный перерыв Дэнни идёт к своей машине за телефоном. Он должен позвонить Марджи, сказать ей, что потерял работу и что Канзас утратил свою прелесть, по крайней мере, для него. Он думает переехать в Боулдер. Она это поймет, ей самой нравится Стиви. Если ей нужны деньги, он, наверное, может дать... но не слишком много. Он будет жить на свои накопления, пока не найдет новую работу. Кроме того, она ведь выходит замуж, верно?

Он открывает пассажирскую дверь, напоминая себе, что ещё нужно заплатить Эдгару Боллу, и достает телефон из бардачка. Проверив сообщения, он уже было направляется к школе, но затем застывает на месте. Ему вспоминаются слова Джесси: "Он припарковался сзади". Зачем Жальберу это делать, если парковка для преподавателей находится ближе всего к школе? Дэнни приходит в голову только одна причина.

Он возвращается к "Тундре". Бегло осматривает кузов машины. Он пуст, за исключением ящика с инструментами, который он держит под замком. Кабина, напротив, не заперта. Он всегда оставляет её незакрытой, и Жальбер должен был это заметить. Возможно, Дэнни даже сам рассказал ему и его напарнице об этом. Он уже не помнит.

Он перебирает накопившийся хлам в бардачке — Боже, сколько его там скопилось, — не ожидая ничего найти и ничего не находя. Туда Жальбер ничего не положил бы. Явно не после того, как увидел, что Дэнни хранит там свой телефон. Центральная консоль кажется более вероятным местом, но там тоже ничего нет... хотя он находит пакетик с конфетами "Эм-энд-эмс", которыми собирался угостить Дарлу Джин за очередную пятёрку. У Дарлы Джин много пятёрок, она умница.

Он заглядывает в боковые карманы. Ничего. Заглядывает под пассажирское сиденье и тоже ничего не находит. Затем заглядывает под водительское сиденье, и вот оно: конверт из пергамина с белым порошком, который может быть только кокаином, героином или фентанилом. Дэнни знает, что в Канзасе строго относятся к тяжёлым наркотикам; детям постоянно читают лекции об этом на собраниях. Это слишком маленькое количество, чтобы считать его "намерением распространять", но в Канзасе даже хранение является преступлением пятой категории, за которое можно легко схлопотать два года тюрьмы.

Хочет ли Жальбер упрятать его в тюрьму на два года — более вероятно, на девяносто дней в округе — по обвинению в хранении наркотиков? Нет, но он хочет его посадить. Потому что тогда он сможет над ним "поработать". И "поработать". И "поработать". Охранники тоже могут "поработать" над ним, если Жальбер попросит.

За сиденьем есть пространство, где накапливается всякий мусор, включая скомканный пакет из "Макдональдса". Внутри пакета — обертка от гамбургера и картонная коробочка, в которой когда-то лежал жареный яблочный пирог из фастфуда. Она как раз подходящего размера.

Дэнни берёт конверт с наркотиками за края и засовывает его внутрь коробки, сгибая её так, чтобы конверт не тёрся и чтобы не стирались отпечатки пальцев. Маловероятно, что Жальбер оставил отпечатки пальцев, но возможно. Он кладет картонную коробочку обратно в пакет из "Макдональдса", а сам пакет — в свою ссбойку. Когда он возвращается в школу, Джесси уже сидит за столиком для пикника.

— Буду через минуту, — говорит Дэнни и заходит в школу. Он ставит пакет на высокую полку в кладовой, за чистящими средствами. Затем звонит Эдгару Боллу.

— Ты еще мой адвокат?

— Да, пока тебе не понадобится более узкий специалист, — отвечает Болл. — Это интересное дело.

Они разговаривают некоторое время. Эдгар Болл обещает заехать в школу около двух, а в шесть пятнадцать вечера встретиться с Дэнни в участке КБР в Грейт-Бенде. Дэнни обещает выдать ему чек на четыреста долларов.

— Лучше пятьсот, учитывая то, о чем ты просишь, — говорит Болл.

Дэнни соглашается. Это справедливо, но сильно ударит по его сбережениям. Он звонит Марджи и говорит, что какое-то время не сможет оказывать существенную помощь, так как потерял работу. Она отвечает, что всё понимает.

— Пусть эти копы поговорят со мной, — говорит она. — Я им скажу, что ты можешь наорать, но не способен зарезать. Мысль, что ты кого-то убил, просто безумна.

Дэнни говорит, что она замечательная. Марджи (или Марджи-Марджи-бо-барджи, как её называет Стиви) отвечает, что, чёрт возьми, так оно и есть. Он берёт бутерброд и термос, выходит к столику для пикника и обедает в приятной компании с Джесси.

— Буду скучать по этому месту, — говорит Джесси. — Странно, но это так. И буду скучать по работе с вами. Вы — хороший босс, Дэнни.

— Ты найдёшь себе работу, — говорит Дэнни. — Я бы написал тебе рекомендацию, но сам понимаешь... в сложившихся обстоятельствах...

— Да, — смеётся Джесси. — Понимаю.

Эдгар Болл появляется в два пятнадцать. Дэнни отдаёт ему чек и пакет из "Макдональдса".

— Точно хочешь сделать это? — спрашивает Болл. — Ты рискуешь многим.

— Я уже на краю, — отвечает Дэнни. — И с каждым разом всё ближе к пропасти.

Они отмечают и уходят в три тридцать, за полчаса до обычного времени окончания работы. Дэнни в последний раз запирает школу, закрывая все семь дверей. Джесси обнимает Дэнни по-

мужски, Дэнни отвечает тем же и пару раз дружески хлопает его по спине. Дэнни говорит Джесси, чтобы тот берёт себя и оставался на связи. Джесси просит Дэнни о том же.

Дэнни едет в "Оук-Гроув", постоянно поглядывая в зеркало заднего вида и выискивая копов. Их не видно. Когда он приезжает домой, то находит записку, приклеенную к его двери. Послание короткое и прямолинейное: "Убирайся. Мы не хотим тебя здесь больше видеть". Он срывает её с двери, выбрасывает в мусорное ведро на кухне, быстро принимает душ и надевает свежую одежду. Затем звонит Элле Дэвис.

— Это снова Дэнни Кофлин, инспектор.

— Чем могу помочь?

— Тем, что доверитесь мне хоть немного. — Дэнни рассказывает ей, о чём хочет её попросить. Она не говорит "да"... но и не говорит "нет".

Он отправляется в Грейт-Бенд и проезжает около тридцати миль, когда с фермерской дороги выезжает автомобиль дорожного патруля Канзаса и следует за ним, мигая фарами. Полицейский включает сирену, хотя это совершенно излишне, потому что Дэнни уже прижимается к обочине, останавливается и опускает окно. Открыв его, он кладёт обе руки на руль так, чтобы их было видно.

Патрульного зовут Х. Кальтен. Он подходит к Дэнни, держа одну руку на "Глоке". Ремешок на кобуре расстёгнут.

— Права и регистрацию, пожалуйста.

— Мои права в бумажнике, — говорит Дэнни. — Сейчас я достану их из кармана. — Он делает это очень медленно. Передав свои водительские права полицейскому Кальтену, он продолжает. — Теперь я открою бардачок и достану регистрацию.

— Есть ли в бардачке оружие?

— Нет.

— В центральной консоли?

— Нет.

— Продолжайте.

Снова в замедленном темпе Дэнни открывает бардачок и достаёт регистрацию.

— У вас есть страховка?

— Да. — Он снова тянется к бардачку.

— Забудьте про страховой полис. Сидите спокойно, мистер Кофлин.

Кальтен возвращается к своему патрульному автомобилю и связывается с кем-то по рации. Дэнни сидит неподвижно. Проходит пять минут. Он опоздает в Грейт-Бенд, но это не страшно. Жальбер уверен, что он вообще туда не доедет.

Убедившись, что остановленная им "Тундра" 2011 года действительно принадлежит Дэниелу Кофлину — о чём Кальтен и так уже знал, Дэнни в этом уверен, — полицейский возвращается к водительской двери с документами Дэнни. Но не отдает их.

— Знаете, почему я вас остановил, мистер Кофлин?

Дэнни отвечает, что не знает.

— Вы виляли по всей дороге.

Дэнни знает, что это неправда, но молчит.

— Вы сегодня что-нибудь пили, мистер Кофлин?

— Если вы имеете в виду алкоголь, то нет.

— Как вы относитесь к тесту на алкоголь? Готовы его пройти?

— Да.

— А как насчёт наркотиков? Употребляли что-нибудь? Марихуану? Экстази? Кокаин?

— Нет.

— Вы согласны на обыск вашего автомобиля?

— А разве для этого не нужен ордер на обыск или что-то вроде того?

— Нет, если я заметил вашу опасную езду. Вы можете согласиться на обыск или я могу конфисковать ваше транспортное средство.

— Хорошо, — говорит Дэнни, открывая дверь. — У меня назначена встреча, так что, наверное, лучше обыщите.

Патрульный Кальтен демонстративно обыскивает кабину, оставляя нижнюю часть водительского сиденья напоследок. Он долго роется там, даже достаёт фонарик из своей машины. Затем захлопывает дверцу и бросает на Дэнни невыразительный взгляд.

— Что насчёт теста на алкоголь? — спрашивает Дэнни.

— Сэр, вы умничаете? — Дэнни не может понять, покраснели ли щеки полицейского от гнева или это солнечный ожог.

— Нет. Но я не вилял, и мы оба это знаем.

— Я выпишу вам штраф за опасное вождение, мистер Кофлин.

— Не советую вам этого делать, — говорит Дэнни. — Но если вы это всё-таки сделаете, то мы увидимся в суде. Где мой адвокат спросит, разговаривали ли вы с инспектором Жальбером из КБР перед тем, как остановить меня. Затем вам придется решить, хотите ли вы говорить правду или лжесвидетельствовать. Что может выйти вам боком. Вам это нужно?

Кальтен с минуту решает, хочет ли он настаивать и продолжать конфликт. Это не солнечный ожог, это определённо румянец. Дэнни отмечает про себя, как приятно хотя бы раз не защищаться. Кальтен возвращает ему водительские права и регистрацию.

— Постарайтесь впредь держаться своей полосы, сэр.

Дэнни думает подразнить его ещё немного, чуть было не спрашивает, не желает ли Кальтен хотя бы вынести ему предупреждение, но решает, что хватит. Кальтен вооружен, и ремень на прикладе его табельного оружия не застёгнут.

— Хорошо, офицер.

— Убирайтесь отсюда.

Кальтен почти вплотную следует за ним пять миль, а потом сворачивает. Остаток пути Дэнни до Грейт-Бенда проходит без происшествий.

37

Эдгар Болл ждет его в дальнем конце парковки у здания КБР. Он спрашивает у Дэнни, как прошла поездка. Дэнни рассказывает ему о патрульном Кальтене.

— Невероятно, — поражается Болл. — Ты уверен, что хочешь забрать наркотики обратно?

— Сейчас это, наверное, безопасно. Жальбер уже сделал попытку. — Дэнни искренне надеется, что не ошибается. Он также надеется, что инспектор Дэвис не арестует его позже.

Болл открывает багажник своего мотоцикла и протягивает Дэнни пакет из "Макдоналдса". Дэнни кладет его в центральную консоль и на этот раз запирает пикап.

— Пойдем внутрь, — говорит Дэнни. — Посмотри на Жальбера, когда он увидит меня. Это будет интересно.

Но ничего особенного не происходит. На лице Жальбера возникает лишь едва заметный отблеск удивления, который тут же исчезает. В комнате, оснащенной аудио— и видеозаписывающим оборудованием, полно народа. Помимо Жальбера и Дэвис, здесь присутствуют тучный лысый парень по имени Альберт Хеллер и крепыш в костюме по имени Вернон Рэмзи. Хеллер — прокурор округа Уайлдер. Рэмзи — детектив из Оклахома-Сити. От такого количества людей в комнатке создается ощущение легкой клаустрофобии. Наверняка, в этом здании есть более просторный конференц-зал, но не конференцию задумали провести здесь Жальбер и Хеллер. Они задумали сломать Дэнни. Теперь, когда он в их руках.

Всех представляют друг другу. Происходит обмен рукопожатиями (Дэнни и Жальбер обходятся без этого). На этот раз права Дэнни зачитывает окружной прокурор. В концовке речи он объявляет для протокола, что "мистер Кофлин привел своего адвоката".

Хеллер берет на себя инициативу, повторяя те же вопросы, что были заданы на последнем допросе Дэнни. Они сидят друг напротив друга, Эдгар Болл сидит на стороне Дэнни, а Элла

Дэвис — на стороне Хеллера. Рэмзи с невозмутимым и бесстрастным лицом прислонился к стене. Жальбер стоит в углу, скрестив руки на груди.

Во время допроса Дэнни в сотый раз пересказывает свой сон. Он рассказывает о своей поездке к заброшенной заправке в округе Дарт. Рассказывает о своей неуклюжей попытке сделать анонимный звонок. Когда Хеллер спрашивает, зачем он позвонил, Дэнни рассказывает ему о собаке.

— Она раскапывала ее. Грызла. Уверен, вы видели фотографии.

Хеллер говорит, что им нужно знать гораздо больше о том, где был Дэнни в течение первых трех недель июня. Дэнни отвечает, что поможет, чем сможет, но он не ведет дневник или что-то подобное.

Когда у Хеллера заканчиваются вопросы, вперед выходит Вернон Рэмзи, коп из Оклахома-Сити.

— Вы убили Ивонн Уикер?

— Нет.

Рэмзи отступает назад. У него больше нет вопросов. Жальбер что-то шепчет ему на ухо, и Рэмзи кивает, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Хеллер заканчивает допрос, советуя Дэнни не покидать округ.

Дэнни качает головой.

— На самом деле, я планирую покинуть округ и даже штат. Мое имя было напечатано в бесплатной раздаточной газете. Я — главный подозреваемый, и кто-то захотел, чтобы об этом узнал весь центральный Канзас. — Дэнни бросает взгляд на Жальбера. Жальбер невозмутимо смотрит в ответ.

— Я могу вас заверить, что никто из участников расследования убийства не передавал ваше имя прессе, — говорит Хеллер. — Это было прискорбно, но, тем не менее, я вам крайне не следует покидать город Маниту, не говоря уже о штате Канзас. Это может иметь последствия...

— Арестуйте меня, — предлагает Дэнни. — Если хотите удержать меня в Канзасе, тогда арестуйте меня.

Хеллер пристально смотрит на него. Элла Дэвис смотрит на свои руки, сложенные на столе. Рэмзи, похоже, изучает потолок. Жальбер открыто сверлит его взглядом.

— Вы не можете, — говорит Дэнни. — У вас нет доказательств того, что я убил Ивонн Уикер, потому что я этого не делал. Я только сообщил о теле. Так что не говорите мне, что будут последствия.

— Вообще-то будут, — почти извиняясь, произносит Болл. — Иск за ложный арест. Поданный мной.

— Я настоятельно рекомендую вам никуда не уезжать, — повторяет Хеллер. — Бегство усугубит ситуацию и вызовет большие подозрения в вашей виновности.

Из угла Жальбер произносит мягким голосом:

— Он виновен.

Дэнни достает из заднего кармана сложенный листок бумаги и протягивает его через стол, но не Хеллеру, а Дэвис.

— Тут написано: "Убирайся, ты, гребаный убийца, или пожалеешь". Листок был обернут вокруг кирпича. Кирпич был брошен в мой трейлер посреди ночи. Это последствия публикации моего имени в газете, мистер Хеллер. Колодец отравлен, среда испорчена. — Он снова бросает взгляд на Жальбера. — Следующий кирпич может прилететь мне в голову.

Рэмзи спрашивает:

— Куда вы собираетесь?

— Думаю, в Колорадо. У меня там брат, и я редко его вижу.

— Неважно, куда ты уедешь, — говорит Жальбер. — Мисс Уикер будет преследовать тебя, как неприятный запах. От которого невозможно будет избавиться.

Дэнни понимает, что Жальбер, скорее всего, прав. Он смотрит на Рэмзи.

— А другие подозреваемые у вас есть? Хоть кто-нибудь? Может быть, парень, которого она бросила, и он был этим недоволен? Плохие отношения в семье?

Рэмзи отвечает:

— Следственное управление Оклахомы не имеет привычки делиться информацией с подозреваемыми.

Дэнни другого и не ожидал. Он догадывается, что у полиции Оклахомы нет никаких подозреваемых, и на то есть веские причины. Наверное, между Ивонн Уикер и её убийцей нет никакой связи. Она ловила попутку, попала к плохому человеку, и это стоило ей жизни.

Он встает.

— Я покидаю вас.

Никто его не останавливает, но Жальбер говорит:

— Ты ещё вернешься.

38

На парковке Дэнни пожимает руку своему адвокату, который приехал из Маниту на огромной "Хонде". Он почти ничего не сказал... за исключением той шутки про иск за ложный арест. Это была хорошая острота. В остальном, что тут скажешь?

— Ты уверен, что хочешь рискнуть с Дэвис? — спрашивает Болл.

Дэнни пожимает плечами.

— Думаешь, она арестует меня за хранение, когда я покажу ей кокаин? По сравнению с тем, что мне грозит, это незначительный риск.

Болл покачивается на ногах взад-вперед.

— Если ты убил её, то ты самый искусный лжец, которого я когда-либо встречал. Даже лучше моего дяди Реда, а я думал, это невозможно.

— Я не убивал, — говорит Дэнни. Ему надоело это повторять.

39

От участка КБР до места встречи с Эллой Дэвис всего пара миль, но Дэнни едет длинным путем по убогому центру Грейт-Бенда, постоянно поглядывая в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Когда он, наконец, подъезжает к кофейне "Кофе Хат", на часах уже восемь тридцать. Впереди он видит асфальтированную парковку, сзади — грунтовую. Дэнни паркуется рядом с внедорожником РАВ4. Он уверен, что эта машина принадлежит Дэвис. На пассажирском сиденье лежит фигурка, которую он узнает благодаря Дарле Джин. Это Эльза Ольденбург из "Холодного сердца".

Он заходит в кофейню. Дэвис сидит в кабинке за углом от стойки, откуда её не было видно с главной парковки.

— Я думала, ты не придешь, — говорит она. — Уже собиралась уходить.

— Я хотел убедиться, что за мной не следят. Насколько это было возможно.

Она поднимает брови.

— Ты в самом деле параноик, да?

— Это было ради твоей безопасности, как и моей. Не думаю, что Жальберу понравится, что ты встречаешься со мной за его спиной.

Приход официантки избавляет Эллу от ответа. Дэнни, который на обед съел лишь сэндвич, заказывает деревенскую ветчину с подливкой и колу.

— Тебе грозит закупорка артерий, — замечает Дэвис, когда официантка уходит.

— Это лучше, чем кирпичом по голове.

— Фрэнк Жальбер думает, что ты сам написал ту записку.

— Неудивительно.

— Зачем мы здесь, Дэнни? У меня няня, за время которой надо платить.

Дэнни рассказывает ей о том, как Жальбер заявился в школу якобы для того, чтобы сообщить ему, что нужно дать официальные показания. А также для того, чтобы показать ему фотографию убитой горем семьи Уикер в газете "Оклахоман".

— Но на самом деле у него была другая причина. Я бы ничего не узнал, если Джесси, парень, с которым я работаю, не сказал бы, что Жальбер припарковался сзади школы, хотя от парковки для персонала, которая летом пустует, до входной двери всего несколько шагов. Это меня насторожило. Я проверил машину и нашел маленький конверт под водительским сиденьем своего пикапа. — Он протягивает ей коробочку от жареного пирога. — Он здесь. Может быть, это героин, но я думаю, что это кокаин.

Впервые с момента их встречи профессиональная маска Дэвис дает трещину. Она приоткрывает коробку и заглядывает внутрь.

— Я держал конверт только за края. Сомневаюсь, что он оставил какие-то отпечатки, он слишком умен для этого, но на всякий случай можно проверить.

Профессиональная маска быстро возвращается.

— Давай уточним. Ты обвиняешь Фрэнка Жальбера, который более двадцати лет служит инспектором КБР и имеет полдюжины наград, включая две за храбрость, в том, что он подбросил в твою машину наркотики?

— Уверен, что он — крутой коп, но он убежден, что я — убийца. — Хотя это не совсем правильно, не совсем точно. — Точнее, он одержим, и я удивлюсь, если ты этого не заметила.

— Ты мог сам себе это подбросить, Дэнни.

— Это ещё не всё. — Он рассказывает ей о театральной остановке на шоссе и о том, как патрульный Кальтен проводил обыск, заглядывая в основном под водительское сиденье. — Все остальные места он осмотрел поверхностно, потому что знал, где искать. А насчет того, что я сам себе это подбросил... спроси Джесси Джексона о том, как Жальбер припарковался сзади школы. Он расскажет.

Подходит официантка с заказом Дэнни. Дэвис смахивает коробку от пирога в свою сумку. Когда официантка уходит, Элла указывает на его тарелку и говорит:

— Выглядит как собачья отрыжка.

Дэнни смеется и принимается за еду.

— Вот! Наконец-то в тебе проглянулся человек.

— Да я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо. А ещё я работаю в Канзасском бюро расследований, и поэтому я — сомневающийся Томас⁴³.

— Жальбер выдал мое имя той газетёнке. "Плейнс Трут".

— Это лишь твои слова. Ты так же одержим им, как и он тобой.

⁴³ аналог нашего Фомы неверующего

— Мне приходится, он пытается повесить на меня преступление, которого я не совершал. И как я могу дать отпор? Спустить ему шины? Приклеить на его черный пиджак записку “ПНИ МЕНЯ ПОСИЛЬНЕЕ”? Только поговорить с тобой, хотя это огромный риск. Мой адвокат сказал, что ты можешь арестовать меня за хранение.

— Я не собираюсь этого делать.

Она наблюдает, как он ест, и теребит маленький золотой крестик на шее.

— Допустим, Фрэнк выдал твоё имя тому изданию и подбросил кокаин в твой пикап. Предположим, это не тальк или маннитол. Просто предположим это. Доказывает ли это, что ты не изнасиловал и не убил Ивонн Уикер? Как по мне, так нет.

Дэнни не может это оспорить.

— Я отправлю на анализ то, что находится в твоём конвертике, и поговорю с тем парнем из "Плейнс Трут", Андерссоном. Пришли мне смс-кой номер твоего помощника, и я свяжусь с ним тоже. Теперь мне пора. — Она начинает вставать.

— Этот маленький золотой крестик — он для показухи или ты верующая?

— Я хожу на мессу, — настороженно отвечает она.

— Значит, ты можешь верить в Бога, но не в то, что мне приснился сон о трупe Уикер. Правильно?

Она быстро касается маленького золотого крестика.

— Иисус совершил тридцать чудес, Дэнни. Ты видел один сон. По крайней мере, так ты говоришь. Оплати счет. Я пила только кофе.

Дэнни говорит:

— Леди, вы не представляете, как сильно я жалею, что видел этот дурацкий, нет, этот грёбанный сон.

Элла Дэвис делает паузу. На её лице появляется едва заметная улыбка.

— Ты обаятельный парень, Дэнни. Разумный. Дружелюбный. По крайней мере, такое лицо видит весь мир. Что скрывается под ним, я не знаю. Но открою тебе секрет. — Она склоняется над ним, маленький золотой крестик покачивается. — Я бы хотела тебе поверить. Может быть, даже поверила бы, если бы это был не единственный грёбанный экстрасенсорный сон, который тебе приснился. Почему именно ты, спрашиваю я себя?

— Отличный вопрос, — говорит он. — Парни, выигравшие в лотерею, наверное, задают себе тот же вопрос. Только здесь всё наоборот — я проиграл. И я не знаю, почему именно мне приснился этот сон. Тебе проще поверить, что я её убил, да?

— Безусловно.

— Сделай мне одно одолжение. Будь осторожна с Жальбером. Он может быть очень опасен. Дело не только в подбрасывании наркотиков или передаче моего имени прессе. Эта его мания считать — это что-то странное. Я посмотрел, как это называется, это...

— Арифмомания, — вырывается у неё, а потом она словно жалеет, что это сказала. Она уходит, не оглядываясь, ее большая сумка раскачивается из стороны в сторону. Подходит официантка и говорит:

— Оставь место для черничного пирога, сладкий.

— Постараюсь, — молвит Дэнни.

40

По пути в отель Жальбер звонит по одноразовому телефону.

— В его машине не было наркотиков, — сообщает Кальтен. — Ни под сиденьем, ни где-либо ещё.

— Всё в порядке, — говорит Жальбер, хотя это не так. Всё совершенно не в порядке. — Он нашел их и избавился, вот и всё. Как волк, учувший капкан. А что касается вас, патрульный, вы ничего не знаете, верно? Вы просто остановили его, потому что он вилял по дороге.

— Верно, — подтверждает Кальтен.

— Было бы разумно удалить этот звонок.

— Так точно, инспектор. Извините, что не получилось.

— Я ценю ваши усилия.

Жальбер завершает разговор и прячет одноразовый телефон под сиденье. Он оставит его у себя еще на некоторое время, может, дней на десять (пять плюс пять, четыре плюс шесть и так далее), а потом выбросит и заменит на новый.

Знает ли Кофлин, что Жальбер подбросил наркотики? Конечно. Может ли он что-то с этим сделать? Нет. Полиция скажет, что он сам их себе подбросил. Но то, что он их нашел... Жальбер этого не ожидал. Кофлин действительно похож на волка, который может учуять ловушку, как бы хорошо она ни была замаскирована. Он будет убивать снова и снова, если его не остановить. И его нужно остановить, не только ради бедной мисс Ивонн, но и ради других девушек, которым может не повезти оказаться с ним на узкой дорожке.

"А если он уедет в Колорадо", — думает Жальбер, — "мы можем потерять его из виду. Животные умеют прятаться. Умеют скрываться в зарослях".

Его нужно остановить здесь, в Канзасе.

— Арестуйте меня, — шепчет Жальбер, обрушивая кулак на руль. — Какая самоуверенность. Какое нахальство. Но знаете что, мистер Кофлин? Игра еще не закончена. Далеко не закончена. — Он вспоминает лицо Кофлина. Его постоянные отрицания с честным лицом. Его наглость.

"Арестуйте меня".

Жальберу нужно успокоиться, чтобы обдумать свой следующий шаг. Ему нужно посчитать.

41

Портье гостиницы "Селебрейшн Сента" просматривает пикантный каталог под названием "Какого чёрта". Он раздумывает над покупкой футболки с надписью "Для медведей люди в спальнях мешках — это мягкие тако⁴⁴". Его занятие прерывает гость, который уверенно шагает к стойке... и это не просто гость, а инспектор из КБР. К тому же он выглядит злым, даже разъяренным. Лицо у него покраснело, вплоть до его лохматого мыса вдовы, который комично растрепался... хотя портье сейчас не до смеха. Глаза инспектора широко раскрыты, они выпуклые и налиты кровью. Портье в спешке запикивает порнокаталог под стойку и спрашивает, чем может помочь.

— Стулья пропали.

— Какие стулья, сэр?

— Складные стулья. У меня было четыре складных стула из конференц-зала, или бизнес-центра, или как вы там это называете. Я расставил их так, как мне нужно, и они исчезли!

— Должно быть, уборщицы...

— На моей двери висела табличка "Не беспокоить"! — кричит Жальбер. Женщина, направлявшаяся в сувенирный магазин, бросает на него испуганный взгляд.

— Эти таблички довольно старые, — говорит портье, прикидывая, вооружен ли инспектор. — Иногда они падают, и горничные не замечают...

— Табличка не упала! — Жальбер на самом деле не знает, упала она или нет; он слишком расстроен. Ему очень нужны были эти стулья. Он с нетерпением ждал встречи с ними.

— Я пошлю кого-нибудь...

— Не утруждайтесь, я сам сделаю это. — Жальбер старается сбавить тон, понимая, что немного перегнул палку, но всё равно: зайти в свой номер и обнаружить, что стульев нет! Это был шок.

Он идет в бизнес-центр и забирает пять стульев. Но два в одной руке и три в другой — это как-то неправильно. Несбалансированно. Он раздумывает, взять ли шестой или вернуть один. Это трудный выбор, потому что он постоянно думает о Кофлине, о том, как нагло и нахально тот выглядел, когда говорил: "Если хотите удержать меня в Канзасе, арестуйте меня". А затем — завершающий, приводящий в бешенство штрих: "Вы не можете". Приводящий в бешенство, потому что Кофлин говорил правду.

"Но только пока", — думает Жальбер.

⁴⁴ Тако — традиционное блюдо мексиканской кухни

Он решает взять четыре стула и шепотом отсчитывает шаги до лифта по четыре: "Раз два три четыре, два два три четыре, три два три четыре". Он знает, что это странно, но в то же время безвредно. Способ успокоить неплодотворные и неконструктивные мысли и очистить разум. Когда он возвращается к стойке, то доходит до "девять два три четыре", итого тридцать шесть. Портье он говорит:

— Я перегнул палку. Приношу свои извинения.

— Ничего страшного, — отвечает портье и смотрит, как инспектор Жальбер идет к лифту. Похоже, он что-то бормочет себе под нос. Портье думает, что мир наполнен самыми разнообразными людьми. "Оригинальная мысль", — думает он. — "Эта фраза отлично смотрелась бы на футболке".

42

В своем номере с "канзасской простотой" Жальбер расставляет стулья и начинает считать. Он знает, что в последнее время делает это часто, возможно, слишком часто, но это помогает. В самом деле помогает. И, может, он делал это часто даже до Кофлина, может, это серьёзная проблема — стулья и подсчет. Он осознает, что в последнее время числа редко выходят у него из головы — он складывает их, делит, — и это может оказаться зависимостью. Иногда, когда он считает, числа вырываются у него изо рта, как чёртик из коробочки. Так было с Кальтенем и, хотя он не может точно вспомнить, так могло быть с портье. Безусловно, портье подумал, что он ведет себя как-то странно по отношению к складным стульям. Он должен что-то предпринять, пока это не вышло из-под контроля — может, это гипноз? — и он сделает это, как только Кофлина предъявят обвинение в убийстве мисс Ивонн, а пока ему нужно спланировать свои последующие действия. Подсчет помогает. Особенно со стульями.

Он идет от складного стула к кровати, что составляет четыре шага. От кровати до закрытого сиденья туалета — еще одиннадцать шагов. Итого пятнадцать, то есть от 1 до 5, добавленных последовательно. Далее переходит к стулу у стола в гостиной. Это еще четырнадцать. Что даёт в сумме...

На мгновение он не может сообразить, что получается в сумме, и его охватывает паника. Бедная мисс Ивонн зависит от него, её семья зависит от него, и если он не может произвести простейшие арифметические действия, то как он вообще может...

"Двадцать девять", — думает он, и его охватывает облегчение.

Его расстройство — это всё вина Кофлина.

— Арестуйте меня, — бормочет Жальбер, сидя ровно и прямо на одном из складных стульев. — Вы не можете. Вы не можете.

Кофлин решил покинуть штат? Жальбер может считать сколько угодно, но этого он не предусмотрел. Как сможет он, инспектор Фрэнк Жальбер, продолжать оказывать давление, если Кофлин просто свернет свои пожитки и уедет?

Он считает. Он складывает. Иногда делит. Мысль убить Кофлина приходит ему в голову, причём не в первый раз; он уверен, что сможет выйти сухим из воды, если будет осторожен, и это спасёт девушек, которых может постигнуть участь бедной мисс Ивонн. Но без веских доказательств вины Кофлина — или признания, что еще лучше — этот ублюдок умрет невиновным человеком.

И это неприемлемо.

Жальбер идет от одного стула из номера к другому стулу, затем к кровати, к складному стулу, к сиденью туалета, к другому складному стулу. Он ложится на некоторое время, надеясь заснуть, хотя бы немного отдохнуть, но когда закрывает глаза, то видит наглое лицо Кофлина.

"Арестуйте меня. Не можете, да?"

Он вскакивает с кровати и снова начинает считать со стульями.

"Это в последний раз", — уговаривает он себя. — "Потом я смогу уснуть. И когда проснусь, буду знать, что делать дальше".

Сидя на сиденье унитаза, он закрывает лицо руками и шепчет:

— Я делаю это для тебя, мисс Ивонн. Всё для тебя.

Хотя это ложь, и он знает это. Мисс Ивонн уже не помочь. А Дэнни Кофлин жив. И на свободе.

43

В субботу утром Элла Дэвис едет в Маниту. Ее дочь пристёгнута на заднем сиденье машины, она поглощена "Айпадом-мини", который ей подарили на день рождения. Элла сказала Дэнни Кофлину, что у нее есть няня, за время которой надо платить. Это была ложь, но она не чувствует себя виноватой. В конце концов, он лжёт о Ивонн Уикер, и его ложь даже больше, чем её.

"Ты уверена, что он лжёт? Абсолютно уверена?"

Элла и Лори остановились у Реджины в Грейт-Бенде. У Реджи есть дочь, ровесница Лори, и идея с празднованием дня рождения на самом деле принадлежала Реджи. Она без ума от Лори и с радостью оставляет ее у себя, когда Дэвис нужно работать.

"На сто процентов уверена?"

Она убеждает себя, что так и есть. Она уже не уверена, что он сообщил местоположение тела девушки из угрызений совести и желания понести наказание за свое ужасное преступление. Если бы это было так, то он бы уже давно признался. Теперь она считает это своего рода наглостью и спесью.

— Он играет с нами в кошки-мышки, — бормочет она.

— Что, мамочка?

— Ничего, дорогая.

— Мы почти приехали?

— Еще три-четыре мили.

— Хорошо. Я выигрываю в "Пивной понг".

— Какой понг?

— Я бросаю маленькие шарики в стаканчики с пивом. Когда они попадают, слышится "плюх", и я получаю очки.

— Здорово, Лори.

Она думает: "Пивной понг. Моя восьмилетняя дочь играет в Пивной понг". Она думает: "А что, если он говорит правду? Что, если ему действительно приснился этот сон?"

Каждый раз одна и та же история, без существенных отклонений и тех признаков лжи, которым её обучали: взгляд влево, облизывание губ, повышение голоса, как будто громкость убедит в правдивости. Он также не перебарщивает с подробными разъяснениями, избегая риска запутаться в собственной лжи. Возможно ли, что он сам себя убедил? Возможно ли, что его рациональный разум, ужаснувшись тому, что натворило животное, сидящее в глубине его души, создал свою собственную альтернативную реальность?

Возможно ли, что он говорит правду?

Сегодня утром она позвонила Джексонам в Маниту и спросила Джесси, не согласится ли он поговорить с ней. Он согласился без колебаний, и вот она уже сворачивает на подъездную дорожку Джексонов. Она приехала сюда не потому, что верит Дэнни насчет сна. Она здесь, потому что практически верит ему насчет Жальбера. Если Фрэнк действительно делал то, о чем говорит Дэнни, это может серьезно обрушить их шансы на успешное дело. Более того, это неправильно. Это плохая работа полиции. Её беспокойство по поводу напарника растёт. Она готова разозлиться на него.

"Чушь, ты уже на него злишься".

— Это точно, — говорит она.

— Что, мамочка?

— Ничего, Лор.

Миссис Джексон развешивает белье. Маленький мальчик, наверное, ровесник Лори, качается на качелях неподалеку, напевая эту ужасную песенку "Акулёнок"⁴⁵. Когда Дэвис открывает заднюю дверь и выпускает Лори из машины, мальчик спрыгивает с качелей и подбегает к ним, внимательно разглядывая новоприбывших. Лори стоит рядом с Эллой, положив руку на ногу матери. Миссис Джексон поворачивается к Элле и приветствует её.

— Здравствуйте. Я — инспектор Дэвис, хотела бы пообщаться с Джесси.

— Он дома. Джесси! К тебе пришли!

⁴⁵ детская танцевальная песня о семействе акул, самое просматриваемое видео на YouTube

Маленький мальчик говорит:

— Я — Люк. Это "Айпад-мини"?

— Да, — отвечает Лори. — Мне подарили его на день рождения.

— Круть!

— Меня зовут Лори Роуз Дэвис. Мне восемь лет.

— Мне тоже, — говорит Люк. — Хочешь покачаться на качелях?

Лори смотрит на Дэвис.

— Можно, мамочка?

— Да, но будь осторожна. Не сломай свой айпад.

— Не ломаю!

Они бегут к качелям.

— Милашка, — говорит миссис Джексон. — У меня только мальчики. Много бы отдала за такую.

— С ней иногда бывает непросто, — отвечает Элла.

— Попробуйте справиться с Люком, он не даст скучать. — Она возвращается к развешиванию белья.

Джесси выходит из дома, одетый в джинсы и простую белую футболку. Он без колебаний подходит к Дэвис и пожимает ей руку.

— Рад поговорить, если это насчет Дэнни. Сразу скажу, я не думаю, что он сделал то, в чем его обвиняют. Он хороший человек.

Дэвис слышала это уже несколько раз, даже от Бекки Ричардсон, бывшей подруги Дэнни. Теперь, конечно, Ричардсон не хочет иметь с ним ничего общего, но продолжает повторять, что "он — самый приятный парень на свете". А ещё Ричардсон верит в историю со сном.

— Я хочу поговорить не о Дэнни Кофлине, по крайней мере, не только о нём, — говорит Дэвис.

— Это правда, что вчера инспектор Фрэнк Жальбер заходил к нему в школу?

— Да. Мне он не понравился.

— О? Почему?

— Он уже всё решил. Я понял это просто по его взгляду на Дэнни.

"Ну", — думает она, — "я ведь тоже всё уже решила. Так же?"

— Дэнни сказал, что ты видел, как инспектор Жальбер припарковался сзади школы.

— Верно. А что?

— Он припарковался рядом с машиной Дэнни?

— Нет, возле школьных автобусов, но это довольно близко. Эй, он что-то положил в пикап Дэнни? Попробовал подставить его? Я бы не удивился. Он выглядел так, словно готов был такое сделать.

— Ты видел, как он что-то положил в машину Дэнни?

— Нет...

— Ты видел, что он подходил к машине Дэнни? Осматривал её? Ну, как некоторые парни смотрят на машины?

— Нет, как только я увидел, что он вышел из машины, я сразу побежал к Дэнни. Потом вернулся к работе. Дэнни сказал, что последний рабочий день — это не повод сачковать.

— Мне жаль, что ты потерял работу из-за Кофлина.

Лицо Джесси мрачнеет.

— Не из-за него. Трусливая школьная администрация сказала, что Дэнни должен уйти, а я вместе с ним. Они придумали кучу дерьмовых отмазок...

— Джесси, следи за языком, — делает ему замечание мать. — Ты разговариваешь с офицером, представителем закона.

— Просто меня это бесит. Они наверняка ему наврали, что увольняют не из-за той девушки. А как же презумпция невиновности?

"Я это постоянно слышу", — думает Элла.

— Он ушел, поэтому и я должен был уйти, — говорит Джесси. — Я понимаю, что я всего лишь подросток. Но мне нужны были эти деньги для колледжа.

— Ты найдешь другую работу, — говорит Дэвис.

— Уже нашел. На лесопилке, — Джесси корчит гримасу. — Платят лучше, пока я не отрежу себе руку.

— Лучше не надо, — говорит его мать. — Рука тебе еще пригодится.

Лори и Люк бросили качели. Теперь они сидят в тени дерева в маленьком дворе, склонив головы друг к другу, и смотрят на "Айпад-мини". Дэвис видит, как дети хихикают над увиденным на экране. Внезапно ей становится хорошо и радостно от того, что она приехала сюда. После стольких лет, проведенных с Жальбером, она словно вышла из затхлого помещения на свежий воздух.

— Давай уточним, — говорит Дэвис, доставая блокнот. — Ты видел, как инспектор Жальбер припарковался сзади школы...

— Да, хотя припарковаться спереди было бы гораздо ближе.

— Но ты не видел, чтобы он подходил к пикапу Дэнни Кофлина или прикасался к нему?

— Я же сказал, мне нужно было вернуться к работе.

— Хорошо, поняла. — Она улыбается и дает ему свою визитку. — Если тебе еще что-нибудь вспомнится...

— Вы бы только видели его! — вспыхивает Джесси. — Размахивал той газетой перед лицом Дэнни. Как низко! После того, как Дэнни оказал копам услугу! Мне кажется, этому парню даже не важно, кто это сделал, он просто хочет посадить Дэнни в тюрьму.

— Хватит, Джесси, — останавливает его мать. — Прояви немного уважения.

— Это Жальбер не проявил никакого, — отвечает Джесси, и Дэвис мысленно соглашается с ним. Но это оправдано. Когда перед тобой стоит насильник-убийца, манеры часто отходят на второй план.

— Спасибо, что уделил мне время. Пойдем, Лори, нам пора.

— Мы только что пришли! — стонет Лори. — Мы с Люком играем в "Корги Хоп"! Это так прикольно!

— Пять минут, — даёт ей время Элла. Ее бывший муж утверждает, что она избаловала дочку, и, наверное, он прав. Но Лори — это всё, что у неё есть, её единственная любовь. От мысли о том, что Кофлин может прикоснуться к ней своими грязными окровавленными руками, вообще к любой девочке, холод пронизывает Эллу до глубины души.

— Миссис Джексон, можно помочь вам развесить одежду, пока я жду, когда дети закончат играть?

— Если хотите, — говорит миссис Джексон, она одновременно удивлена и польщена. — Прищепки в той сетчатой сумке.

Две женщины быстро управляют с бельем как одна команда. Дэвис думает о том, почему Жальбер припарковался возле пикапа Кофлина. Она не верит — не может поверить, — что Дэнни Кофлину приснилось место, где была похоронена убитая девушка, но она всё больше склоняется к мысли, что Фрэнк Жальбер, инспектор с кучей наград за хорошую службу, подбросил наркотики, а затем уговорил какого-то полицейского остановить Дэнни по дороге в Грейт-Бенд. Она просто не может это доказать, так же как они не могут доказать, что Дэнни Кофлин убил Ивонн Уикер.

"Оставь это, не лезь туда", — говорит она себе, прикрепляя прищепку на последнюю простыню.

Вероятно, это хороший совет, но она не может ему следовать. Если Жальбер перешел черту, она не может стоять в стороне и равнодушно глядеть на это. И у нее есть еще один человек, которого нужно допросить. Вероятно, это ни к чему не приведет, но хотя бы она сможет сказать себе, что пыталась.

— Хотите стакан чая со льдом? — спрашивает миссис Джексон, подхватывая корзину для белья.

— Звучит заманчиво, — отвечает Элла и следует за ней к дому.

В одном она уверена: это будет её последнее дело с Фрэнком. Всё прочее не в счет, но Дэнни абсолютно прав в том, что это навязчивое подсчитывание, арифмомания, жутковато. И с каждым днем становится всё хуже.

44

В воскресенье в десять тридцать утра кто-то стучит в дверь трейлера Дэнни. Он ожидает увидеть Жальбера или Дэвис, но это Билл Дамфрис, вышедший на пенсию подрядчик, который познакомил его с Эдгаром Боллом. Видно, что ему неловко и некомфортно. Он скрестил руки на своей мясистой груди и избегает взгляда в глаза. Дэнни догадывается, что Билл пришел не для того, чтобы пригласить его на ужин.

— Привет, Дэнни.

— Привет. Чем могу помочь?

Дамфрис вздыхает.

— Нелегко такое говорить, поэтому просто выложу как есть. Большинство людей в парке считают, что было бы лучше, если бы ты уехал.

Дэнни и сам планировал выехать отсюда, но ему всё равно становится неприятно.

— Хочешь зайти, выпить чашечку кофе? Поговорить об этом?

— Лучше не стоит. — Дамфрис бросает взгляд в сторону своего трейлера, и Дэнни видит Алтею Дамфрис, стоящую на верхней ступеньке и наблюдающую за ними. Вероятно, хочет убедиться, что Дэнни не схватит свой нож для убийства и не начнет резать им её мужа. Это забавно в каком-то смысле; если Дэнни нападет на Билла, тот разорвет его пополам.

— Вчера вечером было что-то вроде собрания, — говорит Дамфрис. Румянец поднимается по его шее и заликает щеки. — Люди говорили о том, чтобы составить петицию, но я сказал, к чёрту это, я сам с ним поговорю. Скажу ему, в какую сторону дует ветер.

Дэнни вспоминает свою мать, у которой были поговорки на все случаи жизни. Одной из них была: "Нет худа без добра, даже дурной ветер приносит что-то хорошее". Вот и подул дурной ветер, и он знает имя злого колдуна, который его вызвал. Но как бы он ни был зол на Жальбера, Дэнни не хочет причинять ему зла. Это только усугубит его положение. Всё, чего он хочет, это уйти из-под его влияния, из-под его давления. И чем скорее, тем лучше.

— Скажи людям, чтобы не волновались. — Дэнни машет Алтее Дамфрис, с трудом сдерживая желание показать ей средний палец. Она не машет в ответ. — Скоро я уеду. Вы не хотите, чтобы я здесь жил, а я не хочу тут оставаться. Моя мать сказала бы, что это лишь доказывает, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— Ты действительно не убивал её.

— Нет, Билл. Я действительно не убивал её. И единственный, кто более менее верит мне, это адвокат, которого ты посоветовал. Не знаю, можно ли назвать это иронией или нет.

— Куда ты собираешься уехать?

Биллу Дамфрису необязательно знать, что Дэнни сам еще не определился с этим, но поскольку Биллу хотя бы хватило смелости встретиться с ним (правда, без зрительного контакта), Дэнни аккуратно закрывает дверь трейлера, а не захлопывает её перед лицом Билла.

Вернувшись в свою жилую зону, он звонит брату через приложение "ФейсТайм", зная, что у Стиви сейчас перерыв. Стиви придерживается регулярного расписания и сильно расстраивается, если что-то выбивает его из привычного графика. В этом отношении, думает Дэнни, он похож на более солнечную версию Жальбера.

Стиви сидит на коробке с туалетной бумагой "Шармин" и ест снэк "Твинки". Его лицо светлеет, когда он видит Дэнни.

— Как дела, Дэнни-бо-бэнни?

— Думаю, может, переехать в Колорадо, — говорит Дэнни. — Что скажешь?

На лице Стиви отражаются смешанные чувства: и радость, и беспокойность.

— Ну... может быть. Но почему? Почему ты хочешь переехать?

— Устал от Канзаса, — говорит Дэнни. И это абсолютная правда. Затем он понимает, почему Стиви так обеспокоен, что перестал жевать свой снэк. Стиви Кофлин — существо привычки; рутина помогает ему чувствовать себя в безопасности, и любое её изменение выбивает его из колеи. Его девиз: стабильность, безопасность, минимум риска, минимум перемен, минимум осложнений. Держи кузов сверху, а колеса снизу. Он главный по информационным технологиям в "Кинг Суперс", у него даже есть табличка с соответствующей надписью, и он любит свою комнату и друзей в интернате.

— Я не говорю о том, чтобы мы переехали вместе, — говорит Дэнни. — Возможно, я даже не буду жить в Боулдере. Я присмотрел несколько мест в Лонгмонте, ну, через Интернет...

Стиви расплывается в улыбке облегчения.

— Лонгмонт — классное место!

Дэнни сомневается, что Стиви там когда-нибудь был.

— Я тоже такое слышал, и аренда там дешевая. Ну... дешевле. Мы могли бы иногда ужинать вместе... может, ходить в кино... могли бы сходить в один из твоих походов...

— Вест-Магнолия! Мад-Лейк! Я покажу тебе эти места! Отличные походы! Дикая природа! Я делаю там так много фотографий, что ты не поверишь. Мад-Лейк, я знаю, что название некрасивое⁴⁶, но на самом деле это красивое место!

— По-моему, звучит превосходно, — говорит Дэнни, а затем добавляет еще кое-что, что тоже является чистой правдой. — Я скучаю по тебе, Стиви.

⁴⁶ Озеро грязи

Теперь, когда Стиви знает, что ему не придется отказываться от интерната — и, возможно, от Джанет, — он приходит почти в экстаз.

— Я тоже скучаю по тебе, Дэнни-бо-бэнни. Ты должен приехать! Роки Маунтин Хай в Кол-орааадо!

— Звучит отлично. Я расскажу тебе подробнее, когда узнаю больше.

— Хорошо. Это хорошо. Дай мне одну задачку. Но только быстро, у меня заканчивается перерыв.

Снова Дэнни готов.

— Сардины "Кинг Оскар".

Стиви смеется.

— Конец шестого ряда, верхняя полка слева, прямо перед торцевой крышкой. Упаковка из четырех штук, девять долларов и девяносто девять центов.

— Ты лучший, Стиви. Им повезло, что у них есть ты.

— Знаю, — соглашается Стиви и хихикает.

45

В понедельник Жальбера вызывают в Уичито для доклада по делу Ивонн Уикер. Там будет присутствовать высшее руководство, а также прокурор из округа Уайлдер. В округе Дарт даже нет окружного прокурора, рассказывает Жальбер Дэвис.

— Хочешь, я поеду с тобой? — спрашивает Элла.

— Нет. Я хочу, чтобы ты надавила на Кофлина по поводу тех промежутков в первые три недели июня. Постучи во все двери в том трейлерном парке. Поговори с Бекки Ричардсон...

— Уже поговорила...

Он делает рубящее движение рукой, жест, который для него совсем не характерен.

— Поговори с ней еще раз. И с её дочерью. Спроси, не чувствовала ли она дискомфорт из-за Кофлина. Может, он приставал к ней, трогал.

— Господи, Фрэнк!

— Что "Господи"? Ты думаешь, то, что он сделал с мисс Ивонн, взялось из ниоткуда? Должны были быть какие-то признаки. Так ты со мной или нет?

— Да, конечно.

— Хорошо. Девятнадцать.

— Что?

— Это единственное хорошее простое число⁴⁷, — говорит Жальбер, снова делая рубящее движение. — Неважно. Стучись в двери. Найди что-нибудь. Мы не можем дать ему покинуть округ Уайлдер, не говоря уже о штате. Я займусь Уичито.

— Ты сможешь убедить их в аресте Кофлина?

— Я попытаюсь, — говорит Жальбера, — но надежды мало.

Он уходит. Дэвис едет в "Оук-Гроув" и начинает стучаться во все двери, кроме двери Дэнни Кофлина; после их разговора в "Кофе Хат" она не готова с ним снова общаться. Бекки Ричардсон дома, но собирается уходить. Она говорит Дэвис, что ей нужно оказать услугу одному другу. Ей всё равно нечего добавить, только то, что у них с Кофлином были отношения, но теперь всё закончено. Её дочь, Дарла Джин, смотрит на Дэвис большими глазами, сидя перед телевизором. Элла не предпринимает никаких попыток расспросить её.

В одиннадцать часов, после серии бесплодных бесед, которые не дали ей ничего нового, кроме того, что Дэнни согласился покинуть парк, Элла звонит в редакцию "Плейнс Трут". Она думает, что услышит автоответчик, но трубку берет молодой человек.

— Алло.

— Я бы хотела поговорить с Питером Андерссоном, пожалуйста.

— Это я.

— Мистер Андерссон, я — инспектор Элла Дэвис из Канзасского бюро расследований. Я бы хотела поговорить с вами о Дэниеле Кофлине.

Следует долгая пауза. Дэвис уже собирается спросить, на связи ли еще Андерссон, как он снова заговорил, зазвучав еще моложе.

— Мне дали хорошую наводку, и я опубликовал её, ясно? Если указывать его имя было незаконным, то я этого не знал.

"Незнание закона не освобождает от ответственности", — думает Дэвис, но в данном случае нет никакого закона — только общепринятая практика.

— Но если что-то не так с последующей информацией, то полагаю, я могу напечатать опровержение. Если это неправда, конечно.

"Какая последующая информация?" — думает она и мысленно отмечает, что нужно будет взять последний номер "Плейнс Трут".

— Я хочу знать, мистер Андерссон, кто вам дал информацию?

— Полицейский. — Андерссон делает небольшую паузу, а затем выпаливает. — По крайней мере, он сказал, что он — полицейский, и я поверил ему, потому что он был в курсе расследования. Он сказал, что если напечатать имя этого парня, то это окажет на него давление, и он может сознаться.

⁴⁷ 19 — ключевое число в книгах цикла "Тёмная Башня"

— Этот таинственный полицейский вам представился?

— Нет...

— Но вы всё равно опубликовали.

— Ну, это же правда, не так ли? — Андерссон пытается звучать задиристо. — Разве этот Кофлин не тот человек, которого вы подозреваете в убийстве девушки?

— Мистер Андерссон, думаю, мне лучше встретиться с вами лично, — говорит Дэвис.

— О Боже, — говорит он, прозвучав еще моложе.

— В какое время вам будет удобно?

— Думаю, можно в офисе. Я там сейчас. У вас есть адрес? Мы находимся в Кэткарте.

— Да, адрес у меня есть.

— "Трут" почти полностью управляется одним человеком. Только скажите мне одну вещь, мэ. Я нарушил закон, когда напечатал его имя?

— Насколько мне известно, нет, — отвечает Дэвис. — Это не было противозаконно, это было просто паршиво. Я заеду сегодня днем.

46

Дэнни не представляет себе, где будет его следующая остановка — может быть, в Денвере, может, в Лонгмонте, а может, в Арваде, — но после почти трёх лет, прожитых в "Оук-Гроув", его двух маленьких чемоданов не хватит для всех вещей, которые он собирается забрать с собой. Он решает зайти в магазин "Маниту Файн Ликерз" и узнать, не найдётся ли у них пустых коробок для одежды. Возможно, там его не узнают, потому что даже во времена пьянства он обычно ограничивался пивом.

Вскоре после полудня он открывает дверь трейлера и застывает на верхней ступеньке. Дарла Джин Ричардсон установила свой кукольный домик на асфальте в тени офисного здания "Оук-Гроув". Это большой дом, почти особняк. Перенести его из трейлера было очень непросто. Бекки заказала его на "Амазоне" на седьмой день рождения Дарлы Джин, а потом в отчаянии поняла, что его нужно ещё собрать. Дэнни собирал его, а Дарла Джин подавала ему разные детали, оба при этом пели под радио. Это был хороший день.

Сейчас ей девять лет, и он почти год не видел кукольный домик "Мэриголд ДримХаус". Он думал, что она играет с ним в своей спальне. Или она уже из него выросла. Но если она притащила его сюда из своего трейлера, это могло быть только по одной причине.

— Привет, Дарла Джин, чего молчим?

Эта фраза всегда вызывала улыбку на её личике, но не сегодня. Она смотрит на него серьёзным взглядом.

— Она ушла, если из-за неё ты прятался внутри.

Дэнни не нужно спрашивать, о ком говорит Дарла Джин. Элла Дэвис приезжала в парк, стучалась в двери и разговаривала со всеми, кто был дома. Он думал, что она зайдёт и к нему, но она так и не зашла; просто сняла свою маску от ковида и уехала.

— Где мама?

— Она пошла на смену Мариэль в закусочной. У Мариэль стрептодермия. — Это слово Дарла Джин произносит очень тщательно, по слогам. — Она сказала мне остаться одной и за это принесёт мне кусочек торта. А я не хочу торт, мне всё равно, если я больше никогда не буду есть его. Она запретила мне заходить к тебе, поэтому я пришла сюда. Чтобы увидеть тебя, когда ты выйдешь.

Дэнни спускается по ступенькам, проходит половину пути до Дарлы Джин и останавливается. Кукольный домик открыт на петлях, и он видит внутри него Барби и Кена, сидящих за кухонным столом. Барби сидит, неловко вытянув ноги, потому что её колени плохо сгибаются. Как-то они с Дарлой Джин долго обсуждали эти нереалистичные особенности и несовершенства различных кукол: пластиковую кожу, жуткие волосы и другие.

— Почему ты стоишь там? — спрашивает Дарла Джин.

Потому что он ловит на себе взгляды, вот почему. Обвиняемый убийца и маленькая незащищенная девочка. Большинство людей сейчас на работе, но некоторые дома — те, с кем разговаривала инспектор Дэвис, — и они будут наблюдать. Может, не стоит так беспокоиться, но он всё равно волнуется.

Прежде чем он успевает придумать ответ, она говорит:

— Мама спросила, пристаёшь ли ты ко мне. Я знаю, что это такое, это значит опасность от незнакомца, и я сказала, что Дэнни никогда не будет приставать ко мне, потому что он мой друг.

Дарла Джин начинает плакать.

— Дарла Джин, Господи, не надо...

— Ты не убивал ту девушку. Ведь так. — Это не вопрос.

К чёрту зевак-наблюдателей. Он подходит к тому месту, где она сидит, и присаживается рядом на корточки.

— Не убивал. Они думают, что я убил её, потому что мне приснилось, где она была похоронена, но я не убивал её.

Дарла Джин вытирает глаза рукой.

— Мама говорит, что мне больше нельзя ходить к тебе в трейлер и что ты больше не будешь забирать меня из школы. Она говорит, что тебя либо арестуют, либо ты уедешь. Они тебя арестуют?

— Нет, потому что я не сделал ничего плохого.

— Ты уедешь?

— Я должен. Меня уволили с работы, и большинство людей здесь больше не хотят меня видеть.

— Я хочу! А что, если мама снова будет встречаться с Бобби? Он не сможет починить машину, если она сломается! Я ненавижу его, он однажды прогнал меня в комнату без ужина, и мама ничего с ним не сделала!

Она начинает рыдать, и, дважды к чёрту зевая-наблюдателей, Дэнни обнимает её и притягивает к себе. Её лицо прижимается к его рубашке, оно горячее и мокрое, но это нормально. Более чем нормально.

— Она не вернётся к Бобби, — успокаивает он её. — Она знает, что так лучше.

Он понятия не имеет, правда ли она не вернётся или нет, но надеется, что правда. Он никогда не видел своего предшественника, и, насколько известно Дэнни, это мог быть тощий очкарик-бухгалтер, который получает удовольствие от того, что прогоняет маленьких девочек в их комнаты, но он представляет себе здоровяка с короткой стрижкой и множеством татуировок. Кого-то, кого маленькая девочка действительно могла бы бояться.

— Забери меня с собой, — говорит Дарла Джин, уткнувшись в его рубашку.

Дэнни смеётся и взъерошивает её тёмно-русые волосы.

— Тогда они точно арестуют меня.

Она поднимает на него глаза и робко улыбается. В этот момент из трейлера выходит Алтея Дамфрис.

— Отпусти ребёнка! — кричит она. — Отпусти ребёнка сию минуту, или я вызову полицию!

Дарла Джин вскакивает на ноги, слёзы всё ещё текут по её лицу.

— Иди к чёрту! ИДИ К ЧЁРТУ, ТЫ, ЖИРНАЯ СУКА!

Дэнни одновременно и в шоке, и в восхищении. И хотя он уверен, что Дарла Джин только что накликала на себя кучу неприятностей, сам он не смог бы сказать лучше.

47

Элле Дэвис не верилось, что такие городки, как Кэткарт, ещё существуют на свете, даже в самой глубинке Канзаса. Этот пыльный городок с одним-единственным светофором находится примерно в сорока милях к северу от Маниты. Напротив ржавой водонапорной башни, на которой написано "ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЭТКАРТ, ГДЕ ВСЕ ЖИЗНИ ВАЖНЫ", стоит магазин "Куик Шоп". Дэвис покупает себе "Арси-Колу" и берет с полки у кассы газету "Плейнс Трут". На первой полосе — Дэнни Кофлин собственной персоной, втиснутый между рекламой автомобильных шин "Роял Тайрз" и скидками мебельного магазина, где "каждый день — распродажа". Заголовок гласит: ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ УТВЕРЖДАЕТ: "ЭТО ВСЁ БЫЛО СНОМ".

Дэвис включает кондиционер на полную мощность в своей машине и читает статью перед тем, как отправиться на Мейн-стрит. Автор статьи — Питер Андерссон (который, похоже, пишет все статьи для "Плейнс Трут", кроме местных спортивных новостей), и "Нью-Йорк Таймс" вряд ли пригласит его на работу в ближайшее время. Если Андерссон пытался быть ироничным, то у него это не получилось, он добился лишь какого-то тяжеловесного скептицизма. Как ни отвратительно, но она всё больше начинает верить в версию Дэнни. Она отбрасывает это жалкое подобие газеты на заднее сиденье.

Редакция "Плейнс Трут" находится на первом этаже белого каркасного здания в середине Мейн-стрит. Она зажата между магазином "Доллар Три"⁴⁸ и давно закрытым "Вестерн Авто". Здание нуждается в покраске. Доски расшатались, а на гвоздях проступили полосы рыжей ржавчины. Дверь заперта. Дэвис прикладывает руки к окну, чтобы заглянуть внутрь, и видит одну большую захлавленную комнату со старым настольным компьютером, возвышающимся над всем, как древний бог. Стул перед компьютером, похоже, новый, но остальная мебель была либо приобретена на распродаже, либо притащена со свалки. Длинная доска для объявлений завалена макетами рекламы и старыми бумагами, часть из которых пожелтела и свернулась от времени.

— Привет-привет, вы — Дэвис?

Она оборачивается и видит высоченного молодого человека ростом, возможно, в шесть футов и семь или восемь дюймов⁴⁹. Он худой, как игральная карта, и поразительно бледный для этого времени года, когда большинство жителей Канзаса приобретают хотя бы оттенок загара. Черная челка а-ля Гитлер свисает над глазом. Он зачесывает её назад, но она снова падает.

— Да, это я, — отвечает она.

— Подождите, подождите, я открою. — Он открывает дверь, и они заходят внутрь. Она чувствует запах освежителя воздуха, под которым проступает легкий запах марихуаны. — Я был внизу по улице, навещал маму. У нее диабет. В прошлом году она потеряла ногу. Хотите холодного напитка? Думаю, там есть в...

Она показывает ему свою бутылку "Арси-Колы".

— А, понятно. Хорошо, отлично. Что касается вкусняшек, то у нас, к сожалению, пусто. — Он смеется — скорее, хихикает — и убирает челку. Она тут же падает обратно. — Извините, здесь так жарко. Кондиционер не работает. Всегда какие-то проблемы, правда? Мы катим камень, как Сизиф, и всё в таком духе.

Дэвис понятия не имеет, о чем он говорит, но понимает, что он до смерти напуган. Это хорошо.

— Я приехала сюда не за вкусняшками.

— Да-да, конечно. Кофлин, история с Кофлином.

— Оказывается, тут две истории.

⁴⁸ "Доллар Три" — американская сеть магазинов фиксированной цены, продающая товары по цене 1 доллар

⁴⁹ чуть более двух метров

— Две, да, верно, хорошо. Как я сказал по телефону, я полагал, что получаю данные от информированного источника. Полицейского. Он так и сказал. Дорожный патруль Канзаса, сказал он.

— Не КБР? Канзасское бюро рассле...

— Нет, нет, он был из дорожной полиции, я уверен, абсолютно уверен, точно. — Челка падает. Андерссон убирает её.

— Он также дал вам информацию о сне?

— Да, конечно, дал, абсолютно точно, даже предложил мне придерживаться это для следующего номера. Он сказал, что я всё равно опережу остальные газеты. Я подумал, это удачная идея.

— Вы обычно прислушиваетесь к советам анонимных информаторов, мистер Андерссон?

Он снова неприятно, нервно хихикает. Его легче было бы представить в роли убийцы Ивонн, чем Кофлина; в телесериале он бы оказался серийным убийцей с каким-нибудь странным псевдонимом вроде "Репортер".

— Я редко получаю подобные наводки, мисс Дэвис. Мы в основном зарабатываем на рекламе...

— Инспектор Дэвис, — поправляет она его, и не потому, что ей нравится её звание, а потому, что хочет, чтобы он помнил, кто здесь командует парадом.

— Снова спрошу, я напечатал что-то, что не соответствует действительности, инспектор Дэвис?

— Я не в праве это обсуждать, и не в этом суть. Хотя то, что вы сделали, настолько безответственно, что я бы не поверила, если бы не прочитала сама.

— Ну, ну, это немного...

— У вас случайно нет записи этого таинственного звонка? — она не особо на это надеется.

Он смотрит на нее широко раскрытыми глазами и снова неприятно хихикает.

— Я записываю всё.

Она думает, что, должно быть, ослышалась.

— Всё? Seriously? Каждый звонок?

— Приходится. У нас здесь скромная организация, мисс... инспектор. Я также работаю на полставки на лесопилке за городом. Вы, должно быть, проезжали мимо по пути сюда. "Вольф Ламбер"?

Она не помнит, проезжала ли. Она думала о Жальбере. Жестом она просит Андерссона продолжать.

— Пока я работаю на лесопилке или присматриваю за мамой — а за ней требуется много ухода, — все звонки, которые я получаю (большинство из них по поводу рекламы, но

некоторые — от Хёрда Конвея, он ведет спортивные новости), записываются и сразу загружаются в облако.

— Вы их не стираете?

Он хихикает.

— Зачем? В облаке полно места. Многие обитатели, как говорится в Священном Писании. Душе моей просторно, как писал Шекспир⁵⁰. Может, наша система не подойдет для большой городской газеты, но для нас она в самый раз. Сейчас я вам покажу.

Андерссон включает компьютер и вводит пароль. Дэвис далеко не перфекционистка, но рабочий стол компьютера настолько загроможден иконками, что от этого болят глаза. Андерссон подводит курсор к значку телефона и нажимает его. Из динамиков на всю комнату раздается сообщение. Он морщится и убавляет громкость.

— Вы позвонили в "Плейнс Трут", голос центрального Канзаса и лучшее место для вашей рекламы. Мы — бесплатная еженедельная газета новостей и спорта, иногда выходящая дважды в неделю, распространяемая бесплатно в более чем шести тысячах точек в шести округах.

"Если это правда, я съем свою шляпу", — думает Элла.

— Если у вас есть новости, нажмите 5. Если у вас есть информация о спортивных результатах, нажмите 4. Если хотите сообщить о происшествии, нажмите 3. Если хотите разместить рекламу, нажмите 2. Если у вас есть вопрос о тарифах, нажмите 1. И не бойтесь, вас не оборвут! — раздается хихиканье, которое она уже слишком хорошо знает. — Это "Плееейиййс Трут", где правда⁵¹ имеет значение!

Андерссон поворачивается к ней.

— Неплохо, не находите? Все навороты и прибамбасы. Всё учтено.

При других обстоятельствах Дэвис, любопытная по натуре, спросила бы Андерссона, сколько дохода от рекламы приносит "Плейнс Трут". Но не при этих.

— Можете найти тот анонимный звонок?

— Да, конечно. Скажите, за какую дату искать.

Она не знает.

— Попробуйте с 30 июня по 4 июля.

Андерссон открывает файл.

— Здесь много входящих, но, возможно... — Он хмурится. Челка падает. — Кажется, кто-то звонил по поводу пожара в дымоходе, думаю, это было после него. Уверен.

⁵⁰ из пьесы "Король Иоанн"

⁵¹ Truth в названии газеты переводится как "правда"

Андерссон щелкает мышкой, слушает, качает головой, снова кликает. Наконец он находит звонок от фермера с протяжным акцентом, который говорит, что видел пожар в дымоходе на Фарм-роуд, 17. Андерссон показывает Дэвис большой палец вверх и переходит к следующему сообщению. Она садится на стул рядом с ним.

— Звучит забавно, потому что...

— Тссс!

Андерссон подносит палец к губам, как бы застёгивая их и прося её замолчать.

Звучит действительно забавно, потому что звонивший использовал устройство для изменения голоса, возможно, вокодер. Голос то мужской, то женский, потом снова мужской.

— Здравствуйте, "Плейнс Трут". Я из Канзасского дорожного патруля. Я не занимаюсь расследованием убийства Ивонн Уикер, но видел сводки. Ваших читателей, наверняка, заинтересует, что человека, который обнаружил тело, зовут Дэниел М. Кофлин. Он — уборщик в средней школе Уайлдера. Живет в трейлерном парке "Оук-Гроув"...

— Я не напечатал в статье его адрес, — говорит Андерссон. — Я подумал, что это было бы...

— Тссс! Перемотайте назад.

Андерссон вздрагивает и перематывает мышкой.

— ...средней школе Уайлдера. Он живет в трейлерном парке "Оук-Гроув" в городе Маниту. Опубликуйте это прямо сейчас. — Пауза. — Он главный подозреваемый у КБР, потому что утверждает, что место, где было закопано тело, приснилось ему во сне. Следователи ему не верят — это можно напечатать в следующих выпусках. Просто предложение. — Еще одна пауза. Затем голос через вокодер говорит. — Пятнадцать. До свидания.

Раздается щелчок, после которого кто-то сообщает "Плейнс Трут", что, к сожалению, праздничные мероприятия 4 июля в округе Уайлдер перенесены на 8-е. Андерссон выключает звук и смотрит на Дэвис.

— Вы в порядке, мэм?

— Да, — отвечает она. Но это не так. Её тошнит. — Включите еще раз.

Она достает телефон, включает диктофон и нажимает на запись.

48

Вернувшись в машину и включив кондиционер на полную мощность, Дэвис снова слушает запись. Затем она выключает телефон и смотрит через лобовое стекло на пыльную Мейн-стрит городка Кэткарт. Она вспоминает дело о поджоге, над которым работала с Жальбером весной. Это было в сельском городке под названием Линдсборг. По пути к месту происшествия они проезжали мимо поля, на котором паслось несколько коров. Элла, сидя на переднем пассажирском сиденье, пересчитала их вслух, просто чтобы занять время.

— Семь, — сказала она.

— Двадцать восемь, — ответил Жальбер, не задумываясь.

Она бросила на него вопросительный взгляд, и он объяснил, что сумма чисел от одного до семи равна двадцати восьми. Он сказал, что складывание чисел помогает ему убивать время и заодно держать ум в тонусе. Ей тогда пришло в голову, что у её напарника может быть легкая форма ОКР⁵². Она даже посмотрела в телефоне название этой конкретной навязчивой идеи, а затем отбросила эту мысль. У всех есть свои маленькие причуды, не правда ли? Она сама не могла заснуть, пока все тарелки не будут вымыты и убраны... правда, ей никогда не приходило в голову пересчитывать их.

Теперь, сидя в своей машине, она вспоминает приветственное телефонное сообщение газеты "Плейнс Трут". Пять вариантов на выбор, и если сложить один, два, три, четыре и пять, общая сумма будет...

— Пятнадцать, — говорит она. — Это был он. Чёрт. Чёрт!

Она сидит еще некоторое время, пытаясь убедить себя, что ошибается. Не получается. Совершенно не получается. Поэтому она звонит в отделение "С" Канзасского дорожного патруля, представляется и просит, чтобы патрульный Кальтен перезвонил ей как можно скорее.

В ожидании обратного звонка, которого боится, она спрашивает себя, что ей делать с тем, что она теперь знает.

49

В магазине "Маниту Файн Ликерз" Дэнни дают столько пустых коробок, сколько ему нужно. Он также покупает бутылку виски "Джим Бим". В четыре часа дня коробки сложены в его спальне, а на кухонном столе стоит бутылка. Он сидит, сложив руки перед собой, и смотрит на нее. Пытается вспомнить, когда в последний раз пил виски. Не в ту ночь, когда его арестовали за то, что он стоял на лужайке у Марджи и орал на всю округу; в ту ночь он был навеселе от пива. Он выпил чуть ли не ящик пива "Корз" между Маниту и Уичито. Он до сих пор помнит, как его рвало в унитаз из нержавеющей стали в камере, в которую его уехали, а потом он заснул не на койке, а под ней, как будто сон на бетонном полу был своего рода искуплением.

Видимо, в последний раз он напился до беспамьяства, когда рыбачил с Диком Мэтерсом. Они вдвоем тогда так нагрузились, что не могли найти дорогу к шоссе 327, пока не стемнело, и к тому времени оба сильно страдали от тяжелого похмелья, обещая "больше никогда, никогда". Он не знает, как сложилось у Дика, Дэнни потерял с ним связь после переезда в "Оук-Гроув", но с тех пор он не притрагивался к коричневому алкоголю. И к пиву тоже не притрагивался последние пару лет.

"Джим Бим" не решит его проблем, он это знает. Они всё равно останутся, а к его несчастьям добавится еще и похмелье. Но он мог бы хотя бы ненадолго забыть грустное лицо Дарлы Джин.

⁵² Обсессивно-компульсивное расстройство — это психическое расстройство, для которого характерны навязчивые мысли, образы или идеи и повторяющиеся действия

Она сказала: "А что, если мама снова будет встречаться с Бобби?" Она сказала: "Он не сможет починить машину, если она сломается!" Сказала (и почему-то это было самое ужасное из всего, Бог знает почему): "А я не хочу торт, мне всё равно, если я больше никогда не буду есть его".

— Этот сон, — говорит он. — Этот проклятый сон.

Только проблема на самом деле не во сне. Проблема в Жальбере. Жальбер залил его чертову жизнь своей версией агента "оранж"⁵³. Он пытается отравить в его жизни всё, включая маленькую девочку, которая почувствовала, что её жизнь налаживается: у её мамы наконец-то появился мужчина, который понравился Дарле Джин, который не кричал на неё и не прогонял ее из-за стола без ужина.

Жальбер.

Всё из-за Жальбера.

Дэнни откручивает крышку, подносит бутылку к носу, вдыхает запах виски. Он вспоминает, как они с Диком Мэтерсом смеялись на берегу реки, и всё казалось прекрасным. Потом вспоминает, как они чертыхались, продираясь сквозь заросли ежевики к дороге, как они были исцарапаны и потели, отчего жжение становилось еще сильнее.

"Жальбер был бы рад, если бы ты напился", — думает он. — "Напился и наделал глупостей".

Он идет в ванную комнату, выливает виски в унитаз и смывает. Затем начинает складывать одежду в коробки. Единственный способ победить Жальбера — это уехать отсюда, и именно это он собирается сделать. Он будет проводить время со Стиви, который знает, где что лежит на полках в "Тэйбл Меса Кинг Суперс". Что касается Дарлы Джин... она сама найдет выход из положения и своё место под солнцем. В конце концов, большинство детей находят. Так он себя уговаривает.

50

"Я не злюсь", — думает Жальбер, возвращаясь на машине в свой отель в Лайонсе. — "Просто расстроен".

Совещание в Уичито прошло отвратительно. Он настаивал на задержании Кофлина. Сорок восемь часов, говорил он. Можем арестовать его типа для его же собственной безопасности. Просто дайте мне попотеть над ним. Я его сломаю. Он уже готов. Я чувствую это.

Защитить Кофлина от кого? Это вякнул Тишман, директор КБР. Невилл, его заместитель, сидел рядом с ним и кивал, как марионетка. От убийцы? Но ведь Кофлин не утверждает, что знает его. Он лишь утверждает, что знал, где находится тело, благодаря сну, который ему причудился.

⁵³ название смеси дефолиантов и гербицидов синтетического происхождения. Применялся армией Великобритании во время Войны в Малайе и Вооружёнными силами США во Второй Индокитайской войне с 1961 по 1971 год

Тогда Жальбер спросил у присутствующих — включая Рэмзи, сдержанного, немногословного детектива из Оклахомы, — верит ли кто-нибудь из них в рассказы Кофлина про сон. Все единодушно признали, что не верят. Убийцей был Кофлин. Но без признания и вещественных доказательств, связывающих его с преступлением...

И так по кругу.

Жальберу нужно немного посчитать. Это его успокоит. С ясной головой он решит, что делать дальше. Когда он вернется в отель, он посчитает со стульями, примет душ и позвонит Элле. Возможно, она нашла какую-нибудь зацепку в трейлерном парке. Или, может, Кофлин что-нибудь сболтнул, но скорее всего, нет. Он хитёр — избавился же от наркотиков, так ведь? — но за это теперь расплачивается. Он остался без работы, а соседи отвернулись от него. Он должен быть в ярости, а люди в ярости совершают ошибки.

"Но я не злюсь. Просто расстроен, а почему? Потому что он это сделал и сделает снова".

— Они что, этого не видят? — спрашивает он и бьет по рулю. — Неужели они настолько слепы?

Ответ: нет, не слепы.

Были проверены все видеозаписи между Арканзас-Сити, где мисс Ивонн провела свою последнюю ночь, и заправкой "Гас-эн-Гоу", где её видели в последний раз. Было замечено несколько "Тундр", но ни одна из них не была белой, и все они были новее, чем пикап Дэнни.

"Он использовал другую машину, когда похитил её", — думает Жальбер. — "Вот почему мы не нашли ДНК или других улик в его пикапе. Умно, очень умно".

Как и Элла, Жальбер поначалу думал, что Дэнни либо хотел стать звездой СМИ, либо признаться в содеянном. Элла, возможно, по-прежнему так считает, но Жальбер больше нет. Для Кофлина это игра. Он тычет нам в лицо и говорит: "Докажите, докажите, арестуйте меня, арестуйте меня, ха-ха, не можете, да? Вы знаете, что моя история со сном — полная чушь, но вы ни черта не можете с этим поделать".

Жальбер снова бьет по рулю.

Пятнадцать лет назад, даже десять, всё было по-другому. Были другие правила игры. Кофлин сидел бы в маленькой комнатке с Жальбером и Дэвис, и они измывались бы над ним, пока он не признался бы. Десять часов, двенадцать, неважно. По очереди, хлоп-хлоп-хлоп. Они защищали бедную мисс Ивонн и всех девушек, которые могли последовать за ней, и они без усталости бились бы над ним в комнате без часов.

"Ты, наверное, проголодался. Расскажи нам что-нибудь, и мы пошлем кого-нибудь за хавчиком. Тебе нравится "Бургер Кинг"? Тут есть один неподалеку. Бургер, картошка фри, шоколадный коктейль, классно звучит, да? Хотя бы скажи, когда ты её похоронил. Днём или ночью? Нет? Ладно, начнём снова, с самого начала".

Вот так.

Чтобы скоротать время, Жальбер начинает считать амбары, силосные башни и фермерские дома. Он уже дошёл до двадцати трёх (что в арифметической прогрессии составляет 276),

когда звонит его телефон. Это Элла. Он ожидает, что она спросит, как прошло в Уичито, но она этим не интересуется. Вместо этого она спрашивает, когда он планирует вернуться в отель. Голос у нее отрывистый и напряженный, она не похожа на саму себя. Может, это волнение, потому что у неё что-то появилось?

"Только одна ниточка, это всё, о чем я прошу. Мы пойдём по ней. Если потребуется, мы пойдём по ней до самого ада".

— Я буду там через сорок минут. Что у тебя?

— Я сейчас еду из Маниту. Встретимся в отеле.

— Давай, выкладывай, — он проводит рукой по прядке своих волос. — Кофлин тебе что-то сказал?

— Это нетелефонный разговор.

— Буду через полчаса, — говорит Жальбер и ускоряется.

51

Элла находится в холле отеля в ожидании Фрэнка. Она ужасно боится предстоящего разговора, но полна решимости его провести. Было бы хуже, если бы Фрэнк ей нравился, хотя до последнего времени она его уважала. В некотором смысле она уважает его и сейчас. Он яростно предан своей работе и стремится добиться справедливости для женщины, которую он называет "бедной мисс Ивонн". Проблема в том, что его преданность перешла границу и превратилась во что-то иное.

Он улыбается ей, демонстрируя свои полуразрушенные зубы, которым действительно нужны коронки. Толстый треугольник его мыса вдовы взъерошен, как будто он проводил по нему рукой. Возможно, даже дёргал.

— Пройдём в мой так называемый люкс. Он не идеален, из него вид только на парковку, но соответствует своей цене.

Элла следует за ним. Она не понимает, зачем он создал такую сильную связь с Ивонн Уикер — или, возможно, с Дэнни Кофлином, — но знает, что это оказало давление на какую-то фундаментальную трещину в его личности. То, что раньше было трещиной, теперь стало расщелиной.

Он открывает дверь. Она входит первой и останавливается, осматривая маленькую квадратную гостиную люкса.

— Что с этими складными стульями?

— Ничего. Я просто... ничего.

Он подходит к двум стульям в гостиной и складывает их. Уходит в спальню и возвращается с ещё двумя. Прислоняет их к стене рядом с телевизором.

— Мне нужно вернуть их в бизнес-центр. Всё собирался. Хочешь газировку? В мини-баре её полно.

— Нет, спасибо.

— Это про Кофлина? Он где-то проговорился?

— Я с ним не разговаривала.

Жальбер нахмуривается.

— Я специально попросил тебя снова допросить его, Элла. — Затем хмурость проходит. — Это была Бекки? Подружка? Или её дочь! Она...

— Послушай, Фрэнк. Мне трудно это говорить, но ты должен отойти от этого дела. Это для начала.

Он смотрит на неё с недоумевающей улыбкой. Он не понимает, о чём она говорит.

— Потом тебе пора на пенсию. У тебя за плечами двадцать лет. Двадцать с лишним.

— Я не...

— И тебе нужна профессиональная помощь.

Недоумевающая улыбка не сходит с его лица.

— Ты несёшь чепуху, Элла. Я не собираюсь на пенсию. Даже не думаю об этом. Что я собираюсь сделать, что мы собираемся сделать, так это схватить Дэнни Кофлина и посадить его за решётку на всю оставшуюся жизнь.

Её удивляет его ярость, но позже она поймет, что ярость была в нём всегда.

— Ты ставишь под угрозу любой наш шанс выдвинуть против него обвинение! Ты выдал его имя газете "Плейнс Трут", Фрэнк!

Улыбка погасает.

— С чего ты взяла эту безумную идею?

— Это не безумие, это факт. Ты выдал его и выдал себя своей привычкой считать. В конце сообщения, которое ты оставил, ты сказал пятнадцать. Это не имело никакого отношения ни к чему... кроме того, что если сложить количество вариантов в меню от одного до пяти, то получится пятнадцать.

Теперь улыбка окончательно пропадает.

— И на основании одного числа ты приходишь к выводу, что я...

— Иногда случайное число вылетает у тебя изо рта — в половине случаев ты даже не осознаешь, что делаешь это. Так было на записи, которую Питер Андерссон мне проиграл. Я это услышала. Ты тоже можешь это послушать, если хочешь. Запись у меня на телефоне.

Его губы растягиваются в ухмылке, обнажая полуразрушенные зубы. "Он ими скрежещет", — думает она. — "Никаких сомнений".

— Я бы не хотел доносить на тебя за эти ложные обвинения, Элла. Ты была хорошей напарницей, о лучшей я и не мечтал. Но если ты будешь упорствовать, мне придется. Никак нельзя распознать тот голос, потому что он был изменен каким-то устройством.

— Да. Был. Но ты откуда это знаешь?

Он моргает, и возникает краткое замешательство. Затем он говорит:

— Потому что я спросил его. Андерссона. Я его допросил.

— Явно не тогда, когда я была с тобой.

— Нет, отсюда. По телефону.

— Он подтвердит это?

— Я подтверждаю это тебе прямо сейчас.

— Тем не менее, я спрошу его. Если придется. И мы оба знаем, что он ответит, не так ли?

Жальбер молчит. Он смотрит на нее, как на незнакомку. И, вероятно, именно это сейчас он чувствует.

Она указывает на стулья.

— Ты их считаешь? Или, быть может, расставляешь и считаешь шаги между ними?

— Думаю, тебе лучше уйти.

— Я вижу, как иногда шевелятся твои губы, когда ты считаешь. Для этой болезни даже есть название. Арифмомания.

— Убирайся. Думай над тем, что ты несёшь, и мы поговорим, когда ты... когда ты придёшь в себя.

Внезапно Дэвис чувствует чудовищную усталость. Ноги перестали держать. Кто бы мог подумать, насколько выматывающими могут быть такие конфликты? Она садится и кладет свою открытую сумку на маленький стол. Внутри неё находится телефон, который записывает этот разговор.

— Ты также подбросил наркотики в пикап Кофлина. Когда был в средней школе.

Он отшатывается, как будто она ударила его кулаком.

— Это возмутительное обвинение!

— Возмутительно то, что это сделал ты. Кофлин заподозрил что-то, когда мальчишка, который с ним работает, увидел, как ты припарковался сзади, а не на парковке для сотрудников. Кофлин обыскал свою машину, нашел наркотики и передал их мне.

— Что? Когда?

— Я встретила с ним в кофейне в Грейт-Бенде после совещания, на котором он бросил нам вызов арестовать его. Что мы тогда не могли сделать и не можем сейчас, как ты, уверена, сам выяснил в Уичито.

— Он лжёт! И ты действовала у меня за спиной! Спасибо, напарница!

Она заливаясь краской. Ничего не может с собой поделать.

Жальбер проводит руками по своей редеющей шевелюре.

— Если в его машине были наркотики, значит, он сам их туда подбросил. Он хитёр, о, ещё как хитёр. И ты в самом деле поверила в его рассказы? — Жальбер качает головой. Его тон полон жалости, но в его глазах она видит неприкрытую ярость. "Будь осторожна с этим человеком", — думает она, — "Дэнни был прав на этот счёт".

— Я и не предполагал, что ты такая доверчивая, Элла. Неужели он убедил тебя в своей истории со сном? Ты на чьей стороне сейчас? На его?

— Я говорила с патрульным Кальтенем.

Жальбер застывает.

— Кофлин увидел его бейдж. Я позвонила Кальтену и сказала, что знаю, кто подбросил наркотики и подстроил обыск. Сказала, что сохраню его участие в тайне, если он расскажет, какую роль в этом спектакле он играл. Он всё рассказал.

Жальбер отходит к окну, смотрит на улицу, затем возвращается к ней.

— Я не хотел засадить его за наркотики. Я хотел засадить его за мисс Ивонн. Я хотел его запереть, чтобы закрутить гайки. Где сейчас наркотики?

— В надёжном месте. — Последний его вопрос немного пугает её. Она не верит, что Фрэнк убьёт её, но он определенно не в порядке. В этом нет сомнений.

Он снова подходит к окну и снова возвращается. Его губы шевелятся. Он считает. Осознаёт ли он, что делает? Она так не думает.

— Он убил её. Изнасиловал и убил. Кофлин. Ты знаешь, что он это сделал.

Она вспоминает, как Кофлин спрашивал её о крестике — носит ли она его для показухи или действительно верит в Бога? Потом он спросил её, может ли она верить в Бога, но не верить в его сон.

— Фрэнк, выслушай внимательно. К данной теме это не имеет отношения, убил он её или нет. Здесь, в этой комнате, важно лишь то, что ты напишешь письмо Дону Тишману, где укажешь, что тебе нужно взять отпуск по личным причинам и что ты планируешь уйти на пенсию.

— Никогда! — Его кулаки сжимаются и разжимаются.

— Либо так, либо я иду к Тишману и рассказываю ему о том, что ты сделал. Звонок Андерссону, возможно, и не приведет к твоему увольнению, но история с наркотиками точно приведет. Более того, это так запятнает наше дело против Дэнни Кофлина, что даже тот провинциальный адвокат Болл сможет его отмазать.

— Ты так поступишь?

— Ты это сделал! — кричит Дэвис, вставая. — Ты погубил дело, ты подставил себя и меня тоже! Посмотри, что ты натворил!

— Мы не можем дать ему уйти безнаказанным, — говорит Жальбер. Он обводит взглядом комнату, его глаза ни на чем не останавливаются. — Он это сделал.

— Если ты в это веришь, не угрожь наш шанс прижать его. Я уйду. Это важное решение, я знаю. Поспи и обдумай.

— Поспи? — говорит он и смеется. — Поспи!

— Я позвоню тебе завтра утром. Узнаю о твоём решении. Но, как мне кажется, выбор довольно очевиден. Уходи в отставку, и у нас ещё будет шанс против Кофлина. Не будет никакого скандала с подброшенными уликами, и ты сохранишь свою пенсию.

— Ты думаешь, мне важна моя пенсия? — кричит он. На его щеки проступают жилы. Элла не отводит от него глаз. Она боится отвести глаза.

— Сейчас, в пылу момента, возможно, тебе на неё наплевать, но потом твоё мнение изменится. Я знаю, что ты всё ещё переживаешь за дело Ивонн Уикер. Подумай хорошенько, Фрэнк. Я забуду обо всём, если ты отойдешь, но если нет, то всё выйдет наружу, и, о Боже, какой будет смрад.

Она идет к двери. Это одна из самых длинных прогулок в её жизни, потому что она всё время ожидает, что он последует за ней. Он не следует. В коридоре, за закрытой дверью, она выдыхает, не осознавая, что задерживала дыхание. Она начинает застёгивать сумку, когда за её спиной раздается грохот. Что-то только что разбилось. Хочет ли она знать что? Нет. Элла медленно, но верно идёт по коридору.

В своей машине она опускает голову и плачет. Был момент, всего лишь момент, когда она действительно поверила, что он может её убить.

52

За свою карьеру следователя Франклин Жальбер останавливался в сотнях мотелях, объездив Канзас с севера на юг и с востока на запад. Почти во всех номерах, где он жил, были пластиковые стаканчики в маленьких пакетах с надписями вроде "ДЛЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕЗИНФИЦИРОВАНО". Стаканы в мини-баре его маленького номера в "Селебрейшн Сента" оказались стеклянными. Он почувствовал их вес в тот момент, когда уже было слишком поздно останавливаться, хотя он, вероятно, в любом случае бы и не остановился. Он швыряет стакан в дверь, которую только что закрыла Дэвис, и тот разбивается вдребезги.

"Лучше стакан, чем она", — думает он. — "Я бы никогда не поднял на неё руку".

Конечно, нет. Может, она и предательница, но они провели вместе немало хороших часов. Поймали немало плохих мальчиков и плохих девочек. Он учил Эллу, и она охотно училась. Только, видимо, она у него научилась не всему. Она не понимает, насколько опасен Кофлин. Интересно, а не могли ли они после их предательской встречи в кофейне отправиться куда-нибудь еще. Например, в мотель?

Нет, нет, она бы никогда. Не с главным подозреваемым в убийстве.

Никогда? Правда? Никогда?

Кофлин выглядит неплохо, и у него есть этот искренний взгляд "я-говорю-правду". Некоторые даже находят такие взгляды привлекательными. Действительно ли за гранью возможного, что она... и он... может быть, это что-то вроде странного варианта Стокгольмского синдрома...?

Несмотря на её предательство, он не может в это поверить. И вообще не Элла сейчас важна. От неё больше нет толку. Вопрос в том, что он собирается делать с Кофлином.

И, похоже, ответ... ничего. Она загнала его в угол. Этот проклятый бесхребетный патрульный, наверняка, выдал всё начистоту, да?

Мысль о выходе на пенсию, как она предложила, просто ужасна. Словно его ведут к краю обрыва и предлагают шагнуть в пропасть. У него нет никаких хобби, никаких увлечений, кроме решения кроссвордов в ежедневных газетах и редких разгадываний головоломок. Во время отпуска он бесцельно и бессмысленно отмеряет шагами арендованный фургон, осматривает не интересные ему достопримечательности и делает фотографии, которые потом не смотрит. Каждый час кажется длиннее втрое. Пенсия удлинила бы эти долгие часы в тысячу, в две тысячи, в десять тысяч раз. Каждый час был бы наполнен мыслями о Дэнни Кофлине, смотрящем на него через стол своим взглядом "я-не-обидел-бы-и-мухи" и говорящим: "Арестуйте меня. Не можете, да?" Мыслями о Дэнни Кофлине, путешествующим с поднятым вверх большим пальцем и рюкзаком на спине и останавливающимся в каком-нибудь другом штате ради убийства другой молодой девушки.

"И что я могу сделать?"

Ну, одну вещь он точно может сделать: собрать осколки. Он приносит корзину для мусора, опускается на колени и начинает собирать кусочки разбитого стакана. Очень скоро в корзине насчитывается уже 57 осколков или 1653, если сложить их в арифметической прогрессии.

"Я бы не поднял на неё руку, абсолютно нет. Но был момент..."

Острая боль пронзает подушечку его большого пальца. Появляется капля крови. Жальбер сбивается со счета. Он колеблется, раздумывая, начинать ли считать снова с единицы.

Во вторник он находит большую кучу собачьего дерьма в своем почтовом ящике. Надев резиновые рабочие перчатки, он убирает её и тщательно моет внутреннюю поверхность ящика. Кто-то ведь будет пользоваться этим почтовым ящиком после его отъезда.

В среду он едет в "Фуд Таун", чтобы в последний раз купить там продукты, в том числе стейк, который он планирует съесть в пятницу вечером на прощальный ужин. Он не задерживается в магазине, но, выйдя из него, обнаруживает, что два задних колеса его машины спущены.

"По крайней мере, они не проколоты", — думает он, но это, вероятно, лишь потому, что у мерзавца не было с собой ножа. Он звонит Джесси, поскольку не знает, к кому ещё он может обратиться за помощью. Джесси говорит, что его отец, когда сбежал из семьи, оставил много вещей, и среди них был насос для шин "Хаусбелл".

— Приеду через двадцать минут, — говорит он.

Пока Дэнни ждет его, стоя рядом с пикапом, он ловит на себе хмурые, злобные взгляды. Джесси приезжает на своем потрёпанном "Каприсе", и задние колеса "Тундры" вмиг приводятся в порядок. Дэнни благодарит его, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Без проблем, — говорит Джесси и протягивает руку. — Слушайте, я должен сказать это еще раз. Я знаю, что вы не убивали ту девушку.

— Спасибо за это тоже. Как дела на лесопилке? Я проезжал мимо и видел, как ты транспортируешь пиломатериалы.

Джесси пожимает плечами.

— Зарабатываю деньги. Что будете делать дальше?

— Уезжаю из города на выходных. Думаю, начать с Недерланда. Буду жить в палатке, у меня есть кое-какое снаряжение, и буду искать работу. И жилье.

Джесси вздыхает.

— Наверное, так будет правильнее всего. Маякните мне, когда доберетесь до места. — Он бросает на Дэнни застенчивый взгляд, который свойственен семнадцатилетним. — Короче, не теряйтесь.

— Обязательно, — обещает Дэнни. — Не отруби себе пальцы на этой лесопилке.

Джесси ухмыляется.

— Мама посоветовала мне то же самое. Она говорит, что теперь я — главный мужчина в доме.

В четверг почти все его вещи упакованы, и в трейлере становится как-то грустно и одиноко. Пока Дэнни пьет первую чашку кофе, ему звонит Эдгар Болл. Болл говорит:

— У меня есть плохая новость, хорошая новость и очень хорошая новость. По крайней мере, мне так кажется. С какой начнем?

Дэнни с грохотом ставит чашку на стол.

— Они поймали его? Убийцу?

— Боюсь, не настолько хорошая новость, — отвечает Болл. — Плохая новость в том, что ты теперь не только в "Плейнс Трут". Ты теперь в "Телескопе", "Уичито Игл", "Канзас-Сити Стар" и "Оклахомане". И твоя фотография тоже.

— Чёрт, — вырывается у Дэнни.

— Хорошая новость заключается в том, что твоё фото в газетах наверняка десятилетней давности. На нём у тебя волосы до плеч и байкерские усы. Похоже, ты там стоишь перед баром, но, возможно, так кажется потому, что у тебя по бутылке пива в каждой руке.

— Наверное, это было в "Голден Роуп" в Кингмане. До того как я женился на Марджи, я там частенько выпивал. Кажется, он потом сгорел.

— Не знаю этого, — весело отвечает Болл, — но на том фото ты совсем не похож на себя сегодняшнего. Готов услышать самую лучшую новость?

— Выкладывай.

— Узнал от подруги, которая работает регистратором в отделении "F" патрульной службы. Это в Кечи, рядом с Уичито. Я когда-то встречался с ней, но это было в другой жизни. Она знает, что ты нанял меня. Позвонила вчера вечером и сказала, что Фрэнк Жальбер уходит в отпуск. Ходят слухи, что он собирается на пенсию.

На лице Дэнни расплывается широкая улыбка. Первая его настоящая улыбка с тех пор, как он очнулся после того проклятого сна. Жальбер не выходил у него из головы, преследовал его даже в мыслях. Даже после разговоров со Стиви он мог выбросить инспектора из головы. Он напоминает Дэнни какое-то животное — может, росوماху? — которое якобы не разжимает челюсти даже после смерти.

— Это действительно хорошая новость.

— Хочешь отпраздновать это в "У Дэбни"? Плотный завтрак, я угощаю.

Ресторан "У Дэбни" находится в двух городках отсюда, и, наверное, там будет безопасно, особенно если фотография в газетах сделана в те времена, когда Дэнни хотел походить на Одинокого Дэйва Певеретта из группы "Фогэт"⁵⁴.

— Звучит отлично. Могу взять с собой друга. Того парня, с которым я работал.

Но Джесси говорит, что не сможет приехать, как бы ему этого ни хотелось. Он работает с восьми.

— А ещё моя мама пришла в ярость от того, что я вчера помогал вам. Я сказал ей, что вы не делали того, в чем вас обвиняют, а она ответила, что это не имеет значения, потому что я — молодой черный, а вы... ну, сами понимаете.

— Белый, обвиняемый в убийстве, — говорит Дэнни. — Я понимаю.

⁵⁴ британская рок-группа, имевшая успех в середине и конце 1970-х годов

— Да. Но я всё равно приехал бы к вам, если бы не работа.

— Я это ценю, Джесс, но твоя мама, наверное, права.

Он подъезжает к "У Дэбни". Болл уже там. Они заказывают огромные завтраки и съедают всё до последнего кусочка. Дэнни предлагает разделить счет, но Болл даже слышать ничего об этом не желает. Он спрашивает Дэнни, что тот собирается делать дальше. Дэнни рассказывает ему о своих планах уехать в Колорадо, чтобы быть рядом с братом, который страдает аутизмом, но у которого есть особый дар. Психолог, обследовавший его в подростковом возрасте, назвал этот дар "глобальным распознаванием". По сути, он видит, где что находится. Они обсуждают это какое-то время.

— Есть одна мысль, — говорит Болл, когда они выходят из ресторана. — Я думал о ней с тех пор, как мы впервые столкнулись с этим мерзавцем Жальбером, но потом я почитал комментарии в "Игл" и "Телескопе" и подумал: да, может сработать.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Какие комментарии?

— Наверное, ты их не читаешь. Это аналог писем в редакцию в старые времена. После того как ты прочитал статью, можешь оставить комментарий. К статьям о тебе очень много комментариев.

— "Вздёрнуть его побыстрее да повыше", — говорит Дэнни.

— Конечно, такие тоже есть, но ты удивишься, узнав, сколько людей верит, что тебе действительно приснилось место, где было закопано тело. У каждого — я имею в виду тех, кто верит тебе — есть история о том, как их бабушка знала, что пропан взорвется, и вывела всех из дома, или что самолет разобьется, поэтому они полетели другим рейсом...

— Это пророческие сны, — говорит Дэнни. Он уже кое-что читал по этому поводу. — У меня был другой.

— Да, но есть и комментарии от людей, которые видели во сне, где находится потерянное кольцо или потерявшаяся собака, а в одном случае — где пропал ребенок. Эта женщина утверждает, что ей приснилось, как соседский мальчик упал в старый колодец, и там его нашли. Ты не единственный, Дэнни. И людям нравится такое, потому что это свидетельствует о том, что в мире есть много вещей, которых мы не знаем и не понимаем. — Он делает паузу. — Конечно, нашлись и такие, кто думает, что от твоего вранья вянут уши.

Дэнни смеется.

Возле машины Дэнни Болл говорит:

— Ладно, вот о чем я думаю. На этом можно даже срубить немного денег, но это второстепенно. Это был бы способ дать отпор.

— Ты думаешь... что? Подать иск?

— Именно. За преследование. Кто-то бросил кирпич в твой трейлер, верно?

— Верно...

— Собачье дерьмо в почтовом ящике, спущенные колёса...

— Всё это довольно зыбко, — говорит Дэнни. — Я думаю, что полицейские защищены от такого рода вещей. Жальбера можно отправить на пенсию, но он был копом с хорошей репутацией до этого дела.

— Но он подбросил тебе наркотики, — говорит Болл, — и если мы сможем вызвать в суд полицейского, который остановил тебя на шоссе, и под присягой... давай вернемся в твой трейлер и обсудим это? В смысле, чем ты еще занят?

— Мало чем, — признает Дэнни. — Конечно, можно обсудить.

Он едет обратно в "Оук-Гроув", а Болл следует за ним на "Хонде". Дэнни подъезжает к своему трейлеру и видит, что на бетонных ступеньках кто-то сидит, голова того человека опущена, а руки свисают между колен. Дэнни выходит из машины, закрывает дверь и на мгновение застывает, пораженный дежавю. Ошеломленный дежавю. Его гость одет в школьную куртку — где он уже видел её раньше? Подъезжает "Хонда Голд Уинг" Болла. Парень встает и поднимает голову. И тут Дэнни осеняет. Это тот самый парень с газетной фотографии, тот, что стоял перед катафалком и за своими убитыми горем родителями.

— Ублюдок, ты убил мою сестру, — произносит парень. Он лезет в правый карман своей куртки и достает револьвер.

Позади Дэнни гложет "Голд Уинг", и Болл слезает с мотоцикла, но это происходит в другой вселенной.

— Эй, сынок. Я не...

Это всё, что он успевает сказать, прежде чем парень стреляет. Свинцовый кулак бьёт Дэнни в живот. Он делает шаг назад, и тут накатывает боль, как самый ужасный приступ изжоги, который только возможно испытать. Боль поднимается к горлу и спускается к ногам. Он нащупывает позади себя дверную ручку "Тундры" и едва чувствует ее, когда находит. Его ноги начинают подкашиваться. Он приказывает им не подгибаться. Тепло растекается по его животу. Рубашка и джинсы окрашиваются в красный цвет.

— Эй! — кричит Болл из другой вселенной. — Эй, у него пистолет!

"Да ну, неужели?" — думает Дэнни. Под его весом водительская дверь "Тундры" распахивается. Дэнни не падает только потому, что он открыл окно на обратном пути из ресторана "У Дэбни". Утренний воздух был таким прохладным и свежим. Это было словно в другой жизни. Он цепляется локтем за окно и огибает дверь, как стриптизерша вокруг шеста. Парень стреляет снова, и пуля с плюхающим звуком вонзается в дверь под открытым окном.

— Пистолет! ПИСТОЛЕТ! — орёт Эдгар Болл.

Следующая пуля проносится сквозь открытое окно, жужжа у правого уха Дэнни. Он видит, что щеки парня мокрые от слез. Он видит Алтею Дамфрис, стоящую на верхней ступеньке своего трейлера, "самого шикарного в парке", думает Дэнни — это безумие, что такие мысли приходят в голову, когда его расстреливают. Кажется, она держит в руке тост, от которого откусила кусочек.

Дэнни падает на колени. Боль в животе мучительна и невыносима. Он слышит, как очередная пуля попадает в открытую дверь "Тундры". Затем он полностью падает на землю. Он видит ноги парня. На нем кеды "Канвёрс". Дэнни видит пистолет, когда парень роняет его на землю. Болл всё еще надрыгается. "Болл вопит"⁵⁵, — думает Дэнни, и мир погружается в темноту.

54

Он приходит в себя на носилках. Эдгар Болл смотрит на него сверху, его глаза широко раскрыты, а на щеках и лбу размазана грязь. Он что-то говорит, может, "держись, дружище", и тут носилки на что-то натываются, и боль взрывается, боль заполняет собой весь мир. Дэнни пытается закричать, но может только стонать. На мгновение он видит небо, затем над ним появляется крыша, и он думает: "Это, наверное, машина скорой помощи, как она так быстро приехала, сколько я был в отключке".

Кто-то говорит:

— Маленький укольчик, и тебе станет легче.

Он чувствует укол. За ним следует тьма.

55

Когда она проходит, он видит, как над ним проносятся огни. Он словно попал в кинофильм. По громкоговорителю вызывают доктора Бродера. "Доктор Бродер, срочно", — слышит Дэнни. Он пытается заговорить, пытается спросить, не это ли тот самый Хороший Доктор⁵⁶, которого показывают по телевизору, просто в шутку, он знает, что это не так, но из-за маски на своем лице издаёт лишь приглушенные звуки. Двери с грохотом распахиваются. Свет становится ярче, и он видит стены, облицованные зелёной плиткой. Наверное, это операционная, и он хочет сказать, что не знает, сможет ли позволить себе операцию, потому что потерял работу. Руки поднимают его, и о, Иисус Наш Спаситель, как же это больно.

Укол. Затем наступает тьма.

56

Теперь он лежит в кровати. Должно быть, на больничной койке. Здесь светло, но в глаза не бьёт тот жестокий свет "мы-собираемся-тебя-оперировать", что был в зелёной комнате. Нет, это дневной свет. Марджи, его бывшая жена, сидит рядом у его кровати. Она вся при параде, и Дэнни понимает, что если она нарядилась для него, то, скорее всего, он умирает. Его тело неподвижно. Жёсткое, как доска. Наверное, он весь перебинтован, а на крючке висит капельница, и он думает: "Если они продолжают что-то вливать в меня, может, я не умру". Марджи спрашивает:

⁵⁵ игра слов: фамилия Ball и глагол "вопить" bawl звучат одинаково

⁵⁶ "Хороший доктор" — американский телесериал Дэвида Шора в жанре медицинской драмы

— Как ты себя чувствуешь, Дэнно? — как в старые добрые времена, когда они ещё ладили друг с другом, как "арестуй его, Дэнно"⁵⁷, и он пытается ответить, но не может.

И снова на него обрушивается тьма.

57

Он открывает глаза и видит, что у его кровати сидит Эдгар Болл. Лицо его чистое, он смыл грязь и привёл себя в порядок. Сколько времени прошло? Дэнни понятия не имеет.

— Ты был на волосок от смерти, но выкарабкаешься, — говорит ему Болл, и Дэнни думает, что так всегда говорят. С другой стороны, может, это и правда. — Хорошо, что ты оказался за дверью пикапа. Если бы он стрелял из оружия большего калибра, пули бы прошли насквозь. Но это был 32-й калибр.

— Парень, — выдавливают Дэнни.

— Альберт Уикер, — говорит Болл. — Брат Ивонн Уикер.

"Я знал это", — пытается сказать Дэнни.

— Выстрелил три или четыре раза, бросил пистолет и прошел мимо меня. Вышел к дороге и сел на бордюр в ожидании копов. В кино я бы его скрутил, но в реальности лишь свалился ничком возле мотоцикла при первом же выстреле. Прости.

— Всё нормально, — говорит Дэнни. — Ты... всё хорошо.

— Спасибо за такие слова. Теперь у нас есть настоящее дело, Дэнни. Как только ты поправишься.

Дэнни пытается улыбнуться. Он закрывает глаза.

Снова тьма.

58

Это Джесси приходил? Или ему приснилось? Его пичкают кучей сильнодействующих лекарств, поэтому он ни в чем не может быть уверен. Но определенно он видел темно-коричневую руку поверх своей белой руки.

59

⁵⁷ фраза из полицейского телесериала "Гавайи 5-О", клише, означающее санкцию на арест подозреваемого

В следующий раз, когда он приходит в себя, он видит Эллу Дэвис. Он чувствует себя чуть лучше, а она выглядит моложе в выцветших джинсах и футболке с вырезом "лодочкой". Ее волосы распущены. Она улыбается.

— Дэнни? Не спишь?

— Да. — Едва слышный хрип. — Воды. Есть ли...

Она подносит ему стакан, из которого торчит гнутая соломинка. Он пьет, и наступает рай для его горла.

— Дэнни, мы его поймали.

— Парня? — Его голос немного окреп. — Я думал, Эдгар рассказал копам...

— Нет, не парня, что стрелял в тебя. А человека, который убил Ивонн Уикер. Он... ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да. — Чувствует ли он облегчение? Теперь, когда он оправдан? Он не может сказать. Он даже не знает, насколько сильно ранен или сможет ли когда-нибудь полностью выздороветь. А что, если ему придется всю оставшуюся жизнь испражняться в мешочек?

— Он признался, Дэнни. Признался в убийстве Уикер и еще двух жертв. Полицейские в Иллинойсе и Миссури ищут тела.

— Хорошо, — еле произносит Дэнни. Он очень устал. Ему хочется, чтобы она ушла.

— Я ходила на мессу и молилась за тебя.

— Это помогает, если веришь, — выдавливает из себя Дэнни.

Он чувствует, как она берет его за руку, чувствует её прохладную кожу. Наверное, он должен сказать ей, что не винит её, но сама идея вины сейчас кажется бессмысленной. Он отворачивает голову. Уплывает.

И снова тьма.

60

На третий день ему по-прежнему ужасно больно, но он возвращается в реальность. Он осознаёт, что находится в Региональной больнице в Грейт-Бенде и пробудет здесь как минимум неделю, а может, и десять дней. Пуля пробила ему желудок. Его зашили и восстановили, но доктор Бродер, его лечащий врач, говорит, что если он попытается ходить, даже до туалета, то рана может снова открыться.

— Благодарите судьбу, что это не была мягконосая пуля большего калибра. Она причинила бы гораздо больше вреда. Вам придется питаться мягкой пищей какое-то время. Надеюсь, вы любите омлет и йогурты.

Быть прикованным к постели означает пользоваться уткой, но это унижение смягчается тем, что его пощадили и избавили от катетера и калоприемника. Он узнаёт, что Марджи разрешили повидаться с ним на ранней стадии, потому что она утверждала, что является его женой, что было неправдой. Эдгара Болла допустили к нему, потому что он заявил, что является его адвокатом, что было правдой. Элли Дэвис также впустили, потому что она была офицером КБР и сказала, что у нее есть хорошие новости для него, очень хорошие новости. А Джесси? Это могло быть галлюцинацией, вызванной сильнодействующими лекарствами, но Дэнни в это не верит. Может, Джесси как-то проскользнул к нему и взял его за руку. Надо как-нибудь спросить его об этом.

Слава Богу, Стиви ничего не знает. Это бы его жутко расстроило. Дэнни придется рассказать ему об этом, но он не хочет пока об этом думать.

На четвертый день его пребывания в больнице, вечером, ему разрешают посидеть у окна в палате — пару шагов Дэнни сделал, поддерживаемый двумя санитарями. Пока он наслаждается ощущением солнца на лице, к нему снова приходит Эдгар Болл. Он садится на кровать и спрашивает Дэнни, как тот себя чувствует.

— Неплохо. Лекарства творят чудеса.

— Что ты хочешь знать?

— Всё.

— Сложно будет уместить всё в короткое время. Мне дали всего двадцать минут. Потом тебя вернут в кровать и промоют. — Болл морщится. — Даже не хочу знать, что включает в себя эта процедура.

— Дэвис сказала мне, что они поймали убийцу Ивонн Уикер, но я отключился, прежде чем она успела рассказать мне подробности. Начни с этого.

— Его зовут Эндрю Айверсон, у него нет определенного места жительства. Странствующий мастер на все руки. Он направлялся на запад в маленьком синем фургоне с надписью "ЭНДИ А., САНТЕХНИКА И ОТОПЛЕНИЕ" на боку. Его засекли на видео как в Арканзас-Сити, где Уикер останавливалась в последний раз, так и на заправке "Гас-эн-Гоу", где ее видели в последний раз. Он также попал на видео в Грейт-Бенде, Маниту и Кокер-Сити.

— Кокер находится рядом с округом Дарт, да?

— Да. Когда он проезжал там, Уикер, вероятно, уже была мертва и лежала в кузове его фургона. Он искал уединенное место, чтобы похоронить ее.

— И нашел.

— Фотографии Айверсона место в энциклопедии рядом со статьей о серийных убийцах. Он ездил, останавливался на какое-то время, занимался делами — только за наличные, как он сказал полиции, потому что, по его словам, наличные не оставляют следов.

— Это тебе рассказала Дэвис?

— Да. Мы долго разговаривали. Она ужасно переживает из-за всего этого дела.

"Она не единственная", — размышляет Дэнни.

— Айверсон убил девушку в Иллинойсе и еще одну в Миссури. Похоронил их в сельской местности. Полиция нашла одну, а другую они всё еще ищут. Четвертую девушку, автостопщицу, он подобрал в Вайоминге⁵⁸, недалеко от маленького города Гленрок. Он остановился на какой-то проселочной дороге и попытался её изнасиловать. У нее был нож в ботинке. Пока он снимал штаны, она четыре раза ударила его ножом.

— Какая молодец, — говорит Дэнни. Он вспоминает собаку, которая грызла руку Ивонн Уикер.

— Какая же она молодец.

— Дэвис сказала, что эта девчонка оказалась крепкой. Она выкинула его из фургона, поехала в сторону Каспера, пока не поймала сигнал сотовой связи, и вызвала полицию. Его не было там, где она указала, но они нашли его по кровавому следу у сарая. Он лежал в стойле для лошадей, потеряв сознание от потери крови. Дэвис говорит, что он поправится.

— Он признался? Она сказала мне, что признался. Или мне это приснилось?

— Нет, не приснилось. Как ты сам знаешь, раны — штука болезненная. Ты получил одну пулю. Айверсона ударили ножом четыре раза: один раз в щеку, один раз в плечо, один раз в бок и один раз в ногу. Ему нужны были обезболивающие. Копам нужна была информация. Все получили, что хотели.

— Это всё рассказала Дэвис?

— Она рассказала и попросила меня пересказать тебе. Думаю, она боится снова встретиться с тобой.

— Понимаю, но в конце концов она сделала свою работу.

— Она смогла противостоять Жальберу, если ты об этом, но это уже другая история. Мои двадцать минут почти истекли. Ты помнишь тот браслет с подвесками, который носила девушка Уикер?

Дэнни прекрасно его помнит. Он видел его дважды: один раз во сне и другой раз наяву.

— У Айверсона нашли две подвески в его "мешке для убийств". Лежали там как трофеи. Там было еще кое-что. От двух других.

— Где тот парень, который в меня стрелял?

— Альберт Уикер сейчас в мотеле Маниту со своими родителями. Он вышел под залог, который внесли его родители. Я знаю адвоката, который представлял его в суде. Он говорит, что Уикеры заложили свой дом, чтобы собрать деньги.

Дэнни задумывается над этим. Дочь убита, сын обвиняется в покушении на убийство, родителям, вероятно, грозит банкротство. "А я в больнице с дырой в животе", — думает Дэнни. Бродячий сантехник причинил много зла, и это лишь один круг боли, расходящийся от молодой женщины, которую Жальбер упорно называл "бедной мисс Ивонн". Дэнни очень

⁵⁸ В данном случае Вайоминг — не название штата, а городок в штате Айова

хотелось бы, чтобы девушка, которой удалось спастись, та самая легендарная "последняя выжившая"⁵⁹, ударила бы Айверсона ножом в пах для верности.

— Я не хочу выдвигать обвинения, — говорит Дэнни.

Эдгар Болл улыбается.

— И почему я не удивлен? Но это зависит не от тебя. Уикер отсидит какое-то время, но с учетом смягчающих обстоятельств, возможно, не слишком много.

В дверь просовывается медсестра.

— Сэр, вам нужно дать отдохнуть моему хорошему другу Дэнни. К тому же, ему предстоят процедуры, при которых вы не захотите присутствовать.

— Промывание, — говорит Дэнни мрачно. — Такое не показывает в детективных телесериалах.

— Еще пять минут, — просит Болл. — Пожалуйста.

— Даю вам три, — говорит медсестра и уходит.

— Ещё я встретился с Доном Тишманом, который технически возглавлял расследование КБР. Я изложил ему все факты, касающиеся Жальбера, но счел разумным не называть имя патрульного, который остановил тебя и искал наркотики.

— Для провинциального юриста, специализирующегося на сделках с недвижимостью, ты развил бурную деятельность, — говорит Дэнни, слегка шутя, но Болл краснеет и смотрит на свои руки.

— Я должен был схватить того парня. Я мог бы, он полностью сосредоточился на тебе. Вместо этого я облажался.

Дэнни повторяет, что жизнь — это не телевизионный сериал.

Болл поднимает голову.

— Понятно, но мне от этого не легче. Никому не хочется считаться трусом, особенно тому, кто ездит на крутом байке.

— Я бы не назвал байк "Хонда Голд Уинг" крутым, Эдгар. Вот "Харли Софтейл" — это круто.

— Как бы то ни было, мы достигли соглашения. Мне так кажется. Осталось проработать ещё несколько деталей, но... да, всё выглядит неплохо. В обмен на молчание о Жальбере, который действительно подал в отставку, "Подсолнуховый штат"⁶⁰ оплатит твои медицинские счета, и ещё останется определенная сумма. Не огромная, но приличная. Пятизначная. Она даст тебе возможность переехать и жить в Колорадо, если ты решишься на это.

На этот раз медсестра не просто просовывает голову, а указывает на Болла пальцем.

⁵⁹ "последняя выжившая" — термин, который часто используется в контексте фильмов ужасов и триллеров. Он описывает последнюю выжившую девушку, которая сталкивается с антагонистом или монстром и часто побеждает его в конце

⁶⁰ "Подсолнуховый штат" — прозвище штата Канзас

— Не прошу. Требую.

— Ухожу-ухожу, — говорит Болл и встает. — Ты мог бы вернуться на прежнюю работу. Как только поправишься.

— Приятно слышать, — отвечает Дэнни.

Но он не намерен здесь оставаться. Кто-то швырнул кирпич в его трейлер. Кто-то сунул дерьмо в почтовый ящик. Билл Дамфрис прямым текстом сказал ему, от имени добропорядочных жителей "Оук-Гроув", убираться подальше. Против всего этого есть только Дарла Джин, сидящая в грязи рядом с кукольным домиком с катящимися по щекам слезами. Но он не уверен, что она может склонить чашу весов. У него есть брат в Колорадо, и если от пальбы по Дэнни есть хоть какая-то польза, так это осознание того, как мало времени остаётся на общение с родными и близкими.

— И всё это из-за одного сна, — с горечью говорит он. — Который даже не помог поймать убийцу.

— Зато какое приключение у тебя было.

Дэнни показывает ему средний палец.

— На этой высокой ноте и закончим, — говорит Болл и уходит.

61

В то время как Альберт Уикер проводит свой первый день в тюрьме округа Уайлдер, практически не осознавая, что он натворил — последние несколько дней он провёл как в тумане, а это утро вообще не вспоминается, — Франклин Жальбер сидит в халате в столовой и собирает пазл из тысячи кусочков.

Когда пазл будет собран, Жальбер увидит коллаж из киноафиш — классики вроде "Касабланки", "Этой замечательной жизни", "Челюстей", всего два десятка фильмов. Жальбер ведет учёт, сколько кусочков он уже вставил. После десяти кусочков он делает один шаг (на месте, как будто маршируя, чтобы потом снова сесть). После двадцати — два шага, один от стула и один обратно. Он уже вставил 800 кусочков, почти закончил головоломку, когда звонит телефон. Он смотрит на экран и видит имя звонящего: Х. Аллард. Хэнк Аллард — его друг, капитан патрульной службы Канзаса. Жальбер разрывается между ответом на звонок и шагами, которых должно быть сделано уже от одного до восьмидесяти включительно.

Он выбирает шаги. В арифметической прогрессии это 3240 — довольно много! Он начинает с 80 и считает в обратном порядке. Шаги выводят его на маленький задний дворик ранчо и возвращают обратно. Он замечает, что предыдущие подобные прогулки уже проложили тропинку в траве — в буквальном смысле колею. Он осознает, что после неудачи с арестом Дэнни Кофлина его склонность считать шаги — и переходить от стула к стулу тоже — ещё больше вышла из-под контроля. Дэвис назвала это арифмоманией. Совершая шаги, связанные с пазлом, Жальбер часто думает о том, что он стал похож на хомяка, несущегося в колесе без остановки, испражняющегося на бегу и никуда не добирающегося. Но это его устраивает. Чего

Дэвис не могла понять, так это того, что это мелкое сумасшествие отвлекает его от куда более серьезного безумия — размышлений о будущем, в котором нет работы. Сколько пазлов он ещё соберёт, прежде чем столкнется с бессмысленностью своей жизни и сунет служебное оружие глубоко себе в рот? Бах, и всё. Видит Бог, он будет не первым. Видит Бог, он о таком думал. И сейчас думает.

Он возвращается к ступенькам, когда остается пять чисел. К тому времени, когда он доходит до нуля, он уже оказывается на кухне. Время для еще десяти кусочков, а затем он начнет отсчет от 81. Возможно, сначала нечетные числа, а потом четные. После этого наступит время обеда и дневного сна. Он обожает дремать днем. Такое плавное забвение!

Его телефон лежит рядом с почти завершенным пазлом (сейчас он собирает "Десять заповедей", фильм, который определенно не считает классикой). Хэнк Аллард оставил голосовое сообщение, и его голос звучит взволнованно.

— Позвони мне, у меня есть новость. Ты захочешь её услышать.

Жальбер не представляет себе такую новость, которую ему захотелось бы услышать, но он перезванивает. Аллард отвечает на первом же гудке и сразу переходит к делу.

— Твоего парня Кофлина подстрелили.

— Что? — Жальбер вскакивает, сильно ударяя по столу и сдвигая практически завершенный пазл почти к самому краю. Несколько кусочков летят на пол.

Аллард смеется.

— Брат девушки Уикер застрелил этого ублюдка. Ты хотел справедливости? Вот она.

— Он мертв?

— Будем надеяться. Первый патрульный, прибывший на место, сказал, что в пикапе ублюдка было много крови и несколько пулевых отверстий. Его отвезли на скорой в Регионалку, а не в эту пародию на больницу в Маниту, так что дело серьезное. Может, он сдох по дороге.

Жальбер сжимает кулак и потрясает им у потолка, думая: "Финал, сладкий финал".

— Бог сделал то, что не получилось у меня. — Его голос слегка дрожит.

— Не могу с тобой не согласиться, — говорит Аллард.

— Держи меня в курсе. Ты знаешь, что я вне игры.

— Это еще одна хреновая вещь в этом поганом мире, — говорит Аллард. — Конечно, буду.

Тем вечером Жальбер отправляется в "Булвинклс" и напивается впервые за двадцать лет. К счастью, сейчас ему не нужно считать шаги. Считать шаги и переходить от стула к стулу — это тяжкий труд. Столько чисел нужно держать в голове, так легко сбиться со счета. Никто бы не поверил, но это правда. Если собьешься со счета, приходится начинать всё сначала.

Когда Жальбер пьет вторую порцию виски, Аллард звонит снова. Жальберу приходится кричать из-за рёва телевизора, музыкального автомата и шумной компании молодежи.

— Он мертв?

— Нет! Но в тяжелом состоянии! Прострелен живот!

Сначала Жальбер чувствует разочарование, но затем испытывает радость. Разве это не лучше, чем тюремное заключение, где Кофлин получал бы трехразовое питание, поглядывал бы в камеру телевизор и совершал бы ежедневные прогулки? Получить пулю в брюхо мучительно больно, и, как слышал Жальбер, это такая страшная рана, от которой Кофлин, в зависимости от калибра пули, может никогда не оправиться.

— Может, это и хорошо! — кричит он.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, дружище, — отвечает Аллард. — И, судя по звукам, догадываюсь, где ты находишься. Выпей там за меня.

— С удовольствием, — говорит Жальбер и смеется. Это его первый настоящий смех за долгое время, и похмелье, с которым он просыпается на следующее утро, кажется ему вполне оправданным. Он долго гуляет, не считая шагов, просто надеясь (почти молясь), что Кофлин выживет, но подхватит какую-нибудь серьезную инфекцию. Возможно, ему придется удалить желудок. Можно ли жить без желудка? Придется ли ему питаться через трубочку? Если так, разве это не будет еще большим наказанием?

Жальбер считает, что да.

К полудню его похмелье проходит. Он плотно обедает и даже забывает про свой пазл "Классические киноафиши". Он подумывает над тем, чтобы послать Кофлину цветы (с открыткой "Не торопись с выздоровлением"), когда звонит телефон. Это его бывшая напарница.

— Фрэнк, у меня потрясающие новости.

— Я уже знаю. Наш парень Кофлин получил пулю в живот. Он в больнице...

— Его поймали!

Жальбер качает головой, не улавливая её мысль.

— Ты имеешь в виду брата Ивонн Уикер или ты нашла какие-то улики против Кофлина? Это так? — Сначала подстрелен, а потом отправлен в тюрьму, как прекрасно бы это было...

— Человека, который убил её! Его поймали в Айове! Его зовут Эндрю Айверсон!

Жальбер хмурится. Головная боль возвращается.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. Это Кофлин убил бедную мисс...

— Айверсон пытался убить еще одну! Она ударила его ножом и сбежала! — Дэвис выкладывает всю историю, приберегая лучшее напоследок: два подвеска с браслета Ивонн Уикер были обнаружены в "сумке смерти" Айверсона.

— Мы напрасно охотились за невиновным человеком, — заканчивает она. — Потому что не могли поверить в его историю.

Жальбер выпрямляется. Головная боль усиливается. Нужно что-то с этим сделать. Принять аспирин. Потом посчитать со стульями.

— Мы не охотились, Элла. Мы преследовали его. С учетом того, что мы знали, у нас было полное право. Полная обязанность.

— Перестань с этим “мы”, Фрэнк. — Теперь в её голосе звучит усталость. — Не я размещала его имя в той бесплатной газетёнке и не я подбрасывала ему наркотики. Ты сделал всё это сам. И не я подставила его под пули.

— Ты плохо соображаешь.

— Это ты плохо соображаешь, а не я. Я сказала ему, что ходила на мессу и помолилась за него, и знаешь, что он ответил? “Это помогает, если веришь”. Я запомню это на будущее.

— Может, тогда тебе лучше бросить работу в полиции и устроиться... жрицей вуду или кем-то вроде того.

— Ты совсем не чувствуешь вины, Фрэнк?

— Нет. Я кладу трубку, Элла. Не звони мне больше.

Он завершает звонок. Считает со стульями. Вставляет десять кусочков в пазл и затем считает шаги на заднем дворе: от 81 до 1. В общей сложности 3321. Хорошее число, но голова всё равно продолжает болеть.

62

После визита Эдгара Болла Дэнни приносят ужин: зеленую мерзость, внешне несъедобную и на вкус немного похожую на овощной сок V8⁶¹. Если бы, конечно, V8 был противен на вкус. Но он всё равно съедает всё, потому что впервые с того момента, как очнулся в больнице, по-настоящему проголодался. По правде говоря, впервые с момента своей поездки в Ганнел, округ Дарт. Всё изменилось. Он чувствует, что спасён.

В девять часов вечера заходит медсестра с парой обезболивающих таблеток. Он говорит ей, что пока не нуждается в них. Она поднимает брови.

— В самом деле? Вы сможете заснуть?

— Думаю, да. Оставьте их на тумбочке на всякий случай.

Она так и поступает, заодно проверяет бинты и желает ему спокойной ночи. Дэнни желает ей того же. У него болит живот, но боль свелась к тупой пульсации, если он не делает резких движений. Он берет пульт от телевизора, переключает несколько каналов, затем выключает его. Думает о словах Эдгара Болла, что он, вероятно, сможет вернуться на прежнюю работу, если захочет. От этой мысли ему становится дурно. В Маниту найдутся люди, которые всегда

⁶¹ сок состоит из смеси восьми овощей, включая томаты, морковь, сельдерей, свеклу, петрушку, салат, шпинат и кресс-салат

будут считать его виновным в чем-либо. Сплетни — как радиоактивные отходы. У них долгий и токсичный период полураспада.

Стиви отправил ему электронное письмо с прикрепленными файлами по нескольким арендам в Нидерланде и Лонгмонте. Еще неделю назад они были бы ему не по карману, но если Эдгар прав насчет того, что у Дэнни появятся деньги...

Он всё ещё думает об этом, когда проваливается в первый здоровый сон с той ночи, когда ему приснился необъяснимый кошмар.

Этот сон длится до 1:20 ночи, а потом приходит другой сон.

63

Когда он не работает над каким-либо делом — а благодаря Элле Дэвис, все его дела уже сделаны, — Жальбер ложится спать в девять тридцать вечера. Если верить Интернету, это самое здоровое время для сна, но сегодня он не в состоянии уснуть.

Только лишь сегодня? Если бы. С той поры, как он узнал, что бродячий сантехник по имени Эндрю Айверсон был арестован за убийство Ивонн Уикер и еще двух жертв, ему удаётся лишь дремать.

Кто здесь главный злодей? Фрэнк Жальбер! А кто тут главный лузер? Тоже Фрэнк Жальбер!

Двадцать блестящих лет работы, полдюжины похвальных грамот — всё смыто в унитаз. Всё, чему он посвятил свою жизнь, растворилось и исчезло. Его имя втоптанно в грязь. Пока Дэнни сладко спит в Грейт-Бенде, Жальбер не смыкает глаз в Лоуренсе. Его разум обернулся против него, грызя и кусая, как облезлая собака, хватаящая себя за бока до крови.

После девяноста минут ворочания он отбрасывает одеяло и встаёт. Ему нужно походить, ему нужно посчитать. Если он этого не сделает, то сойдёт с ума. Мысль засунуть пистолет себе в рот кажется всё более привлекательной, но если он так поступит, разве он не подарит Кофлину окончательную победу? А Элла! Элла, вещающая: "Мы напрасно охотились за невиновным человеком... потому что не могли поверить в его историю". Чушь собачья. Задним умом все крепки. И что теперь, им следует выбросить многолетнюю полицейскую работу, основанную на фактах, только потому, что школьный уборщик заявил, что ему приснился сон? Когда ковид свирепствовал по всей стране, говорили следовать науке. Когда ты полицейский, ты следуешь логике. Разве это не логично, или мир окончательно сошёл с ума?

— Элла сама верила, что он убил её, — говорит он, выходя из дома в эту жаркую летнюю ночь.

— Она верила в это так же, как и я.

Он идет в домашних тапочках по Уэст 6-й улице, мимо "Уолгринс" и "Хай-Ви", мимо "Диллонс", "Старбакс" и "Биг Бисквит", теперь закрытого и тёмного. Он проходит мимо "Сикс Майл Чоп Хаус" и "Альвадора Апартаментс", где когда-то арестовал убийцу, который теперь отбывает свой срок в Эльдорадо. Он доходит до развязки с шоссе 40. Считает свои шаги. Дошел уже до 154, а всего — 11 935, если сложить последовательно. И тут внезапно его озаряет вспышка логики.

Сбежала ли девушка в Вайоминге от Эндрю Айверсона? От Эндрю Айверсона, у которого был небольшой фургончик с сантехникой и отоплением?

Да. Жальбер принимает этот факт.

Убил ли Эндрю Айверсон еще двух девушек, одну в Иллинойсе и другую в Миссури?

Он принимает и этот факт.

Нашли ли у Эндрю Айверсона два подвеска от браслета бедной мисс Ивонн в его вещах?

Хорошо, допустим, нашли. И допустим, Дэнни Кофлин подбросил эти подвески.

Всё становится абсолютно ясно и логично, если отбросить всю эту новомодную чепуху. Элла, может, и верит в тот бред сейчас, но Жальбер никогда не верил и не поверит. Следуй науке, следуй логике.

Кофлин и Айверсон знали друг друга. Он в этом уверен. Это логично. Это же ясно как дважды два четыре. Жальбер также уверен, что хорошая полицейская работа, необходимая для раскрытия этой связи, никогда уже не будет проведена. Зачем какому-то следователю КБР вообще напрягаться, если всё уже повязано аккуратным бантиком? Если Дэнни Кофлин выйдет из всей этой истории как герой, который просто пытался выполнить свой гражданский долг? Герой-экстрасенс!

Единственный вопрос, сидящий в голове у Жальбера, пока он стоит и смотрит на проезжающие по шоссе 40 поздние автомобили, это держал ли Айверсон бедную мисс Ивонн, пока Кофлин её насиловал, или Кофлин держал её, пока Айверсон творил свои грязные делишки.

Были ли они первой командой убийц? Нет, конечно же, нет. Были и другие. Иэн Брэйди и Майра Хиндли⁶². Кеннет Бьянки и Анджело Буоно⁶³. Дик Хикок и Перри Смит, эти двое вообще прямо здесь, в Канзасе.

Какая-то машина проезжает мимо него по 6-й улице, и молодой голос выкрикивает: "Эй, папаша, ты в пижамеее!"

Смех затихает. Жальбер не замечает его. Он складывает части убийственной головоломки так же, как складывал кусочки пазла с постерами классических фильмов, и все они идеально подходят друг к другу.

Айверсон позвонил Кофлину с того места, где он подобрал бедную мисс Ивонн — где-то возле той заправки "Гас-эн-Гоу" на юге — и спросил, хочет ли тот немного поразвлечься. А когда они повеселились, Кофлин снял пару подвесок с браслета бедной мисс Ивонн и сказал Айверсону... сказал ему...

— На, возьми это, — бормочет Жальбер. — Будет на что смотреть, когда будешь драть.

⁶² "Убийства на болотах" — серия убийств, осуществлённых Иэном Брэйди и Майрой Хиндли в период с июля 1963 года по октябрь 1965 года в Англии

⁶³ "Хиллсайдские душители" или "Душители с холмов" — прозвище, данное СМИ серийным убийцам, двоюродным братьям — Кеннету Бьянки и Анджело Буоно, терроризировавшим Лос-Анджелес с октября 1977 года по февраль 1978-го

Никакой чуши про вещие сны, только холодная логика.

Кофлин подумал: я не только получу удовольствие от насилия и убийства, но и славу.

Это абсолютно логично. Божественно логично. Ведь Кофлин прекрасно знал, что они отследят источник того нелепого анонимного звонка, так же? Как он мог не знать?

Жальберу приходит в голову — он уже возвращается домой, забыв, что надо посчитать, — что он мог бы провести собственное расследование. Порыться, покопаться. Выяснить, где пересекались жизни Кофлина и Айверсона. Может, в школе. После этого — получить доступ к электронным письмам и сообщениям. Айверсон убивал других; Кофлин, вероятно, тоже.

Вероятно? Скорее уж, точно.

Но будем реалистами: у него нет ни средств, ни ресурсов для проведения такого расследования, а если бы он и попытался его провести, то привлёк бы к себе внимание, и они — КБР, газеты — тут же бы его остановили. У них уже есть своя история, приправленная этим вау-змом; никто не поверит в его версию. "Забирай свою пенсию и заткнись", — сказали бы они. — "Тебе ещё повезло, что тебе её дают после всего, что ты натворил".

И что тогда остаётся? Где справедливость для бедной мисс Ивонн? Кто будет её защитником?

Это тоже кажется Жальберу совершенно ясным и очевидным.

Ему придётся самому разобраться с Дэнни Кофлином. Этой ночью. Завтра утром в больнице, где сейчас поправляется Кофлин, будет полно народу, но в ближайшие ранние часы там будет тишь да гладь. Кофлин не под охраной; да и зачем, если слепые идиоты из КБР думают, что убийца бедной мисс Ивонн прикован наручниками к больничной койке в Вайоминге? Кофлин же — герой-экстрасенс!

Дома Жальбер надевает джинсы и чёрный пиджак, который он всегда носил на службе. На пояс он вешает значок — вообще-то теперь, когда он в отставке, это противозаконно, но зато поможет ему пройти, если ночной персонал начнёт задавать лишние вопросы.

Ко всему этому он добавляет своё табельное оружие.

64

В четверть второго ночи Чарльз Бисон, санитар на третьем этаже Региональной больницы, играет на своем телефоне в игру "Фруктовый ниндзя".

— Чак? Чак!

Он оборачивается и с изумлением видит, как Дэнни Кофлин, прихрамывая, приближается к нему. Больничная рубашка Дэнни хлопает по его коленям. Он шлёпает босиком. Одна рука прижата к животу. По его щекам текут слёзы — слёзы боли, но также и слёзы ужаса.

— Мистер Кофлин, вам нельзя вставать с постели, пока не разрешит доктор...

— Мой телефон, — хрипит Дэнни, задыхаясь. — Он в тумбочке, но батарея разрядилась. Пожалуйста, мне нужно его зарядить. Мне нужно позвонить.

Когда он уснул, боль не была такой сильной, но теперь, пройдясь немного по коридору, он снова пробудил её. Он морщится и едва не падает. Чак обхватывает его рукой, но этого мало. Он поднимает Дэнни на руки и несёт его обратно в палату. Положив его на койку, Чак протягивает ему свой телефон.

— Вот. Если это так важно, пользуйтесь моим.

Дэнни качает головой. Его волосы прилипли ко лбу. Пот стекает по щекам.

— Мне нужны мои "Контакты". Я там сохранил её номер. Даже двух процентов хватит. Я должен позвонить.

65

Пока телефон Дэнни заряжается на сестринском посту, Жальбер едет по шоссе 56, направляясь в Грейт-Бенд. По автомагистрали между штатами было бы короче, но на 56-й он с меньшей вероятностью наткнется на дорожный патруль, а он сейчас спешит. Согласно его джи-пи-эсу, поездка из Лоуренса должна занять около трёх с половиной часов, если соблюдать скоростной режим, но поскольку в этот поздний час шоссе пустынно, он едет на скорости 85 миль в час. Он тронулся в путь почти в половине первого ночи и рассчитывает добраться до места не позднее трёх утра. 150 минут, что равно от 1 до 17, если сложить по порядку. Конечно, остаётся три, но кто считает?

Что действительно важно, жизненно важно, так это то, что над Кофлином нужно свершить правосудие, и ничто не должно помешать Жальберу, никто не встанет у него на пути. Это будет его величайшей жертвой ради спасения всех девушек и женщин, с которыми Кофлин мог бы столкнуться в будущем.

Одноразовый телефон, с которого он звонил Андерссону, лежит в центральной консоли его машины. Он заранее запрограммировал его на звонок полицейскому управлению Грейт-Бенда, прежде чем выйти из дома в последний раз. Он позвонит в 2:15 утра, не отрывая глаз от конуса света перед фарами. У него нет устройства для изменения голоса, которое он использовал при разговоре с Андерссоном, поэтому когда ночной диспетчер отвечает: "Полиция Грейт-Бенда, чем могу помочь?", Жальбер просто делает свой голос немного выше. Он надеется, что звучит как подросток, но это не имеет значения; они отреагируют. На такие звонки они обязаны реагировать.

— Средняя школа заминирована. Будет большой взрыв. Это случится примерно в то время, когда дети начнут подходить. — И затем само собой вырывается. — Три.

— Сэр, откуда вы звоните...

— Три бомбы, — говорит он, импровизируя на ходу. — Три. Они хотят взорвать всю школу.

— Сэр...

Жальбер обрывает звонок. Он выбрасывает телефон в окно с водительской стороны, не снижая скорости. Возможно, они найдут телефон и, если найдут, обнаружат его отпечатки, но какое это имеет значение? Это билет в один конец, и это радует.

66

Когда санитар Чак приносит Дэнни его телефон, тот заряжен на пять процентов. Этого должно хватить.

— Послушай меня, Чак. Я хочу, чтобы ты вместе с ночными медсёстрами — Карен и той другой, блондинкой, я не помню её имени — спустились на второй этаж.

— Что? Зачем?

— Просто доверься мне. Времени мало. — Дэнни бросает взгляд на часы, стоящие на тумбочке. 2:10 ночи. Чак всё ещё стоит в дверях, глядя на него хмурым взглядом.

— Иди. Это вопрос жизни и смерти. Я не шучу.

— Это у вас не реакция на болеутоляющее, нет?

"Вера", — думает Дэнни. — "Всё дело в вере. Ведь так?"

— Нет. Идите на второй этаж. Все. Через час всё это закончится так или иначе. До тех пор уходите. Будьте осторожны.

Он переходит к своим "Контактам". На мгновение ему в ужасе мерещится, что номера Дэвис там нет, что он только подумал, что добавил её номер с визитки, которую она ему дала. Но номер всё же там, и он звонит ей, молясь о том, чтобы её телефон не был выключен.

Звонок идёт четыре раза, затем пять. Как только он начинает отчаиваться, она отвечает. В полусонном состоянии её голос звучит особенно естественно.

— Алло? Кто...

— Дэнни Кофлин, — отвечает он. — Проснись, инспектор Дэвис. Выслушай меня. Мне приснился ещё один сон. На этот раз это предсказание. Понимаешь?

Мгновение тишины. Когда она отвечает, в её голосе появляется бодрость.

— Ты имеешь в виду...

— Он идёт за мной. Если ничего не изменится, в коридоре будет стрельба, думаю, у поста медицинской сестры. Крики. А потом он будет здесь. Одет так же, как когда вы в первый раз пришли в школу. Чёрный пиджак, синие джинсы. Только тогда он был безоружен. А на этот раз у него будет оружие.

— Я позвоню в полицию, — говорит она, — но если это какая-то странная шутка...

— Я похож на шутника? — Он едва не срывается на крик. — Полиция не приедет, он отправил их на какую-то ложную тревогу, не спрашивай меня, откуда я это знаю, этого не было во сне, но я...

— Да, так бы он поступил, — говорит она. — Если он действительно собирается за тобой... да, так бы он и сделал. — Она окончательно проснулась. — Я позвоню в полицию Данди и Пони-Рок, а потом приеду сама. Я у сестры, всего в шести милях от Региональной больницы.

Этот второй сон так же ясен в его памяти, как и сон об окружной дороге F, заправке "Тексако" и постоянном "тинка-тинка-тинка" тех ценников на ржавом столбе. Настолько же реальный, как собака и выкопанная рука. У поста медсестёр были — будут — выстрелы, затем одинокий крик. Мужской крик, вероятно, санитара Чака. А затем человек в чёрном пиджаке и "папиных" джинсах стоял — будет стоять — в дверях. Угрожающе стоял. С этим странным мысом вдовы, окруженным белой кожей, и глубоко посаженными усталыми глазами.

"За бедную мисс Ивонн", — скажет он, поднимая пистолет. И как только он выстрелит, Дэнни откинёт голову на подушку. Он смотрит на часы на своей тумбочке.

— Я сказал санитару отправить всех на второй этаж, но они не уходят. Я слышу их. Они не верят мне. Так же, как и он. Так же, как и ты.

Он посмотрел на часы в своём сне; он смотрит на них сейчас.

— Забудь о Данди и Пони-Рок, инспектор. Они слишком далеко. Он начнёт стрелять без одной минуты три. У тебя есть тридцать девять минут, чтобы что-то предпринять.

67

Сестра Эллы, Реджина, ночует одна в хозяйской спальне. Её муж уехал в одну из своих многочисленных командировок. У Дэвис есть подозрения по поводу этих частых поездок, и она полагает, что у Реджины тоже, но не в этом сейчас дело. Электронные часы возле кровати Реджины показывают 2:24 ночи.

— Редж! Реджи! Проснись!

Реджина вздрагивает и открывает глаза. Дэвис одета в джинсы, кроссовки без носков и футболку с логотипом Канзасского университета, явно без лифчика. Но именно от вида пистолета на бедре и служебного удостоверения, которое её сестра вешает на шею, Реджина окончательно просыпается.

— Что...

— Мне нужно идти. Прямо сейчас. Я вернусь до того, как Лори проснётся. — По крайней мере, она на это надеется. — Появилась проблема.

— Какая проблема?

— Не могу объяснить, Редж. Надеюсь, ничего серьёзного. — Но она в это не верит. Теперь она верит Кофлину. Во всём. Остается только надеяться, что ещё не слишком поздно. — Позвоню, когда всё улажу.

Реджи продолжает задавать вопросы, пока Элла сбегает по лестнице, перескакивая через ступеньки, и хватает ключи из корзинки у двери. Её личная машина стоит на подъездной дорожке, и, чёрт возьми, Реджина припарковала свою машину прямо за ней. Дэвис катит вперёд, пока не взывает датчик столкновения, а её бампер не упирается в крыльцо. Она выкручивает руль и объезжает "Субару" Реджины, ударяя по бамперу "Субару" так сильно, что та покачнулась. Выезжая задним ходом на улицу, она едва не сбивает почтовый ящик. Смотрит на часы на приборной панели. На часах — 2:28.

Улицы пустынные, и она не обращает внимания на знаки "Стоп", притормаживая только, когда замечает горящие фары. Она сворачивает на 7-ю улицу, и, как выясняется, это было неверным решением. Там идет ремонт дороги, виден ряд сигнальных лампочек перед ямой, предназначенной, вероятно, для водостока. Лампы светятся дымчатым оранжевым светом в ночи. Она заезжает на чью-то подъездную дорожку, разворачивается и едет по 8-й улице, ненавидя себя за задержку. Достает из кармана телефон и, когда доезжает до мигающего красным светом светофора на перекрестке Маккинли-стрит, просит "Сири"⁶⁴ позвонить в полицейский участок Грейт-Бенда.

Дэвис представляется и сообщает диспетчеру, что, вероятно, вооружённый преступник движется к Региональной больнице, и просит послать туда всех имеющихся полицейских. Диспетчер отвечает ей, что послать некого. Кто-то по телефону сообщил о бомбе в средней школе — на самом деле о трёх бомбах, — и несколько сотрудников полиции, работающих в ночную смену, отправились туда, чтобы перекрыть улицы, ведущие к зданию. Взрывотехники уже едут из Уичито.

— Там нет никакой бомбы, — говорит Дэвис. — Этот человек хочет отвлечь ваших полицейских, пока не закончит своё дело.

— Мэм... инспектор... а вы откуда это знаете?

Часы на её приборной панели показывают 2:39. Элле приходит в голову мысль о том, что неверие — это проклятие разума. Не закончив разговор, она бросает телефон на пассажирское сиденье и поворачивает на Маккинли-стрит. Давит на газ, затем жмёт обеими ногами на тормоз, когда на дорогу неторопливо выходит ночной прохожий с тележкой с покупками. Она нажимает обеими руками на клаксон. Шатун лениво показывает ей средний палец и, переваливаясь с боку на бок, продолжает свой путь. Дэвис объезжает его и снова давит на газ, оставляя пятьдесят футов резины на асфальте.

Наконец, вот Кливленд-стрит и здание больницы. Красный знак "ОТДЕЛЕНИЕ СКОРОЙ ПОМОЩИ" над портиком служит ей маяком. На часах — 2:46. "Успела", — думает Дэвис. — "Если Дэнни не ошибся со временем, я успе..."

⁶⁴ "Сири" — это виртуальный ассистент, встроенный в устройства "Айфон", "Айпад" и другие, с которым можно взаимодействовать голосовыми командами

Красный внедорожник появляется в зеркале заднего вида её машины. Он ровняется с ней, едва не задевая, а затем обгоняет и устремляется вперед. Дэвис успевает лишь мельком увидеть водителя, но этого достаточно. Этот густой мыс вдовы невозможно спутать ни с чем. Мигают задние фары, когда внедорожник останавливается перед главным входом. Жальбер в чёрном пиджаке и мешковатых джинсах выходит из машины. Несмотря на ужас и ощущение, что всё это ей снится — ведь не прошло и часа с тех пор, как её разбудил звонок и вырвал из крепкого сна, — она потрясена происходящим чудом. Ведь Дэнни был прав во всём, и теперь она понимает, что он чувствовал на той станции "Тексако", когда его сон стал реальностью.

Она не тормозит, а просто врывается в машину Жальбера. Он оборачивается с широко раскрытыми глазами и тянется к пистолету. Элла нажимает на клаксон правой рукой — "просыпайтесь, люди, просыпайтесь" — и открывает дверь левой.

Выходя из машины, она достаёт пистолет, молясь о том, что ей не придётся стрелять в своего бывшего напарника и что её бывший напарник не выстрелит в неё. У неё всё-таки есть маленькая дочь.

— Фрэнк! Стой! Не входи!

— Элла? Что ты здесь делаешь?

"Он выглядит таким изможденным", — думает она. — "Таким потерянным. И таким опасным".

— Убери пистолет, Фрэнк.

Люди появляются из больницы. Медсёстры в розовых и голубых халатах, пара санитаров в белом, врач в зелёной хирургической форме, пара пациентов из отделения круглосуточного ухода, один с рукой на перевязи.

— Он лжёт, Элла. Ты что, ослепла?

Они направляют друг на друга "Глоки", как пара стрелков в финале вестерна. Патроны 40-го калибра, которыми заряжены их пистолеты, будут смертельны на таком коротком расстоянии. Если начнётся стрельба, кто-то из них наверняка погибнет. Или оба.

— Нет, Фрэнк. Убийцу поймали в Вайоминге. Его зовут Эндрю...

— Да, знаю, Айверсон. — Жальбер кивает. — Возможно, но они были заодно. Разве ты этого не видишь? Следуй логике, Элла, они были командой убийц! Включи свой мозг. Как ты можешь верить его басне? Ты очень умна! Ты умнее их всех! В шестнадцать раз умнее! В восемнадцать раз умнее!

Людей на улице становится больше. Они столпились на ступеньках. Дэвис хочет крикнуть им, чтобы они вернулись обратно в больницу, но не решается отвести глаза от Жальбера. Теперь она слышит сирену. Она приближается, но находится слишком далеко, слишком далеко.

— Фрэнк, как ты думаешь, почему я здесь оказалась? Как, по-твоему, я сюда попала?

Впервые на его лице появляется неуверенность.

— Я не... знаю.

— Дэнни позвонил мне. Он знал, что ты приедешь. Ему это приснилось.

— Это нелепо! Ложь! Сказка для детей!

— Но я здесь. Как ещё ты это объяснишь?

Из отделения неотложной помощи появляется медсестра, крупная женщина в голубом халате, и теперь крадётся к Жальберу сзади. Элла хочет предупредить её, что это неудачная мысль, наихудшая идея из всех возможных, но не решается. Жальбер подумает, что она пытается его отвлечь, и выстрелит.

— Не могу, — говорит Жальбер. — Тебя не должно быть здесь. Наверное, тебя здесь нет. Ты — галлюци...

Крупная женщина бросается к Жальберу, прижимая его руки. Она тяжелее его, наверное, фунтов на шестьдесят, но его реакция мгновенна. Он наступает ей на ногу. Она вскрикивает. Её хватка ослабевает. Он освобождает одну руку и наносит ей удар локтем в горло. Медсестра отшатывается, задыхаясь. Он поворачивается к ней.

— Фрэнк, брось пистолет! БРОСЬ, БРОСЬ, БРОСЬ!

Похоже, он не слышит её. Медсестра согнулась, прижав руки к горлу. Жальбер медленно поднимает пистолет. Очень медленно. Элла успевает вспомнить все мили, которые они вместе проехали по дорогам Канзаса, все их совместные завтраки, обеды и ужины в закусочных Канзаса. Успевает вспомнить, как они готовили друг друга перед допросами. Как сидели на бесконечных инструктажах. У неё есть время выстрелить в него, но она не делает этого. Не может. Она лишь смотрит, как Жальбер продолжает поднимать пистолет, но направляет его не на медсестру. Он подносит его к своей голове.

— Фрэнк, не надо. Пожалуйста, не надо.

— Всё это я делал ради бедной мисс Ивонн. — Затем он говорит. — Три, два, один. — И спускает курок.

68

Проходит почти час, прежде чем Элле наконец-то разрешают войти в палату Дэнни Кофлина. Двое полицейских стоят на страже у его двери. Элле приходит в голову мысль, что это отличный пример того, как запирают двери конюшни после того, как лошадь уже украли. Рядом находятся санитар Чак и врач. Элле кажется, что это тот самый врач, которого она видела на ступеньках во время финальной схватки, но она может ошибаться. Они все одинаковые в своей зелёной хирургической форме. В больничной рубашке Дэнни выглядит так, будто похудел фунтов на сорок. Он так же изможден, как и Жальбер в конце своей жизни, но в отличие от того, в глазах Дэнни видна ясность.

Элла не колеблется. Она подходит к нему и обнимает.

— Прости. Прости за всё.

— Всё в порядке, — отвечает ей Дэнни. Он гладит её волосы. Наверное, этого не нужно делать. И всё-таки нужно.

Она отстраняется от него.

— Мэм, — говорит доктор, — этому мужчине нужно отдохнуть. Он перенёс слишком много потрясений за одну ночь.

— Знаю. Я сейчас уйду. Но, Дэнни... откуда у тебя был этот сон? У тебя есть хоть какое-то объяснение?

Он смеётся. Это печальный смех.

— А как объяснить, что в человека дважды бьёт молния?

Она качает головой.

— Не знаю.

— И я не знаю. — Он указывает пальцем. — Вижу, что на тебе крестик.

Она дотрагивается до крестика.

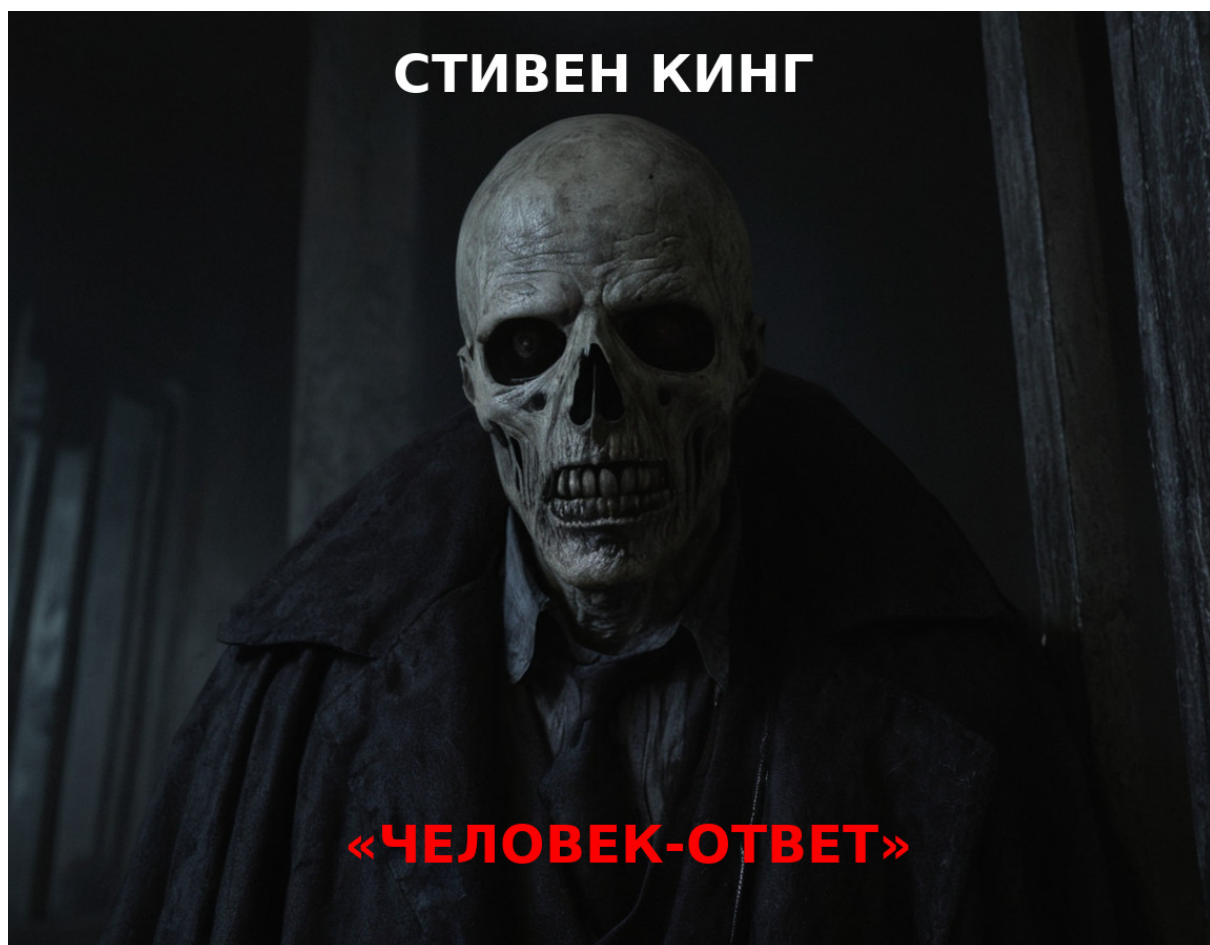
— Я всегда его ношу.

— Конечно. Но верить в Бога сложно, правда? — Он ложится на подушку, закрывает руками глаза, как будто хочет заслонить оба мира: и тот, что виден, и тот, что находится за ним, но так редко открывается, и повторяет. — Верить сложно.

Он опускает руки. Они смотрят друг на друга, не произнося ни слова. Слова не нужны.

[К содержанию](#)

Человек-ответ

1

С Человеком-ответом Филу Паркеру посчастливилось — или очень не повезло — встретиться за свою жизнь трижды. В первый раз это произошло в 1937 году, когда ему было двадцать пять лет, он был помолвлен и только что получил диплом юриста, на котором едва высохли чернила. Кроме того, он стоял перед дилеммой, настолько жёсткой, что ему становилось дурно, стоило только подумать о ней.

Тем не менее, решение нужно было как-то принимать. Для этого он покинул свою квартиру в Бостоне и приехал в небольшой городок Карри в Нью-Гэмпшире, где у его родителей был летний домик. Здесь на выходных он планировал принять решение. В пятницу вечером он сидел на террасе с видом на озеро, поглощая шесть банок пива одну за другой. Он обдумывал свою дилемму, затем лег спать, проснулся в субботу утром с похмельем и без принятого решения.

В субботу вечером он сидел на той же террасе с видом на озеро с бутылкой имбирного эля "Олд Тайм". В воскресенье утром он проснулся без принятого решения, но и без похмелья —

это был плюс, правда, недостаточный. Когда он вернется в Бостон этим вечером, Салли Энн будет ждать, что же он решил.

Поэтому после завтрака он залез в свой старенький "Шевроле" и отправился колесить по дорогам Нью-Гэмпшира. Был прекрасный, солнечный октябрьский день. Деревья стояли в полном осеннем блеске, и Фил несколько раз останавливался, чтобы полюбоваться открывающимися видами. Он поразмышлял о том, что в конце осени не существует красоты, сравнимой с красотой Новой Англии.

Когда утро перешло в полдень, он начал ругать себя за то, что тянет резину и тратит время попусту. Надрвавшись пива, он не решил проблему, потягивая имбирный эль, не решил её, и теперь, любуясь осенней листвой, тоже не найдет решения. И всё же он подозревал, что его поглощенность природой и общение с ней были неслучайны. Это было либо частью решения, либо попыткой его разума увильнуть от решения, которое определит его жизнь и жизнь его невесты.

Это часть моего взросления, сказал он себе.

Да, но сама идея выбора чего-то одного была ему отвратительна. Он понимал, что это необходимо сделать, но это не означало, что он должен приходить от этого в восторг. Разве это не было похоже на выбор тюремной камеры, в которой ему предстояло провести свой срок? Пожизненный срок. Конечно, это было глупое преувеличение... и всё же не совсем.

Его дилемма была проста и очевидна, как заноза в заднице: где ему заниматься юридической практикой? Каждый выбор был чреват своими последствиями.

Отец Фила был старшим партнером в старой престижной бостонской юридической фирме "Уорвик, Лодж, Нестор, Паркер, Олбёртон и Фрай". Отец Салли Энн так же был старшим партнером в этой фирме. Джон Паркер и Тед Олбёртон считались лучшими друзьями еще со времен колледжа. Оба женились почти одновременно и были шаферами друг у друга на свадьбах. Фил Паркер родился в 1912 году, а Салли Энн — в 1914-м. В детстве они дружили и сохраняли симпатию друг к другу даже в тот сложный период раннего подросткового возраста, когда мальчики и девочки склонны публично выражать презрение к противоположному полу, независимо от того, что они чувствуют на самом деле.

Родители с обеих сторон, возможно, были не самыми удивленными людьми на земле, когда Фил и Салли Энн начали "водиться", как говорили в те времена, но никто из них не смел надеяться, что их дети сохранят свои чувства после четырех лет разлуки: Салли Энн училась в Вассаре⁶⁵, Фил — в Гарварде. Когда же выяснилось, что их привязанность сохранилась, родители были в восторге, как и Фил с Салли Энн (разумеется). Проблема была не в любви. По крайней мере, не напрямую, хотя любовь сыграла свою роль (как это почти всегда бывает).

Проблема заключалась в Карри, маленьком городке у границы штатов Мэн и Нью-Гэмпшир, где у Паркеров и Олбёртонов были летние дома на соседних участках у озера.

Фил любил Карри не меньше, чем Салли Энн, и теперь оказалось, что ему придется выбирать между ними. Он хотел открыть свою практику в Карри, хотя там проживало всего две тысячи

⁶⁵ Вассарский колледж — частный университет в городе Покипси, штат Нью-Йорк, первое высшее учебное заведение для женщин в Соединённых Штатах

человек. В центре городка, где пересекались маршруты 23 и 111, находились ресторан, две заправки, магазин хозяйственных товаров, магазин "Эй энд Пи"⁶⁶ и ратуша. Не было ни бара, ни кинотеатра. За этими благами цивилизации нужно было ехать в Норт-Конвей, расположенный совсем не близко. Была начальная школа (в те времена называемая грамматической), но не было средней школы. Подростки из Карри автобусами ездили в Паттенскую среднюю школу, что находилась в десяти милях.

А еще в городе не было юриста. Фил мог стать первым. Паркеры и Олбёртоны считали, что он спятил, даже рассматривая вариант с Карри. Джон Паркер был оскорблен и зол от того, что его сын не думает присоединиться к фирме, в которой его дед был старшим партнером еще в эпоху, когда люди ездили на лошадях. По его словам, трудно было поверить, что молодой человек, с отличием окончивший юридический факультет Гарвардского университета, будет даже рассматривать возможность практиковать в глуши Нью-Гэмпшира... которую он называл забытой глушью Нью-Гэмпшира (иногда, после коктейля или двух, — убудочной глушью).

— Твоими клиентами будут фермеры, которые судятся друг с другом из-за коров, ломающих заборы, — сказал Джон Паркер. — Твои самые крупные дела будут касаться браконьерства или мелких дорожных аварий. Ты, должно быть, шутишь. — Но, судя по выражению лица его сына, он понимал, что тот не шутит.

Тед Олбёртон был зол ещё больше. У него была особая причина для гнева, помимо тех, что Джон уже озвучил своему сыну: Фил собирался совершить необдуманый акт разрушения собственного будущего не в одиночку. Он планировал взять заложника, и этим заложником была дочь Олбёртона.

Когда Фил продолжил упорствовать, Олбёртон жёстко и решительно подвел черту.

— Я запрещаю этот брак.

— Сэр, — ответил Фил, стараясь держать свой голос ровным и (как он надеялся) вежливым, — я люблю Салли Энн. Она говорит, что тоже любит меня. И она совершеннолетняя.

— Ты имеешь в виду, что она может выйти за тебя без моего согласия. — Тед был крупным, широкоплечим мужчиной, равнодушным к подтяжкам (которые он называл бретелями). Его голубые глаза могли быть теплыми, но в тот день они были кремнеподобны. — Это правда, она может. Ты мне нравишься, Фил. Всегда нравился. Но если ты совершишь то, что задумал, этот брак будет заключен без моего благословения. А это, как я полагаю, сделает её очень несчастной. Честно говоря, я вообще сомневаюсь, что она на это пойдет.

Фил заглянул в эти кремниевые глаза и осознал, что Тед Олбёртон еще смягчает суть дела. Он был уверен, что Салли Энн на это не пойдет.

Фил не знал, согласится она или нет, особенно если мистер Олбёртон решит не давать денежное приданое. Фил знал, что Салли понимала его стремления лучше, чем их родители, которые либо не понимали, либо не хотели понять. Частично она тоже хотела этого. В конце концов, она так же выросла, проводя лето, а иногда и снежное волшебное Рождество в Карри.

⁶⁶ "Эй энд Пи" — американская сеть супермаркетов, старейшая сеть супермаркетов в мире

Она была готова слушать рассуждения Фила, верившего в подъем Карри и всей южной части Нью-Гэмпшира.

— Он начнет потихоньку расти, — рисовал он ей радужные картинки тем летом, когда ещё надеялся, что если не Олбёртонов, то хотя бы собственных родителей сможет привлечь на свою сторону. — До конца депрессии еще очень далеко, лет семь или около того... если только не начнется война. Мой отец считает, что она будет, а я нет. Рост начнется с Норт-Конвея и распространится оттуда. К 1950 году будет больше автомагистралей. Больше автомагистралей — больше туристов, а больше туристов — больше бизнеса. Люди будут приезжать из Массачусетса и Нью-Йорка, Сал, и они будут приезжать тысячами. Десятками тысяч! Чтобы купаться в чистых озерах летом, смотреть на смену листвы осенью, кататься на лыжах зимой. Твой отец полагает, что я буду жить бедно и умру бедным. Думаю, он ошибается.

К сожалению, тогда был не 1950 год и даже не 1945. На дворе стоял 1937 год, и ему не удалось их переубедить. Он ещё не решился — во всяком случае, пока не решился — попросить Салли сделать выбор, что могло привести к её отказу от своей семьи... либо отказу семьи от неё. Это казалось ужасно несправедливым, но оставлять её в подвешенном состоянии из-за своей дилеммы тоже было несправедливо. И поэтому он сказал ей, что собирается приехать сюда, провести выходные и принять решение. Либо фирма на Коммонвелс-авеню, либо маленький деревянный офис за ратушей Карри, рядом с заправкой "Суноко"⁶⁷. Бостон или Карри. Невеста или тигр⁶⁸. А пока он решил...

— Совершенно ничего не решил, — пробормотал он. — Боже Всемогуций!

Сейчас он ехал по шоссе 111 и направлялся обратно к озеру. Желудок напоминал ему, что неплохо было бы подкрепиться, но делал это тихо и с уважением, словно его тоже смущала возникшая дилемма.

Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его отец и мать поняли, что фирма просто не подходит ему, что он будет там не на своем месте. То, что фирма подходила его отцу и деду (не говоря уже о distinguished Теодоре Олбёртоне и его отце), не делало её автоматически подходящей для него. Он всячески пытался донести до них, что, возможно, сможет должным образом исполнять свои обязанности в особняке на Коммонвелс-авеню, но при этом будет чувствовать себя бесконечно несчастным. Просочится ли это несчастье в его семейную жизнь? Очень может быть.

— Чепуха, — ответил ему отец. — Как только ты приручишься, тебе здесь понравится. Мне понравилось, и тебе понравится. Каждый день новый вызов! Никаких мелких исков по поводу сломанных плугов или украденных фермерских фургонов!

"Приручишься". Что за слово! Оно преследовала его всю весну и лето. Так поступают с лошадьми. Приручивают их, пашут на них до тех пор, пока те не превратятся в кляч, а затем отправляют на живодерню. Эта метафора, хоть и была мелодраматичной, смахивала на правду.

⁶⁷ "Суноко" — американская нефтяная компания, занимающаяся оптовой и розничной торговлей нефтепродуктами

⁶⁸ "Невеста или тигр?" — рассказ, написанный Фрэнком Ричардом Стоктоном в 1882 г. Выражение "невеста или тигр?" прочно вошло в английский язык в качестве аллегории для проблемы, которая не может быть разрешена

Его мать, которая чувствовала, что его тревога реальна, была добрее.

— Ты не узнаешь, подходит тебе фирма или нет, пока не поработаешь там, — сказала она, и это было самым разумным и соблазнительным доводом в пользу фирмы. Потому что он прекрасно себя знал.

Он был хорошим студентом. Возможно, не самым выдающимся, но быть просто хорошим не постыдно. Однако он не был бунтарем, как и Салли Энн. Если бы они были таковыми, то не испытывали бы столь сильного страха при мысли пойти против воли родителей — в конце концов, они ведь не подростки!

Если он пойдет работать в эту фирму, подозревал Фил, то со временем он приручится и втянется. Его идея стать первым юристом в маленьком сонном городишке, который когда-нибудь может вырасти в процветающий городок, а возможно, даже и в город, отступит. Сначала медленно, потом, когда появятся первые седые пряди на висках, всё быстрее и быстрее. Через пять лет это будет, скорее, мечта, чем желание. Появятся дети и дом, за которым нужно ухаживать, еще больше заложников судьбы, и с каждым годом — чёрт возьми, да с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым чертовым днём — будет всё труднее повернуть назад.

Пожизненный срок.

Он пытался представить себе, как скажет Салли Энн, что выбрал Карри. Его родители помогли бы им начать новую жизнь (наверное), даже если бы Олбёртоны отказали. У него были кое-какие сбережения, и у Сал тоже (немного). Это было бы трудно, но не невозможно (скорее всего). Он подозревал, что Тед Олбёртон ошибался насчёт того, что его дочь откажется выходить замуж без его благословения, Фил осмеливался думать, что в этом отношении знает Сал лучше, чем её отец, но что это будет за брак без родительского благословения? Стоит ли начинать семейную жизнь с враждебности вместо поддержки?

Его мысли метались туда-сюда — городок или город, невеста или тигр, — когда он преодолел один из длинных холмов на шоссе 111. Его внимание привлёк ярко-жёлтый знак с ручной росписью. "2 МИЛИ ДО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ" — гласила надпись. Фил ухмыльнулся, а потом громко расхохотался. "Было бы неплохо, если бы такой человек действительно существовал", — подумал он. — "Мне бы точно не помешали ответы на мои вопросы".

Он продолжил движение и вскоре миновал ещё один знак. Этот был цвета электрик. "ДО ЧЕЛОВЕКА С ОТВЕТАМИ — 1 МИЛЯ".

Фил преодолел ещё один долгий подъём и у подножия спуска заметил ярко-красное пятно на обочине. Подъехав ближе, он увидел, что это был большой пляжный зонт со свисающими зубчиками по бокам. Под ним стоял стол. За столом в тени сидел мужчина. Филу эта инсталляция напомнила летние киоски с лимонадом. Но здесь не было маленьких, полных надежд детей, которые часто забывали добавить сахар в свой кисловатый напиток, и сейчас был не летний день, а середина осени.

Сильно заинтригованный, Фил остановил машину и вышел из своей развалюхи.

— Здравствуйте!

— И вам, — дружелюбно ответил Человек-ответ.

На вид ему было около пятидесяти. Его редющие волосы были с проседью. Лицо было морщинистым, но глаза яркими и живыми. Очков он не носил. На нём была белая рубашка, простые серые брюки и чёрные туфли. Свои руки с длинными пальцами он аккуратно сложил на столе. У ног лежала сумка, похожая на докторский саквояж. Он выглядел разумным человеком, и Филу он не показался чужаком. На самом деле он напомнил Филу юристов среднего звена и среднего возраста: солидные, респектабельные мужчины, которым не хватало той последней капли способностей, которая могла бы их продвинуть до уровня старшего партнера. Именно ощущение уютной корпоративной обыденности и делало появление этого человека под ярко-красным зонтом у чёрта на куличках столь любопытным.

По другую сторону стола стоял складной деревянный походный стул. Предположительно, стул для клиента. Перед потенциальными клиентами Человека-ответа в ряд были установлены три маленькие таблички: "ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ" — гласила табличка в середине, "25 ДОЛЛАРОВ ЗА 5 МИНУТ" — гласила надпись слева, "ПЕРВЫЕ 2 ОТВЕТА БЕСПЛАТНО" — гласила табличка справа.

— Что это такое? — спросил Фил.

Человек-ответ окинул его ироничным, но дружелюбным взглядом.

— Вы производите впечатление умного молодого человека, — сказал он. — Молодого человека, который учился в университете, судя по флажку на антенне вашей машины. Гарвард, не меньше! Десять тысяч гарвардцев сегодня требуют победы!

— Верно, — произнес Фил, улыбаясь. — Ведь они знают, что над Йелем Гарвард одержит верх⁶⁹.

Человек с ответами тоже улыбнулся.

— Такие молодые люди, как вы, — и девушки, да, девушки, — настолько привыкли задавать вопросы, что даже не задумываются о том, что, собственно говоря, они спрашивают. И поскольку сегодня утром у меня почти нет дел, я окажу вам любезность и не буду отвечать на этот вопрос. У вас по-прежнему остается два бесплатных вопроса, если захотите их использовать.

Фил подумал, что даже если у этого мужчины не всё в порядке с мозгами, в его словах определенно имелся смысл. Он задал вопрос, ответ на который был очевиден. За двадцать пять долларов этот человек будет отвечать на вопросы в течение пяти минут. Вот что здесь, собственно говоря, происходит. И это всё.

— Ну, скажите, разве не дорого брать двадцать пять баксов за пять минут ответов? Неудивительно, что у вас почти нет дел.

⁶⁹ Боевая песня Гарвардского университета, написанная в 1918 году

— А что значит "дороговато"? Нет, отвечать не надо — отвечаю здесь я. Мои расценки зависят от местоположения и потенциальных клиентов. Бывало, я брал сто долларов за пять минут, а однажды даже тысячу. Тысячу железных человечков! Вот так! Но бывало, я брал всего десять центов. Можно сказать, я беру за свои услуги столько, сколько позволяет торговля. Ответы не всегда бывают болезненными, молодой человек, но правильные ответы не могут стоить дешево.

Фил открыл было рот, чтобы спросить, серьезно ли всё это, но тут же закрыл его. Легко представить, что Человек-ответ на это ответит: "Да, всё серьезно, и это был ваш второй бесплатный вопрос".

— Откуда мне знать, что ваши ответы будут точными и достоверными?

— Сейчас — никак, но со временем узнаете, — сказал Ответчик. — И это...

— Был мой второй бесплатный вопрос, — закончил за него Фил. Он широко улыбался, наслаждаясь игрой. Затем он спросил:

— "Со временем" — это когда? — вопрос сорвался с языка раньше, чем он успел прикрыть рот рукой, но было уже поздно.

— Сегодня не так много народу, поэтому я подарю вам третий вопрос бесплатно, — сказал мужчина за столом. — Ответ: по-разному. Это нисколько не поможет вам добраться до сути моей профессии — если вы пытаетесь отыскать ее суть. Видите, как легко задавать вопросы, которые не приближают к пониманию? Это обесценивает сам процесс задавания вопросов, не так ли? Процесс погружения в суть вещей.

Человек-ответ откинулся на спинку стула, сцепил пальцы на затылке и уставился на Фила.

— После стольких лет в этом бизнесе мне пора уже перестать удивляться тому, насколько бесполезны и бессмысленны могут быть вопросы умных людей, и тем не менее я продолжаю удивляться. Этой беспечности. Этой лени ума. Я часто задумываюсь, действительно ли умные люди понимают, какие ответы они ищут в жизни. Возможно, они просто плывут по течению или летят по ветру на волшебном эго-ковре, делая предположения, которые часто оказываются неверными. Это единственная причина, которой я могу объяснить, почему они задают такие бесполезные вопросы.

— Бесполезные! Действительно!

Человек-ответ продолжил, словно не слышал.

— Вы меня спросили, как узнать, что мои ответы будут правильными. "Точными и достоверными" — так вы выразились, что было довольно неплохо. Поэтому я подарил вам один вопрос. Если бы сейчас был предрождественский ажиотаж, вы бы уже вернулись обратно в свою машину и уехали бы.

Порывы ветра трепали зубчатый край красного зонтика и взъерошили седоватые волосы Человека-который-знал-всё. Он посмотрел на пустую дорогу с выражением глубокой меланхолии.

— Осенью у меня мало клиентов, а в октябре — меньше всего. Наверное, осенью люди способны находить ответы на свои вопросы самостоятельно.

Он еще некоторое время смотрел на черную ленту дороги, петляющую среди сверкающих, пылающих деревьев. Затем его взгляд прояснился, и он снова посмотрел на Фила.

— Почему бы вам просто не спросить меня о чем-нибудь конкретном?

Фил был застигнут врасплох.

— Не понимаю, о чем вы.

— Ведь на самом деле вы хотели узнать, не шарлатан ли я, — произнес Человек-ответ. — И если бы вы спросили, например, какова была девичья фамилия вашей матери или имя вашего учителя в пятом классе, короче, что-то, чего я никак не могу знать, если бы не был тем, за кого себя выдаю, вы бы это определили. — Он покачал головой. — Люди, не обладающие вашими интеллектуальными способностями, обычно задают именно такие вопросы. Люди с ними — скажем, с гарвардским образованием — почти никогда этого не делают. Это возвращает нас к тому, о чем я уже говорил. У умных людей двойная проблема: они не знают ответов, которые им нужны, и не знают, какие вопросы следует задавать. Образование не прививает умственную дисциплину. По идее должно, но часто бывает как раз наоборот.

— Ладно, — произнёс Фил уязвленно. — Какова девичья фамилия моей матери?

— Простите, — молвил Человек-ответ и постучал по табличке, на которой было написано: "25 ДОЛЛАРОВ ЗА 5 МИНУТ". — За это нужно заплатить.

— Вы меня надули! — воскликнул Фил шутливо. Но ему не было весело, он чувствовал раздражение. И на себя, и на этого умника.

— Ничуть, — спокойно ответил Человек-ответ. — Вы сами себя надули.

Фил хотел было возразить, но не стал. Он всё понял. Это было похоже на интеллектуальные напёрстки.

— Было крайне интересно, сэр, но двадцать пять долларов — это многовато для парня, который недавно окончил университет и думает начать собственный бизнес, так что мне лучше вернуться к своим делам. С вами было весело провести время.

Когда Фил уже уходил, он подумал — нет, он был уверен, — что человек под красным зонтом скажет: "Клиентов сегодня как кот наплакал и всё такое, может, я возьму с вас двадцать долларов за пять минут. Эх, была не была, пусть будет даже пятнадцать. Пятнадцать вечнозеленых, а обо всём остальном позабочусь я". И когда так произойдет, решил Фил, он сразу же заплатит и сядет задавать вопросы. Этот человек явно был шарлатаном и жуликом, ну и что с того? В его бумажнике были двадцатка, десятка и две пятерки. Даже с этой тратой у него хватит денег заправить свою старую тачку и хорошо отобедать в придорожном кафе. Фил подумал, что произнесённые вслух вопросы лучше постоянно крутящихся в его голове, и кто знает, может, это поможет ему в решении проблемы.

"Самопровозглашенный Человек-который-знает-всё в одном точно прав", — подумал Фил. — "Чтобы получать хорошие ответы, нужно задавать хорошие вопросы".

Но всё, что произнес Человек-ответ, было:

— Езжайте аккуратно.

Фил подошел к своей машине, обошел слегка помятый передний бампер и оглянулся. Он по-прежнему ожидал, что Человек с ответами предложит ему скидку, но тот, казалось, полностью забыл о существовании Фила — он смотрел в сторону Вермонта, напевал что-то и чистил ногти маленькой веточкой.

"Он действительно намерен меня отпустить", — подумал Фил раздраженно. — "Ну и черт с ним, уеду".

Он открыл водительскую дверь своего "Шеви", колебался, а затем снова закрыл ее. Достал бумажник. Вытащил двадцатку и одну из пятерок.

"Просто озвучить вслух свои вопросы", — подумал он снова. — "И мне вовсе не обязательно потом распространяться, что я опустился до того, что плачу всяким гадалкам и предсказателям во времена Депрессии".

К тому же, может, стоит заплатить двадцать пять долларов, чтобы посмотреть, как этот самодовольный мерзавец будет выкручиваться и искать оправдания, когда Фил всё-таки спросит у него девичью фамилию своей матери.

— Передумали? — Человек-ответ засунул веточку для чистки ногтей в нагрудный карман рубашки и взял свою сумку.

Фил улыбнулся и протянул деньги.

— Следующие пять минут вопросы здесь задаю я.

Человек-ответ рассмеялся и указал пальцем на Фила.

— Отлично, мой друг. Вы мне нравитесь. Но прежде чем я возьму ваши деньги, нам нужно прояснить одно правило.

"Начинается", — подумал Фил. — "Лазейка, через которую он собирается выкручиваться".

Из своей сумки Человек с ответами достал нечто, похожее на старомодный будильник "Биг-Бен". Когда он поставил его на стол, Фил увидел, что на самом деле это гигантских размеров секундомер с цифрами от 5 до 0.

— Я не психиатр и не советчик. И уж точно не гадалка-прорицатель, хотя уверен, что именно это вы про меня думаете. Дело вот в чем: не пытайтесь задавать мне вопросы со "стоит ли", "должен ли я" в них. Никаких "стоит ли мне делать это", никаких "стоит ли мне делать то". Я отвечаю на вопросы, но не решаю проблем.

Фил, который собирался спросить этого человека, стоит ли ему присоединиться к фирме или открыть собственный офис в Карри, начал убирать свои деньги. Затем он подумал: "Если я не

могу сформулировать свои вопросы таким образом, чтобы обойти его запрет на "стоит ли", каким же я буду адвокатом в суде?"

— Согласен, — сказал Фил и протянул деньги. Деньги отправились прямым ходом в сумку Человека-ответа.

— Не могу называть вас "сынок". Может, назовете мне свое имя?

— Фил.

— Фил как?

Фил хитро улыбнулся.

— Просто Фил. Думаю, этого достаточно, учитывая, что это ненадолго и мы больше не увидимся.

— Ладно, "Просто Фил". Дайте мне секундочку, чтобы завести эту хреновину. Я вижу, что у вас есть собственные часы, похоже, очень хорошие "Булова", так что если желаете сверить их с моими, не стесняйтесь.

— Так я и сделаю, — сказал Фил. — Я намерен получить то, за что заплатил.

— И вы это получите. — Человек-ответ завёл свой огромный секундомер со звуком "щелк-клац", очень похожий на звук часов, которые Фил держал у своей кровати в студенческие годы. — Готовы?

— Да. — Фил сел на стул для клиентов. — Но если вы не сможете ответить на мой первый вопрос, я немедленно потребую свои деньги обратно. Вы либо вернете их добровольно, либо я заберу их силой.

— Звучит очень грозно! — произнес Человек-ответ и рассмеялся. — Я спрошу снова: вы готовы?

— Да.

— Тогда начнём. — Человек-ответ нажал на рычаг на задней стороне часов, и они начали тикать.

— Ваше предположение: какова девичья фамилия моей матери?

Человек-ответ не колебался.

— Споран.

У Фила отвисла челюсть.

— Откуда, черт возьми, вы это знаете?

— Я не хочу тратить оплаченные вами минуты, Фил, но должен заметить, что вы задали еще один вопрос, ответ на который уже знаете. Я знаю, потому что я, та-да, Человек-который-знает-всё.

Фил почувствовал себя так, будто получил удар правым хуком. Он даже потряс головой, чтобы прийти в себя. Большой секундомер Человека-ответа тикал очень громко. Стрелка приближалась к отметке 4.

— Как зовут мою девушку?

— Салли Энн Олбёртон. — Ни малейших колебаний.

Фил начал испытывать страх. Он убеждал себя, что не нужно бояться, на дворе прекрасный октябрьский день, и он моложе и, несомненно, сильнее человека по ту сторону стола. Это какой-то трюк, иначе быть не может, но от этого не становилось менее жутко.

— Время летит, Фил, — использовал латынь Человек-ответ.

Фил снова потряс головой.

— Хорошо. Я пытаюсь решить, стоит ли мне...

Человек, который знает всё, погрозил ему пальцем.

— Что я вам говорил про это слово?

Фил попытался упорядочить свои мысли. "Постановочный суд", — подумал он. — "Воспринимай это как инсценировку судебного заседания. Он — судья. Против твоей линии допроса было возражение. Как его обойти?"

— Вы отвечаете на вопросы о будущих событиях?

Человек-ответ закатил глаза.

— Мы уже это выяснили, разве нет? Я сказал, что со временем вы узнаете, точны и достоверны ли мои ответы. Такой ответ предполагает знание будущего. Для меня не существует ни будущего, ни прошлого. Всё происходит сейчас.

"Какой-то бред сивой кобылы", — подумал Фил. Тем временем черная стрелка на большом секундомере почти достигла отметки 3.

— Согласится ли Салли Энн выйти за меня замуж, когда я сделаю ей предложение?

— Да.

— Будем ли мы жить в Карри? В городке по дороге?

— Да.

Большая черная стрелка секундомера достигла отметки 3 и продолжила движение.

— Будем ли мы счастливы?

— Это обширный вопрос, и на него вы уже должны знать ответ, даже в таком юном возрасте. Будут взлеты, будут падения. Будут компромиссы и будут споры. Но в целом, да — вы будете счастливы.

"Каким-то образом он узнал девичью фамилию моей матери", — думал Фил. — "И имя Салли. Всё остальное — просто догадки циркового гадалщика. Но зачем? За какие-то жалкие двадцать пять долларов?"

— Время уходит, — напомнил Человек-ответ.

Тиканье огромного секундомера становилось громче с каждой минутой. Стрелка прошла отметку 3 и приближалась к 2. Фил не испытал облегчения от того, что сказал ему Человек-ответ, потому что это было то, что он хотел услышать, да ведь? И разве он уже не принял решение насчёт Карри? Не была ли вся эта история с "подвешенным состоянием из-за дилеммы" просто самоистязанием? А что касается Салли... разве он не знал, что она согласится выйти за него замуж, даже если он сделает переезд в сельскую местность Нью-Гэмпшира частью сделки? Не абсолютно точно, не на сто процентов, но процентов на девяносто?

Внезапно он сменил направление вопросов.

— Скажите, где родился мой отец. Если сможете.

И опять Человек-ответ не мешкался.

— Он родился в море, на корабле под названием "Мэрибель".

Фил снова почувствовал себя так, будто получил по челюсти. Это была старая семейная история, которой очень дорожили и которую часто пересказывали. Дедушка и бабушка возвращались в Америку после паломничества в Лондон, где родились и провели ранние годы их родители. Бабушка настояла на поездке, хотя к моменту их возвращения была на восьмом месяце беременности. Грянул шторм. Морская болезнь бабушки оказалась настолько сильной, что у нее начались схватки. На борту был врач, и он принял роды. Никто не ожидал, что малыш Джон выживет, но его завернули в вату, кормили из пипетки, и он выжил. Таким образом стало возможным появление Филипа Йегера Паркера, выпускника Гарвардской школы права.

Он снова хотел спросить, как человек по ту сторону стола, руки которого по-прежнему были аккуратно сложены, мог знать такие вещи, но не стал. Ответ был бы один и тот же: "Потому что я — Человек, который знает всё".

Вопросы заполнили его разум, как паникующая толпа, пытающаяся спастись из горящего здания. Стрелка секундомера достигла отметки 2 и прошла ее. Тиканье становилось громче.

Человек с ответами ждал, сложив руки.

— Будет ли Карри процветать так, как я представляю? — выпалил Фил.

— Да.

"Что еще? Что еще?"

— Отец Салли... и ее мать, полагаю... они примут нас?

— Да. Со временем.

— Сколько времени пройдет?

Человек-ответ, казалось, немного посчитал, пока стрелка его часов не достигла отметки 1. Он произнёс:

— Семь лет.

Сердце Фила упало. Семь лет — это целая вечность. Он мог сказать себе, что Человек-ответ взял это число с потолка, но больше не верил в это.

— Ваше время истекает, Просто Фил.

Он и сам это видел, но не мог придумать другого вопроса, кроме как "Сколько я проживу?" и связанный с ним вопрос "Сколько проживет Салли Энн?". Но желал ли он на самом деле знать ответы на эти вопросы? Нет.

Но ему не хотелось тратить оставшиеся сорок или пятьдесят секунд впустую, поэтому он задал единственный пришедший на ум вопрос:

— Мой отец говорит, что будет война. А я говорю, что её не будет. Кто из нас прав?

— Он.

— Америка будет в ней участвовать?

— Да.

— Как скоро мы в неё вступим?

— Через четыре года и два месяца.

У него оставалось около двадцати секунд, может, чуть больше.

— Я буду в ней участвовать?

— Да.

— Меня ранят?

— Нет.

Но это был неправильный вопрос. В нем оставалась лазейка.

— Меня убьют?

Большой секундомер достиг нуля и издал громкий БРРРЭНГ звук. Человек-ответ выключил его.

— Вы задали этот вопрос прямо перед сигналом, поэтому я отвечаю. Нет, Просто Фил, вас не убьют.

Фил откинулся на спинку стула и выдохнул.

— Не знаю, как вы это сделали, сэр, но это было очень мощно. Должно быть, это была какая-то уловка и обман, вы как-то узнали, что я приеду сюда, и получили информацию обо мне, но вы определенно заслужили свои двадцать пять баксов.

Человек-ответ лишь улыбнулся.

— Но я сам точно не знал, куда поеду и по какой дороге... как же вы узнали?

Ответа не последовало. Конечно, нет. Его пять минут истекли.

— Знаете что? Я чувствую себя... странно. Как в тумане.

Мир, казалось, уходит из-под его ног. Человек с ответами всё еще сидел за столом, но словно отдался. Как будто по рельсам. Серость начала заполнять поле зрения Фила. Он поднес руки к глазам, чтобы протереть их, и серое стало черным.

* * *

Когда Фил пришел в себя, он сидел за рулем своего "Шевроле", припаркованного на обочине шоссе 111. Его часы показывали 13:20. "Я потерял сознание. Впервые в жизни, но разве не говорят, что всё когда-то случается в первый раз?"

Да, потерял сознание. Но сначала, слава Богу, остановился на обочине и заглушил двигатель. Вырубился он, скорее всего, от голода. В пятницу вечером он выпил шесть бутылок пива, и, наверное, в пиве содержались какие-то калории, но вчера и сегодня он почти ничего не ел, так что это было в определенной степени логично. Но когда теряешь сознание, а не просто спишь, видишь ли при этом сны? Потому что у него был просто потрясающий сон. Он помнил каждую деталь: красный зубчатый зонт, большой секундомер, седоватые волосы Человека-ответа. Он помнил каждый вопрос и каждый ответ.

Это был совсем не сон.

— Нет, — произнес он громко. — Нет, это был сон. Иначе быть не могло. Он знал девичью фамилию моей матери и место рождения моего отца в этом сне, потому что я сам знаю эти вещи.

Он вышел из машины и медленно пошел к тому месту, где сидел Человек с ответами. Стол исчез, стулья тоже, но на мягкой земле виднелись следы от них. Серость начала возвращаться, и он сильно ударил себя по щекам, сначала по одной, затем по другой. Затем стал топтать землю, пока не исчезли и следы.

— Этого не было, — сказал он пустой дороге и сверкающим деревьям. Затем повторил. — Ничего этого не было.

Он снова сел за руль, завел двигатель и выехал на шоссе. Он решил не рассказывать Салли Энн о потере сознания; это её встревожит, и она, наверняка, будет настаивать на визите к врачу. Это был просто голод, вот и всё. Голод и самый яркий сон в его жизни. Два гамбургера, кока-кола и кусок яблочного пирога приведут его в порядок, и он был вполне уверен, что в Оссипи, не далее чем в пяти милях отсюда, есть забегаловка.

У этого странного придорожного обморока было одно хорошее последствие. Нет, на самом деле два. Он сообщит ей, что собирается открыть свою контору в маленьком городке Карри. Отдаст ли она ему свою руку и сердце?

К черту родителей.

* * *

29 апреля 1938 года в Старой Южной церкви Бостона поженились Фил Паркер и Салли Энн Олбёртон. Тед Олбёртон вел свою дочь к алтарю. Этот шаг, на который он поначалу отказывался пойти, стал возможным благодаря дипломатичным действиям его жены и нежным уговорам дочери. Когда мистер Олбёртон оказался в состоянии спокойно подумать о предстоящем замужестве Салли, то понял, что есть еще одна причина совершить эту короткую прогулку до алтаря: бизнес. Джон Паркер был старшим партнером в фирме. Тед искренне не одобрял решения Фила отказаться от блестящего будущего ради жизни в глухом, провинциальном фермерском местечке, но нужно было думать о фирме. В предстоящие годы между партнерами не должно быть никаких трений. Поэтому он исполнил свой долг, но сделал это с каменным, хмурым лицом. Наблюдая за церемонией, Тед Олбёртон вспомнил две старые пословицы.

"Молодо — зелено, погулять велено" — была одна из них.

"Жениться на скорую руку да на долгую муку" — была другая.

* * *

Медового месяца не было. Родители Фила с неохотой открыли ему счет в трастовом фонде, положив туда тридцать тысяч долларов, и он был полон решимости не тратить их попусту. Через неделю после церемонии бракосочетания он открыл маленький офис рядом с заправкой "Суноко". На двери офиса висела табличка с надписью "ФИЛИП Й. ПАРКЕР, АДВОКАТ", сделанной его новоиспеченной женой. На его рабочем столе лежали телефон и ежедневник, страницы которого были пусты. Но они оставались пустыми недолго. В тот самый день, когда Фил открылся, в офис зашел фермер по имени Реджис Туми. Он был в рабочем комбинезоне и соломенной шляпе. Предсказания отца Фила в точности сбывались. Туми спросил, снимать ли ему свои грязные ботинки, но Фил сказал, что это необязательно.

— Думаю, вы заработали эту грязь честным трудом. Садитесь и расскажите мне, что вас сюда привело.

Туми сел. Он снял свою соломенную шляпу и положил ее на колени.

— Сколько вы берете? — его акцент был типичным для янки.

— Пятьдесят процентов от того, чего я для вас добыю. Если ничего не добыю — двадцать пять долларов. — Он не забыл маленькую табличку Человека с ответами и надеялся, что сможет ответить на вопросы самых разных людей. Начиная с этого человека.

— Справедливо, — сказал Туми. — Дело вот в чем. Банк хочет отобрать у меня ферму и продать ее с аукциона. — Снова прорезался акцент янки. — Но у меня имеется бумага... — Он вытащил ее из переднего кармана комбинезона и передал через стол. — ...в которой говорится, что у меня есть девяносто дней отсрочки. Человек из банка говорит, что это недействительно, если я не внес последний платеж.

— А вы внесли?

— Всё, кроме десяти долларов. Жена ушла за продуктами, и я остался без денег.

Фил не мог поверить своим ушам.

— То есть банк хочет отобрать у вас ферму из-за неуплаты десяти долларов?

— Человек из банка так говорит. Говорит, что они могут выставить ее на аукцион, но я подозреваю, что у них уже есть покупатель.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Фил.

— У меня сейчас нет двадцати пяти долларов, адвокат Паркер.

Салли Энн вышла из другой комнаты с кофейником в руках. На ней было темно-синее платье и передник чуть светлее оттенка. Ее лицо, лишенное косметики, светилось. Светлые волосы были убраны назад. Туми лишился дара речи.

— Мы берем ваше дело, мистер Туми, — сказала она. — И поскольку это наше первое дело, не возьмем никакой платы, независимо от результата. Верно, Филип?

— Совершенно верно, — подтвердил Фил, хотя и рассчитывал на эти двадцать пять долларов.

— Как зовут этого человека из банка?

— Мистер Латроп, — ответил Туми и сморщился, словно попробовал что-то кислое. — Из Первого банка. Он — главный кредитный специалист и отвечает за ипотеки.

В тот же день Фил явился в Первый банк Нью-Гэмпшира и поинтересовался у мистера Латропа, понравится ли его начальству статья в "Юнион Лидер"⁷⁰ о жестоком банке, в разгар Депрессии отобравшем у фермера имущество из-за каких-то жалких десяти долларов.

После дискуссии, часть которой была довольно горячей, мистер Латроп всё-таки прозрел.

— Я всё равно склоняюсь к тому, чтобы подать на вас в суд, — сказал Фил приятным голосом.

— Недобросовестная деловая практика... моральный ущерб... финансовый обман...

— Это возмутительно, — гневно произнёс мистер Латроп. — Вам никогда не выиграть.

— Возможно, и нет, но банк проиграет в любом случае. Думаю, пятьсот долларов, переведенные на счет мистера Туми, закроют этот вопрос к взаимному удовлетворению обеих сторон.

Латроп поворчал, но деньги перевел. Туми предложил половину, но Фил — с согласия Салли Энн — отказался. Когда Туми стал настаивать, он взял двадцать пять долларов, думая при этом о Человеке-ответе.

Эта новость быстро разнеслась как по Карри, так и по окрестным городкам. Фил выяснил, что несколько банков практиковали такую же уловку с краткосрочными выплатами, чтобы лишить фермеров их хозяйств. В одном случае фермеру из соседнего Хэнкока не хватило двадцати долларов за три месяца до полного погашения ипотеки. Его ферму забрали и продали строительной компании за двенадцать тысяч долларов. Фил довел это дело до суда и вернул фермеру восемь тысяч. Не полное возмещение, но лучше, чем ничего, да и освещение в прессе было бесценно.

⁷⁰ "Юнион Лидер" — ежедневная газета Манчестера, крупнейшего города в штате Нью-Гэмпшир

К 1939 году его маленький офис был отремонтирован — появилась новая черепица и свежий слой краски. Как и лицо Салли Энн, он светился. Когда разорилась заправка "Суноко", Фил купил ее и взял на работу помощника, выпускника юридической школы. Салли Энн подобрала ему секретаршу (умную, но пожилую и неприметную), которая по совместительству выполняла функции администратора, помогая ему отбирать дела.

В 1941 году его бизнес был прибыльным. Будущее выглядело радужным. Затем, спустя четыре года и два месяца после встречи Фила с человеком, сидевшим под красным зонтом на обочине дороги, Япония атаковала Пёрл-Харбор.

* * *

Незадолго до свадьбы Салли Энн Олбёртон взяла Фила за руку и вывела его на задний двор дома Олбёртонов в Уэлсли⁷¹. Они сели на скамейку у пруда с золотыми рыбками, на котором совсем недавно растаяла корка льда. Щеки Салли пылали, и она избегала его взгляда, но была полна решимости высказать то, что у нее было на душе. Фил подумал, что в тот день она выглядела точь-в-точь, как её отец.

— Тебе нужно запастись "французскими письмами", — сказала она, уставившись на их сомкнутые руки. — Понимаешь, о чём я?

— Да, — ответил Фил. Ему также доводилось слышать их под названием "английские шапочки", а в студенческие годы — "непристойные мешочки". Он надевал такую штуку лишь однажды, во время похода в дом терпимости в Провиденсе. Это приключение до сих пор вызывало у него чувство стыда. — Но почему? Разве ты не хочешь...

— Детей? Конечно, я хочу детей, но только после того, как буду уверена, что нам не придется умолять моих родителей — или твоих — помочь нам. Мой отец этому бы только порадовался, и он выставит условия. Чтобы отговорить тебя от того, чем ты на самом деле хочешь заниматься. Я не могу этого допустить. Я этого не потерплю.

Она бросила на него быстрый взгляд, определяя его эмоциональную реакцию, затем снова опустила глаза на их сомкнутые руки.

— Есть такая штука для женщин, называется диафрагма, но если я попрошу доктора Грейсона, он расскажет всё моим родителям.

— Врачу запрещено так поступать, — заметил Фил.

— Но он все равно это сделает. Так что... "французские письма". Ты согласен?

Он хотел спросить её, откуда она вообще знает о таких вещах, но решил, что не желает этого знать; некоторые вопросы лучше не задавать.

— Согласен.

Наконец, она посмотрела ему в глаза.

⁷¹ Городок в США в штате Массачусетс

— И покупай их в Портленде, Фрайбурге или Норт-Конвее. Подальше от Карри. Потому что люди болтливы.

Фил разразился хохотом.

— Хитруша!

— Когда надо, тогда и хитруша, — парировала она.

Его дело процветало, и несколько раз они с Салли Энн обсуждали, не выбросить ли эти "французские письма", но в первые годы Фил работал по фермерскому расписанию, то есть от рассвета до заката, часто бывал в судах, часто в разъездах, и идея завести ребёнка казалась ему скорее бременем, чем благословением.

7 декабря 1941 года.

— Я запишусь добровольцем, — сказал он Салли Энн в тот вечер. Они весь день слушали радио.

— Ты же можешь получить отсрочку. Тебе почти тридцать.

— Я не хочу отсрочки.

— Не хочешь, — согласилась она и взяла его за руку. — Конечно, не хочешь. Если бы хотел, я бы любила тебя меньше. Эти грязные, подлые япошки! А ещё...

— Что ещё?

Её ответ лишний раз его убедил — как и в случае с покупкой "французских писем" вдали от Карри, — насколько она пошла в своего отца.

— Кроме того, это будет плохо выглядеть. Пострадает бизнес. Тебя могут назвать трусом. Просто вернись ко мне, Фил. Обещай.

Фил вспомнил, что сказал ему Человек с ответами под красным зонтом в тот октябрьский день: "Не убьют и не ранят". Он не должен был верить в это, особенно спустя столько лет... но он верил.

— Обещаю. Железно.

Она обняла его за шею.

— Тогда пошли в постель. И забудь про эту проклятую резинку. Я хочу почувствовать тебя в себе.

Девять недель спустя Фил сидел в бараке на "Пэррис-Айленд"⁷², потя и чувствуя боль в каждой мышце. Он читал письмо от Салли Энн. Она была беременна.

* * *

⁷² Военная база США, расположенная в штате Южная Каролина на острове Пэррис

Утром 18 февраля 1944 года лейтенант Филип Паркер высадил свой отряд из 22-го полка морской пехоты на берег атолла Эниветок. Военно-морские силы США подвергли японцев трёхдневной бомбардировке, и разведка донесла, что вражеские силы сильно поредели. На этот раз, в отличие от большинства данных военно-морской разведки, это оказалось правдой. С другой стороны, никто не удосужился предупредить морпехов о крутых песчаных дюнах, которые им предстояло преодолевать после того, как их лодки Хиггинса⁷³ коснутся берега. Япошки ждали их, но они были вооружены винтовками, а не ужасными пистолетами-пулемётами "Намбу". Фил потерял шестерых из своих тридцати шести человек: двое были убиты и четверо ранены, только один серьёзно. Когда они добрались до вершины дюн, японцы растворились в густом кустарнике.

22-й полк морской пехоты продвигался на запад, встречая лишь разрозненное сопротивление. Один из людей Фила был ранен в плечо, другой упал в яму и сломал ногу. Это были единственные потери его отряда после высадки.

— Лёгкая прогулка по парку, — заметил сержант Майерс.

Когда они добрались до океана на дальней стороне атолла, Фил получил по рации сообщение из наспех созданного штаба морской пехоты, устроенного на другой стороне дюн, где они понесли наибольшие потери. С юга ещё доносилась разрозненная стрельба, но она стихала, пока они обедали. "Пикник на берегу моря", — подумал Фил. — "Кто бы мог подумать, что война может быть даже приятной?"

— Что там слышно, лейтенант? — спросил Майерс, когда Фил убрал рацию в кобуру.

— Джонни Уокер говорит, что остров под контролем, — ответил Фил. Он имел в виду полковника Джона Т. Уокера, который руководил этой небольшой операцией вместе со своим коллегой, полковником Расселом Айерсом.

— Не похоже, что всё под контролем, — сказал рядовой первого класса Молоки, кивая на юг.

Однако, к 15:00 стрельба совсем стихла. Фил ждал приказа, не получал его, выставил трёх часовых на краю зарослей и разрешил остальным солдатам отдыхать до дальнейших распоряжений. В 20:00 им приказали собраться и двигаться на восток, чтобы присоединиться к основным десантным силам. Началось ворчание по поводу того, что придётся пробираться в темноте через густые заросли, но приказ есть приказ, и они отправились в путь. После того как рядовой Франклэнд сломал ногу в еще одной яме, а рядовой Гордон едва не лишился глаза, наткнувшись на дерево, Фил связался по рации со штабом и запросил разрешения разбить лагерь на ночь из-за сложной местности.

— Гребанно сложной — так точнее, — вставил свое словечко рядовой первого класса Молоки.

Разрешение было получено. Они разбили лагерь под сеткой, но комаров она не остановила.

⁷³ Эндрю Хиггинс — предприниматель из Нового Орлеана, организовавший массовое производство десантных катеров

— По крайней мере, земля сухая, — сказал Майерс. — У меня была окопная стопа⁷⁴, и это не для слабаков.

Фил уснул под звуки шлепков своих солдат и стоны рядового Франкленда, который лежал со сломанной ногой. Он проснулся перед самым рассветом, увидев, что к северу от их маленького лагеря сквозь сумрак движутся силуэты. Сотни силуэтов. Позже он узнал, что атолл Эниветок был весь усеян паучьими норами⁷⁵. Вероятно, Франкленд сломал ногу в одной из них; японский пехотинец мог лежать на дне, поглядывая, как Ренгелл и сержант Майерс вытаскивали его оттуда.

Майерс положил руку на плечо Фила и прошептал:

— Ни слова, ни звука. Они могут нас не заметить. Мне кажется...

В этот момент один из морпехов закашлялся. Перекрёстные огни прорезали серое утро — ещё более серое под навесом — и выхватили горбатые фигуры, закутанные в москитные сетки. Началась стрельба. Шесть морпехов были убиты во сне. Ещё восемь — ранены. Только один морпех успел сделать выстрел. Майерс обнял Фила, Фил обнял Майерса. Они слушали, как пули свистят над головой, и несколько из них ударили в землю рядом. Затем раздалась резкая команда на японском (прозвучала как "дзенпо, дзенпо"), и японцы рванули дальше, продираясь сквозь кустарник.

— Они контратакуют, — сказал Фил. — Это единственная причина, почему нас не добили.

— Их цель — штаб? — спросил Майерс.

— Скорее всего. Давай. Ты, я и все остальные, кто не ранен.

— Ты спятил, — сказал Майерс. Его зубы сверкнули, а губы разошлись в ухмылке. — Мне это нравится.

Фил насчитал только шестерых, кто побежал за японцами; возможно, было ещё один-два человека. Впереди снова началась стрельба, сначала редкая, затем непрерывная. Взрывались гранаты, и Фил услышал стрекот страшного "Намбу". К нему присоединились другие пулемёты. Три? Четыре?

Оставшиеся морские пехотинцы из отряда Фила вырвались из зарослей и увидели дальнюю сторону дюн, доставивших им столько хлопот накануне. Она кишела японскими солдатами, направлявшимися к слабо защищённому штабу, но люди Фила были позади них.

Один тучный японец — возможно, единственный толстячок во всей японской армии, как позже подумал Фил — немного отстал от своих товарищей. Он нёс пистолет-пулемёт "Намбу" и был обвешан патронными лентами. Чуть впереди него находился ещё один, более худой пулемётчик.

Фил выхватил нож и бросился на грузного солдата. Если он сможет заполучить этот пулемёт, то нанесёт немалый урон врагу. Возможно, даже значительный. Он вонзил нож в затылок японца.

⁷⁴ "Траншейная" или "окопная" стопа — это холодовое поражение ног, возникающее при постоянном ношении промокшей обуви и носков в холодную погоду в течение нескольких дней

⁷⁵ "паучья нора" или "паучья щель" — замаскированный окоп для снайпера

Это было его первое убийство, но в пылу момента это не осознавалось. Японец взвизгнул и рухнул вперёд. Худосочный пулемётчик впереди него обернулся, поднимая своё оружие.

— Лейтенант! Ложись! Ложись! — заорал Майерс.

Но Фил не бросился на землю, потому что в этот момент он вспомнил о Человеке-ответе. "Буду ли я ранен?" — спросил он. Человек, который знает всё, ответил, что нет, но Фил тогда понял, что задал неправильный вопрос. Он задал правильный прямо перед тем, как истекли его пять минут. "Буду ли я убит?" И ответ был: "Нет, Фил, вас не убьют".

В этот момент на Эниветоке он поверил в это. Возможно, потому что Человек-ответ знал девичью фамилию его матери и место рождения его отца. А возможно, потому что у него не было другого выбора. Худосочный японец открыл огонь из своего "Намбу". Фил успел заметить, как Майерс отшатнулся, окутанный облачком крови. Дестри и Молоки рухнули по обе стороны от него. Он слышал, как пули свистят около его головы. Он чувствовал, как что-то дергает его за штаны и рубашку, словно кусает игривый щенок. Позже он насчитает более дюжины дыр в своей одежде, но ни одна пуля не попала в него и даже не зацепила.

Он открыл огонь из захваченного "Намбу" слева направо, сбивая японских солдат, как живые кегли. Другие обернулись, на мгновение ошеломлённые неожиданной атакой с тыла, а затем открыли ответный огонь. Пули вонзались в землю перед Филом, осыпая его ботинки песком. Ещё больше пуль рвали его одежду. Он услышал, что как минимум двое из его людей стреляют в ответ. Он выдернул ещё одну патронную ленту из мёртвого япошки у своих ног и снова открыл огонь, не чувствуя двадцатифунтового веса "Намбу", не осознавая, что пулемёт нагревается, не замечая, что он кричит.

Теперь американцы отвечали огнём с другой стороны дюны; Фил определил это по звуку выстрелов из карабинов. Он наступал, продолжая вести огонь. Перешагивал через мёртвых японских солдат. "Намбу" заклинило. Он отбросил его в сторону, наклонился, и пуля срикошетила от его шлема, отправив его в полёт. Фил даже не заметил этого. Он поднял другой пулемёт и снова начал стрелять.

Он осознал, что рядом с ним снова был Майерс, половина лица которого была залита кровью, а кусок скальпа болтался и раскачивался на ходу.

— Да, сукины дети! — кричал он. — Да, сукины дети, добро пожаловать в Америку!

Это было настолько безумно, что Фил начал смеяться. Он всё ещё смеялся, когда они взобрались на вершину дюны. Он отбросил "Намбу" и поднял обе руки.

— Морпехи! Морпехи! Не стреляйте! Морпехи!

Контратака — если её можно так назвать — завершилась. Сержант Рик Майерс был награждён Серебряной звездой (по его словам, он предпочёл бы вернуть своё правое око). Лейтенант Филип Паркер стал одним из 473 награждённых Медалью Почёта⁷⁶ во время Второй мировой войны, и хотя он не был ранен, война для него закончилась. Один фотограф сделал снимок его изрешеченной пулями рубашки, сквозь которую светило солнце, и этот снимок попал во все

⁷⁶ Медаль Почёта — высшая военная награда США

газеты на родине, которую боевые морпехи называли "миром". Он стал настоящим героем и остаток своей службы провёл в Америке, выступая с речами и продавая военные облигации⁷⁷.

Тед Олбёртон обнял его и назвал воином. Назвал сыном. Фил подумал: "Как же смешон этот человек". Но он ответил на объятие, чувствуя, что топор войны зарыт.

Он встретился со своим сыном, которому было почти три года.

* * *

Иногда по ночам, лежа рядом со спящей женой, Фил вспоминал худосочного японского солдата, который слышал предсмертный крик своего товарища. Он видел, как тощий солдат повернулся. Видел его широко раскрытые карие глаза под полевой фуражкой, шрам в форме рыболовного крючка рядом с глазом. Такой шрам тот мог получить в детстве. Видел, как худосочный солдат открыл огонь. Он помнил звук пуль, свистящих вокруг него. Помнил, как некоторые из этих пролетающих пуль игриво дергали его за одежду, словно не были смертоносными снарядами или, что ещё хуже, приносили увечья на всю жизнь. Он думал о том, как был уверен в своей неуязвимости благодаря — назовём это так, как оно было — пророчеству Человека-ответа. И в такие ночи он задавался вопросом, видел ли человек под красным зонтом будущее... или же создавал его. На этот вопрос Фил не находил ответа.

2

Во время своих поездок по продаже военных облигаций, которые включали в себя выступления в штатах Новой Англии, а иногда и в Нью-Йорке, Фил имел возможность беседовать со многими солдатами, прошедшими службу, и выслушать множество историй о трудностях возвращения домой. Один бывший морской пехотинец выразился лаконично: "Поначалу, после четырех лет разлуки, мы были, как незнакомцы, спящие вместе". Филу и Салли Энн удалось избежать этой неловкой фазы, возможно, потому что они выросли вместе с детства. Физическая любовь между ними возникла естественным образом. Однажды, в момент их взаимного оргазма, Салли Энн обессиленно произнесла: "О, мой герооой", и они оба разразились смехом.

Джейкоб сначала стеснялся его, прижимаясь к матери и испуганно поглядывая на высокого мужчину, внезапно вошедшего в их жизнь. Когда Фил пытался взять его на руки, мальчик сопротивлялся, иногда плача. Он убегал к матери, цеплялся за её ногу и с опаской таращился на незнакомца, которого должен был называть папой.

Однажды вечером, когда Джейк сидел между ног матери и играл с кубиками, Фил сел напротив него и покатил ему теннисный мяч. Он ничего не ожидал, поэтому был в восторге, когда Джейк покатил его обратно. Так мячик ходил туда-сюда. Салли Энн даже отложила книгу. Фил подбросил мяч с небольшим отскоком. Джейк протянул руки и поймал его. Когда Фил засмеялся, Джейк засмеялся вместе с ним. После этого эпизода между ними всё наладилось. Даже лучше. Фил любил в своём сыне всё — его голубые глаза, каштановые волосы, крепкое тело. Но больше всего ему нравились способности маленького мальчика. Он не мог

⁷⁷ Военные облигации — долговые ценные бумаги, выпущенные правительством в целях финансирования военных операций во время войны

представить, кем станет Джейк, да и не хотел этого. "Пусть это будет сюрпризом", — подумал он.

В один из вечеров 1944-го Джейк отказался, чтобы мама взяла его на руки и уложила спать. "Хочу к папе", — сказал он. Может, это не был самый лучший вечер в жизни Фила, но он не мог вспомнить лучше его.

* * *

"Будет ли Карри процветать так, как я представляю?" — спросил он в тот далекий день, который показался сном (хотя он до сих пор помнил каждый заданный вопрос и каждый полученный ответ). Человек, который знает всё, ответил утвердительно и в этом тоже оказался прав. Отчасти благодаря своей славе морского пехотинца, награждённого Медалью Почёта, но в основном потому, что запрашивал справедливую цену за свои услуги и был хорош в своём деле ("умный засранец", — говорили местные), в послевоенные годы у Фила Паркера стало больше клиентов, чем он мог управиться.

Помощник, которого он взял на работу в 1939 году, погиб при бомбардировке Гамбурга, поэтому Фил нанял нового сотрудника, потом второго, а затем — по настоянию Салли — молодую женщину. Это вызвало недовольство среди старых янки Карри, но к 1950 году в городе появились новые люди с новыми идеями и деньгами. В соседнем городке Паттен был построен торговый центр; Фил и его помощники занимались юридической деятельностью и получали хорошую прибыль. В Карри на месте пятикомнатной начальной школы построили совершенно новую восьмикомнатную. Фил купил старое здание за бесценок, и оно стало его новым офисом: "Фил Паркер и партнеры". Олбёртоны часто навещали свою дочь, внука... и, конечно же, героя войны. Фил был совершенно уверен, что Тед в конце концов убедил себя, что он всегда поддерживал дальновидное решение своего зятя переехать в процветающий Карри.

Фил смог забыть старые обиды на тестя из-за яростной и безусловной любви Теда к Джейку. На шестой день рождения мальчика Тед подарил ему маленькую бейсбольную перчатку и играл с ним, подбрасывая мячик, на заднем дворе до тех пор, пока не стемнело и Салли Энн не пришлось загнать их обоих домой на ужин.

Несмотря на загруженность работой, Фил всегда старался вернуться домой до наступления темноты, чтобы поиграть с сыном в мяч. К восьми годам мальчика они уже стояли на расстоянии тридцати, а потом и сорока футов друг от друга, бросая мяч, как настоящие бейсболисты.

— Давай, пап! — кричал Джейк. — Бросай изо всех сил!

Поначалу Фил поддавался и бросал мяч не так сильно, как мог бы, не для восьмилетнего мальчика, но постепенно увеличивал скорость своих бросков. По выходным дням весной и летом они вдвоём слушали по радио матчи "Ред Сокс". Иногда все втроём.

В один ноябрьский день, после того как они наигрались в бейсбол в двухдюймовом слое снега, Салли Энн отвела Фила в сторону.

— Ты играл в бейсбол в детстве? А то я не помню, чтобы ты играл.

Фил покачал головой.

— Иногда после школы, но нечасто. Я был хорошим полевым игроком, но отбивать ни черта не умел. Парни прозвали меня Мазила Паркер.

— Я тоже никогда не занималась спортом, но Джейк... он действительно хорош, или это просто моё воображение и материнская гордость?

— Да, он хорош. Не могу дождаться, когда возьму его на первую игру "Сокс".

Это случилось в 1950 году. Они сидели на трибунах: Фил с одной стороны, Тед с другой, а мальчик между ними, глядя на зелёное поле "Фенуэй Парка"⁷⁸ широко раскрытыми глазами и позабыв о пакете попкорна на коленях.

Тед наклонился к нему и сказал:

— Может, когда-нибудь ты тоже окажешься там, Джейк.

Джейк поднял глаза на своего деда и улыбнулся.

— Я знаю, что там буду, — сказал он.

* * *

В один не по сезону тёплый октябрьский день 1951 года Фил заехал в новый магазин "Вестерн Авто" в Норт-Конвее, закупился там и поехал домой по шоссе 111 с подарком для всей семьи в багажнике — телевизором "Зенит", модель "Регент" с круглым экраном. Он также купил "кроличьи уши" для приёма, но с антенной они, вероятно, смогут ловить бостонские станции. Он подумал, что Джейк сойдет с ума от счастья при мысли о том, что теперь сможет смотреть "Всадника прерий"⁷⁹, а не слушать его по радио.

Но на уме у него было кое-что ещё, возможно, более важное, чем новый телевизор. С утра он побеседовал с человеком по имени Блейлок Атертон — республиканцем, возглавлявшим сенат штата Нью-Гэмпшир. Сенатор Атертон был деятельным и энергичным человеком с большими планами и целями, и разговор с ним был действительно интересным. Фил думал о том, как обсудит это с Салли Энн, когда промчался мимо ярко-жёлтого знака, укрепленного на палке у обочины. Надпись "2 МИЛИ ДО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ" вызвала яркие воспоминания.

"Это не может быть он, особенно после стольких лет", — подумал Фил. Но в глубине души знал, что это он.

Сразу за чертой города Карри он миновал другой знак, на этот раз цвета электрик, сообщавший, что Человек-ответ находится в миле впереди. Фил поднялся на холм на окраине города. В двухстах ярдах впереди он увидел красный зонтик. На этот раз Человек-ответ устроился на большой поляне неподалеку от новой начальной школы. Через год или около того там будет стоять Добровольная пожарная станция Карри.

⁷⁸ Фенуэй Парк — бейсбольный стадион возле Кенмор-сквера в Бостоне, штат Массачусетс

⁷⁹ "Всадник прерий" — американский вестерн-телесериал, который транслировался в синдикации с 1951 по 1953 год

С бешено бьющимся сердцем, забыв про новый телевизор и Блейлока Атертона, Фил съехал с дороги и вышел из машины. Его старый "Шевроле" давно приказал долго жить. Он захлопнул дверь своего нового "Бьюика" и на мгновение замер, поражённый увиденным. Ошеломлённый увиденным.

Фил постарел, Человек-ответ — нет. Он выглядел точно так же, как в тот октябрьский день четырнадцать лет назад. Его редящие волосы не поредели. Глаза остались такими же ярко-голубыми. Белая рубашка, серые брюки, чёрные туфли — всё, как прежде. Его руки с длинными пальцами были сложены на столе, как и раньше. Изменились только надписи на табличках по бокам от центральной таблички, провозглашавшей его Человеком-который-знает-всё. На левой было написано: "50 ДОЛЛАРОВ ЗА 3 МИНУТЫ", на правой: "ПЕРВЫЙ ОТВЕТ БЕСПЛАТНО".

"Похоже, даже магия не защищена от инфляции", — подумал Фил. Тем временем Человек-ответ смотрел на него с живым интересом.

— Я вас знаю? — спросил он, а затем захихикал. — Не отвечайте! Человек-ответ здесь я. Просто дайте мне подумать. — Словно существо из сказки, он приложил палец к одной стороне носа. — Вспомнил. Вы — Просто Фил. Вы желали узнать, выйдет ли ваша девушка за вас замуж, хотя знали, что так оно и будет, и переедете ли вы жить в ту маленькую деревню, хотя знали ответ и на этот вопрос.

— Это были бесполезные вопросы, — сказал Фил.

— Да, были. В самом деле. Присаживайтесь, Просто Фил. Если, конечно, пожелаете иметь со мной дело. Если нет, то вы, естественно, вольны идти своей дорогой. Свобода — вот что делает Америку великой. Так во всяком случае говорят.

Неподалёку прозвучал громкий звонок. Двери новой начальной школы распахнулись. Вопящие дети с ранцами для книг и пакетами для ланча вырвались наружу, словно от взрыва. Среди них, несомненно, был его сын, хотя в общей суматохе Фил не мог его выделить — многие мальчишки носили кепки с символикой "Ред Сокс". Два школьных автобуса были готовы принять тех, кто жил более чем в миле от школы.

Фил сел на стул клиента. Он хотел было спросить, является ли этот странный придорожный торговец ответами человеком или каким-то сверхъестественным существом, но, должно быть, за время между двадцатью пятью и тридцатью девятью годами он кое-чему научился, поэтому закрыл рот, прежде чем успел потратить свой бесплатный вопрос. Разумеется, Человек-ответ не был человеком. Ни один человек на свете не изменился бы за четырнадцать лет, и ни один человек не мог бы знать, что Фил выживет после пулемётного обстрела практически в упор на Эниветоке.

Вместо этого он произнес:

— Похоже, ваши цены подросли.

— Для некоторых людей, — молвил на это Человек-ответ.

— Значит, вы знали, что я приеду.

Человек-ответ улыбнулся.

— Вы пытаетесь получить информацию, делая утверждения. Я в курсе этого трюка.

"Еще бы", — подумал Фил. — "Ты в этом собаку съел".

Мимо места будущей пожарной станции проходили дети, и хотя дети по природе своей любопытны, те немногие, кто смотрел на пустырь, без интереса отводили взгляд.

— Они ведь нас не видят?

— Ещё один вопрос, на который вы знаете ответ, мой друг. Само собой, не видят. Реальность имеет складки, и мы сейчас находимся в одной из них. Это был ваш бесплатный вопрос. Если желаете задать другие, придётся заплатить. И, кстати, я не принимаю чеки.

Чувствуя себя как во сне, Фил достал бумажник из заднего кармана. В нём лежали три двадчатки и десятка (там еще была сотка на крайний случай, спрятанная за водительскими правами). Он отдал Человеку с ответами десятку и две двадчатки, и они мгновенно исчезли. Тот поднял свою маленькую сумку — ту же самую — и достал из нее тот же самый огромный секундомер. На этот раз цифры шли только от 0 до 3, но при заводке секундомер издал тот же звук трещотки.

— Надеюсь, вы готовы, Просто Фил.

Он подумал, что готов. На этот раз не было никаких дилемм, он был вполне доволен текущим ходом собственной жизни, но, как и все люди, был любопытен относительно будущего.

— Я готов. Начнём.

Человек-ответ вел себя так же, как в тот день в 1937 году.

— Тогда начинаем. — Он нажал на рычаг на задней стенке своих больших часов. Они затикали, и одинокая стрелка начала своё движение от 3 к 2.

Фил вспомнил свой разговор с Блейлоком Атертоном — не предложение, но возможность. Пробный шар.

— Если меня попросят, стоит ли мне баллотироваться...

Человек-ответ предостерегающе поднял палец.

— Вы забыли, что я говорил вам об этом слове? Я — Человек-ответ, а не служба психологической помощи.

Фил не то чтобы забыл; он просто привык задавать подобные вопросы. Бесполезные вопросы, на самом деле.

— Хорошо, вот мой вопрос. Буду ли я баллотироваться в Сенат США?

— Нет.

— Нет?

— Ответ не изменится, даже если вы переспросите снова. Между тем время летит.

— Это потому, что Салли не захочет, чтобы я баллотировался?

— Нет. — Одинокая стрелка на часах прошла отметку 2.

— Атертон собирается предложить эту возможность кому-то другому?

— Да.

— Вот ублюдок, — сказал Фил, но действительно ли это было разочарованием? Да, но не таким уж большим. У него была юридическая практика, и она по-прежнему приходилась ему по душе. К тому же, он не был в восторге от идеи покинуть Нью-Гэмпшир ради Вашингтона; он был деревенским мышонком и, наверное, всегда им останется.

Как и четырнадцать лет назад, Фил сменил направление вопросов.

— Понравится ли телевизор Салли и Джейку?

— Да. — На лице Человека-ответа мелькнула быстрая улыбка.

Подумав о Джейке, Фил решил задать еще один вопрос про него. Он вырвался из его уст, прежде чем Фил успел осознать, хочет ли он вообще знать ответ.

— Будет ли мой сын играть в бейсбол на профессиональном уровне?

— Нет.

Стрелка на часах миновала отметку 1 и устремилась к нулю.

— Будет профи в другом виде спорта?

— Нет.

Это разочаровало сильнее, чем ответ о том, что ему не предложат баллотироваться в Сенат, но разве такое должно удивлять? Нет. Спорт — это пирамида, и только те, кто божественно талантлив, достигают вершины.

— Бейсбол на уровне колледжа? — Наверняка, это было в пределах возможностей Джейкоба.

— Нет.

Как азартный игрок в казино на проигрышной полосе, который продолжает ставить деньги, Фил спросил:

— Школьный бейсбол? Наверняка...

— Нет.

Фил уставился на Человека с ответами, озадаченный и начинающий волноваться. Начинающий бояться, если честно. "Не спрашивай больше", — подумал он, и тут ему на ум пришла одна из любимых поговорок матери: "Не заглядывай в замочную скважину, дабы не огорчаться".

Стрелка на часах Человека-ответа достигла нуля и издала хриплый звук БРРРЭНГ как раз перед тем, как Фил задал последний вопрос:

— С моим сыном всё будет в порядке?

— Я не могу ответить на этот вопрос, извините. Вы чуточку опоздали, Просто Фил.

— Опоздал?

Ответа не последовало. Конечно, нет. Его время истекло.

— Да, наверное, опоздал. Ладно, попробую еще раз. Я же могу это сделать? — Ответа не было, поэтому Фил ответил сам себе. — Могу, конечно, могу. На табличке написано: за три минуты. — Он наклонился и вытащил сотню, лежавшую за водительскими правами. — Просто дайте мне... хорошо, вот она...

Он поднял голову и увидел, что на табличках теперь было написано "200 ДОЛЛАРОВ ЗА 3 МИНУТЫ" и "БЕСПЛАТНЫХ ОТВЕТОВ НЕТ".

— Подождите, — сказал он. — Здесь было написано по-другому. Вы меня обманули.

Как и прежде — ну, или почти — Человек-ответ сказал:

— Возможно, вы сами себя обманули.

И как прежде, Человек-ответ стал отдаляться, словно на рельсах. Начала наступать серость. Фил боролся с ней, но безуспешно.

Он очнулся за рулем "Бьюика", услышав стук в окно с пассажирской стороны.

— Пап? Папа, проснись!

Он огляделся, сначала не понимая, где находится. Или в каком времени. Затем увидел своего сына, вглядывающегося в окно. С ним был его друг Гарри Уошберн, оба были в одинаковых кепках "Ред Сокс". Это помогло Филу сориентироваться. Сейчас не 1937 год, а 1951. И он уже не молодой человек, недавно получивший диплом юриста, а ветеран войны, достаточно значимый в этой части Нью-Гэмпшира, чтобы считаться достойным и реальным кандидатом в Сенат США. Муж. Отец.

Он наклонился и открыл дверь.

— Привет, малыш. Кажется, я задремал.

Джейк не проявил интереса к этому.

— Мы опоздали на автобус, потому что играли в "перец"⁸⁰ за школой. Отвезешь нас домой?

— Что бы вы делали, если бы меня здесь не было?

— Пошли бы пешком, канешн, — ответил Джейк. — Или попросили бы миссис Кин нас подвезти. Она добрая.

⁸⁰ разновидность игры в бейсбол

— И красивая, — добавил Гарри.

— Ну что ж, садитесь. Я купил кое-что в Норт-Конвее, что может вам, ребятам, понравиться.

— Правда? — Джейк сел спереди, Гарри — сзади. — Что же?

— Сами увидите. — Фил посмотрел на то место, где стояли стол и зонтик Человека-ответа. Он заглянул в бумажник и увидел сотенную купюру, сложенную за водительским удостоверением. Если только всё это не было сном — а он знал, что это было наяву, — то, наверное, Человек-ответ вернул купюру обратно. Или, может, он сам её туда положил.

Он поехал домой.

* * *

Телевизор произвёл настоящий фурор. "Кроличьи уши" принимали только WMUR из Манчестера (изображение иногда — ладно, часто — было с рябью), но когда Фил установил антенну, Паркеры поймали два бостонских канала, WNAC и WHDH.

Фил и Салли наслаждались вечерними шоу, такими как "Час Реда Скелтона"⁸¹ и "Театр Шлица"⁸², но Джейк не просто наслаждался телевизором; он влюбился в него с пылом первой любви. После школы он смотрел "Уикдей Матиней", где всю неделю показывали один и тот же старый фильм. Смотрел "Кантри-Джембори Джека и Пэта"⁸³. Смотрел "Бостон Блэки"⁸⁴. Смотрел рекламу сигарет "Кэмел" и чистящего средства "Баб-О". По субботам он собирался со своими друзьями, как в церкви, чтобы смотреть "Кролика-крестоносца"⁸⁵, "Маленьких негодяев" и тысячи других старых мультфильмов.

Поначалу Салли Энн это забавляло, но потом она начала тревожиться не на шутку.

— Он подсел на эту штуковину, — сказала она, даже не подозревая, что этот родительский страх будет повторяться еще многими поколениями. — Он больше не играет с тобой в мяч, когда ты приходишь домой, только хочет смотреть какой-то старый дешевый фильм про Хопалонга Кэссиди⁸⁶, который видел уже четыре раза.

На самом деле, Джейк иногда хотел поиграть в бейсбол с отцом, но такие эпизоды случались всё реже и реже. В дотелевизионные дни Джейк ждал бы отца на крыльце с перчаткой и битой наперевес.

Правда заключалась в том, что Фила не так сильно беспокоила потеря интереса сына, как это волновало Салли. Когда Человек-ответ сказал ему, что Джейк не будет никогда играть в профессиональный бейсбол — даже в старших классах, — его мысли сначала нарисовали (как и мысли любого родителя) мрачную и ужасную картину. Теперь же казалось, что причина была

⁸¹ Ред Скелтон — американский комедиант и актёр, наиболее известный по своим радио— и телешоу периода 1937—1971 годов

⁸² "Театр звезд Шлица" — сериал-антология, который транслировался с 1951 по 1959 год на канале CBS

⁸³ телепередача кантри-музыки

⁸⁴ детективный телесериал

⁸⁵ "Кролик-крестоносец" — сериал про кролика-крестоносца, который встречается на своём пути различных пародийных персонажей и дружит с флегматичным добродушным тигром

⁸⁶ Хопалонг Кэссиди — вымышленный ковбой, главный герой рассказов американского писателя Кларенса Эдварда Мулфорда

более прозаичной: Джейк просто терял интерес к бейсболу, как сам Фил в свое время потерял интерес к обучению игре на пианино, когда был примерно в возрасте Джейка.

Вдохновленный такими телесериалами, как "Одинокий рейнджер"⁸⁷ и "Дикий Билл Хикок"⁸⁸, Джейк начал писать собственные вестерн-рассказы. Каждый из них сопровождался восклицательным знаком и носил такие названия, как "Пальба в Ларами!" и "Перестрелка в каньоне Мертвеца!" Они были аляповатыми, но не такими уж плохими... по крайней мере, по мнению отца автора. Возможно, когда-нибудь он станет писателем, а не аутфилдером в "Бостон Ред Сокс". Фил считал, что это было бы замечательно.

Однажды вечером позвонил Блейлок Атертон и спросил, не надумал ли Фил баллотироваться в Сенат, возможно, не в этот раз, но как насчет 1956 года? Фил ответил, что рассматривает такую возможность. Он сказал Атертону, что Салли Энн не была в восторге от этой идеи, но заверила, что поддержит любое его решение.

— Ну, не раздумывайте слишком долго, — сказал Атертон. — В политике нужно думать наперед. Время — это такая штука, оно летит.

— Я это уже слышал, — ответил Фил.

* * *

В одно субботнее утро в феврале 1952 года Гарри Уошберн вошел в домашний кабинет Фила, где тот просматривал показания свидетелей для предстоящего судебного процесса. Фил с тревогой заметил кровавую полосу на одной из веснушчатых щек Гарри и ещё больше крови на его руках.

— Ты поранился, Гарри?

— Это не моя кровь, — ответил Гарри. — У Джейка идет кровь из носа, и она не останавливается. Его футболка с Роем Роджерсом⁸⁹ вся в крови. Сверху донизу.

Фил решил, что это преувеличение, пока не увидел всё сам. На круглом экране телевизора "Зенит" Энни Оукли⁹⁰ перестреливалась с каким-то плохим парнем, но никто из четырех или пяти мальчишек не обращал на это внимания, все смотрели только на Джейка. Его любимая футболка — субботняя футболка для просмотра ковбойских фильмов — действительно была вся пропитана кровью. Также был залит кровью и верх его джинсов.

Джейк посмотрел на отца и промолвил:

— Она не останавливается. — Его голос был глухим и гнусавым.

Фил велел остальным мальчикам смотреть ТВ-шоу, всё в порядке, всё в ажуре. Он старался говорить спокойно, но количество крови, которое он увидел, сильно его напугало. Он отвел

⁸⁷ Одинокий рейнджер — персонаж американских вестернов, носящий маску и непримиримый борец с беззаконием техасский рейнджер

⁸⁸ Дикий Билл Хикок — американский герой Дикого Запада, известный стрелок

⁸⁹ Рой Роджерс — американский актёр, ковбой и певец

⁹⁰ Энни Оукли — американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью на представлениях Буффало Билла

Джейка на кухню, усадил его и велел откинуть голову назад, затем наполнил кухонное полотенце кубиками льда и приложил его к верхней части носа мальчика.

— Держи так, Джейки. Она остановится.

Салли Энн вернулась из магазина, увидела пропитанную кровью футболку Джейка и сделала вдох, чтобы закричать. Фил покачал головой, и она не стала. Опустившись на колени рядом с сыном, она спросила, что случилось.

— Кто-то из твоих друзей ударил тебя по носу, когда вы играли в ковбоев?

— Нет, просто сама пошла. На полу тоже кровь, но я не испачкал твой голубой ковер.

— На меня тоже попала, — сказал Сэмми Диллон. Он и Гарри зашли на кухню. Остальные мальчики стояли за ними. — Но я смыл её.

— Это хорошо, Сэмми, — сказала Салли Энн. — Ребята, я думаю, вам лучше сейчас пойти домой.

Они охотно согласились, задержавшись лишь у дверей кухни, чтобы напоследок взглянуть на своего окровавленного друга. Когда они ушли, Салли Энн наклонилась к сыну и прошептала Филу.

— Мне кажется, она не останавливается.

— Остановится, — сказал Фил.

Но не остановилась. Поток уменьшился с первоначального пропитывающего рубашку, но продолжал сочиться. Семейный врач Паркеров был в отпуске, поэтому они отвезли Джейка в больницу в Норт-Конвее, где дежурный врач Ричмонд заглянул Джейку в нос, посветив фонариком, и кивнул.

— Мы это мгновенно исправим, молодой человек. Мама и папа подождут снаружи, пока мы займемся делами.

Салли хотела остаться, но Фил, понимая, какая предстоит процедура, взял её за руку и решительно вывел в приёмную, закрыв за собой дверь. Это совершенно не помогло, потому что, когда Джейку прижигали нос, его вопли заполнили всю маленькую больницу от конца до края. Фил и Салли Энн обнялись, плача и ожидая, когда прекратится этот кошмар. В конце концов, он прекратился... и не прекратился.

Вышел доктор Ричмонд, один лацкан его белого халата был испачкан кровью Джейка. Он улыбнулся и произнёс:

— Смелый малыш. Удовольствия было мало. Могу я минутку поговорить с твоими родителями, Джейкоб?

Он отвёл их в смотровую комнату.

— Вы видели у него синяки?

— Конечно, несколько на его руках, — сказал Фил. — Он мальчик, доктор Ричмонд. Наверное, получил их, лазая по деревьям.

— И на груди тоже. Задира, да?

— Нет, не совсем, — ответил Фил. — Он иногда дерется со своими друзьями, но это всё в шутку.

— Я хочу сделать анализ крови, — сказал доктор Ричмонд. — Просто чтобы исключить варианты...

— Боже мой, — сказала Салли Энн. Позже она скажет Филу, что всё поняла в этот момент.

— Проверим уровень его лейкоцитов и тромбоцитов. Исключим что-либо серьёзное.

— Док, это было просто носовое кровотечение, — сказал Фил.

— Приведи его обратно, Фил, — попросила Салли Энн. У неё был белый оттенок вокруг глаз и рта, который Филу предстояло часто видеть в течение следующего года.

Фил привел Джейка обратно в смотровую, и когда того заверили, что забор крови — это просто прогулка по парку по сравнению с прижиганием носа, Джейк закатал рукав и мужественно принял укол.

Неделю спустя позвонил их семейный доктор и сказал, что ему жаль сообщать плохие новости, но, похоже, у Джейка острый лимфоцитарный лейкоз.

Их крепкий сын начал угасать не по дням, а по часам. Через восемь месяцев после начала болезни, которую тогда называли "изнуряющей болезнью", у Джейка наступила ремиссия, подарившая его родителям несколько недель жестокой надежды. Затем последовал резкий спад. Джейкоб Теодор Паркер умер в Региональной больнице Портсмута 23 марта 1953 года в возрасте десяти лет.

* * *

На протяжении почти всей траурной церемонии голова Салли лежала на плече мужа. Она плакала. Фил — нет. Все свои слезы он истратил во время последней госпитализации Джейка. Салли до последнего надеялась — молилась — на еще одну ремиссию, но Фил знал, что Джейк умирает. Человек-ответ фактически сказал ему это.

Позже он спрашивал себя, почувствовал ли он на похоронах запах джина в ее дыхании. Если да, то это было неудивительно. Паркеры принадлежали к поколению "Бухла и Сигарет". Салли Энн любила пить легкие коктейли с матерью, отцом и их друзьями с шестнадцати лет, и коктейли всегда ждали Фила, когда он возвращался домой. Как правило, два перед ужином. Иногда Фил выпивал пару банок пива, пока они смотрели телевизор. Салли выпивала еще джин с тоником. Лишь позже Фил осознал, что один вечерний джин-тоник перешел в два, а иногда и три. Но она всегда вставала в шесть утра, готовила Джейку школьный обед и завтрак для всех троих. Это было поколение, где "Женщины Готовят, Мужчины Едят".

Он заметил это после церемонии захоронения. Не заметить было невозможно. Салли была на кухне и рассказывала миссис Кин историю о том, как Джейк лишился первого зуба, как она привязала один конец нитки к этому шатающемуся зубу, а другой — к ручке двери его спальни.

— Когда я захлопнула дверь, зубик прям вылетел! — воскликнула Салли, только слово "зубик" прозвучало как "зупик", и Фил заметил, как миссис Кин — та красивая, как сказал Гарри в тот день, когда Фил встретил Человека с ответами во второй раз — начала медленно отступать от неё, шаг за шагом. Отшатываться от её дыхания. Салли следовала за ней тоже шаг за шагом, начиная вторую историю. В руке у неё был маленький бокал, который постепенно наклонялся, и содержимое проливалось на пол.

Фил взял её за руку и сказал, что её хотят видеть его родные (на самом деле нет). Салли согласилась без возражений, но, оглянувшись через плечо, сказала:

— Этот зупик просто вылетел! Боже, какое это было зрелище!

Миссис Кин подарила Филу сочувствующую улыбку. Первую из многих последующих.

Он успел довести Салли до двери в гостиную, прежде чем у нее подкосились колени. Бокал выпал из её рук. Он поймал его и вспомнил на мгновение — но, о Боже, такое яркое мгновение, — как ловил ответный бросок от Джейка за гаражом. Он протащил её сквозь толпу людей в гостиной, практически неся на себе. Его мать бросила на него взгляд и кивнула: "Уведи её отсюда". Фил кивнул в ответ.

Не было смысла пытаться отнести её наверх, поэтому он перенес её в комнату для гостей и уложил среди пальто и плащей. Она тут же начала храпеть. Когда Фил вернулся, то рассказал людям, что Салли так убита горем, что не может никого видеть, по крайней мере, какое-то время. Ему сочувственно покивали, побормотали соболезнования — Боже, столько соболезнований, что Фил поймал себя на том, что хочет, чтобы кто-нибудь рассказал грязную шутку о фермерской дочке⁹¹, — но он был уверен, что есть люди (миссис Кин одна из них, его мать — другая), которые знали, что его жену одолело не только горе.

Это была его первая ложь насчет её пьянства, но не последняя.

* * *

Фил предложил попытаться завести ещё одного ребёнка. Салли согласилась с каким-то вялым безразличием. Иногда ему хотелось схватить её за плечи — сильно, больно, чтобы оставить синяки, чтобы достучаться до неё — и сказать, что она не единственная, кто потерял ребёнка. Но он этого не делал. Он держал свой гнев при себе, зная, что она скажет: "У тебя есть работа. У меня нет ничего".

Однако, кое-что у нее было. У неё был джин "Гилбис" и сигареты "Кул". Две пачки в день. Она держала их в маленьком футляре из кожи аллигатора, похожем на кошелек для мелочи. В 1954 году она забеременела. Он посоветовал ей бросить курить. Она посоветовала ему держать свои советы, какими бы благими они ни были, при себе. На четвертом месяце у нее случился выкидыш.

⁹¹ стереотипные шутки в американской культуре

— Больше этого не будет, — сказала она ему со своей койки в больнице Норт-Конвея. — Мне сорок. Я слишком стара, чтобы заводить детей.

Так они вернулись к "французским письмам", но в канун Нового 1956 года Фил увидел, что у него осталось три презерватива в пачке из дюжины, которую он купил в Норт-Конвее вскоре после Пасхи. Салли была не прочь задрать свою ночную рубашку и принять его в себя, но когда он посмотрел на неё и увидел, что она смотрит в потолок, то понял, что она просто ждёт, когда он кончит и отвяжется от неё. Это совершенно не возбуждало.

Только однажды, в 1957 году, Фил решил побороться с её пьянством. Он сказал ей, что нашёл хороший центр реабилитации в Бока-Ратоне, где помогут бросить пить или хотя бы сократить потребление; он расположен достаточно далеко от Нью-Гэмпшира, и никто не узнает. Всем он расскажет, что она навещает друзей. Если она этого хочет, то они могут даже развестись, но ей нужно прекратить.

Она посмотрела на него, его теперь уже полная жена с плохим цветом лица, тусклыми глазами и слипшимися волосами. Особенно его поразили её глаза. В них не было глубины.

— Зачем? — спросила она.

* * *

Вечером 8 ноября 1960 года Фил вернулся домой и увидел, что тот пуст. На кухонном столе лежала записка: "Ужин в духовке. Я ушла в ГД смотреть результаты выборов. С."

Приглашения присоединиться к ней для Фила не было, да ему никогда особо не нравился "Грин Дор" в Норт-Конвее. Когда-то, примерно в то время, когда они с Салли поженились, это был довольно приличный бар. Теперь это был захудалый кабак.

Согласно полицейскому отчету, миссис Паркер вышла из "Грин Дор" примерно в 00:40 9 ноября, вскоре после объявления Кеннеди победителем. Бармен перестал подавать ей алкоголь в одиннадцать, но разрешил остаться и посмотреть подсчет голосов.

Возвращаясь домой по шоссе 16, двигаясь на высокой скорости на своем маленьком "Рено Дофине", она съехала с дороги и врезалась в опору моста. Смерть наступила мгновенно. Вскрытие показало, что уровень алкоголя в ее крови составил 0,39. Узнав новость о смерти дочери, Тед Олбёртон перенес сердечный приступ. Через пять дней в реанимации он скончался. От этих похорон друг за другом Филу захотелось вернуться на Эниветок.

Три недели спустя после смерти жены Фил поехал к Добровольной пожарной станции Карри, где когда-то был пустырь. Было уже поздно, и в пожарной части было темно. Между выкрашенными в красный цвет двойными дверями находилась сцена с яслями: Иисус, Мария, Иосиф, волхвы, разные животные. Ясли были, насколько помнил Фил, на том самом месте, где когда-то стоял красный зонт над маленьким столиком Человека-который-знает-всё.

— Выйди и поговори со мной, — сказал Фил ветреной тьме. Из кармана своего пальто он вынул пачку банкнот. — У меня здесь восемьсот, может быть, даже тысяча долларов, и у меня есть несколько вопросов. Вопрос номер один: это был несчастный случай или она покончила с собой?

Ничего. Только пустырь, пустая пожарная станция, холодный восточный ветер и куча идиотских гипсовых статуй, освещенных скрытой электрической лампочкой.

— Вопрос номер два: почему. Почему именно я? Я знаю, это звучит как жалость к себе, и, конечно, так оно и есть, но мне действительно интересно. Этот чертов тупица, друг Джейка, Гарри Уошберн, до сих пор жив, он — ученик сантехника в Сомерсворте. Сэмми Диллон тоже жив, так почему не мой мальчик? Если бы Джейк был жив, Салли тоже была бы жива, верно? Так скажи мне. Наверное, я даже не хочу знать, почему именно я, я хочу знать, почему вообще? Давай, приятель. Выходи, заводи свои часы и забирай мои деньги.

Ничего. Естественно.

— Ты никогда не существовал, так ведь? Ты был лишь плодом моего гребаного воображения, так что пошел ты нахрен и меня туда захвати и весь этот гребаный мир.

* * *

Следующие три года Фил провел в состоянии дистимической депрессии. Он работал, всегда вовремя являлся в суд, выигрывал одни дела и проигрывал другие, и ему было всё равно. Иногда ему снился Человек-ответ, и, бывало, в таких снах Фил перепрыгивал через стол, сбивая тикающие часы на пол, и смыкал руки на шее Человека-ответа. Но Человек с ответами всегда рассеивался, как дым, потому что кем он был на самом деле? Просто дымом.

Этот период его жизни закончился с появлением Обгоревшей Женщины. На самом деле её звали Кристина Лакасс, но для Фила она всегда была Обгоревшей Женщиной.

Однажды ранней весной 1964 года в его кабинет вошла секретарша, бледная и расстроенная. Филу показалось, что в глазах Мари стоят слезы, но он не был уверен, пока она не вытерла их тыльной стороной ладони. Фил спросил, в порядке ли она.

— Да, но к вам пришла женщина, и я хотела предупредить вас, прежде чем впустить её. Она сильно обгорела. Её лицо... Фил, её лицо ужасно.

— Чего она хочет?

— Она хочет отсудить у корпорации "Нью-Ингленд Фридом" пять миллионов долларов.

Фил улыбнулся.

— Это будет непросто, не так ли?

"Нью-Ингленд Фридом" вела дела в шести штатах, простирающихся от Преск-Айля до Провиденса. В послевоенные годы она превратилась в одну из крупнейших строительных компаний на севере страны. Они строили жилые комплексы, торговые центры, промышленные объекты, даже тюрьмы.

— Лучшепусти её, Мари. Спасибо за предупреждение.

Хотя по-настоящему ничто, никакое предупреждение не могло подготовить его к женщине, которая вошла в кабинет, опираясь на два костыля. По левой стороне её лица Фил предположил, что ей под пятьдесят или чуть больше. Правая сторона её лица была

бесформенной массой плоти, которая сначала расплавилась, а затем затвердела. Рука, сжимавшая костыль с правой стороны, была когтем. Она увидела выражение его лица, и левая сторона её рта растянулась в улыбке, продемонстрировав немногочисленные остатки зубов.

— Красотка, правда? — сказала она. Её голос был резким, как карканье вороны. Фил догадался, что она вдыхала огонь, который обжег её голосовые связки. Наверное, это было чудо, что она вообще могла говорить.

Фил не собирался отвечать на вопрос, который был риторическим или откровенно саркастическим.

— Садитесь, мисс Лакасс, и расскажите, чем я могу вам помочь.

— Миссис. Я вдова, не знали? А насчет того, что вы можете для меня сделать, то вы можете подать в суд на эту проклятую НИФ. Пять миллионов, ни пенни больше, ни пенни меньше. Хотя держу пари, вы не подадите. Я была у полдюжины других адвокатов, включая Фелда и Пилсбери в Портленде, и никто из них не захотел иметь со мной и моим делом ничего общего. НИФ для них слишком крупна. Можно мне стакан воды, прежде чем вы меня прогоните?

Он нажал кнопку вызова и попросил Мари принести миссис Лакасс стакан воды. Тем временем Обгоревшая Женщина шарила здоровой рукой в маленькой сумочке, застегнутой на пояс. Она достала бутылочку с таблетками и протянула её через стол Филу.

— Откроете её? Я бы открыла сама, но боль адская. Мне нужно две. Нет, три.

Фил открыл коричневую бутылочку, вытряхнул три таблетки, передал их ей и закрыл бутылочку. Мари принесла воду, и Лакасс проглотила таблетки.

— Это морфин. От боли. Говорить больно. Ну, всё делать больно, но говорить — большее всего. Есть тоже нелегко. Доктор говорит, что эти таблетки убьют меня за год или три. На что я ему ответила, что они не убьют меня, пока мое дело не дойдет до суда. Я на этом стою твердо, адвокат Паркер.

— А, они начинают действовать. Хорошо. Я бы приняла еще одну, но тогда стану рассеянной, начну всё путать.

— Расскажите, чем я могу помочь, — сказал Фил.

Она откинула голову и разразилась гоготом ведьмы. Он заметил, что часть её шеи слилась с плечом.

— Помогите мне засудить этих ублюдков, вот чем вы можете помочь. — С этими словами она начала свой рассказ.

Кристина Лакасс жила с мужем и пятью детьми в Морроу-Эстейтс, посёлке, построенном НИФ в городе Олбани, к югу от Норт-Конвея. Свет в их доме постоянно то включался, то выключался, а иногда из розеток шел дым. Рональд Лакасс был водителем-дальнобойщиком, хорошо зарабатывал, но часто бывал в разъездах. Кристина Лакасс делала женские прически на дому, и её фены и воздуходувки постоянно коротили. Однажды загорелись электрощитки в подсобках их блока из четырех домов, и почти неделю у них не было электричества. Кристина,

тогда еще не Обгоревшая Женщина, поговорила с управляющим Морроу-Эстейтс, который лишь пожал плечами и обвинил во всем компанию "Нью-Гэмпшир Пауэр энд Лайт".

— Я знала, что это не так, — сказала она Филу, потягивая воду. — Я не вчера свалилась с сеновала. От скачка напряжения не загорелись бы электрощитки в четырех домах. Сначала бы сгорели предохранители. В других блоках домов в Морроу-Эстейтс были проблемы с освещением и электроотоплением, но ничего похожего на наш случай.

Когда она не добилась удовлетворительного ответа от управляющего, она позвонила в офис НИФ в Портсмуте, поговорила с каким-то служащим и получила лишь отговорки. В библиотеке Норт-Конвея она навела справки о руководстве корпорации, нашла номер главного офиса НИФ в Бостоне, позвонила туда и попросила соединить с президентом. Нет, ответили ей, он слишком занят, чтобы разговаривать с домохозяйкой из Мухосранска, штат Нью-Гэмпшир. Вместо него ей дали другого служащего, вероятно, с более высокой зарплатой и в лучшем костюме, чем у портсмутского. Она рассказала бостонскому парню, что иногда, когда мигает свет, стена в её маленьком домашнем салоне нагревается, и она слышит жужжание, как будто там осы. В такие моменты она чувствует запах жареного. Служащий ответил, что, вероятно, она использует фены и воздуходувки с напряжением, слишком высоким для их электросистемы. Миссис Лакасс поинтересовалась, есть ли у его матери дети, и повесила трубку.

На Рождество НИФ украсили весь Морроу-Эстейтс рождественскими огнями.

— Это сделала корпорация? — спросил Фил. — Не ассоциация домовладельцев Эстейтс?

— У нас и не было никакой ассоциации домовладельцев, — ответила она Филу. — Ничего подобного. У всех в почтовых ящиках лежали рекламные листовки от НИФ после Дня Благодарения. В них говорилось, что они делают это в духе праздника.

— Просто по доброте душевной, — прокомментировал Фил, делая пометки в своем блокноте.

Обгоревшая Женщина издала ведьминский хохот и указала на него деформированным, полурасплавленным пальцем.

— Вы мне нравитесь. Вы меня прогоните, как и все остальные, но вы мне нравитесь. И никто не записывал ничего из того, что я говорила.

— У вас осталась та рекламная листовка?

— Моя сгорела, но у меня есть куча других, таких же.

— Мне нужна одна. Нет, нужны все. Расскажите о пожаре.

На то Рождество её муж был дома. Подарки лежали под ёлкой. За два дня до праздника, когда дети уже улеглись в кровати (сны о сахарном снеге⁹² не гарантировались), их дом и дом семьи Даффи по соседству загорелись. Кристина проснулась от криков снаружи. Дом был полон дыма, но огня она не видела. Из окна спальни она увидела, как ее соседка Рона Даффи катается по снегу, пытаясь потушить свою пылающую ночную рубашку.

⁹² отсылка к рождественской поэме "Визит святого Николая" Клемента Кларка Мура

— Их дом горел, как праздничная свеча. Я растрясла Рональда и сказала ему вывести детей, но он так и не сделал этого. К тому времени я уже была на улице и забрасывала Рону снегом. — Миссис Лакасс добавила буднично, — Она умерла. Её двое детей были с бывшим мужем в Ратленде, повезло им. Моим так не повезло. Не знаю, что с ними случилось. Наверное, дым добрался до Ронни раньше, чем он до них. Я вернулась в дом за детьми, и на меня обрушилась половина гребаного потолка в гостиной. Адвокат Паркер, наш дом вспыхнул, как спичка. Я выползла наружу вся в огне. И знаете, что произошло за тот год, что я пролежала в больнице?

— Они перекидывали вину друг на друга, — сказал Фил. — Так?

Скрюченный палец снова указал на него. Она издала ещё один гогот. Фил подумал, что так, должно быть, смеются проклятые в аду.

— В НИФ сказали, что виновата компания, делавшая проводку. Компания, которая делала проводку, сказала, что штат проверял и рождественские огни, и исходные спецификации проводки, так что виноват штат. Штат сказал, что спецификации не совпадают с фактической проводкой в оставшихся домах, а значит, инженерная фирма схитрила, чтобы сэкономить деньги. Инженерная фирма заявила, что они выполняли предписания корпорации "Нью-Ингленд Фридом". И знаете, что ответила корпорация "Нью-Ингленд Фридом"?

— Подайте на нас в суд, если вам что-то не нравится, — сказал Фил.

— Подайте на нас в суд, если вам что-то не нравится, — именно так. Большая старая корпорация против женщины, которая выглядит, как курица, забытая в духовке. Ладно, сказала я, увидимся в суде. Они предложили мне мировое соглашение на сорок тысяч долларов, но я отказалась. Я хочу пять миллионов, по одному за каждого моего ребёнка, от трёх до четырнадцати лет. Мужа они могут забрать бесплатно, он должен был их спасти. Теперь мне пора уходить?

Впервые со смерти Салли — возможно, впервые со смерти Джейка — Фил почувствовал, как в нем пробуждается настоящий интерес. И возмущение. Ему пришлось по душе идея сразиться с корпорацией-тяжеловесом. Нет, не из-за денег, хотя его доля от пяти миллионов была бы значительной. И не ради рекламы, потому что у него уже было достаточно дел... или столько, сколько ему хватало. Дело было в другом. Это был шанс сомкнуть пальцы на шее, которая не рассеется, как дым.

— Нет, — ответил Фил. — Вам еще не пора уходить.

* * *

В течение следующих пяти лет Фил без устали преследовал компанию "Нью-Ингленд Фридом". Его отец неодобрительно отнесся к этому, говоря, что у Фила развился синдром Дон Кихота, и обвиняя его в том, что тот забросил другие дела. Фил согласился, но отметил тот факт, что ему больше не нужно копить деньги, чтобы отправить сына в Гарвард, и Джон — теперь уже старый Джон — больше не лез в это дело. Вдова Теда Олбёртона сказала, что понимает его и полностью поддерживает.

— Ты делаешь это, потому что не можешь подать в суд на рак, который забрал Джейки, — сказала она.

Фил не стал спорить — возможно, в её словах было зерно истины, — но на самом деле он делал это, потому что не мог выбросить из головы Человека с ответами. Иногда, когда он не мог заснуть, он говорил себе, что поступает глупо; Человек-ответ не несет ответственности ни за его несчастья, ни за беды Обгоревшей Женщины. Всё это было правдой, но было кое-что еще: когда Филу действительно нужны были ответы, человек под красным зонтом исчезал. И, как и миссис Лакасс, ему нужно было возложить на кого-то ответственность.

Он добился того, чтобы дело НИФ рассматривалось в окружном суде Бостона незадолго до того, как у миссис Лакасс началась пневмония. Он выиграл дело. НИФ подала апелляцию, как Фил и Кристина и предполагали, но миссис Лакасс всё же успела застать эту условную победу, прежде чем пневмония забрала её осенью 1967 года. К тому времени Фил видел, как она угасает с каждым днем, и понял, как и в случае с Джейком, что она обречена. Он добавил в дело брата Рональда Лакасса. Тим Лакасс не испытывал жажды мести, как Обгоревшая Женщина, и у него не было её рвения; он просто сказал Филу продолжать дело, не жалея сил, и следил за ним из своего дома в Северной Каролине. Он отказался оплачивать какие-либо расходы, но был бы рад получить деньги, если бы они свалились с неба, точнее, из Бостона или Нью-Гэмпшира. У Обгоревшей Женщины не осталось никакого имущества. Фил всё равно продолжил дело, оплачивая расходы из своего кармана. Дважды НИФ предлагала уладить дело, сначала за триста тысяч долларов, затем за восемьсот тысяч. Огласка дела была им крайне невыгодна. Тим Лакасс (по междугородней связи) уговаривал Фила взять деньги. Фил отказался. Он хотел все пять миллионов, потому что таково было желание миссис Лакасс. По миллиону за каждого ребёнка. Были задержки. Были отсрочки. НИФ проиграла дело в Апелляционном суде и подала апелляцию ещё раз, но когда Верховный суд отказался ее рассматривать, сдалась. Окончательный счёт за рождественские огни — последнюю соломинку, переломившую хребет верблюду, — и дрянную проводку, которая, как доказал Фил, была стандартной политикой НИФ (сосредоточившей внимание на других застройках компании), составил 7,4 миллиона долларов, присуждённых истцу Тиму Лакассу. Плюс значительные судебные издержки. НИФ, которая изначально не могла поверить, что не сможет переиграть сельского адвоката из Мухосранска, могла бы сэкономить почти два с половиной миллиона долларов, если бы признала поражение раньше.

Когда Фил сообщил Тиму Лакассу, что они поделят награду пополам, тот пригрозил подать в суд.

— Ну, вперёд и с песней, — сказал на это Фил. — Твои три и семь десятых растают, как снег в апреле.

В конце концов, Тим Лакасс согласился на раздел, и в один день 1970 года Фил повесил на стену своего кабинета фотографию в рамке, которую видел первым делом каждый день. На фото были Рональд и Кристина Лакасс в день их свадьбы. Он был мускулистым мужчиной, на фотографии он ухмылялся. Кристина в белом свадебном платье выглядела потрясающе.

Под фотографией Фил аккуратно вывел заглавными буквами пять слов:

ВСЕГДА ПОМНИ — КОМУ-ТО ЕЩЕ ХУЖЕ

После вынесения окончательного решения по делу против "Нью-Ингленд Фридом" — делу, которое сделало его звездой в юридических кругах — Фил мог получить любое дело, какое бы

пожелал. Вместо этого он сбавил обороты и, поскольку теперь был финансово обеспечен, стал брать больше дел на общественных началах. В 1978 году, за четырнадцать лет до основания "Проекта Невинность"⁹³, он добился нового судебного разбирательства и, в конечном итоге, свободы для человека, который отсидел двенадцать лет пожизненного срока в тюрьме штата Нью-Гэмпшир.

Конечно, в его жизни была дыра на месте Джейка и Салли. Юридическая работа не могла её заполнить, поэтому он стал активнее участвовать в жизни общества. Он стал попечителем Публичной библиотеки Карри и основал первый в своем городе Книжный фестиваль. Участвовал в рекламных роликах на телеканалах Нью-Гэмпшира в рамках ежегодной акции по сбору крови. Раз в неделю работал в "Норт-Конвей Фуд Банк"⁹⁴ (потому что кому-то еще хуже) и в приюте для животных "Харвест-Хиллз" во Фрайбурге. В 1979 году он взял там щенка бигля. Следующие четырнадцать лет Фрэнк сопровождал его повсюду, сидя на переднем сиденье.

Он больше не женился, хотя у него была подруга в Молтонборо, к которой он время от времени наведывался. Её звали Сара Кумбс. Он занимался её юридическими делами и выплатил ипотеку на её дом. Они с Фрэнком иногда оставались у неё на ночь, поэтому Сара держала в кладовой пакет собачьего корма "Гейнс-Бургерз". С годами такие визиты становились всё реже и реже; Фил чаще возвращался домой после окончания рабочего дня и разогревал в микроволновке то, что оставляли для него его домработница и помощница по общим делам. Иногда — не всегда, но иногда — его поражала пустота в доме. В такие моменты он подзывал к себе Фрэнка, чесал его за ухом и говорил, что кому-то ещё хуже.

Единственной общественной работой, от которой он отказался, было совместное тренерство команды Карри в юниорской лиге. Просто Филу это слишком напоминало домашних.

Так шло время, так сказывалась история. В основном это было хорошее время. Были шрамы, но не уродующие, да и что такое шрамы, как не зажившие раны?

Он начал прихрамывать и стал ходить с тростью. Мари вышла на пенсию. У него начался артрит в руках, ногах и бёдрах. Потом Мари умерла. Он объявил о своем уходе на пенсию, и город (Карри теперь был на пороге превращения в небольшой город) устроил ему грандиозную вечеринку. Ему подарили множество подарков, включая табличку с надписью: "ГРАЖДАНИН N1 КАРРИ". Было много речей, кульминацией которых стало выступление Фила перед собравшимися, почти заполнившими актовый зал новой средней школы. Речь была скромной, остроумной, а самое главное — краткой. Ему сильно хотелось в туалет.

Бигль Фрэнк мирно скончался осенью 1993 года. Фил похоронил его на заднем дворе, выкопав яму собственными руками, хотя суставы протестовали при каждом взмахе лопаты. Когда могила была засыпана, утрамбована и покрыта травой, он произнёс надгробную речь, такую же краткую. "Я любил тебя, старина. И до сих пор люблю". В том году Филу исполнился восемьдесят один год.

⁹³ "Проект Невинность" — некоммерческая юридическая организация, целью которой является оправдание людей, которые были ошибочно осуждены, с помощью анализа ДНК и работы по реформированию системы уголовного правосудия

⁹⁴ Пищевой банк — благотворительная организация, которая занимается сбором пищевых продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся

В 1995 году он впервые в жизни начал страдать от мигрени. Он отправился к доктору Барлоу, которого до сих пор считал Новым Доктором, хотя Фил ходил к нему на осмотры и лечение артрита уже десять лет. Барлоу спросил, не двоится ли у него в глазах при головной боли. Фил ответил, что да, двоится, и признал, что иногда он оказывался в разных местах дома, не помня, как туда попал. Доктор Барлоу отправил его в Портсмут на МРТ.

— Не очень хорошие новости, — сказал Новый Доктор после изучения результатов. — Опухоль мозга. — Потом, как будто поздравляя его. — Довольно редко встречается в таком возрасте.

Барлоу рекомендовал невропатолога в Массачусетской больнице. Поскольку Фил больше не водил машину за городом, он нанял молодого человека по имени Логан Фиппс, чтобы тот его возил. Логан болтал без умолку о своей семье, друзьях, девушке, погоде, подработке и желании вернуться к учёбе. И о многом другом. Всё это влетало в одно ухо Фила и вылетало из другого, но он кивал. В дороге он понял, что начал отдаляться от жизни. Это не пугало. Это было похоже на разрыв купона в супермаркете — медленно, но верно, по пунктирной линии.

Невропатолог осмотрел Фила и изучил снимки его престарелого мозга. Он сказал, что может прооперировать его и удалить эту мерзкую опухоль, и Фил сразу вспомнил старую песню, в которой девушка заявляла, что смывает мужчину прямо со своих волос⁹⁵. Салли часто пела её в душе, иногда во время мытья волос, на что Фил никогда не обижался. Когда Фил спросил невропатолога, каковы шансы, что он очнётся после операции — и в здравом уме, — тот ответил: "Пятьдесят на пятьдесят". Фил сказал, что ему очень жаль, но в его возрасте такие шансы недостаточно велики.

— Ваши головные боли могут быть очень сильными перед... — Нейрохирург пожал плечами, не решаясь сказать "перед концом".

— Кому-то еще хуже, — заметил Фил.

3

Ветреным октябрьским днем 1995 года Фил в последний раз сел за руль своей машины. Это был не старый "Шевроле" и не "Бьюик", а "Кадиллак Севиль", оснащённый всевозможными удобствами.

— Надеюсь, я никого не убью, Фрэнк, — сказал он псу, которого больше не было рядом. Головная боль временно отступила, но пальцы его рук и ног начали ощущать холодок, словно скоро он не будет их чувствовать.

Он ехал по городу со скоростью двадцать миль в час, увеличив её до тридцати, когда покинул центр. Несколько машин, сигналя, промчались мимо него.

— Идите в жопу, — сказал каждой из них Фил. — Пролай, если согласен, Фрэнк.

На шоссе 111 движения почти не было, и удивился ли он, когда проехал мимо ярко-жёлтого знака с надписью "2 МИЛИ ДО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЁ"? Нет, не удивился. Для чего

⁹⁵ песня из мюзикла "Юг Тихого океана"

ещё он рисковал своей жизнью и жизнями тех, кто мог случайно встретиться ему на пути? Он не верил, что это прогрессирующая чёрная гниль в его мозгу посылает ему ложную информацию. Вскоре он увидел следующий знак, ярко-синий: "ЧЕЛОВЕК С ОТВЕТАМИ – ОСТАЛАСЬ 1 МИЛЯ". И вот там, за подъёмом на окраине Карри, стоял стол и ярко-красный зонтик. Фил остановился и выключил двигатель. Он взял трость и с трудом выбрался из машины.

— Оставайся здесь, Фрэнк. Это не займёт много времени.

Удивился ли он, увидев, что Человек-ответ выглядит по-прежнему точно так же? Те же яркие глаза, те же редящие волосы, та же одежда? Нет, не удивился. Была лишь одна перемена, которую заметил Фил, хотя трудно было быть в чём-то уверенным с его двоящимся, а иногда и троящимся зрением. На столе Человека с ответами была лишь одна табличка. На ней было написано: "ВСЕ ОТВЕТЫ БЕСПЛАТНЫ".

Он сел на стул клиента с кряхтением и гримасой.

— Ты совсем не изменился.

— Ты тоже, Просто Фил.

Фил рассмеялся.

— Та ещё шуточка. Давай ещё одну, почему бы и нет? — Вопрос был глупым, как он полагал, но почему бы и нет? Сегодня все ответы были бесплатными.

— Это правда. Внутри ты всё такой же.

— Как скажешь, однако я сомневаюсь. Твои большие часы всё еще в сумке?

— Да, но сегодня они мне не понадобятся.

— Пятничная бесплатная раздача слонов?

Человек с ответами улыбнулся.

— Сегодня вторник, Просто Фил.

— Я знаю. Это был бессмысленный вопрос. Ты знаком с такими?

— Я знаком со всеми видами вопросов. Каков твой?

Фил решил, что больше не хочет спрашивать "почему это случилось именно со мной"; это был, как сказал бы Человек-ответ, ещё один бессмысленный и бесполезный вопрос. Это случилось с ним, потому что это случилось с ним. Вот и всё, другой причины не было. Его также не интересовало, сколько ему оставалось жить. Он, наверное, ещё увидит, как падает снег, но было совершенно ясно, что до весеннего таяния он не доживёт. Его интересовало только одно.

— Продолжается ли жизнь потом? Есть ли жизнь после смерти?

— Да.

Серость начала надвигаться, медленно окутывая их. Человек с ответами стал отдаляться. Тоже очень медленно. Фила это не беспокоило. Головной боли не было, и это радовало, а листва — то, что он ещё мог разглядеть — была очень красива. Деревья так ярко сверкают в конце осени. И поскольку все ответы бесплатны...

— Куда мы попадаем? В рай? Или в ад? Или это реинкарнация? Остаёмся ли мы самими собой? Будем ли мы помнить? Увижу ли я свою жену и сына? Будет ли там хорошо? Или будет ужасно? Снятся ли там сны? Есть ли там горе, радость или какие-нибудь эмоции?

Человек-ответ, почти затерявшийся в серости, промолвил:

— Да.

* * *

Фил пришёл в себя за рулём своего "Кадиллака", удивлённый тем, что ещё жив. Он чувствовал себя нормально, даже очень хорошо. Ни головной боли, ни боли в руках или ногах. Он завёл двигатель.

— Как думаешь, Фрэнк, смогу я довезти нас до дома целыми и невредимыми? И при этом никого не убить? Пролай один раз, если да, и два раза — если нет.

Фрэнк гавкнул один раз, что означало "да".

Это означало да.

Посвящается Джонатану Леонарду⁹⁶

[К содержанию](#)

⁹⁶ Племянник Стивена Кинга, который нашел повесть "Человек-ответ", начатую Кингом в конце 70-х и не законченную тогда

Гремучие змеи

Июль – август 2020 года

Я не удивился, когда увидел пожилую женщину, толкающую пустую двухместную коляску; меня уже предупредили. Это было на Раттлснейк-роуд, которая тянется на четыре мили вдоль острова Раттлснейк-Ки⁹⁷ на побережье Мексиканского залива во Флориде. Дома и кондоминиумы на юге, несколько особняков на севере.

В полумиле от особняка Грега Акермана, где я остановился тем летом, болтаясь, как единственная горошина в огромной банке, есть слепой поворот. Заросли травы высотой превосходили меня, а ростом я шесть футов и четыре дюйма⁹⁸; они обрамляли дорогу, казалось, сужая её еще больше. По обе стороны от поворота стояли флуоресцентные зеленые пластиковые фигуры детей, каждая из которых несла предупреждение: "ОСТОРОЖНО, ДЕТИ!". Я шел пешком, и в это раскалённое июльское утро в свои семьдесят два года я шел довольно медленно. Мой план заключался в том, чтобы дойти до распашных ворот, разделяющих частную часть дороги от той, что обслуживается округом, а затем вернуться к дому Грега. Уже тогда я задумался, не переоценил ли свои силы.

⁹⁷ Раттлснейк-Ки — вымышленный остров, упоминается также в рассказе С.Кинга "Лори"

⁹⁸ примерно 193 см

Я не был до конца уверен, что Грег не разыгрывал меня насчет миссис Белл, но вот появилась она, катящая свою огромную коляску навстречу мне. Одно из колес поскрипывало, и его не помешало бы смазать. Миссис Белл была одета в мешковатые шорты, сандалии с носками до колен и большую синюю шляпу от солнца. Она остановилась, и я вспомнил, как Грег спросил меня, не станет ли её проблема — так он это назвал — моей проблемой. Я ответил, что нет, но теперь меня одолели сомнения.

— Здравствуйте. Вы, должно быть, миссис Белл. Меня зовут Вик Трентон. Я на некоторое время остановился у Грега.

— Друг Грега? Как мило! Давно дружите?

— Мы вместе работали в одном бостонском рекламном агентстве. Я был копирайтером, а он...

— Был графическим дизайнером, знаю. До того, как он разбогател. — Она подвинула коляску поближе, но не слишком близко ко мне. — Любой друг Грега, и так далее, и тому подобное. Приятно познакомиться. Поскольку мы будем соседями, пожалуйста, зовите меня Алитой. Или Элли, если хотите. Как у вас со здоровьем? Нет признаков этого нового гриппа?

— У меня все в порядке. Ни кашля, ни температуры. У вас, наверное, тоже.

— Да, всё в порядке. И это хорошо для человека моего возраста с присущими старикам болячками. Одна из немногих приятных вещей пребывания здесь летом — это то, что большинство людей разъезжается. Сегодня утром я увидела по новостям доктора Фаучи⁹⁹, который сказал, что каждый день может быть по сто тысяч новых заболевших. Представляете?

Я ответил ей, что тоже видел интервью с ним.

— Вы приехали сюда, чтобы сбежать от всего этого?

— Нет. Мне нужно было немного отдохнуть, мне предложили это место, так что я воспользовался возможностью.

Это была далеко не вся история.

— Вы немного чудной, если отдыхаете в этом месте летом, мистер Трентон.

"Судя по словам Грега, чудная здесь вы", — подумал я. — "И, судя по коляске, которую вы катите, он не ошибался".

— Вик, пожалуйста, — сказал я. — Раз уж мы соседи.

— Хотите поздороваться с близнецами? — Она указала на коляску. На одном сиденье лежали голубые шорты, на другом — зеленые. На спинки сидений были накинuty футболки с надписями. На одной было написано "КРУТОЙ", на другой — "ЕЩЕ КРУЧЕ". — Это Джейкоб, — указала она на голубые шорты, — а это Джозеф. — Она коснулась футболки с надписью "ЕЩЕ КРУЧЕ". Это было быстрое прикосновение, но нежное и полное любви. Её взгляд был спокойным, но настороженным, ожидающим моей реакции.

⁹⁹ Энтони Фаучи — американский учёный-медик, иммунолог и инфекционист

Она свихнулась? Несомненно, но я не испытывал от этого особого дискомфорта. На то было две причины. Во-первых, Грег предупредил меня, сказав, что в остальном миссис Белл вполне вменяема и не теряет связи с реальностью. Во-вторых, когда всю жизнь работаешь в рекламном бизнесе, то встречаешь много не вполне здоровых людей. И если они не являлись таковыми, когда связывались с этим бизнесом, то рано или поздно становились ими.

"Просто будь вежлив", — посоветовал мне Грег. — "Она безобидна и печет лучшее в мире овсяное печенье с изюмом". Я не был уверен насчет лучшего в мире печенья — рекламщики склонны к преувеличениям, даже те, кто оставил работу, — но я был вполне готов быть вежливым.

— Здравствуйте, мальчики, — произнёс я. — Очень приятно познакомиться.

Джейкоб и Джозеф, которых здесь не было, ничего не ответили. А еще их не беспокоила жара, и им никогда не придется волноваться о ковиде или раке кожи.

— Им только что исполнилось четыре, — сказала Элли Белл. Хорошая шутка от женщины, которой на вид было около шестидесяти. — На самом деле они уже могут ходить, но эти лентяи предпочитают кататься. Я одеваю их в шорты разных цветов, потому что иногда даже я путаю, кто из них кто. — Она рассмеялась. — Не буду мешать вам с вашей прогулкой, мистер Трентон...

— Вик. Пожалуйста.

— Хорошо, Вик. К десяти часам будет девяносто¹⁰⁰ в тени, а влажность — еще хуже. Попрощайтесь, мальчики.

Видимо, они так и сделали. Я пожелал им хорошего дня и сказал Элли Белл, что был рад с ней познакомиться.

— Я тоже, — сказала она. — И близнецы считают вас хорошим человеком. Не так ли, мальчики?

— Вы правы, я такой, — заверил я пустые сиденья двухместной коляски.

Лицо Элли Белл просияло. Если это был тест, то, кажется, я его прошел.

— Вы любите печенье, Вик?

— Люблю. Грег сказал, что овсяное печенье с изюмом — ваш конёк.

— Фирменное блюдо, да, да, — произнесла она по-французски и звонко рассмеялась. В этом смехе было что-то слегка тревожное, что-то настораживающее. Наверное, дело было в самой ситуации. Не каждый день вас знакомят с давно умершими близнецами. — Я принесу вам в ближайшее время, если вы не против.

— Абсолютно не против.

— Но вечером. Когда жара немного спадёт. В середине дня мне становится тяжело дышать, хотя Джейка и Джо это не беспокоит. И я всегда беру с собой палку.

¹⁰⁰ около 32 градусов по Цельсию

— Палку?

— От змей, — ответила она. — Пока-пока, было очень приятно познакомиться. — Она покатила коляску мимо меня, затем обернулась. — Хотя сейчас не лучшее время наслаждаться побережьем Мексиканского залива. Вот октябрь и ноябрь — самое время для этого.

— Учту, — сказал я.

* * *

Поначалу я думал, что Раттлснейк-Ки был назван так из-за своей формы, которая с воздуха напоминает извивающуюся змею, но Грег сказал мне, что вплоть до начала восьмидесятых здесь было полным-полно гремучих змей, настоящая прорва. Именно тогда строительный бум охватил острова к югу от Сиесты и Кейси. До этого времени нижние острова были предоставлены сами себе.

— Змеи стали результатом своего рода экологического сбоя, — рассказывал мне Грег. — Думаю, вначале некоторые из них могли переплыть с материка... а змеи умеют плавать?

— Умеют, — ответил я.

— А может, они перебрались сюда в трюме грузового судна или еще как-нибудь. Черт, возможно, даже в трюме яхты какого-нибудь богатея. Они размножались в подлеске, где птицам было трудно добраться до их детенышей. Гремучие змеи не откладывают яйца. Мамаши рожают по восемь-десять детенышей за раз, а это немало сапог из змеиной кожи, скажу я тебе. Эти твари были повсюду. Сотни, а может, и тысячи. Их вытеснили на север, когда южная часть острова начала застраиваться. А потом, когда сюда приехали богатые люди...

— Типа тебя, — заметил я.

— Ну, да, — сказал он с должной скромностью. — Фондовый рынок был добр ко мне, особенно "Эпл".

— И "Тесла".

— Верно. Я давал тебе наводку, но ты, будучи осторожным представителем Новой Англии...

— Прекрати, — сказал я.

— А потом, когда сюда приехали богатые люди и начали строить свои особняки...

— Типа твоего, — сказал я.

— Прошу тебя, Вик. В отличие от некоторых ужасных зданий из штукатурки и цемента в этой части Флориды, мой дом имеет архитектурную привлекательность.

— Как скажешь.

— Когда богатеи начали застройку, подрядчики находили змей повсюду. Они кишмя кишели. Строители убивали их на участках, на которых работали (со стороны залива и со стороны бухты), но организованной охоты на змей не было до происшествия с близнецами Белл. Даже тогда округ не хотел ничего предпринимать, утверждая, что северная часть Раттлснейк-Ки

является частной собственностью и застроена, поэтому подрядчики собрали отряд и устроили охоту на змей. Я тогда еще работал в "МассАдс" и торговал акциями на стороне, так что меня там не было, но слышал, что сотня мужчин и женщин — не меньше сотни — в перчатках и высоких сапогах начали охоту там, где сейчас находятся распашные ворота, и двигались на север, продираясь сквозь кусты и убивая каждую найденную змею. В основном гремучих, но были и другие — черные змеи, травяные змеи, пара медянок и, во что трудно поверить, но это правда, даже сраный питон.

— Они убивали и неядовитых змей, и тех, что кусаются?

— Всех убивали, — ответил Грег. — С тех пор на острове не так много змей.

* * *

Он позвонил мне той ночью. Я сидел у его бассейна, потягивая джин-тоник, и смотрел на звезды. Он хотел узнать, понравился ли мне дом. Я ответил, что мне всё нравится, и еще раз поблагодарил его за то, что он разрешил мне остаться здесь.

— Хотя сейчас не самое лучшее время наслаждаться Ки, — сказал он. — Особенно когда большинство туристических достопримечательностей закрыто из-за ковида. Самое лучшее время...

— Октябрь и ноябрь. Миссис Белл поведала мне. Элли.

— Ты с ней познакомился.

— Да. С ней и близнецами. Джейкобом и Джозефом. По крайней мере, я познакомился с их шортами и рубашками.

Наступила пауза. Затем Грег сказал:

— Всё нормально? Я думал о Донне¹⁰¹, когда предлагал тебе это место. Я не думал о том, что это заставит тебя вспомнить...

Я не хотел поднимать эту тему даже спустя столько лет.

— Всё в порядке. Ты был прав. В остальном Элли Белл показалась мне очень милой женщиной. Предложила мне печенье.

— Оно тебе понравится.

Я вспомнил маленькие круглые красные пятна на её щеках.

— Она заверила меня, что у неё нет ковида, который она назвала новым гриппом, и она не кашляла, но выглядела не совсем здоровой. — Я вспомнил пустую двухместную коляску с рубашками и шортами. — Физически, я имею в виду. Она сказала про какие-то болячки.

— Ну, ей за семьдесят...

— Так много? Я думал, ей за шестьдесят.

¹⁰¹ Донна — жена Вика Трентона, убившая сенбернара Куджо

— Она и её муж были среди первых, кто построил дом в северной части, и это было еще при президенте Картере¹⁰². Я лишь хочу сказать, что когда человеку за семьдесят, его оборудование снимается с гарантии.

— Я больше никого не видел, но я здесь всего три дня. Еще даже не всё распаковал.

Хотя я не так уж много привез. В основном дочитывал книги, как и обещал себе, когда выйду на пенсию. Когда я смотрел телевизор, то выключал звук на рекламе. Я был бы счастлив никогда больше не видеть её в своей жизни.

— Дружище, сейчас лето. Лето ковида, к тому же. Как только ты проходишь через распашные ворота, остаешься только ты и Алита. И... — он замолчал.

— И близнецы, — закончил я за него. — Джейк и Джо.

— Ты уверен, что тебя это не напрягает? Я имею в виду, учитывая то, что случилось с...

— Не напрягает. С детьми иногда случается плохое. Это случилось со мной и Донной, и это случилось с Элли Белл. Наш сын умер давно. Тэд. Я оставил это в прошлом. — Ложь. Некоторые вещи невозможно оставить в прошлом. — Но у меня есть вопрос.

— А у меня есть ответ.

Я рассмеялся. Грег Акерман стареет и богатеет, но остается таким же остряком. Когда мы работали с "Брайт компани" по продаже безалкогольных напитков, он как-то пришел на встречу с бутылкой "Брайт-колы" с длинным горлышком, торчащей из его расстегнутой ширинки.

— Она знает?

— Не уверен, что понимаю тебя.

Я был уверен, что понимает.

— Она знает, что коляска пуста? Она знает, что её маленькие мальчики умерли тридцать лет назад?

— Сорок, — сказал он. — Может, чуть больше. И да, она знает.

— Ты уверен или почти уверен?

— Уверен, — сказал он, затем сделал паузу. — Почти. — Это было в стиле Грега. Всегда оставляй себе лазейку.

* * *

Я смотрел на звезды и допивал свой джин-тоник. Над заливом гремел и рокотал гром, и сверкали вспышки молний, но мне подумалось, что скоро всё утихнет.

¹⁰² Джимми Картер — 39-й президент США, годы президентства 1977—1981

Я закончил распаковывать второй чемодан, что следовало сделать ещё два дня назад. Когда это было закончено (на всё ушло пять минут), я отправился спать. Было 10 июля. Только в Соединенных Штатах число случаев заболевания ковидом перевалило за три миллиона. Грег сказал мне, что я могу оставаться в его доме до самого сентября, если захочу. Я ответил ему, что шести недель будет достаточно, чтобы привести себя в порядок, но теперь подумал, что мог бы остаться и дольше. Переждать эту страшную эпидемию.

Тишина, нарушаемая лишь сонным шумом волн, бьющихся о пляж Грега, была восхитительной. Я мог бы вставать с первыми лучами солнца и совершать прогулки раньше, чем сегодня... и, возможно, не встречать при этом Элли Белл. Она была достаточно приятной, и, наверное, Грег был прав — по крайней мере, три из четырёх её колес еще были на ходу, но эта двухместная коляска с разноцветными шортами на сиденьях... это было жутковато.

— Крутой и ещё круче, — пробормотал я. Раздвижная дверь в спальне была открыта, и легкий порыв ветерка приподнял тонкие белые занавески, превращая их в подобие рук.

Я понял озабоченность Грега насчёт призрачных близнецов, поскольку это касалось меня. По крайней мере, теперь понял. Моё понимание пришло поздно, но разве не лучше поздно, чем никогда, как гласит мудрость? Когда он впервые рассказал мне о странностях Элиты Белл, я, конечно, не уловил связи со своей жизнью. Это было связано с моим сыном, который тоже умер, причем примерно в том же возрасте, что Джейкоб и Джозеф. Но не Тэд был причиной, по которой я почувствовал, что мне нужно уехать из Новой Англии хотя бы на время. То горе было давним. В этом нелепо огромном доме в эти жаркие летние дни мне нужно было справиться с новым горем.

* * *

Мне снилась Донна, как это часто бывало. В этом сне мы сидели на диване в нашей старой гостиной, держась за руки. Мы были молоды. Мы молчали. Вот и всё, вот и весь сон, но я проснулся в слезах. Ветер усилился, тёплый ветер, но из-за него шторы ещё больше напоминали протянутые руки. Я встал, чтобы закрыть раздвижную дверь, а вместо этого вышел на балкон. Днём из спален можно было видеть всю панораму залива (Грег сказал, что я могу пользоваться главной спальней, что я и сделал), но ранним утром была только тьма. Только редкие вспышки молний, которые теперь были ближе. И гром был громче, угроза шторма стала реальной.

Я стоял у перил над выложенным камнем патио и бассейном, и моя футболка и трусы-боксеры развевались на ветру. Я мог бы сказать себе, что это гром разбудил меня или усиливающийся ветер, но, конечно же, меня разбудил сон. Мы вдвоём на диване держимся за руки, не в силах говорить о том, что произошло между нами. Горе было слишком большим, слишком постоянным, слишком ощутимым.

Нашего сына убили не гремучие змеи. Он умер от обезвоживания в раскалённой машине. Я никогда не винил в этом свою жену; она едва не умерла вместе с ним. Даже не винил собаку, сенбернара по кличке Куджо, который три дня кружил и кружил вокруг нашего мёртвого "Форда Пинто" под палящим летним солнцем.

У Лемони Сникета¹⁰³ есть книга "33 несчастья", и она идеально описывает то, что случилось с моей женой и моим сыном. Дом, возле которого сдохла наша машина — из-за засорившегося клапана, который механик починил бы за пять минут, — находился далеко за городом. Собака была бешеной. Если у Тэда и был ангел-хранитель, то в том июле он ушел в отпуск.

Всё это случилось давным-давно. Десятилетия назад.

Я вернулся внутрь, закрыл раздвижную дверь и на всякий случай запер её. Лёг обратно и почти уснул, когда услышал слабый скрип. Я резко сел и прислушался.

Иногда в голову приходят бредовые идеи, которые кажутся нелепыми при свете дня, но вполне правдоподобными в ранние утренние часы. Я не мог вспомнить, запер ли я дом, и легко представил, что Элли, которая оказалась гораздо безумнее, чем думал Грег, находится внизу. Представил, что она толкает двухместную коляску со скрипящим колесом через большую комнату на кухню, где оставляет контейнер с овсяным печеньем с изюмом. Толкает её и верит, что её сыновья-близнецы, покойники уже сорок лет, сидят на сиденьях коляски.

Скрип. Пауза. Скрип. Пауза.

Да, я мог видеть её. Я даже мог видеть Джейка и Джо... потому что она их видела. Только потому, что я не был ею, я увидел, что они были мертвы. Бледная кожа. Остекленевшие глаза. Распухшие ноги и лодыжки, потому что именно там их покусали змеи.

Это было нелепо, по-идиотски. Даже тогда, сидя в постели с простыней на коленях, я понимал это. И всё же:

Скрип. Пауза. Скрип.

Я включил прикроватную лампу и пересёк комнату, говоря себе, что мне не страшно. Включил верхний свет в комнате, затем протянул руку через дверной проем в коридор и включил трековые светильники в галерее, также говоря себе, что никто не схватит мою шарящую руку и я не закричу, если кто-то это сделает.

Я прошёл половину галереи и выглянул через перила. В большом зале, конечно, никого не было, но я услышал первые капли дождя, стучащие по окнам. И кое-что ещё.

Скрип. Пауза. Скрип. Пауза.

Я забыл выключить потолочный вентилятор. Это он скрипел. Днём я его даже не слышал. Выключатель был у лестницы. Я щёлкнул им. Вентилятор замедлился и остановился, издав при этом последний скрип. Я вернулся в постель, но оставил включённой настольную лампу, повернув её на минимальную яркость. Если мне и снился другой сон, то утром я его не помнил.

* * *

Вероятно, из-за ночного испуга я проснулся поздно и пропустил утреннюю прогулку, но в следующие три дня я вставал рано, когда воздух был свеж, а птиц не было слышно. Я прогуливался до распашных ворот и обратно, повстречав на своем пути множество кроликов, но ни одного человека. Я проходил мимо почтового ящика Беллов, стоявшего в начале

¹⁰³ Лемони Сникет — псевдоним американского писателя Дэниела Хэндлера

подъездной дорожки, окруженной рододендронами, но не мог разглядеть дом, который стоял на стороне залива и был заслонен деревьями и ещё большим количеством рододендронов¹⁰⁴.

В будние дни, когда я ходил в магазин за продуктами, я слышал шум воздуходувок и видел пару грузовиков, припаркованных на подъездной дорожке Элли, но, по-моему, в остальное время она была одна. Как и я. К тому же мы оба были одинокими людьми, пережившими свои половинки. Из этого могла бы получиться неплохая романтическая комедия (если бы кто-то снимал романтические комедии о пожилых людях, а "Золотые девочки" — это исключение, которое подтверждает правило), но мысль о том, чтобы подкатить к ней, совершенно не привлекала меня. Скорее, даже отталкивала. И чем бы мы занимались? Вдвоем катали бы невидимых близнецов в коляске? Притворялись бы, что кормим их спагетти?

У Грега был смотритель, но он попросил меня поливать цветы в больших горшках, стоящих по бокам дверей со стороны подъездной дорожки и у бассейна. Как-то одним сумеречным вечером, дней через десять или двенадцать после переезда, я поливал цветы. Я услышал скрип колеса и выключил шланг. Элли катила коляску по дорожке. На ней было что-то вроде плечевой перевязи, в которой держалась стальная палка с U-образным крючком на конце. Она спросила, как у меня дела. Я ответил, что хорошо.

— У меня тоже. Я принесла печенье.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я, хотя не возражал бы, если бы она забыла про свое обещание. Сегодня на одном сиденье коляски были разложены красные шорты, а на другом — белые. Футболки снова были накинuty на спинки. На одной было написано "ДО СКОРОГО, АЛЛИГАТОР", на другой — "НЕ ТАК СКОРО, КРОКОДИЛ". Если бы в этих футболках были настоящие дети, это выглядело бы мило. А так... нет.

Тем не менее, она была моей соседкой и достаточно безобидной. Поэтому я сказал:

— Привет, Джейк. Привет, Джо, что нового?

Элли залилась смехом.

— Вы очень милы. — Затем, глядя прямо мне в глаза, произнесла. — Я знаю, что их там нет.

Я не нашелся с ответом. Элли, казалось, это не волновало.

— Но иногда они там.

Я вспомнил, как однажды Донна сказала нечто подобное. Это было через несколько месяцев после смерти Тэда и незадолго до нашего развода. "Иногда я вижу его", — сказала она, и когда я заметил, что это глупо — к тому времени мы уже оправились достаточно, чтобы высказывать друг другу претензии и говорить гадости, — она ответила: "Нет. Это необходимо".

На одной стороне перевязи Элли был чехол. Она залезла в него и достала пакет с печеньем. Я взял его и поблагодарил её.

¹⁰⁴ Рододендрон или "розовое дерево" — обширный род семейства вересковых, включающий в себя почти 1300 видов

— Заходите и поешьте со мной. — Я сделал паузу, а затем добавил. — И мальчиков, конечно, с собой возьмите.

— Конечно, — сказала она, как бы спрашивая: "А как иначе?"

В гараже была лестница, ведущая на второй этаж. Элли остановила коляску у её подножия и сказала:

— Вылезайте, мальчики, быстренько наверх, нас пригласили. — Её глаза неотрывно следили за их движением. Затем она положила перевязь на одно из сидений.

Она увидела, что я смотрю на палку от змей, и улыбнулась.

— Возьмите ее, если хотите. Вы удивитесь, какая она лёгкая.

Я вытащил её и взвесил в руке. Она весила не больше трёх фунтов¹⁰⁵.

— Стальная, но полая. На конце крючка есть острие, чтобы их тыкать, но они слишком быстры для меня. — Она протянула руку, и я вернул ей палку. — Обычно их можно просто прогнать, но если они всё ещё не уходят... — Она опустила палку, затем быстро подняла её. — Можно бросить их в кусты. Но делать это нужно быстро.

Я хотел спросить, пользовалась ли она ей когда-нибудь на самом деле, но потом решил, что уже знаю ответ. Если есть невидимые мальчики, значит, есть и невидимые змеи. Что и требовалось доказать. Я ограничился тем, что сказал, что палка очень полезна.

— Очень нужна, — сказала она.

На середине лестницы Элли остановилась, похлопала себя по груди и сделала несколько глубоких вдохов. На её щеках снова появились ярко-красные пятна.

— Всё в порядке?

— Сердечко немного шалит. Ничего серьёзного, у меня есть таблетки. Наверное, мне стоит принять пару. Не могли бы вы дать мне стакан воды?

— А как насчёт молока? Ничто не сочетается с печеньем лучше.

— Молоко с печеньем — это просто объедение.

Мы поднялись по лестнице. Она села за кухонный стол с негромким кряхтением. Я налил два маленьких стакана молока и положил на тарелку полдюжины овсяного печенья с изюмом. Я думал, что три будет для неё, три для меня, но в итоге съел четыре. Они действительно оказались очень вкусными.

В какой-то момент она встала и крикнула:

— Мальчики, не шалите и не устраивайте тут бардак! Ведите себя прилично!

— Уверен, что так и будет. Вам стало лучше?

¹⁰⁵ чуть более килограмма

— Я в порядке, спасибо.

— У вас немного... — я постучал по своей верхней губе.

— Молочные усики? — Она хихикнула. Это было очаровательно.

Когда я протягивал ей салфетку из держателя на вращающейся подставке, то заметил, что она смотрит на мою руку.

— Ваша жена не с вами, Вик?

Я коснулся своего кольца.

— Нет. Она умерла.

Её глаза расширились.

— О! Мне так жаль. Это произошло недавно?

— Совсем недавно. Хотите ещё печенье?

Может, эта дама и была не в себе из-за своих детей, но ей было не чуждо чувство такта.

— Хорошо, только не говорите моему врачу.

Мы немного поболтали. Болтали мы не о гремучих змеях, невидимых детях или умерших жёнах. Она говорила о коронавирусе. Говорила о политиках Флориды, которые, по её мнению, вредили окружающей среде. Она сказала, что ламантины умирают из-за стоков удобрений в воду, и посоветовала мне посетить Морской аквариум Мот на Сити-Айленд в Сарасоте, "если они ещё открыты".

Я предложил ей ещё немного молока. Она улыбнулась, покачала головой, поднялась на ноги, пошатнулась немного, затем выровнялась.

— Нам пора домой, мальчикам уже надо спать. Джейк! Джо! Давайте, ребята! — Она сделала паузу. — Вот они. Чем занимались? — Затем, обращая ко мне, сказала. — Они были в той комнате в конце коридора. Надеюсь, они там ничего не раскидали.

Комната в конце коридора была кабинетом Грега, где я читал по вечерам.

— Уверен, что нет.

— Этим бесятам только дай волю — всё разнесут. Возможно, я дам им катить коляску. Я так устаю в эти дни. Хотите, мальчики?

Я проводил её до гаража, готовый схватить за руку, если она пошатнётся, но молоко и печенье, похоже, взбодрили её.

— Я только начну, — сказала она близнецам и развернула коляску. — Мы ведь не хотим врезаться в машину мистера Трентона?

— Врезайтесь сколько захотите, — сказал я. — Эта машина взята напрокат.

Она снова захихикала.

— Идёмте, детишки. Мы читаем сказки на ночь.

Она выкатила коляску из гаража. Появились первые звёзды, и становилось прохладнее. Июльские дни на побережье Мексиканского залива суровы, я это уже выяснил, но вечера бывают мягкими. Перелетные птицы многое теряют.

Я прошёл с ней до почтового ящика.

— Вы только посмотрите на них, они уже убежали вперёд. — Она повысила голос. — Не слишком далеко, мальчики! И остерегайтесь змей!

— Похоже, вам придётся самой катить коляску, — сказал я.

— Похоже на то. — Она улыбнулась, но мне показалось, что её глаза были грустными. А может, дело было в свете. — Вы, наверное, думаете, что я совсем сумасшедшая.

— Нет, — заверил я. — У всех нас свои способы справляться с проблемами. Моя жена...

— Что?

— Неважно. — Я не собирался рассказывать ей, что моя жена говорила в последние тяжёлые месяцы нашего брака (нашего первого брака): "Иногда я вижу его". Я не хотел открывать этот ящик Пандоры. Я смотрел, как она уходит, и когда она исчезла в сумраке, переходящем в полную темноту, я услышал скрип колеса и подумал, что надо было его смазать. Это заняло бы всего минуту.

* * *

Я вернулся в дом, закрыл его и ополоснул тарелки. Затем взял книгу, которую читал, один из романов Джо Пикетта, и пошел в кабинет Грега. Меня совсем не интересовало рабочее место Грега, я даже не включал его настольный компьютер, но у него было чертовски удобное кресло с торшером рядом. Идеальное место, чтобы перед сном пару часиков почитать хороший роман.

В своё время в доме Грега жил кот по кличке Баттонс, теперь, предположительно, обитающий в Ист-Хэмптоне вместе с Греггом и его нынешней подругой (которая, без сомнения, была моложе Грега минимум лет на двадцать, а то и на все тридцать). У Баттонса была маленькая плетеная корзина с игрушками. Сейчас она лежала на боку с открытой крышкой. Пара мячиков, изрядно обгрызенная мышь из кошачьей мяты и разноцветная резиновая рыбка валялись на полу. Я долго смотрел на эти игрушки, убеждая себя, что, должно быть, сам опрокинул корзину раньше днем и просто не заметил. Ведь кто еще это мог бы быть? Я сложил игрушки обратно и закрыл крышку.

* * *

Смотрителя дома Грега звали мистер Ито. Он приходил дважды в неделю. На нем всегда были коричневая рубашка, коричневые шорты до колен с острыми складками, коричневые носки и коричневые холщовые туфли. На его голове неизменно красовался коричневый пробковый шлем, плотно насаженный на его огромные уши. Его осанка была идеальной, а возраст... ну,

определить было очень трудно. Он напомнил мне садиста-полковника Сайто из фильма "Мост через реку Квай"¹⁰⁶, и я все время ожидал, что он передаст своему не слишком энергичному сыну девиз полковника Сайто: "Будь счастлив в своей работе".

Вот только мистер Ито — его звали Питер — был отнюдь не садистом. Он был уроженцем Флориды, родился в Тампе, вырос в Порт-Шарлотте и жил в Палм-Виллидж, по другую сторону моста. Грег был его единственным клиентом на Раттлснейк-Ки, но у него было много домов на Парди, Сиесте и Бока-Чита. На бортах его фургонов (он водил один, а его апатичный сын — другой) было написано: AH SO GREEN¹⁰⁷. Полагаю, если бы его звали Максуйни, это расценивалось бы как расизм.

Близился август, и однажды я увидел, как он отдыхает, стоя в тени, и пьет из своей фляги (да, у него была такая). Он наблюдал за тем, как его сын кружит по теннисному корту Грега на газонокосилке. Я вышел на террасу и встал рядом с ним.

— Просто перерыв, мистер Трентон, — сказал он, надевая маску. — Вернусь через минуту. Я уже не так хорошо переношу жару, как раньше.

— Доживите до моих лет, — сказал я. — Знаете, меня кое-что интересует. Вы помните близнецов Белл? Джейка и Джо?

— О Боже, да. Как такое забудешь? Это случилось, кажется, в 1982 или 1983 году. Кошмар просто. Когда это произошло, я был так же молод, как этот идиот. — Он указал на своего сына Эдди, который уставился в свой телефон, пока косил теннисный корт. Я вот-вот ожидал, что он в любой момент покатит поперек. Это было бы катастрофой.

— Я познакомился с Элли, и... ну...

Он кивнул.

— Женщина в печали. В большой печали. Всегда прогуливается с коляской. Не знаю, верит ли она на самом деле, что в ней детки, или нет.

— Может быть, и то, и другое, — сказал я.

— Иногда да, иногда нет?

Я пожал плечами.

— То, что с ними произошло — это пиздец как несправедливо, уж прошу прощения за мой французский. Она была молода, когда это случилось. Сколько ей тогда было, тридцать? Около того или чуть больше. Её муж был намного старше. Его звали Генри.

— Правда, что детей покусали змеи?

Он стянул маску, отпил из фляги и вернул маску на место. Свою я оставил в доме.

¹⁰⁶ "Мост через реку Квай" — британско-американский художественный фильм режиссёра Дэвида Лина, снятый в 1957 году

¹⁰⁷ ah so — издёвка над японцами

— Да, это были змеи. Гремучки. Было проведено расследование, и вердикт — смерть от несчастного случая. В те времена газеты были более сдержанны, и не было социальных сетей... хотя люди болтали, а это своего рода социальные сети, не так ли?

Я согласился.

— Мистер Белл был в своем кабинете наверху, звонил кому-то. Он был большой шишкой в инвестиционном бизнесе. Как ваш друг мистер Акерман. Миссис принимала душ. Мальчики играли на заднем дворе, где были высокие ворота, которые, как предполагалось, были заперты. Но на самом деле они не были заперты, только казались таковыми. Окружной детектив, который вел расследование, сказал, что защелка ворот перекрашивалась из-за ржавчины несколько раз, поэтому не защелкивалась должным образом, и мальчишки выбрались наружу. Она возила их в коляске — не знаю, та ли это коляска, что у нее сейчас, или другая, — но они прекрасно ходили и, должно быть, решили пойти на пляж.

— Они пошли не по набережной?

Мистер Ито покачал головой.

— Нет. Я не знаю почему. Никто не знает. Поисковая группа определила, где они прошли: там были сломанные ветки, а на одной из них висел маленький кусочек рубашки.

"ДО СКОРОГО, АЛЛИГАТОР", — подумал я.

— От Раттлснейк-роуд до пляжа около четырехсот ярдов¹⁰⁸, вся эта территория заросла подлеском. Они прошли примерно половину пути. Один из них был уже мертв, когда их нашли поисковики. Другой умер до того, как его успели отнести обратно к дороге. Мой дядя Девин был в поисковой группе и сказал, что каждого из этих малышей укусили более ста раз. Я не верю в это, но, думаю, укусов было много. Большинство укусов — проколов — было на ногах, но еще больше — на их шеех и лицах.

— Потому что они упали?

— Да. Как только яд начал действовать, они должны были упасть. Когда поисковая группа нашла мальчиков, там оставалась только одна гремучая змея. Один из мужчин убил ее палкой от змей. Это такая штука с крюком...

— Я знаю. Элли носит такую, когда гуляет ближе к сумеркам.

Мистер Ито кивнул.

— Сейчас змей здесь мало. И уж точно нет гремучих. Через два дня после происшествия на змей устроили охоту. Много людей, целый отряд. Некоторые из них были строительными подрядчиками со своими бригадами, остальные — из Палм-Виллидж. Дядя Девин тоже участвовал там. Они пошли на север, продираясь сквозь кусты. По дороге, как я слышал, убили более двухсот гремучек, не говоря уже о всяких других гадах. Закончили свою охоту на участке суши между Дейлайт-Пасс и Дьюма-Ки¹⁰⁹... по крайней мере, там, где раньше была Дьюма,

¹⁰⁸ 365 метров

¹⁰⁹ "Дьюма-Ки" — роман Стивена Кинга, действие которого происходит на вымышленном острове Дьюма-Ки, который в финале книги был разрушен тропическим штормом

сейчас она под водой. Часть змей уплыли и, вероятно, утонули. Остальных убили прямо на месте. Дядя Девин говорил, что прикончили четыре или пять сотен, что звучит, как хрень собачья, прошу прощения за мой французский. Но, думаю, их было много. Генри Белл был в составе этой группы, но до конца он недотянул. Упал в обморок от жары и волнения. И от горя, наверное. Миссис Белл не видела мальчиков на месте их гибели, только после того, как их, ну, привели в порядок в похоронном бюро, но их отец был в поисковой группе, которая их нашла. Его отвезли в больницу. Он умер от сердечного приступа вскоре после этого. Наверное, так и не оправился. Да и кто бы смог?

Я понимал его. С некоторыми вещами смириться невозможно.

— Как они убили всех этих змей? — Я бывал на краю острова Раттлснейк-Ки, на маленьком треугольнике ракушечного пляжа между проходом и той небольшой короной зелени, которая осталась от Дьюма-Ки, и просто не мог представить себе такое скопление змей там.

Прежде чем он успел ответить, раздался грохот. Эдди Ито всё-таки испортил теннисный корт.

— Ой-ой-ой! — закричал мистер Ито и побежал к нему, размахивая руками.

Ошеломленный Эдди оторвал глаза от телефона и вырулил газонокосилку обратно на лужайку, прежде чем она успела нанести серьезный ущерб покрытию корта, хотя грязи и комьев земли было предостаточно. Конец истории я так и не услышал.

* * *

Мы с Донной похоронили нашего сына на кладбище Хармони-Хилл¹¹⁰, но это была лишь малая часть беды. Мы поняли это в последующие месяцы. Он по-прежнему был рядом, между нами. Мы пытались вернуться друг к другу, но не смогли. Донна замкнулась в себе, страдала от посттравматического стрессового расстройства, принимала таблетки и слишком много пила. Я не мог винить её за то, что она застряла на ферме Кэмбера, поэтому обвинил её в романе с неудачником по имени Стив Кемп. Он был коротким и бессмысленным и не имел никакого отношения к этому проклятому забитому клапану, но чем больше я ковырял эту болячку, тем сильнее она воспалялась.

Однажды она сказала: "Ты винишь меня, потому что не можешь обвинить Вселенную".

Возможно, это было правдой, но это не помогло. Развод был по взаимному согласию и не вызывал особых споров. Я мог бы сказать, что он был любовным, но это было не так. К тому времени мы оба были слишком эмоционально истощены, чтобы злиться друг на друга.

* * *

Той ночью, после того как я выслушал версию мистера Ито о смерти близнецов — вряд ли надежную, но, возможно, близкую к правде, — я долго не мог уснуть. А когда всё-таки заснул, сон был неглубоким. Мне приснилось, что двухместная коляска медленно катится по подъездной дорожке от дороги. Сначала мне показалось, что она катится сама по себе, как коляска-призрак, но когда включилось охранное освещение, я увидел, что ее толкают близнецы. Они выглядели совершенно одинаково, и я подумал: "Неудивительно, что она

¹¹⁰ Кладбище Хармони-Хилл упоминается также в романе Стивена Кинга "Жребий Салема"

одевает их в разные шорты и футболки". Под копной светлых волос их лица были какими-то неправильными. Или, быть может, дело было не в лицах, а в их опухших шеях. Как будто близнецы болели свинкой. Или ковидом. Когда они подошли ближе, я заметил, что их руки тоже распухли и покрыты красными точками, словно хлопьями красного перца.

Скрип, пауза. Скрип, пауза. Скрип, пауза.

Они подошли еще ближе, и я увидел, что в каждом из сидений лежит гремучая змея, извивающаяся и сворачивающаяся кольцами. Видимо, они принесли мне змей в подарок. Или в наказание. В конце концов, меня не было дома, когда погиб мой сын. Причина моей поездки в Бостон — проблемы с рекламным агентством — отчасти была лишь предлогом. Я был зол из-за интрижки Донны. Нет, я был в ярости. Мне нужно было остыть.

Я никогда не желал ей смерти, пытался сказать я этим детишкам с пустыми глазами, но, возможно, это было правдой лишь наполовину. Любовь и ненависть — тоже близнецы.

С туманной головой я пришел в себя, но сначала подумал, что всё ещё сплю, потому что еще слышал это ритмичное поскрипывание. Это был вентилятор в большом зале (а что ещё могло быть?), поэтому я встал, чтобы выключить его. Не успел я дойти до двери спальни, как понял, что скрип прекратился. Я прошел по галерее, пребывая больше во сне, чем наяву, и мне даже не пришлось включать свет, чтобы увидеть, что лопасти вентилятора неподвижны.

"Это был сон", — подумал я. — "Просто привиделся мне в полудрёме".

Я вернулся в кровать, почти сразу же провалился в настоящий сон, и на этот раз сновидений не было.

* * *

На следующий день я поднялся поздно, потому что проснулся посреди ночи. По крайней мере, мне так показалось; возможно, прогулка по галерее, чтобы проверить вентилятор, тоже была частью сна. Уверенности в этом не было.

Я бы не пошел на прогулку, если бы день был жарким, но за ночь пришел один из знаменитых холодных фронтов с побережья Мексиканского залива. На самом деле не такие уж они и холодные; нужно пережить зиму в Мэне, чтобы ощутить настоящий холодный фронт, но на улице было около семидесяти¹¹¹, и дуновение ветерка было освежающим. Я поджарил себе английский кекс, щедро намазал его маслом и отправился к распашным воротам.

Не прошел я и четверти мили, как увидел кружащих канюков — как черноголовых, так и рыжеголовых стервятников. Эти уродливые, неуклюжие птицы настолько крупны, что им трудно летать. Грег говорил мне, что они появляются сотнями, если начинается красный прилив, и пожирают дохлую рыбу, выброшенную на берег. Но в то лето красного прилива не было — жгучее ощущение в легких невозможно спутать ни с чем другим, — и эти птицы появились над дорогой, а не на пляже.

Я подумал, что их привлек мертвый кролик или броненосец, раздавленный на дороге. Может, чья-то сбежавшая кошка или щенок. Но это было не животное. Это была Элли. Она лежала на

¹¹¹ Около 21 градуса по Цельсию

спине возле своего почтового ящика. Двухместная детская коляска была опрокинута у её подъездной дорожки. Шорты и футболки высыпались и валялись на раздавленных ракушках. Полдюжины стервятников дрались из-за нее, прыгая вокруг и толкая друг друга, клевали ее руки, ноги и лицо. Только "клевали" — не совсем правильное слово. Они вгрызались в ее плоть своими крупными клювами. Я видел, как один из них — рыжеголовый канюк, который весил фунтов пять — вонзился в ее обнаженный бицепс и поднял ее руку, потрясая головой и заставляя ее шевелить кистью. Как будто она махала мне рукой.

После того как прошел мой паралич от шока, я набросился на них, размахивая руками и крича. Несколько стервятников неуклюже взмыли в воздух. Большинство других отступили вдоль дороги в больших неуклюжих прыжках. Но тот, что вцепился клювом в ее руку, продолжал трясти головой, пытаясь вырвать кусок плоти. Я бы не отказался от палки против змей — а бейсбольная бита была бы еще лучше, — но вы знаете, что говорят о желаниях, нищих и лошадях¹¹². Я увидел упавшую пальмовую ветвь, поднял ее и начал размахивать ею.

— Убирайтесь! — закричал я. — Убирайтесь, ублюдки!

Эти ветви почти ничего не весят, но в сухом виде издают громкий дребезжащий звук. Стервятник еще раз дернул головой, а затем взлетел и пролетел мимо меня с куском плоти Элли в клюве. Его черные глаза словно запоминали меня, говоря "твоя очередь еще придет". Я попытался ударить его, но промахнулся.

Не было никаких сомнений в том, что она была мертва, но я присел рядом с ней, чтобы убедиться в этом. Я уже стар, и говорят, что мыслительные процессы человека ослабевают, даже если он не страдает болезнью Альцгеймера или слабоумием — тощий Панталоне¹¹³ и все такое, — но я никогда не забуду, что сделали падальщики с этой милой женщиной, которая притворялась, что ее давно умершие дети всё ещё живы. С женщиной, которая приносила мне овсяное печенье с изюмом. Ее рот был открыт, и без нижней губы казалось, что она скалится. Стервятники успели оторвать половину ее носа и оба глаза. Налитые кровью глазные впадины смотрели на меня в безмолвном ужасе.

Я отошел к дальней стороне дороги и избавился от английского кекса и утреннего кофе. Затем вернулся к ней, хотя не хотел. Всё, чего мне хотелось, — это бежать не разбирая дороги обратно к дому Грега, насколько позволяли бы мои скрипучие старческие ноги. Но если бы я так поступил, стервятники вернулись бы и возобновили свою трапезу. Некоторые из них кружили над головой. Большинство же устроились на австралийских соснах и пальметто, как стервятники из фильма ужасов в карикатурной версии "Нью-Йоркера"¹¹⁴. У меня был с собой телефон, и я позвонил в 911. Я сообщил о случившемся и сказал, что останусь с телом до приезда полиции. Вероятно, придет и "скорая помощь", от которой уже не будет много пользы.

¹¹² Шотландская пословица дословно звучит так: "Если бы желания были лошадьми, нищие ездили бы верхом"

¹¹³ Выражение из пьесы Шекспира "Как вам это понравится", означающее шестую стадию жизни человека, которая характеризуется старостью и дряхлостью

¹¹⁴ американский еженедельник, публикующий репортажи, комментарии, критику, эссе, художественные произведения, сатиру и юмор, комиксы и поэзию

Жаль, что у меня с собой не было ничего, чем бы я мог прикрыть ее изуродованное лицо, но потом мне пришла в голову одна мысль. Я поставил коляску, пододвинул ее к плотной стене рододендронов и морских виноградных лоз у края подъездной дорожки и взял одну из футболок, накинутых на спинку. Я положил ее на то, что осталось от ее лица. Ее ноги были раздвинуты, а юбка задралась до бедер. Из ТВ-сериалов я знал, что не следует трогать труп, пока не прибудет полиция, но решил на это забыть. Я свел ее ноги вместе. Они тоже были изувечены, и мне показалось, что эти красные точки похожи на укусы змеи. Я взял другую футболку и накрыл ее ноги от колен до голеней. Одна футболка была черной, другая — белой, но на обеих было написано одно и то же: "Я — БЛИЗНЕЛИЧНОСТЬ!"

Я сел рядом с ней в ожидании полиции, проклиная тот день, когда решил приехать на Раттлснейк-Ки. Со слов мистера Ито, Дьюма-Ки был проклятым местом, но я боялся, что Раттлснейк окажется еще хуже. Только в отличие от Дьюмы, он ещё существовал.

Дорожка к дому Беллов была усеяна крупными ракушками. Я подобрал несколько штук и каждый раз, когда приближался один из тех стервятников, швырял в них ракушками. Я попал только один раз, но визжание падальщика доставило мне огромное удовольствие.

Я ждал сирен, стараясь не смотреть на мертвую женщину, лицо и ноги которой были закрыты футболками. Думал об овсяном печенье с изюмом и о поездке, которую совершил в Провиденс десять лет назад. Тогда мне было шестьдесят два года, и я подумывал о выходе на пенсию. Я не знал, что буду делать со своими так называемыми золотыми годами, но радость, которую всегда испытывал от рекламного бизнеса (создавать идеальный слоган к идеальной идее), начала угасать.

Я был там вместе с двумя другими пробивными малыми из бостонского агентства, чтобы встретиться и пообщаться с красноречивыми юристами из компании "Деббин энд Деббин". Их штаб-квартира находилась в Провиденсе, но их офисы располагались во всех штатах Новой Англии. Они специализировались на автокатастрофах, случаях с получением инвалидности и травмах при падении с высоты. Команда Деббинов хотела провести агрессивную рекламную кампанию, которая охватила бы все телевизионные станции от Крэнстона до Карибу. "Что-то пёстрое, что-то яркое", — говорили они. — "Что-то, что заставит людей названивать по номеру 800". Я не особо стремился попасть на эту встречу, которая обещала быть долгой и конфликтной. Юристы думают, что знают всё.

Накануне вечером я сидел в холле отеля "Хилтон" в ожидании своих товарищей, Джима Улси и Андре Дюбоза. Идея заключалась в том, чтобы пойти в ресторан "Олив Гарден", устроить там мозговой штурм и придумать два хороших варианта. Не более двух. Юристы думают, что знают всё, но юристов также легко сбить с толку. В своем блокноте я записал: ЗАЧЕМ НАГИБАТЬСЯ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ НАГНУТЬ САМ? ЗВОНИТЕ В "ДЕББИН ЭНД ДЕББИН"!

Вероятно, это была неудачная идея. Я закрыл блокнот, положил его в карман пиджака и кинул взгляд на бар. Вот и всё, что я сделал. Иногда я задумываюсь о том, что мог бы выглянуть в окно или посмотреть на лифт, не идут ли Джим и Андре. Но судьба распорядилась иначе. Судьбе было угодно, чтобы я бросил взгляд на бар.

На одном из стульев сидела женщина. Она была одета в темно-синий брючный костюм. Ее черные с проседью волосы были уложены в стрижку, который парикмахеры называют

голландским бобом, и зачесывались на затылок. Когда она поднимала бокал, чтобы сделать глоток, я видел её лицо лишь частично, но мне не нужно было видеть больше. Есть вещи, которые мы и так знаем, верно? Наклон головы человека. То, как челюсть под углом переходит в подбородок. То, как одно плечо всегда слегка поднято, словно в шутовском пожатии плечами. Жест руки, зачесывающей назад прядь волос: два пальца вытянуты, а другие два согнуты к ладони. У времени всегда есть своя история, так ведь? У времени и любви.

"Это не она", — подумал я. — "Это не может быть она".

Хотя я знал, что это была она. Знал, что это не может быть никто другой. Я не видел ее более двух десятилетий, мы совсем перестали общаться, даже не посылали друг другу праздничных открыток уже лет двенадцать, но я узнал ее сразу.

Я встал на онемевшие ноги. Вошел в бар. Сел рядом с ней, с незнакомкой, которая когда-то была моей ближайшей подругой, объектом моего вожделения и моей любви. Женщина, которая убила бешеного пса, защищая своего сына, но слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно.

— Привет, — сказал я. — Могу я вас чем-нибудь угостить?

Она испуганно обернулась, готовая сказать что-то вроде "спасибо, но я уже встречаюсь", "спасибо, но я не ищу компании"... и увидела меня. Ее рот образовал идеальное О. Она покачнулась на стуле. Я поймал ее за плечи. Ее глаза смотрели прямо в мои глаза. Ее темно-синие глаза смотрели в мои.

— Вик? Это действительно ты?

— Здесь не занято?

Джим и Андре провели сеанс мозгового штурма без меня, и в конечном итоге юристы одобрили нашу ужасную рекламную кампанию с участием ушедшей в небытие звезды ковбойских фильмов. Я пригласил свою бывшую жену на ужин, и не в "Олив Гарден". Это был наш первый совместный ужин после развода. Последний закончился ожесточенной ссорой: она швырнула в меня тарелку с салатом, и нас выгнали. "Я больше не хочу видеть тебя", — сказала она. — "Если у тебя будет что-то ко мне, пиши".

Она ушла, не оглядываясь. Президентом тогда был Рейган. Мы считали себя старыми, но не знали, что такое настоящая старость.

В ту ночь в Провиденсе не было никаких споров. Было много разговоров, было изрядно выпито. Она поднялась ко мне в номер, и мы провели ночь вместе. Спустя три месяца — достаточное время, чтобы убедиться, что это не просто какой-то призрак прошлого, — мы снова поженились.

* * *

Полицейские прибыли на трех патрульных машинах — наверное, перебор для одной мертвой старушки. И да, там была машина скорой помощи. С трупа Элли Белл убрали футболки, и после того, как ее осмотрели медики и были сделаны фотографии на месте происшествия, на которые никто не хочет смотреть, мою соседку уложили в мешок для трупов.

Окружного полицейского, который взял у меня показания, звали П. Зейн. Того, кто фотографировал и записывал мои показания на видео, звали Д. Канаван. Канаван был моложе и с любопытством рассматривал коляску и детскую одежду. Прежде чем я успел всё объяснить, Зейн произнес:

— Она была довольно известной личностью. Чудаковатая, но вполне приятная. Слышал ту песню — "Дельта Дон"¹¹⁵?

Канаван покачал головой, но как поклонник кантри-музыки в целом и Тани Такер в частности, я знал, что Зейн имеет в виду. Сходство было не идеальным, но близким.

Я сказал:

— Это песня о женщине, которая продолжает искать своего давно ушедшего любимого. Миссис Белл любила гулять со своими близнецами, хотя их тоже давно нет в живых. Они умерли много лет назад.

Канаван задумался, а потом произнёс:

— Это полный пиздец.

Я подумал: "Чтобы понять ее, нужно самому потерять ребенка".

Один из техников скорой помощи присоединился к нам.

— Будет проведено вскрытие трупа, но я предполагаю, что это был инсульт или сердечный приступ.

— Ставлю на сердечный приступ, — сказал я. — Она принимала таблетки от аритмии. Они могут быть в кармане ее платья. Или...

Я подошел к коляске и заглянул в сдвоенные чехлы на спинках сидений. В одном лежали две маленькие бейсбольные кепки "Тампа Рейс"¹¹⁶ и тюбик солнцезащитного крема. В другом лежала банка с таблетками. Техник взял ее и посмотрел на этикетку.

— Соталол, — прочитал он. — От учащенного или нерегулярного сердцебиения.

Я подумал, что она, скорее всего, перевернула коляску, пытаясь добраться до своего лекарства. А что еще могло быть? Не гремучая же змея.

— Думаю, вам придется дать показания следствию, — обратился ко мне офицер Зейн. — Вы здесь еще задержитесь, мистер Трентон?

— Да. Этим летом, похоже, все задерживаются.

— Согласен, — сказал он и поправил маску. — Пройдемте с нами. Посмотрим, не оставила ли она свой дом открытым. Мы должны запереть его, если это так.

¹¹⁵ Песня в стиле кантри, ставшая хитом номер 1 в 1973 году в исполнении Хелен Редди. Её исполняла также Таня Такер

¹¹⁶ Тампа-Бэй Рейс — профессиональный бейсбольный клуб из Сент-Питерсберга, штат Флорида

Я покатил коляску, в основном потому, что никто мне этого не запретил. Зейн взял таблетки и положил их в конверт.

— Господи Иисусе, — вымолвил Канаван. — Удивительно, как это скрипящее колесо не свело её с ума. — Затем, обдумав свои слова, добавил. — Хотя она и так была немного того.

— Она приходила ко мне и принесла печенье, — сказал я. — Я собирался смазать колесо тем вечером, но забыл.

Дом за стеной рододендронов и пальметто не был особняком. На самом деле он выглядел, как летнее жилье, которое в середине двадцатого века, задолго до того, как толстосумы открыли для себя острова Мексиканского залива, могло сдаваться в аренду рыбакам или отдыхающей семье за пятьдесят-семьдесят долларов в неделю.

За домом находилась более крупная и новая пристройка, но не настолько большая (или не настолько вульгарная), чтобы претендовать на статус особняка. Гараж соединялся с домом крытым переходом. Я заглянул внутрь, прижав ладони к стеклу, и увидел обычный старый "Шеви Круз". Через боковые окна проникало достаточно света, и я смог разглядеть два маленьких детских кресла, расположенных бок о бок на заднем сиденье.

Офицер Зейн для формальности постучал в дверь дома, затем подергал ручку. Дверь открылась. Он велел Канавану идти с ним и вести видеосъемку, вероятно, для того, чтобы потом показать своим начальникам, включая окружного прокурора, что они ничего не украли. Зейн спросил, хочу ли я зайти. Я отказался, но после того, как они вошли внутрь дома, попробовал открыть боковую дверь гаража. Она тоже была не заперта. Я закатил коляску внутрь и припарковал ее рядом с машиной. По прогнозам, вечером могла быть гроза, и мне не хотелось, чтобы коляска промокла.

— Ведите себя хорошо, — произнёс я. Слова вырвались из моих уст, прежде чем я осознал это.

* * *

Через десять минут Зейн и Канаван вышли из дома. Канаван всё ещё записывал на видеокамеру, когда Зейн перебирал ключи на брелоке, пробуя разные, пока не нашел подходящий для входной двери.

— Дом был полностью открыт, — сообщил он мне. — И окна тоже. Я запер заднюю дверь и дверь во внутренний дворик изнутри. Доверчивое существо.

Я подумал: "Что ж, у нее были дети, и это единственное, что ее заботило".

После некоторого перебора ключей умершей женщины Зейн запер гараж. К тому времени Канаван уже выключил видеокамеру. Мы вдвоем вернулись к дороге. Полицейские стянули маски на шеи. Я снова забыл свою — я не ожидал встретить кого-то.

— Ито ведь работает на вас? — спросил Зейн. — Японо-американец из Виллидж?

Я ответил утвердительно.

— И на миссис Белл тоже?

— Нет, только на меня. Ее участком занималась компания "Плант Уорлд". Иногда я видел их грузовики. Может быть, два раза в неделю.

— И у нее не было смотрителя? А починить засорившийся сток или подлатать крышу?

— Я не знаю таких. Мистер Ито, возможно, знает.

Зейн почесал подбородок.

— Она, должно быть, была мастерицей на все руки. Есть такие женщины. Тот факт, что она считала своих детей живыми спустя сорок лет после их смерти, не означает, что она не могла заменить прокладку или оконное стекло.

— Не такой уж она была мастерицей, если не могла смазать колесо той скрипучей коляски, — заметил Канаван.

— А, может, ей это нравилось, — сказал я. — Или...

— Или ничего, — сказал Канаван и засмеялся. — Никому не нравится скрипящее колесо. Говорят же, что именно его смазывают?

Зейн ничего не ответил. Я тоже не ответил, но подумал, что, может, детям это нравилось. Может быть, оно даже укачивало их после большого дня игр и купания. Скрип... пауза... скрип... пауза... скрип...

* * *

Когда мы вернулись к месту, где я нашел тело Элли, машины скорой помощи и двух полицейских машин уже не было. Перед отъездом полицейские растянули желтую ленту "НЕ ПРОХОДИТЬ". Пригнувшись, мы прошли через нее. Я спросил у офицера Зейна, что будет с домом и кто возьмет на себя похоронные расходы.

Он ответил, что не имеет ни малейшего понятия.

— Скорее всего, у нее было завещание. Кому-то придется порыться в ее доме и найти его, а также ее телефон и другие документы. Ее дети и муж мертвы, но где-то должны быть родственники. Пока мы не разберемся с этим, не могли бы вы нам помочь, мистер Трентон? Вы и Ито присмотрите за домом? Мы тут зашиваемся. Отчасти из-за бумажной работы, но в основном потому, что у нас всего три детектива. Двое в отпуске, а один заболел.

— Ковид, — вздохнул Канаван. — Как я слышал, Трис серьезно захворал.

— Я могу это сделать, — согласился я. — Вы хотите, чтобы никто не воспользовался тем, что её дом пустует.

— Именно. Хотя гиены в человеческом облики, грабящие дом умершего, обычно узнают об этом из некрологов, а кто напишет некролог для миссис Белл? Она была одинока.

— Я мог бы сделать пост о ней в "Фейсбуке".

— Отлично. А мы объявим об этом по новостям.

— А что насчет Супердедули? — спросил Канаван. — Может, он осмотрит дом? Поищет завещание и, может, записную книжку?

— А это неплохая идея, — сказал Зейн.

— Кто такой Супердедуля? — спросил я.

— Энди Пелли, — ответил Зейн. — Полупенсионер. Отказывается выходить на полную пенсию. Он помогает нам, когда нужна помощь.

— Учредитель клуба "10-42", — сказал Канаван. Он хмыкнул, чем вызвал хмурый взгляд Зейна.

— Что за клуб?

— Копы, которые не могут решиться уйти на пенсию, — сказал Зейн. — Но Пелли — хороший полицейский, с большим опытом, и он дружит с одним из местных судей. Уверен, он с легкостью может получить ордер на случай экстренных обстоятельств или как он там называется.

— Так что мне не придется заходить в дом...

— Нет, нет, вам нельзя, — сказал Зейн. — Это будет работа Пелли, если он согласится на нее. Но спасибо, что позвонили. И за то, что не позволили этим ублюдкам растащить ее по частям. Они ее изуродовали, но могло быть гораздо хуже. Жаль, что ваша утренняя прогулка была испорчена.

— Всякое бывает. Кажется, Конфуций сказал что-то подобное.

Канаван посмотрел удивленно, но Зейн рассмеялся.

— Спросите мистера Ито, знает ли он что-нибудь о родственниках миссис Белл, когда увидите его.

— Хорошо.

Я смотрел, как они садятся в свою патрульную машину, и помахал им рукой, пока они не скрылись за следующим поворотом. Затем пошел домой. Я думал о Донне. Я думал о Тэде, нашем несчастном мальчике, которому сейчас, если бы не засорившийся игольчатый клапан, было бы за сорок, и он начал бы сидеть. Я думал об Элли Белл, которая пекла вкусное овсяное печенье и говорила: "Я знаю, что их там нет. И всё же иногда они там есть".

Я думал о двухместной коляске, стоявшей в темном гараже рядом с "Шеви Круз". Я вспомнил, как произнес: "Ведите себя хорошо"... хотя коляска была пуста.

Как это было несправедливо. По отношению к близнецам Белл, по отношению к моему сыну, по отношению к моей жене. Этот мир полон гремучих змей. Иногда наступаешь на них, и они не кусаются. А иногда их обходишь, а они всё равно тебя укусят.

* * *

Вернувшись домой, я почувствовал голод. Нет, волчий голод. Я по-быстрому приготовил яичницу из четырех яиц и поджарил еще один английский кекс. Донна сказала бы, что мой

голод — признак здоровья, символ победы жизни над смертью, но я просто был голоден. Видимо, найдя труп женщины у въезда к ее дому и отгоняя от нее стервятников, я съел гигантское количество калорий. Я не мог выбросить из головы ее искаженное лицо, но все равно съел всё, что было на тарелке, и на этот раз удержал еду внутри себя.

Поскольку день не был нестерпимо душным, а вполне располагал к прогулке, я решил еще раз прогуляться... но не до распашных ворот, что означало бы пройти мимо места, где я обнаружил Элли. Вместо этого я пошел по дощатому тротуару Грега к пляжу. Первую часть пути окружали пальметто и пальмы, превращая его в своего рода зеленый туннель. Похоже, енотам нравилось это место, и я осторожно обходил маленькие кучки их экскрементов. В конце дощатой дорожки стояла беседка. После этого деревья заканчивались, и открывался широкий пляж с травой и камышами. Шум волн был мягким и успокаивающим. Чайки и крачки кружили, наслаждаясь бризом с залива. Там были и другие птицы — крупные и мелкие. Грег был любителем орнитологии и, наверное, знал их всех. Я же нет.

Я посмотрел на юг, где были большие заросли подлеска. Над ними торчало несколько пальм, но выглядели они рваными и нездоровыми, вероятно, потому что мусорная поросль высасывала большую часть грунтовых вод, богатых питательными веществами. Именно там Джейк и Джо, должно быть, встретили свою судьбу. Я видел дощатую дорожку Беллов, и если бы они пошли по ней, вместо того чтобы играть в исследователей джунглей, им было бы уже за сорок, и они, наверное, катали бы своих собственных малышей в этой старой коляске. Если бы да кабы.

Беседка осталась позади, и я направился на север вдоль пляжа, который был широким, влажным и сиял на солнце. После обеда пляж станет меньше, а к вечеру, когда начнется прилив, его почти не останется. Мистер Ито говорил, что раньше такого не было, что причиной всему глобальное потепление, и к тому времени, когда Эдди доживет до его лет, пляж вообще исчезнет.

Гулять было приятно: слева — залив, справа — дюны. Дом Грега Акермана был последним на Раттлснейк-Ки; к северу от его участка начинались земли округа, и вновь возникали заросли, растущие так близко к пляжу, что иногда приходилось отмахиваться от веток пальметто и перешагивать через большие кусты пляжной наупаки. Затем растительность заканчивалась, и пляж расширялся в неправильный треугольник, усыпанный ракушками. То тут, то там я замечал акульки зубы, некоторые величиной с мой указательный палец. Я подобрал несколько и положил их карман, думая, что подарю их Донне. Потом вспомнил, что, о, черт, моя жена же умерла.

"Снова укушен", — подумал я.

Треугольник получился неправильным из-за того, что Дейлайт-Пасс отрезал пляж. Вода текла против течения из Калипсо-Бей, сначала борясь с мягкими волнами залива, а затем, соединившись с ними, кружилась в водовороте. Ураган открыл Дейлайт, который был закрыт девяносто лет назад. Я читал об этом в "Иллюстрированной истории Южных островов", которая лежала на кофейном столике Грега, когда заселился. Напротив виднелся плавучий участок зелени — это всё, что осталось от Дьюма-Ки, затопленного тем же ураганом, что открыл Дейлайт-Пасс.

Я потерял интерес к сбору акульих зубов — видимо, сказались воспоминания о том, что Донны уже нет на этом свете — и просто засунул руки в карманы и стал рассматривать ракушечный пляж, которым заканчивался Раттлснейк-Ки. Именно в этот тупик охотничий отряд загнал полчище змей. Юристы красноречивы, а гремучки танцуют румбу. Понятия не имею, откуда у меня взялись такие мысли. Разум — это не только ядовитая рептилия, иногда кусающая саму себя, но и активный сборщик мусора. Фредди Кэннон¹¹⁷ выпускал свои пластинки-сорокапятки на лейбле "Сван", на которых было написано: НЕ БРОСАТЬ. Второе имя Джеймса Гарфилда было Абрам¹¹⁸. Тоже понятия не имею, откуда взялось это.

Я стоял там, и ветерок трепал мою рубашку, а птицы кружили над головой, и зеленая листва (то, что осталось от Дьюма-Ки) поднималась и опускалась вместе с волнами, словно дышала. Как они загнали сюда змей? Этого я не знал. А когда они их сюда загнали, как убивали тех, кто не пытался спастись вплавь? Этого я тоже не знал.

Позади меня раздался скрип. Потом еще один. Мой затылок покрылся холодным потом. Я боялся оборачиваться, потому что был уверен, что увижу ту двухместную коляску с мертвыми близнецами в ней, распухшими от змеиных укусов. Но поскольку я был загнан в тупик (как и гремучие змеи) и не верил в привидений, я повернулся. На меня смотрела пара чаек — белые головы, черные тела, глаза-бусинки, спрашивающие, какого черта я вторгся на их территорию.

От страха я бросил в них пару акульих зубов. Они были не такие большие, как ракушки, которыми я швырялся в стервятников, но сделали свое дело. Чайки улетели, возмущенно крича.

Крича.

Но я ведь отчетливо слышал скрип. Как у колеса, которому нужна смазка. Я сказал себе, что это чушь, и почти убедил себя в этом. Ветер принес запах чего-то похожего на запах бензина или керосина. Меня это не удивило: политики Флориды, начиная от губернатора и заканчивая городскими властями разных уровней, больше заинтересованы в бизнесе, чем в сохранении хрупкой экосистемы побережья Мексиканского залива. Они злоупотребляют ею и в конце концов потеряют ее.

Я поискал характерную радужную пленку газа или нефти на поверхности и ничего не увидел. Глубоко вдохнул и ничего не почувствовал. Пошел обратно домой... таковым я теперь считал дом Грегга Акермана.

* * *

Я не знаю, работают ли повторные браки. Может, есть какая-то статистика, но я её не видел. Наш сработал. Было ли это из-за длительного разрыва? Прошло много лет, как мы не видели друг друга, а потом и вовсе перестали общаться. Шок от воссоединения? Возможно, отчасти так и было. Или это было потому, что ужасная рана от смерти нашего сына успела затянуться? Интересно, удастся ли парам преодолеть подобное.

Если говорить про себя, то я думал о Тэде всё реже и реже, но когда его вспоминал, боль была почти такой же сильной, как и прежде. Однажды в офисе я вспомнил, как читал ему перед

¹¹⁷ Фредди Кэннон — американский певец, исполнитель раннего рок-н-ролла

¹¹⁸ Джеймс Абрам Гарфилд — 20-й президент США, разносторонне одарённый самоучка

сном "Слова против монстров" — катехизис, который должен был прогнать его страх темноты, — и мне пришлось присесть на унитаз в служебном туалете и поплакать. Это случилось не через год и не через два, и даже не через десять лет после происшествия; это было, когда мне было за пятьдесят. Теперь мне за семьдесят, но я по-прежнему не могу смотреть на его фотографии, хотя было время, когда у меня их было много в телефоне. Донна говорила, что смотрит их, но только в день его рождения — как своего рода ритуал. Но она всегда была сильнее меня. Она была настоящим солдатом.

Мне кажется, что большинство первых браков основаны на романтике. Конечно, есть исключения, когда люди женятся ради денег или для улучшения своего положения в жизни иным способом, но большинство из них пронизаны головокружительным, скользким чувством, о котором поется в песнях. "Ветер под моими крыльями"¹¹⁹ — прекрасный пример как из-за эмоций, которые вызывает эта песня, так и из-за образа в ней: ветер в конце концов затихает. Тогда вам придется махать крыльями, чтобы не разбиться о землю. У некоторых пар настолько крепкая связь, что она сохраняется и после того, как угасает романтика. У других пар такой связи нет. Вместо того чтобы говорить о своих отношениях, они ссорятся из-за них. Подозрения сменяют доверие. Мрачных тайн становится всё больше.

А некоторые браки распадаются из-за смерти ребенка. Брак Элли Белл не развалился, хотя мог бы, если бы ее муж не умер вскоре после этого. У меня не было сердечного приступа, только панические атаки. Я держал в портфеле бумажный пакет и дышал в него, когда они наступали. В конце концов, они прекратились.

Когда мы с Донной снова поженились, наша любовь была старше, добрее и сдержаннее. Не было ссор из-за денег, которые терзают многие молодые пары, только начинающие совместную жизнь; я хорошо зарабатывал в рекламном бизнесе, а Донна была руководителем одного из крупнейших школьных округов на юге штата Мэн. В тот вечер, когда я встретил ее в баре, она была в Провиденсе на конференции администраторов школ Новой Англии. Ее годовой заработок был не таким большим, как мой, но значительным. У нас обоих был 401k¹²⁰ и никаких финансовых проблем.

Секс был удовлетворительным, хотя и без огонька (за исключением, может быть, того первого раза после нашего долгого — ха-ха — перерыва). У нее был свой дом, у меня — свой, так мы и жили. Поездки на работу не стали большой проблемой. Оказалось, что все эти годы мы жили всего в семидесяти милях друг от друга. Мы не были вместе всё время, и это было нормально. Нам и не нужно было быть всегда вместе. Это было похоже на близость с хорошим, надежным другом. Мы работали над отношениями так, как не нужно этого делать начинающим парам, потому что у них уже есть ветер под крыльями. Пожилые пары, особенно те, у которых в прошлом была ужасная тьма, должны махать крыльями. Именно это мы и делали.

Донна вышла на досрочную пенсию, и с 2010 года мы стали жить в одном доме — моем, в Ньюберипорте. Это было ее решение. Сначала я подумал, что она хочет проводить со мной больше времени, и я был прав. Но я не знал, почему она считает такое времяпрепровождение необходимым. Неделью она обустроивалась, а потом в одну солнечную октябрьскую субботу

¹¹⁹ "Ветер под моими крыльями" — хит Бетт Мидлер

¹²⁰ Наиболее популярный пенсионный план (накопительный пенсионный счёт) частной пенсионной системы в США

спросила, не прогуляюсь ли я с ней у каменной стены, отделяющей мой участок от реки Мерримак. Мы держались за руки и шли по опавшим листьям, слушая их шелест и вдыхая тот сладковатый аромат корицы, которого они приобретают перед тем, как завянуть и начать разлагаться. Это был прекрасный послеполуденный день, по голубому небу плыли большие толстые облака. Я сказал, что она похудела. Она ответила, что так оно и есть. У нее был рак.

* * *

Я боялся, что мысли о стервятниках, разрывающих тело Элли, не дадут мне заснуть, поэтому стал рыться в аптечке Грега (мой друг всегда был немного ипохондриком) и нашел там четыре таблетки "Золпидема"¹²¹. Судя по этикетке, срок годности этого снотворного истек в мае 2018 года, но я решил, что пусть всё катится к черту, и принял пару таблеток. Может, они сработали, а может, это был просто эффект плацебо, но я сладко проспал всю ночь, причем без сновидений.

Проснулся я свежим в семь утра и решил совершить свою обычную прогулку, чувствуя, что всё равно не смогу избежать места, где погибла Элли, до конца своего пребывания здесь. Я надел шорты и кроссовки и спустился вниз, чтобы заварить кофе. Подъездная дорожка Грега выходит в большой двор сбоку от дома. Окно внизу лестницы смотрит на этот двор. Я преодолел две ступеньки по лестнице и застыл, уставившись во все глаза.

Во дворе стояла коляска.

Я отказывался поверить в это. Не мог это осознать. Мне подумалось, что это какой-то обман зрения, игра теней, вот только в этом раннем утреннем свете не было никаких теней... за исключением тени, отбрасываемой коляской. Она стояла там. Она была реальной. Тень еще больше доказывала это. Тень не возникает на ровном месте. Тени не существует, если нет чего-то, что ее создает.

После первоначального потрясения я испугался. Кто-то — какой-то нехороший, злой человек — притащил сюда коляску и оставил ее здесь, чтобы напугать меня. У него это получилось. Я был напуган. В голове не укладывалось, кто бы мог сделать такое, уж точно не офицеры Зейн или Канаван. Мистер Ито, возможно, слышал о смерти миссис Белл — в мелких местечках новости распространяются быстро, — но он не был таким шутником, а его сын проводил большую часть времени в сказочной стране под названием Интернет. Ни на кого невозможно было подумать, и в каком-то смысле это не имело значения. Важно было то, что кто-то пришел в мой дом в то время, которое писатели называют "под покровом ночи".

Закрыв ли я все двери на замок? Шокированный и напуганный (даже не злой), я не мог вспомнить. Я даже не вспомнил бы в тот момент второе имя своей покойной жены, если бы меня спросили. Я бросился к парадной двери: закрыто. Пошел к той, что вела к бассейну и во внутренний дворик: закрыто. Подошел к задней двери, ведущей в гараж, и она была закрыта. Значит, по крайней мере, никто не был внутри дома, прокрадываясь ночью. Это должно было бы расслабить, но не расслабило.

"Должно быть, кто-то из копов оставил эту вещь", — подумал я. — "Зейн запер гараж и забрал ключи".

¹²¹ В настоящее время наиболее распространенное снотворное в США и в Европе

В этом была логика, но я в нее не верил. Зейн казался солидным, надежным и далеким от таких тупых шуток. К тому же, так ли уж был необходим ключ от гаража? Скорее всего, нет. Замок на двери выглядел так, будто его можно было открыть при помощи проволоки или пластиковой карты.

Я вышел из дома посмотреть на коляску. Я подумал, что там может лежать записка в стиле тех, что оставляют в жутких третьесортных треш-фильмах: "Ты следующий" или "Возвращайся туда, откуда пришел".

Записки не было. Было кое-что похуже. Желтые шорты на одном сиденье, красные — на другом. Не те, что были вчера. И рубашки, перекинутые через спинки, были другие. Я не хотел к ним прикасаться. На них было написано: ТРУЛЯЛЯ и ТРАЛЯЛЯ. Рубашки для близнецов, однако близнецы, носившие их, давно умерли.

Что делать с этой чертовой коляской — вот в чем вопрос, и вопрос хороший. Теперь, когда реальность ее существования стала очевидной, мой первоначальный шок со страхом сменились любопытством и гневом: какой дерьмовый способ начать утро. В кармане моих шорт лежал мобильник. Я позвонил в управление шерифа округа и попросил позвать офицера П. Зейна. Секретарь сначала перевела меня в режим ожидания, а затем сообщила, что офицера Зейна не будет на службе до понедельника. Я знал, что лучше не спрашивать личный номер полицейского, поэтому попросил диспетчера передать, что звонил Виктор Трентон и попросил перезвонить.

— Постараюсь что-нибудь сделать, — сказала женщина, не особо подняв мне настроение в это проклятое утро.

— Да уж, постарайтесь, — сказал я и положил трубку.

Мистер Ито тоже не появится до понедельника, и хотя я не планировал никаких гостей, я не собирался оставлять эту коляску во дворе. Я решил вернуть ее обратно миссис Белл и поставить в гараж. В конце концов, это был мой обычный маршрут, и заодно я мог бы узнать, не взломал ли какой-то шутник/злой человек дверь гаража. Однако сначала я сделал пару фотографий коляски, чтобы затем показать их Зейну, если он, конечно, ими заинтересуется. Возможно, он не придет в восторг от того, что я переместил коляску с места, где ее нашел, но разве она была уликой? Разве Элли Белл была забита ею до смерти? Нет. Я просто возвращал ее туда, где мы ее поставили.

Я катил коляску по дороге под палящими лучами утреннего солнца. Должно быть, "Золпидем" всё еще действовал, потому что, как только мой страх развеялся прозаической обыденностью ситуации (даже шорты и футболки были обыденными, из тех, что можно купить в любой момент в "Волмарте" или на "Амазоне"), я впал в некое оцепенение. Наверное, если бы я лежал в постели или даже на диване, я бы задремал. Но поскольку я шел по Раттлснейк-роуд, то дал своим мыслям просто плыть по течению.

Со скрипучим колесом или нет (надо бы его смазать в конце концов, подумал я), но коляску было легко катить, особенно без четырехлетних мальчиков. Катил я ее левой рукой. Правой я коснулся рубашек, висевших на спинках сидений — сначала одной, потом другой. Я даже не осознавал, что делаю.

Я думал о малышах, сначала переходящих дорогу, а затем продирающихся к пляжу через заросли. Они не злились, не чертыхались от того, что получали по лицу от острых веток. Они не проявляли нетерпения, не жалели, что не пошли по дощатому тротуару. Они были погружены в свою фантазию — исследователи джунглей в газетных шапочках, которые им сделал отец из воскресных цветных комиксов. Где-то впереди мог быть сундук с сокровищами, оставленный пиратами, а может, их ждала гигантская обезьяна вроде Кинг-Конга, которого они видели в одном фильме по телевизору, сидя на полу и скрестив ноги, в 4 часа дня по программе "Тампа Матиней", пока мама не переключила на вечерние новости с Томом Брокау¹²².

Они слышат шорох, поначалу тихий, но становящийся громче и ближе по мере того, как они героически продвигаются вперед. Сначала они не обращают на него внимания, а затем допускают роковую ошибку, игнорируя его. Джо думает, что это пчёлы и они могут поживиться мёдом. Джейк говорит ему не глупить, а то пчелы могут их покусать. Они идут за сокровищами. Мед — не сокровища. Шорохи теперь раздаются и справа, и слева. Не беда! Дорога к пляжу прямо перед ними. Они уже слышат шум волн и для начала искупаются, прежде чем будут копать в песке в поисках золота (и строить замок, если поиски сокровищ ничего не принесут). Они хотят зайти в воду, потому что им жарко, как в тот жаркий день, какой пришлось перенести моему маленькому мальчику. У него не было воды, в которой он бы поплескался, он был заперт в раскаленной машине со своей мамой, потому что снаружи был монстр. Монстр не уходил, а машина не двигалась.

Они не замечают углубления, которое скрывается зарослями кустарника. Эти кусты также скрывают логово змей (румбу гремучек), живущих в их тени. Бок о бок Джейк и Джо могли бы обойти этот заросший пучок зелени, но отважные исследователи так не поступают. Отважные исследователи идут прямо вперед, срубая зелень невидимыми мачете.

Именно это они и делают, и поскольку идут бок о бок, то вместе падают в ямку. И прямо в логово змей. Их здесь десятки. Некоторые из них еще молоды (змееныши), и хотя они кусаются, но не могут (вопреки распространенному мнению) впрыскивать яд. Но их укусы все равно болезненны. А большинство гремучек — это взрослые особи в режиме полной защиты. Они выбрасывают вперед свои ромбовидные головы и глубоко вонзают свои клыки.

Мальчики кричат — "Ой!" и "Нет!" и "Что?" и "Больно!".

Их кусают много раз за лодыжки и икры. Джо опускается на одно колено. Змея ударяет его бедро и жгутом обвивает его колено. Джейк с трудом выбирается из заросшего кустарником углубления с браслетами на щиколотках в виде змей. Треск заполняет весь мир. Джейк пытается вытянуть Джо из ямы, и змея в мгновение ока вонзает свои клыки в мякоть его маленькой ладони. Джо лежит на животе, и змеи ползают по всему его телу. Он пытается защитить хотя бы лицо, но не может. Его кусают за шею и щеки, а когда он поворачивает голову в тщетной попытке вырваться, — за нос и рот. Его лицо начинает опухать.

Джейк разворачивается и начинает брести обратно к дороге и дому Беллов на другой стороне, по-прежнему со змеями на щиколотках. Одна отваливается. Другая начинает пробираться вверх к шортам мальчика. Почему он убегает, хотя они всегда всё делали вместе? Потому ли, что знает, что его брату-близнецу уже не помочь? Нет. Потому ли, что он в слепой панике? Нет,

¹²² Том Брокау — американский телеведущий, журналист, редактор телевизионных программ

даже слепая паника не заставила бы его бросить Джо. Он хочет добраться до папы, если тот еще дома, или мамы, если папы нет. Это не паника, это спасательная операция. Джейк срывает змею с ноги и успевает увидеть ее оценивающие глаза-бусинки за мгновение до того, как она вонзает клыки в его запястье. Он отшвыривает ее и пытается бежать, но не может, яд проникает в него, заставляя сердце биться неровно, затрудняя дыхание.

Джо больше не кричит.

Зрение Джейка двоится, затем троится. Он уже не может идти, поэтому пытается ползти. Его руки распухают, как мультяшные перчатки. Он пытается произнести имя своего брата и не может, потому что его горло...

* * *

Из этого видения меня вывел лязг открывающихся распашных ворот. Коляска, которую я катил, пересекла фотоэлектрический луч датчика ворот. В своем зомби-состоянии я прошел далеко от подъездной дорожки Элли. Я увидел, что моя правая рука ходит туда-сюда, касаясь сначала одной рубашки (ТРУЛЯЛЯ), а затем другой (ТРАЛЯЛЯ). Я отдернул ее, словно касался чего-то горячего. Мое лицо было мокрым от пота, а футболка — темной от него. Я только гулял (по крайней мере, мне так показалось; точно не помню), но дышал учащенно, как после двухсотярдового спринта.

Я откатил коляску назад, и ворота закрылись. Я спросил себя, что только что произошло, но думал, что знаю. Другие члены моей команды в агентстве рассмеялись бы — за исключением, возможно, Кэти Уилкин, чье воображение простиралось дальше рекламных слоганов про чистящие средства для унитазов, — но у меня не было другого объяснения. Я видел фильмы и, по крайней мере, один документальный телефильм, где полицейские просили так называемых ясновидящих помочь найти тела людей, которые считались мертвыми. Как ищейкам дают предмет одежды, чтобы пройти по следу, так и экстрасенсам давали предметы, считавшихся важными для человека, которого они должны были найти. В основном результаты оказывались чепухой, но в нескольких случаях это срабатывало. Или казалось так.

Дело было в футболках. В прикосновении к ним. А часть про Тэда? Это были мои собственные воспоминания, вторгшиеся в ту ауру, которую я получил от этих футболок. Не было ничего удивительного в том, что мой сын попал в мои видения. Он умер примерно в том же возрасте, что и близнецы Белл, и почти в то же время. Тройняшки вместо близнецов. Трагедия, вызывающая к трагедии.

Когда я развернул коляску и направился обратно, яркость моего видения начала блекнуть. Я стал сомневаться в том, что у меня был настоящий экстрасенсорный опыт. В конце концов, я ведь не знал, что именно случилось с близнецами Белл. Возможно, мой разум просто добавил некоторые детали, такие как скрытый провал, в который они упали. Всё могло быть совсем иначе. Кроме того, нельзя было отрицать, что я был в крайне внушаемом состоянии из-за того, что коляска появилась так, как она появилась.

Вот этого я не мог объяснить.

* * *

Пригнувшись, я пролез под желтой лентой и покатил коляску по извилистой дорожке к дому Беллов. Скрип, скрип, скрип. Боковая дверь гаража была приоткрыта, лениво покачиваясь на легком ветерке. Ни сверху, ни снизу от замка, ни на самой двери не было ни одного скола. Ее могли отпереть пластиковой карточкой, но ее не взламывали.

Я внимательно осмотрел дверные ручки, как снаружи, так и изнутри. В центре наружной ручки была замочная скважина, с помощью которой офицер Зейн запер дверь. Чтобы запереться изнутри, ключ не требовался. В центре внутренней ручки была кнопка, которую нужно было просто нажать.

"Всё очень просто", — подумал я. — "Это были близнецы. Джейкоб и Джозеф. Они просто повернули внутреннюю ручку. Нажалась кнопка, и дверь открылась. Просто как два пальца об асфальт. Потом они прикатили коляску ко мне: Джейк катил с одной стороны, а Джо с другой".

Конечно. А еще мы победили во Вьетнаме, высадка на Луну была подделкой, охваченные горем и ужасом родители в Сэнди-Хук¹²³ были нанятыми актерами, а 11 сентября устроили американские власти.

И тем не менее дверь гаража была открыта.

А коляска оказалась у меня дома, в четверти мили отсюда.

Зазвонил телефон, и я аж подскочил. Звонил офицер П. Зейн. Секретарь из управления шерифа всё-таки связалась с ним.

— Здравствуйте, мистер Трентон, чем могу быть полезен? — Сегодня его голос был более расслабленным, с более южным говорком. Наверное, потому что у него был выходной, и он не был на службе.

— Я нахожусь у дома Беллов, — сказал я и объяснил ему причину. Вряд ли стоит добавлять, что я пропустил часть про мальчиков, упавших в замаскированную яму со змеями.

Когда я закончил, в трубке воцарилась тишина. Затем он сказал:

— Почему бы вам не поставить эту коляску обратно в гараж?

В его голосе не было удивления или беспокойства. Конечно, он же не видел змей, ползущих по Джо Беллу, когда тот пронзительно кричал.

— Кто-то подшутил над вами. Скорее всего, подростки, тайком пробравшиеся на Раттлснейк-роуд, к дому умершей сумасшедшей. Такая у нее была репутация в Палм-Виллидж.

— Вы действительно так считаете?

— А что еще могло быть?

"Например, привидения", — подумал я. — "Дети-призраки". Но я не сказал этого. Мне даже не нравилось думать об этом.

¹²³ Массовое убийство в начальной школе в Сэнди-Хук произошло 14 декабря 2012 года, погибло около 30 человек

— Может, вы и правы. Может, они отперли замок пластиковой картой или водительским удостоверением. Нет никаких следов повреждений.

— Конечно. Вскрыть такой замок очень просто.

— Просто как два пальца об асфальт.

Он хихикнул.

— Совершенно верно. Просто верните коляску и закройте дверь. Ключи покойной леди находятся на подстанции. Энди Пелли их заберет. Помните такого?

— Конечно. Супердедуля.

Он снова рассмеялся.

— Верно, только не называйте его так при нём. В общем, он договорился со своим другом-судьей, и тот подписал эту штуковину о чрезвычайных обстоятельствах, чтобы Энди мог зайти в дом и поискать информацию о ближайших родственниках и местных знакомых. Энди — стреляный воробей. Если там кто-то был, он узнает. По крайней мере, нам нужно найти кого-то, кто возьмет на себя ответственность за останки леди.

"Останки", — подумал я, наблюдая, как дверь раскачивается на ветру. Какое слово.

— Она не может просто остаться в морге, да?

— У нас его даже нет. Она сейчас в похоронном бюро Пердомо в Тамайами. Кстати, раз вы уж там, а гараж открыт, не могли бы вы зайти туда и посмотреть, не подверглась ли машина этой дамы какому-нибудь акту вандализма? Проколотые шины, разбитые окна, треснувшее лобовое стекло? Потому что в таком случае нам придется отнестись к этому чутьку серьезнее.

— С удовольствием. Простите, что побеспокоил вас в ваш выходной.

— Не беспокойтесь. Я уже позавтракал и теперь просто сижу на заднем дворе и читаю газету. Позвоните мне, если с машиной что-то случилось. Если что-то будет, я сообщу Энди. И мистер Трентон?

— Называйте меня Виком.

— Хорошо, Вик. Если вам кажется, что подобное может повториться — придурков, которые устраивают такие шутки, трудно назвать креативными, — вы можете откатить коляску к себе и поставить ее в свой гараж.

— Наверное, оставлю ее здесь.

— Логично. Хорошего дня.

Когда я закатывал коляску в гараж, приподнимая ее переднюю часть, чтобы преодолеть косяк, то вспомнил, что также не рассказал Зейну о новых шортах и футболках.

В гараже не было кондиционера, и я вспотел почти сразу, как вошел. Если не считать того, что машину Элли следовало помыть на ближайшей автомойке — боковые и лобовое стекла были

покрыты коркой соли, — "Шеви Круз" был в порядке. Я устался на пустые автокресла на заднем сиденье (конечно, они были пустыми) и с трудом отвел от них взгляд. Вдоль задней стены было сложено несколько картонных коробок. На каждой из них фломастером было аккуратно написано: "Джейкоба и Джозефа".

У моей матери была поговорка: "Хуже сплетников только те, кто сует нос не в свои дела", но отец подкалывал ее другой: "Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, но потом нос снова отрос".

Я открыл одну из коробок и увидел настольные пазлы с деталями в форме животных. Открыв другую, обнаружил детские книги с картинками: Доктора Сьюза¹²⁴, Ричарда Скарри¹²⁵, книжки из серии "Мишки Беренштейн". В других лежала одежда, включая шорты и парные футболки с различными милыми фразами для близнецов. Вот откуда взялись шорты и футболки в коляске. Я задался вопросом: знал ли приколест, что Элли раскладывала эти вещи в коляске, словно ребенок, одевающий невидимых кукол. Офицер Зейн ответил бы утвердительно, земля слухами полнится. Я не был так уверен.

Горе спит, но не умирает. По крайней мере, пока не умрет сам скорбящий. В этом я убедился вновь, открыв последнюю коробку. В ней было полно игрушек: машинки "Мачбокс", конструктор "Плэйстикс", фигурки из "Звездных Войн", сложенная игра "Конфетная страна", дюжина пластиковых динозавров.

У нашего сына тоже были машинки "Мачбокс" и игрушечные динозавры. Он их обожал.

У меня зацепало в глазах, а руки не слушались, когда я закрывал коробку. Я захотел выбраться из этого душного, тихого гаража. И с острова Раттлснейк-Ки тоже. Я приехал сюда, чтобы перестать оплакивать свою жену и все те годы, которые мы глупо потеряли, проведя в разлуке, а не для того, чтобы вновь открыть давно затянувшуюся рану от ужасной смерти моего мальчика. И уж точно не для того, чтобы переживать вспышки ясновидения в духе "Инсайд Вью". Наверное, я еще поживу тут денька два-три, и если ничего не изменится, то позвоню Грегу, поблагодарю его и скажу мистеру Ито присмотреть за местом. Затем вернусь в Массачусетс, где в августе тоже жарко, но терпимо.

Выходя из гаража, я увидел на полке слева от двери несколько инструментов — молоток, отвертку, пару гаечных ключей. Там стояла также старомодная маслёнка — с металлическим основанием, которое накачивают пальцами, и длинной насадкой, немного напоминавшей мне палку от змей Элли Белл. Я решил, что даже если не собираюсь катить коляску к дому Грега, то могу хотя бы смазать эту скрипучую колесницу. Если, конечно, в банке осталось хоть немного масла.

Я взял ее в руки и увидел, что на полке есть еще кое-что. Это была папка с надписью "ДЖЕЙК И ДЖО". И крупными буквами: "СОХРАНИТЬ!"

Я открыл ее и увидел две бумажные шапочки, сделанные из воскресных цветных комиксов. Я забыл о том, что собирался смазывать скрипучее колесо, и мне не хотелось прикасаться к этим

¹²⁴ Доктор Сьюз — американский детский писатель и мультипликатор

¹²⁵ Ричард Скарри — популярный американский детский писатель и иллюстратор

самодельным шапочкам, а то могут начаться новые видения. В этом душном гараже такая идея показалась слишком правдоподобной.

Я закрыл гаражную дверь и пошел домой. Добравшись до дома, я включил телефон и сказал поисковику: "Тампа Матиней". Мне не хотелось этого делать, но я нашел шапочки, поэтому пришлось. Сири привела меня на ностальгический сайт, созданный бывшим руководителем WTVT, филиала "Си-би-эс"¹²⁶ в Тампе с давних времен. Там был список местных программ с пятидесятых по девяностые годы. Кукольное шоу по утрам. Танцевальная дискотека для подростков по субботам. И вот — "Тампа Матиней", послеполуденный киносеанс, который шел с четырех до шести каждый будний день до 1988 года. Когда-то давно, всего через три года после смерти моего сына, Джо и Джейк сидели перед телевизором, скрестив ноги, и смотрели, как Кинг-Конг взбирается на вершину Эмпайр-стейт-билдинга.

В этом я ни капли не сомневался.

* * *

Наш повторный брак длился десять лет. Девять из них, до возвращения рака, были хорошими. А последний год... ну, первые полгода мы как-то справлялись. Затем боль стала нарастать, переходя от серьезной стадии к очень серьезной стадии, когда невозможно больше думать ни о чем другом. Донна храбрилась, у неё не было недостатка в мужестве. Однажды она столкнулась с бешеным сенбернар, не имея при себе ничего, кроме бейсбольной биты. Против рака, сжигающего ее изнутри, у нее не было никакого оружия, кроме собственной воли, и в течение долгого времени этого было достаточно. Под конец она была лишь тенью той женщины, с которой я провел ту ночь в Провиденсе, но для меня ее красота не померкла.

Она хотела умереть дома, и я выполнил ее желание. Днем к нам приходила одна сиделка, а часть ночи была другая, но в основном я ухаживал за ней сам. Я кормил ее, а когда она уже была не в состоянии дойти до ванной, переодевал ее. Я хотел наверстать все эти упущенные годы. За нашим домом росло дерево, которое раскололось — видимо, от удара молнии, — а затем снова сросло, образовав отверстие в форме сердца. Это были мы. Возможно, эта метафора покажется слишком сентиментальной, но так я чувствовал.

Некоторым людям везёт еще меньше. Мы постарались взять всё, что нам было дано.

* * *

Я лежал в постели и смотрел на медленно вращающиеся лопасти потолочного вентилятора. Я думал о коляске со скрипящим колесом, о шапочках из бумаги и игрушечных динозаврах. Но больше всего я думал о той ночи, когда умерла Донна, воспоминание, которого я старался избегать. Теперь же оно казалось каким-то необходимым. Надвигался северо-восточный циклон с сильным снегопадом и ветром в сорок миль в час. В три часа дня позвонила ночная сиделка из Льюистона и отменила визит. Дороги, по ее словам, были непроходимы. Свет несколько раз мигал, но, слава Богу, не погас. Я не знал, что бы делал, если бы он пропал. В конце декабря Донну перевели с таблеток оксиконтин¹²⁷ на морфиновую помпу. Она стояла у

¹²⁶ Си-би-эс — американская телерадиосеть, одна из самых больших широкоэмитерных телевизионных сетей США

¹²⁷ Оксиконтин — популярное в США рецептурное обезболивающее на опиоидах, которое в два раза сильнее морфина

её кровати, как часовой, и работала от электричества. Донна спала. В нашей спальне было холодно — печь не справлялась с этим воющим январским ветром, — но её впалые щеки были мокрыми от пота, а оставшиеся клочки её некогда густых волос прилипли к хрупкому изгибу черепа.

Я знал, что конец близок, и её онколог тоже это знал; он снял ограничитель с морфиновой помпы, и теперь её маленькая лампочка всегда светилась зелёным. Он строго предупредил меня, что слишком большая доза убьёт её, но не выглядел слишком обеспокоенным. Да и с чего бы беспокоиться? Рак уже сожрал большую часть её тела и теперь доедал остатки. Я сидел рядом с ней, как и большую часть времени последние три недели. Я смотрел, как её глаза двигаются туда-сюда под синюшными веками, пока она видит свои предсмертные сны. Внутри помпы был мешок, и если отключат электричество, я возьму отвертку из подвала и...

Её глаза открылись. Я спросил, как она себя чувствует и насколько сильна боль.

— Терпимо, — ответила она. Потом добавила. — Он хотел посмотреть на уток.

— Кто, дорогая?

— Тэд. Он сказал, что хочет посмотреть на уток. Кажется, это было последнее, что он мне сказал. Каких уток, как думаешь?

— Не знаю.

— Ты помнишь каких-нибудь уток? Может, когда мы водили его в зоопарк в Рамфорде?

Я не помнил, чтобы мы когда-либо водили его туда.

— Да, наверное, так и есть. Я думаю...

Она посмотрела мимо меня. Её лицо просветлело.

— Боже мой! Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!

Я повернул голову. Конечно, там никого не было, но я знал, кого она видит. Порывистый ветер завывал у карнизов и швырял снег в закрытое ставнями окно спальни с такой силой, что казалось, будто это гравий. Свет померк, затем восстановился, и где-то хлопнула дверь.

— Ты не ДЫШАЛ! — пронзительно закричала Донна.

Я покрылся мурашками с головы до пят. Кажется, мои волосы встали дыбом. Не уверен, но мне действительно так показалось. Не верилось, что у неё ещё остались силы кричать, но она всегда меня удивляла. До самого конца она меня удивляла. Ветер уже проник в дом, словно грабитель, стремящийся перевернуть всё вверх дном. Я чувствовал, как он проносится под закрытой дверью спальни. В гостиной что-то упало и разбилось.

— ДЫШИ, Тэд! ДЫШИ!

Что-то ещё упало. Возможно, стул.

Каким-то образом Донна сумела приподняться на локтях, опираясь на свои руки не толще карандашей. Она улыбнулась и снова легла.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду. Да.

Словно слушаешь одну сторону телефонного разговора.

— Да. Хорошо. Прекрасно. Слава Богу, что ты жив. Что? — Она кивнула. — Буду.

Она закрыла глаза, всё ещё улыбаясь. Я вышел из комнаты, чтобы закрыть входную дверь, у которой уже лежал почти дюймовый слой снега. Когда я вернулся, моя жена была мертва. Вы можете посмеяться над мыслью, что наш сын пришел проводить ее из жизни, вы вольны это делать. Просто однажды я услышал голос своего маленького мальчика, доносящийся из его шкафчика, в то время как он умирал в дюжине миль от меня.

Я никогда никому об этом не рассказывал, даже Донне.

* * *

Воспоминания кружили и кружили. Как стервятники. Как гремучие змеи. Они клевали, жалили, не отпускали меня. Около полуночи я принял еще две таблетки просроченного "Золпидема", лег и стал ждать, когда они подействуют. Я всё еще думал о том, как покидающая этот мир Донна увидела Тэда взрослым. То, как она ушла из жизни, должно было меня успокоить, но не успокаивало. Воспоминание о ее смертном одре неизменно связывалось с моим видением, в котором мальчишки падают в яму со змеями, и возвращением в реальность, когда я обнаруживал, что моя рука ходит туда-сюда между футболками ТРУЛЯЛЯ и ТРАЛЯЛЯ. Ощущая их остатки. Их останки.

Я подумал: "А что, если я увижу их так, как Донна увидела Тэда в самом конце жизни? Что, если я действительно увижу их? Элли видела, я знаю это".

Увидев Тэда, Донна почувствовала утешение, когда она пересекала границу между жизнью и смертью. Принесет ли мне утешение, если я увижу этих мальчиков? Я сильно сомневался. Их утешитель ушел. Я был чужим. Я был... кем? Кем я был для них?

Я не хотел этого знать. Не хотел, чтобы они меня преследовали, и мне не давала уснуть мысль, что это может произойти.

Я уже начал проваливаться в сон, когда услышал ритмичное поскрипывание. Оно раздалось внезапно, и я никак не мог убедить себя в том, что это был вентилятор в гостиной Грега; звук доносился из ванной комнаты, примыкающей к спальне.

Скрип, скрип и еще раз скрип.

Я был напуган так, как может быть напуган только человек, оставшийся один в доме на краю безлюдной дороги. Но если Донна смогла противостоять бешеному сенбернару, вооруженная лишь бейсбольной битой, то я уж точно смогу заглянуть в ванную комнату. Мне даже пришло в голову, когда я включил ночную лампу и поднялся с кровати, что этот звук мне причудился. Я же вроде читал где-то, что "Золпидем" может вызывать галлюцинации?

Я подошел к двери ванной комнаты и встал там, прижавшись к стене и кусая губы. Повернул ручку и толкнул дверь. Теперь скрип стал громче. Ванная была большой. Кто-то катал коляску туда-сюда, туда-сюда.

Я протянул руку через дверной косяк, до чертиков боясь — думаю, мы всегда этого ожидаем в таких ситуациях, — что чья-то рука накроет мою. Я нащупал выключатель, возился с ним мучительно долгое время, хотя, наверное, прошло всего две или три секунды, и щелкнул им. Верхний свет был люминесцентным, красивым и ярким. В большинстве случаев свет надежно рассеивает ночные страхи. Но не в этот раз. Я по-прежнему не мог видеть ванную с того места, где стоял, но на противоположной стене я увидел большую тень, ходившую туда-сюда. Она была слишком бесформенной, чтобы с уверенностью сказать, что это та самая проклятая коляска, но я знал, что это она. И кто ее катал? Мальчики?

Как еще она могла попасть сюда?

— Мальчики, — попытался сказать я, но из горла вырвался лишь сухой шепот. Я прочистил его и попытался снова.

— Мальчики, вы здесь не нужны. Вам здесь не рады.

Я осознал, что говорю искаженный вариант "Слов против монстров", которыми когда-то успокаивал своего маленького сына.

— Это моя ванная, не ваша. Это мой дом, а не ваш. Возвращайтесь туда, откуда пришли.

А куда именно им возвращаться? В два детских гробика под землей кладбища Палметто-Гроув? Неужели их гниющие тела — их гниющие останки — маниакально катают эту коляску туда-сюда? А куски их мертвой плоти падают при этом на пол?

Скрип, скрип, скрип.

Тень на стене.

Собрав всё свое мужество, я отошел от стены и вошел в ванную комнату. Скрип прекратился. Брошенная коляска стояла перед стеклянной душевой кабинкой. Теперь на сиденьях лежали две пары черных брюк, а на спинках — два черных пиджака. Это были погребальные костюмы, предназначенные для вечного ношения.

Пока я таращился на коляску, застыв от ужаса перед этой вещью, которая ни по каким земным законам не могла здесь оказаться, звук её скрипящего колеса сменился дребезжанием. Сначала он был негромким, как будто доносился издалека, но потом стал нарастать, превратившись в звук сухих костей, трясущихся в дюжине тыков. С душевой кабины я перевел взгляд на шикарную ванну Грегга, длинную и глубокую. Она была до краев заполнена гремучими змеями. Пока я смотрел, одна маленькая, умоляющая рука поднялась из извивающейся массы и протянулась ко мне.

Я убежал.

* * *

В чувство меня вернула детская коляска.

Она стояла посреди выложенного плиткой внутреннего дворика, как и утром... только теперь её тень отбрасывалась не утренним светом, а луной, освещённой на три четверти. Я не помнил, как сбежал вниз по лестнице сломя голову в одних спортивных шортах, в которых спал, и как

выскочил через дверь во дворик. Я знаю, что прошел именно этим путём, потому что нашёл дверь открытой, когда вернулся обратно.

Я оставил коляску во дворике.

Я вернулся наверх, страшась каждого шага и убеждая себя, что это был всего лишь сон (за исключением коляски на улице; её существование было неоспоримо), но зная, что это не так. Это была не галлюцинация. Это был визит с того света. Единственная причина, по которой я не провел остаток ночи в арендованной машине с запертыми дверями, было чёткое ощущение, что визит закончился. Дом был снова пуст, не считая меня. А вскоре, сказал я себе, он станет совершенно пуст. Я не собирался больше оставаться на Раттлснейк-Ки. В конце концов, у меня имелся замечательный дом в Ньюберипорте. Из призраков там были только воспоминания о моей недавно умершей жене.

Ванная комната была пуста, как я и предполагал. В ванне не было гремучих змей, а на полу из искусственного мрамора не было видно следов от колёс. Я подошёл к галерее и посмотрел вниз на внутренний дворик, надеясь, что коляска тоже исчезла. Здесь было меньше поводов для радости. Коляска так и стояла там в лунном свете, реальная, как снег зимой.

Но, по крайней мере, она была снаружи.

Я вернулся в постель и, как бы это удивительно ни прозвучало, уснул.

* * *

На следующее утро коляска по-прежнему стояла во дворике, но на этот раз на сиденьях лежали одинаковые белые шорты. Только подойдя ближе, я заметил, что они всё же не совсем одинаковые. На одной паре шорт шли красные полоски вдоль штанин, на другой — синие. На футболках были изображены одинаковые вороны, одна по имени ХЕКЛ, другая с именем ДЖЕКЛ¹²⁸. Я не собирался катить её обратно к дому Элли Белл. После долгой карьеры в рекламном бизнесе я съел собаку в бессмысленных занятиях. Вместо этого я поставил коляску в свой гараж.

Если вы спросите меня, не показалось ли при ярком свете утреннего солнца произошедшее ночью сном — за исключением неугомонной коляски, конечно, — то ответ будет прост: нет. Я слышал скрип и видел движущуюся тень, когда близнецы яростно катали коляску взад-вперед в ванной комнате, которая была размером почти с гостиную небольшой квартиры. Я видел ванну, полную змей.

Я подождал до девяти утра и позвонил в "Дельта Эйрлайнс"¹²⁹. Автоответчик сообщил мне, что все агенты по бронированию сейчас заняты, и предложил подождать. Я подождал, по крайней мере, до тех пор, пока не заиграла версия песни "Лестницы в рай" в исполнении струнного оркестра "Ста коматозников", после чего сдался и позвонил в "Американ Эйрлайнс"¹³⁰. То же

¹²⁸ Хекл и Джеккл — пара одинаковых антропоморфных желтоклювых сорок, которые своими причудливыми выходами доставляют проблемы другим и себе, персонажи мультфильмов, созданные Полом Терри

¹²⁹ Одна из крупнейших американских авиакомпаний

¹³⁰ Одна из крупнейших американских авиакомпаний

самое. ДжетБлю¹³¹ — аналогично. У "Саутвест Эйрлайнс"¹³² был рейс до Кливленда в четверг, но не было стыковочного рейса до Бостона, хотя агент сказал, что всё может измениться. Из-за этого коронавируса все сошли с ума.

Я забронировал билет до Кливленда, решив, что если не будет стыковочного рейса, я возьму напрокат машину, чтобы доехать до Бостона, а потом на такси добраться до Ньюберипорта. К тому времени было уже девять тридцать. Я прекрасно помнил о коляске, стоящей в моём гараже. Она жгла мне душу, как горячий камень в кармане.

Я зашёл на сайт "Херц"¹³³ на своём телефоне и снова был переведен в режим ожидания. То же самое было с "Эйвис"¹³⁴ и "Энтерпрайз"¹³⁵. Агент, ответивший на звонок в "Баджете", порылся в своём компьютере и сообщил, что у них нет доступных машин для одностороннего проката в Кливленде. Оставались "Амтрак"¹³⁶ и автобусные линии, но к тому времени я был расстроен, разочарован и устал прижимать телефон к уху. Я всё время думал о коляске, футболках и детских чёрных погребальных костюмах. Свет жаркого августовского солнца не поднимал настроения. Чем больше закрывались мои возможности уехать, тем сильнее я хотел выбраться из дома Грега и уехать подальше от дома Элли Белл. Место для душевного восстановления у безмятежного побережья превратилось в тюрьму.

Я взял чашку кофе, прошёлся с ней по кухне, пытаюсь обдумать свои дальнейшие действия, но в голову не приходило ничего, кроме коляски (скрип), одинаковых футболок (скрип) и чёрных похоронных костюмов (скрип). Гробики тоже были одинаковыми. Белые, с золотыми ручками. Я знал это.

Я выпил чёрный кофе, и в голову пришла ещё одна мысль: ночные визиты, возможно, и закончились, но преследования всё еще продолжались.

Четверг. Я сосредоточился на нём. В четверг у меня был рейс, по крайней мере, до Кливленда. Осталось три дня.

А до тех пор надо уехать с острова. Сделать хотя бы это. Смогу ли я?

Сначала я думал, что смогу. Как два пальца об асфальт. Я схватил телефон, нашёл номер "Баррис Ризорт-отель" в Палм-Виллидж и позвонил. Наверняка, у них найдётся номер, где я смогу остановиться на три ночи; разве по новостям не говорили, что этим летом мало кто путешествует? Они примут меня (скрип) с распростёртыми объятиями!

Мне ответили коротким и емким автосообщением: "Спасибо за звонок в "Баррис Ризорт-отель". Мы закрыты до дальнейших уведомлений".

Затем я позвонил в "Холидей Инн Экспресс" в Венеции¹³⁷, и мне сообщили, что они открыты, но новых гостей не принимают. "Мотель 6" в Сарасоте вообще не ответил. В качестве последнего

¹³¹ Американская бюджетная авиакомпания (лоукост)

¹³² Американская бюджетная авиакомпания

¹³³ Американская компания по прокату автомобилей

¹³⁴ Эйвис — международная компания, оказывающая услуги проката автомобилей

¹³⁵ "Энтерпрайз" — американское агентство по прокату автомобилей

¹³⁶ "Амтрак" — американская железнодорожная компания, занимающаяся пассажирскими перевозками

¹³⁷ Венеция — город в округе Сарасота, Флорида

варианта (скрип) я позвонил в "Дейз Инн"¹³⁸ в Брадентоне. Да, сказали мне, у них есть свободные номера. Да, я могу забронировать номер при условии, что пройду проверку температуры и буду носить маску. Я зарезервировал номер, хотя Брадентон находился в сорока милях и двух округах отсюда. Затем я вышел на улицу подышать свежим воздухом перед тем, как начать паковаться. Я мог бы пройти через гараж, но выбрал дверь во внутренний дворик. Я не хотел лишний раз смотреть на коляску, а тем более смазывать скрипящее колесо. Близнецам это могло бы не понравиться.

Я стоял у бассейна, когда ослепительно блестящий на летнем солнце пикап подъехал по дорожке и остановился во дворе, именно там, где я оба раза находил эту проклятую коляску. Вышедший из машины мужчина был одет в тропическую рубашку с попугаями, очень просторные шорты цвета хаки и соломенную шляпу, которую могут носить только коренные жители побережья Мексиканского залива во Флориде. У него было морщинистое, загорелое лицо и огромные усы, как у моржа. Он увидел меня и помахал рукой.

Я спустился по ступенькам, протягивая ему руку. Я был рад его видеть. Это разорвало повторяющийся цикл мыслей в моей голове. Я был практически уверен, что знаю, кто это: Супердедуля.

Вместо рукопожатия он предложил мне локоть. Я слегка стукнул его своим, думая, что теперь это новая реальность.

— Энди Пелли. А вы — мистер Трентон.

— Верно.

— У вас же нет ковида, мистер Трентон?

— Нет. А у вас?

— Чист, как стеклышко, насколько мне известно.

Я улыбался, как идиот, и почему? Потому что был счастлив его видеть. Счастлив не думать о чёрных костюмах, белых гробах и скрипящих колёсах.

— Вы знаете, на кого похожи?

— О Боже, ещё бы. Мне это постоянно говорят. — Затем с улыбкой под усами и блеском в глазах он изобразил Уилфорда Бримли¹³⁹. — Овсяные хлопья "Куокер"! Прекрасный выбор!

Я рассмеялся от восторга.

— Идеально! В точку! — Я болтал без умолку, но ничего не мог с собой поделаться. — У них была очень хорошая рекламная кампания, и я могу так говорить, потому что...

— Потому что вы раньше работали в рекламном бизнесе. — Он по-прежнему улыбался, но я понял, что ошибся насчёт блеска в его голубых глазах. Это был, скорее, оценивающий взгляд. Взгляд полицейского. — Это ведь вы занимались кашами Шарпа?

¹³⁸ "Дейз Инн" — сеть отелей со штаб-квартирой в США

¹³⁹ Уилфорд Бримли — американский актёр и певец, рекламировавший овсяные хлопья "Куокер"

— Давным-давно, — ответил я, подумав: "Он нарыл информацию про меня в Интернете. Провёл небольшое расследование. Зачем — не знаю. Неужели он думает, что я..."

— У меня к вам есть несколько вопросов, мистер Трентон. Может, зайдём внутрь? Здесь ужасно жарко. Похоже, холодный фронт ушёл, как синие замшевые туфли¹⁴⁰.

— Конечно. И зовите меня Виком.

— Вик, Вик, понял.

Я хотел провести его по ступенькам во внутренний дворик, но он уже направился к гаражу. Он остановился, когда увидел коляску.

— Хм. А Престон Зейн говорил мне, что вы вернули её в гараж миссис Белл.

— Вернул. Но кто-то опять прикатил ее сюда. — Я хотел протараторить ему, что не знаю, почему такое происходит, понятия не имею, почему коляска преследует меня, как дурной запах (если бы дурной запах мог скрипеть, конечно), но на его загорелое лицо вернулся оценивающий взгляд, и я заставил себя замолчать.

— Хм. Две ночи подряд. Надо же.

Его глаза говорили, насколько это неправдоподобно звучит, спрашивали, не вру ли я, есть ли у меня причина лгать, что-то скрывать. Я не лгал, но мне определенно было что скрывать. Потому что я не хотел, чтобы меня сочли сумасшедшим. Или считали человеком, имеющим отношение к смерти Элли Белл, как "лицо, представляющее интерес". Но это было нелепо. Не так ли?

— Почему бы нам не зайти внутрь охладиться, Вик?

— Хорошо. Я приготовил кофе, если вы...

— Не-а, в последнее время кофе гоняет меня в туалет. Но я бы не отказался от стакана холодной воды. Может быть, даже с кубиком льда. Вы точно не заболели? Вы немного бледны.

— Нет. — Не так, как он думал.

* * *

Пелли не стал рисковать. Он достал маску из своих объёмных шорт и надел её, как только мы зашли в дом. Я принес ему воду со льдом и налил себе ещё кофе. Я подумал о том, чтобы надеть свою маску, но решил этого не делать. Мне хотелось, чтобы он видел моё лицо целиком. Мы сели за кухонный стол. Каждый раз, когда он делал глоток воды, он опускал маску, а затем возвращал её на место. Усы делали её выпуклой.

— Как мне известно, это вы нашли тело миссис Белл. Должно быть, испытали шок.

— Да, испытал. — Чувство облегчения от того, что в моем особняке с привидениями появился человек и составил мне компанию, сменялось чувством настороженности. Возможно, этот

¹⁴⁰ Песня Карла Перкинса

парень являлся членом клуба "10-42", но Зейн был прав: он был острый и сметливый. Я почувствовал, что меня ждет допрос, а не визит вежливости.

— Буду рад рассказать вам, как я нашёл её и что там было, но раз уж вы здесь, мне кое-что интересно.

— И что же? — Он смотрел мне прямо в глаза. От уголков его глаз расходились мимические морщины улыбки, но сейчас они не особо проявлялись.

— Офицер Зейн сказал, что вы давно здесь живёте.

— С каменного века, — сказал он, отпивая воду, вытирая усы своей здоровенной рукой и возвращая маску на место.

— Я слышал о гремучих змеях, которые убили близнецов миссис Белл. Мне любопытно, как от них избавились. Вы знаете?

— О, ещё бы. — Впервые он, казалось, расслабился. — Конечно, знаю, ведь я участвовал в той охоте на змей. В ней участвовал каждый коп в округе, который не был на дежурстве, и еще куча парней и даже несколько женщин. Нас было, наверное, сотня. А может, и больше. Настоящая островная вечеринка, только никто не веселился. Был жаркий день, намного жарче сегодняшнего, но все мы были в сапогах, длинных штанах, рубашках с длинными рукавами, перчатках, масках, вроде той, что на мне сейчас. И вуалях.

— Вуалях?

— Некоторые из них были вуалями пчеловодов, другие были из той ткани — тюль, наверное, — которую женщины носят на своих праздничных шляпках. По крайней мере, носили в старые времена. Потому что, видите ли... — Он наклонился вперёд, глядя мне прямо в глаза, и как никогда был похож на Уилфорда Бримли. — Видите ли, змея иногда встает на дыбы. Если она достаточно напугана, конечно. И вместо того, чтобы впрыснуть яд, она его распыляет. Если он попадёт вам в глаза... — Он махнул рукой. — Практически прямиком в мозг. Спокойной ночи, всего доброго. — И затем, не делая паузы, добавил. — Я вижу, ваш полуночный гость принёс и палку от змей миссис Белл.

Он хотел застать меня врасплох, и у него это получилось.

— Что?

— Видел её в гараже, прислонённой к задней стенке. — Он не сводил с меня взгляда, ожидая, что я отведу глаза или что-то выдам. Я не отвел взгляд, но моргнул. Не смог удержаться.

— Вы, должно быть, ее не заметили.

— Я... да. Наверное... — Я не знал, как закончить фразу, поэтому просто пожал плечами.

— Я узнал ее сразу по маленькому серебряному колечку на ручке. Дама ходила с ней почти везде, по крайней мере, на острове. Многие люди на Раттлснейк-роуд и за разводным мостом в Виллидж тоже знали ее.

— И коляску, — сказал я.

— Да, она любила гулять с коляской. Иногда разговаривала с ней. Разговаривала с теми умершими мальчиками. Я сам видел это.

— Я тоже.

Он ждал. Я подумал, не рассказать ли, что прошлой ночью эта коляска стояла в моей ванной и мёртвые близнецы катали её.

— Вы спрашивали о змеях. — Он отпил воды и вытер усы ладонью. Маска вернулась на место.

— Великая змеиная кампания восемьдесят второго или восемьдесят третьего. Год точно не помню. Или, быть может, вы уже узнали это, Вик?

Я покачал головой.

— Ну, те из нас, у кого не было палок от змей, вооружились бейсбольными битами, ковровыми выбивалками и теннисными ракетками. Всем, чем можно хлестать кусты. А еще взяли рыболовные сети. На Заливе в этом недостатка нет. Все острова на западном побережье узкие, а этот — уже большинства. С одной стороны — залив, с другой — Калипсо-Бей. В самой широкой точке — всего шестьсот ярдов, и это у разводного моста. Этот край, куда перебрались гремучки, когда на юге началось строительство, примерно вдвое меньше. Отсюда видно и залив, и бухту, верно?

— С бокового двора — да.

— Этого дома тогда еще не было. Только пальметто, пляжная наупака — змеи ее обожали — и сосны. И множество кустов, названий которых я даже не знаю. Мы растянулись в линию от залива до Калипсо и пошли на север, продираясь сквозь кусты, волоча за собой сети и колотя по земле. У змей не очень хороший слух, но они чувствуют вибрации. Они знали, что мы идём. Было видно, как шевелится листва, особенно наупака. Для них, наверное, это было, как землетрясение. И когда мы подошли к концу острова, где заканчивается зелень, мы увидели их. Эти гады были повсюду. Казалось, что движется земля. Трудно было поверить. И это дребезжание. Я до сих пор слышу его.

— Как сухие кости в тыкве.

Он посмотрел на меня пристально.

— Точно. Откуда вы это знаете?

— Видел их в зоопарке Франклин-парка, — я произнес эту ложь с честным лицом. — Это в Бостоне. Ну, и по телевизору.

— Хорошо подмечено. Только это были десятки, может, сотни тыкв и целое кладбище костей.

Я вспомнил о большой ванне Грегга. И о ручонке, поднимающейся из извивающейся, корчащейся массы.

— Вы бывали на северном конце острова, Вик?

— Ходил туда буквально на днях.

Он кивнул.

— Я не ходил туда пешком со времен охоты на змей, но много раз видел это место на рыбалке. За последние сорок с лишним лет остров сильно изменился, его чудовищно застроили, но северная часть сейчас такая же, как и тогда. Пляж из ракушек, похожий на большой неправильный треугольник, я прав?

— Именно так, — ответил я.

Он кивнул. Маска спущена. Глоток воды. Маска поднята.

— Вот туда мы загнали змей, и им больше некуда было ползти, кроме как на Дейлайт-Пасс. Можно сказать, спиной к воде, хотя у змей с любой стороны спина, не так ли? Пол-акра пляжа было усеяно ими. Ракушек вообще не было видно, разве что на долю секунды, когда змеи двигались, покачивая хвостами. Они ползали друг по другу. Яда в этих змеях хватило бы, чтобы запросто убить половину населения Тампы.

— К нам прибыла куча пожарных со станции в Палм-Виллидж и еще больше с Нокомиса. Большие крепкие ребята. Другие не смогли бы таскать на своих спинах двадцатигаллоновые ранцевые огнетушители "Смоукчейзер". Их раньше называли индейскими насосами. Эти штуки больше предназначены для борьбы с лесными пожарами, которых у нас много, но в тот день в них была не вода. Они были наполнены керосином. Когда мы загнали змей в тупик — большинство змей, потому что люди еще месяцами после этого встречали выживших, — те ребята опрыскали их как следует. Потом мой старый друг Джерри Гант, начальник пожарной охраны Палм-Виллидж, которого уже давно нет в живых, зажёл пропановую горелку "Бернзоматик" и швырнул её в змей. Эти гремучки вспыхнули в пламени, и пошла такая вонь — о Боже, она была ужасной, и я потом не мог вывести ее со своей одежды. Никто из нас не мог. Мыть было бесполезно. Одежду пришлось сжечь, как змей.

Он на мгновение замолчал, не отрывая взгляда от своего стакана с водой. Он словно забыл причину, по которой сюда пришел, сейчас его здесь не было. Он видел тех горящих гремучих змей и чувствовал их смрад, пока они извивались и корчились в огне.

— Дьюма тогда ещё существовала, и часть змей уплыла туда. Может, некоторые даже доплыли, но большинство утонуло. Не знаю, заметили ли вы водоворот там, где вода из бухты встречается с водой из залива...

— Я видел его.

— Тот водоворот... тот вихрь... тогда был сильнее, потому что вода проникала туда с гораздо большей силой. Держу пари, там, где вода закручивается, глубина составляет шестнадцать футов, а может, и больше. К тому же в тот день был отлив, что увеличило поток из залива. Мы видели, как змеи вращались в том водовороте, некоторые при этом ещё горели... Вот такой, Вик, была Великая охота на змей восемьдесят-какого-то года.

— Впечатляющая история.

— А теперь расскажите свою. О том, как вы узнали про Алиту Белл и как вы её нашли.

— Я её совсем не знал и видел всего дважды. Живую, я имею в виду. Во второй раз она принесла мне овсяное печенье с изюмом. Мы съели несколько штук за этим самым столом. Запивали их молоком. Я поздоровался с близнецами.

— Правда?

— Может, это звучит странно, но мне не показалось это странным. Это была простая вежливость. Потому что во всём остальном она казалась мне совершенно здравомыслящей. На самом деле... — Я нахмурился, пытаюсь вспомнить. — Она сказала, что знала, что их там нет.

— Хм.

А не говорила ли она также "И всё же они здесь"? Вроде говорила, но я точно не помнил. Если она так сказала, то была права. Я в этом сам убедился.

— И кто-то прикатил эту коляску сюда. Не один раз, а дважды.

— Да.

— Но вы никого не видели.

— Не видел.

— Никого не слышали.

— Не слышал.

— И не заметили, чтобы включались датчики движения? Потому что я знаю, что Акерман их установил.

— Не заметил.

— И не вы принесли сюда палку от змей?

— Не я.

— Расскажите, как вы нашли миссис Белл.

Я рассказал, в том числе и о том, как бросал ракушку (возможно, не одну, я был расстроен и больше не был уверен), чтобы отвлечь стервятников от ее тела.

— Всё это я рассказал офицерам Зейну и Канавану.

— Я знаю. Это есть в их отчёте. Если, конечно, не считать того, что коляска появилась у вас во второй раз. Это называется новой информацией.

— Ничем не могу помочь вам. Я спал.

— Хм. — Он опустил маску. Допил воду. Маска снова вернулась на место. — Пит Ито сказал, что вы планируете оставаться здесь до сентября, мистер Трентон.

От меня не укрылось, что он разговаривал с мистером Ито. Не ускользнуло от меня и то, что он обратился ко мне по фамилии.

— Планы изменились. Видите ли, мёртвая женщина, которую клюют стервятники, может заставить пересмотреть свои планы. На сегодняшний вечер у меня забронирован номер в

"Дейз Инн" в Брадентоне, а в четверг я вылетаю из Тампы в Кливленд. Как я доберусь до своего дома в Массачусетсе — ума не приложу. В Америке сейчас творится полный дурдом.

Дурдом. Это слово прозвучало с большим нажимом, чем я хотел.

— Дурдом сейчас по всему миру, — сказал Пелли. — Зачем вы вообще приехали сюда летом? Так мало кто делает, если только у них нет бесплатных купонов от "Дисней Уорлд".

Если он общался с Питом Ито, то знает, почему я сюда приехал. Да, без сомнений, это был допрос.

— Недавно умерла моя жена. Я пытался здесь оправиться от этого.

— И вы... что? Чувствуете, что уже оправились?

Я пристально посмотрел на него. Он больше не был похож на Уилфорда Бримли. Он начал меня сильно напрягать.

— В чём дело, помощник шерифа Пелли? Или мне следует называть вас мистер Пелли? Как я понял, вы на пенсии.

— Полупенсии. Сейчас не детектив, но помощник шерифа на полставки со всеми полномочиями. И вам придется отменить ваши планы улететь отсюда. — Сделал ли он лёгкое ударение на слове "улететь"? — Уверен, что деньги за отменённый рейс вернут на вашу карту. И за номер в мотеле тоже. Думаю, вы могли бы поехать в "Барри" в Виллидж, но...

— "Барри" закрыт. Я пробовал. Что...

— Но знаете что, мне было бы спокойнее, если бы вы остались здесь до вскрытия тела миссис Белл. То есть, мистер Трентон, управлению шерифа округа было бы спокойнее.

— Не думаю, что вы сможете меня удержать.

— На вашем месте я бы не стал это проверять. Просто дружеский совет.

И тут я услышал это, слабо, но отчетливо: скрип-скрип-скрип.

Я сказал себе, что не слышал этого. Сказал себе, что этого не может быть. Сказал себе, что я не герой рассказа "Коляска-обличитель"¹⁴¹.

— Еще раз, мистер Пелли... помощник Пелли... в чём дело? Вы ведёте себя так, будто женщина была убита, а я подозреваемый.

Пелли был невозмутим.

— Вскрытие, скорее всего, покажет, как она умерла. Скорее всего, это снимет с вас подозрения.

— Я и понятия не имел, что нахожусь под подозрением.

— Имеются, можно сказать, некоторые осложняющие факторы. Я нашёл это на кухонном столе, когда был у неё сегодня в шесть часов утра.

¹⁴¹ Отсылка к рассказу Эдгара Аллана По "Сердце-обличитель"

Он покопался в своём телефоне, затем передал его мне. Он сделал фотографию белого делового конверта. На нём аккуратным почерком было написано "Вскрыть в случае моей смерти" и "Алита Мари Белл".

— Конверт не был запечатан, поэтому я открыл его. Перейдите к следующей фотографии.

Я перешёл. Записка, которая лежала в конверте, была написана тем же аккуратным почерком. И дата наверху...

— Это на следующий день после того, как мы ели печенье с молоком!

Скрипы доносились снизу, из гаража. И как полицейские в рассказе По, Пелли, похоже, не слышал их. Но он был пожилым человеком, и, возможно, с нарушенным слухом.

— Неужели?

— Да, мы мило побеседовали. — Я не стал рассказывать ему о том, как Элли отправила Джейка и Джо поиграть в кабинет Грегга, а позже я нашёл перевёрнутую плетеную корзину с игрушками для кошек. Это было последнее, что я рассказал бы этому глазастому (но, возможно, тугоухому) человеку. И уж тем более я не стал рассказывать ему, что общался с близнецами сам. "Привет, Джейк. Привет, Джо, что нового?"

Это было безобидное подыгрывание грустным фантазиям старой леди. Так я думал, но кто знает, может, я открыл дверь призракам?

— Читайте дальше.

Я прочитал. Текст был коротким и неформальным.

"Это моя последняя воля и завещание, отменяющее все предыдущие завещания. Что глупо, потому что в моём случае других не было. Я в здравом уме, хотя тело уже не то. Я оставляю этот дом, мой банковский счёт в "Фэст Сан Траст", мой инвестиционный счёт в ООО "Билдинг Зе Фьюче" и всё остальное материальное имущество ВИКТОРУ ТРЕНТОНУ, проживающему в настоящее время по адресу: Раттлснейк-роуд, 1567. Мой адвокат, с которым я не консультировалась, когда писала данное завещание, — Натан Резерфорд в Палм-Виллидж.

Подпись,

Алита Мари Белл"

Ниже другим почерком была поставлена ещё одна подпись: Роберто М. Гарсия, свидетель.

Я забыл про скрип из гаража (а может, он прекратился). Я во второй раз перечитал ее предсмертное письмо (а как еще его назвать). В третий раз. Затем толкнул телефон Пелли обратно через стол, чуть сильнее, чем следовало бы. Он поймал его, как хоккейную шайбу, загорелой и морщинистой рукой.

— Это дурдом.

— Вам так кажется?

— Я видел ее всего дважды. Трижды, если считать тот раз, когда нашел ее мертвой.

— Не знаете, почему она оставила вам всё?

— Нет. И, знаете, эта... эта записка... в суде она будет ничтожна. Ее родственники взбунтуются, но им не придется этого делать, потому что я не стану оспаривать.

— Роберто Гарсия владеет компанией "Плант Уорлд". Они ухаживали за ее участком.

— Да, я видел их грузовики у нее во дворе.

— Бобби Джи тоже живет здесь с каменного века. Если он говорит, что видел, как она это писала — а я с ним разговаривал, и он сказал: да, видел, хотя она закрыла текст рукой, когда он подписывал, поэтому он не знал, что было написано, — то я ему верю.

— Это ничего не меняет. — Мой голос звучал нормально, но всё лицо онемело, словно мне сделали укол новокаина. Сверхстранное ощущение. — Этот адвокат свяжется с ее родственниками, и...

— Я также поговорил с Нейтом Резерфордом. Знаю его...

— С каменного века, уверен. Вы очень деятельны, помощник Пелли.

— Я многое успеваю, — произнес он не без удовлетворения. — Он был адвокатом миссис Белл... — Казалось, он хотел вновь использовать "с каменного века", но решил, что хватит. — ...на протяжении десятилетий. Он практически взял на себя все её дела после смерти мужа и сыновей. Она была, как говорится, убита горем. И знаете что? Он говорит, что у нее нет родственников.

— У всех есть родственники. Донна, моя покойная жена, утверждала, что ее род восходит к Марии Стюарт, также известной как Мария, королева...

— Королева Шотландии. Я учился в школе, мистер Трентон, в те времена, когда телефоны были дисковыми, а машины ездили без ремней безопасности. Я спросил Нейта, во сколько может оцениваться состояние этой леди, и он отказался говорить. Но учитывая имущество (от бухты до залива), я бы сказал, что это довольно лакомый кусок.

Я поднялся, ополоснул кофейную чашку и наполнил её водой. Дал себе время подумать. Прислушался к коляске, но всё было тихо.

Я вернулся к столу и сел.

— Вы всерьёз полагаете, что я каким-то образом заставил леди написать это потешное завещание... а затем... что? Убил её?

Его глаза сверлили меня.

— Заметьте, вы это озвучили, мистер Трентон, не я. Но раз уж вы это сказали... вы сделали это?

— Боже милостивый, нет! Я разговаривал с ней дважды! Я поддержал её маленькую фантазию! А потом нашёл её мёртвой! Скорее всего, от сердечного приступа — она говорила, что у неё была аритмия.

— Нет, я не верю, что вы ее убили, именно поэтому не прошу вас дать официальные показания. Но вы же понимаете, в какое положение это ставит меня, департамент? Прямо перед смертью леди пишет от руки завещание, заверяет его, а человек, совершенно ей незнакомый, который находит её тело, оказывается главным бенефициаром.

— Она, должно быть, сошла с ума не только по поводу своих детей, — пробормотал я, и в моей голове всплыла песня, которую упомянул офицер Зейн, "Дельта Дон".

— Возможно, да, возможно, нет. В любом случае вскрытие, вероятно, уже проводится. Оно что-то прояснит. А потом вам, конечно, придётся дать показания. Официальные.

У меня сжалось сердце.

— Когда?

— Наверное, не раньше, чем через пару недель. Это будет по видеосвязи. "Фейстайм", "Зум" — я в этом не разбираюсь. Я едва научился пользоваться этим телефоном.

Я не поверил ему ни на грош.

— В любом случае, будет хорошо, если вы останетесь, Вик. — Теперь моё имя звучало как ловушка. — На самом деле, я вынужден настаивать. В нынешних условиях, когда в стране бушует ковид, вам, вероятно, безопаснее будет оставаться здесь, в изоляции. Вы так не считаете?

Возможно, именно тогда я начал понимать, что сделала Алита Белл, хотя это не сложится в единый пазл до вечера.

А может, это была не она. Я вспомнил Донну в ту последнюю ночь. Как она смотрела мимо меня и как в последний раз засветились её умирающие глаза. "Боже мой", — сказала она. — "Ты так вырос!"

Дети не могут строить планы. А вот взрослые...

— Вик?

— А?

Морщинки в уголках его глаз увеличились.

— Витаете в облаках?

— Нет, я здесь. Просто... перевариваю.

— Да, переварить нужно много чего. И мне тоже. Как в одном из тех детективных романов. Думаю, вам лучше придерживаться своего первоначального плана. Оставайтесь тут до сентября. Гуляйте по утрам или в прохладе вечера. Поплавайте в бассейне. Нам нужно разобраться в этом, если получится.

— Я подумаю.

Морщинки исчезли.

— Подумайте хорошенько, а пока думаете, оставайтесь в округе. — Он поднялся и подтянул пояс на своих шортах. — Думаю, я отнял у вас достаточно времени.

— Я провожу вас.

— Нет необходимости, я сам найду выход.

— Я провожу вас, — повторил я, и он поднял руки, как бы говоря: пусть будет по-вашему.

Мы начали спускаться по лестнице в гараж. На полпути он остановился и спросил с нужной долей любопытства и сочувствия:

— От чего умерла ваша жена, Вик?

Это был вполне обычный вопрос, и не было причин полагать, что он хочет выискать что-то подозрительное, но я догадывался, что было у него на уме. И не только в подсознании.

— От рака, — ответил я.

Он спустился по лестнице.

— Примите мои соболезнования.

— Спасибо. Вы отвезете коляску в дом Беллов? Её можно положить в кузов вашего пикапа. — Я хотел избавиться от неё.

— Ну, да, — согласился он, — можно. Но какой в этом смысл? Она может вернуться снова, если этот... шутник... решит продолжить над вами шутить. Патрульная машина объезжает Раттлснейк-роуд раз или два за ночь, но всё равно остается много "мертвого времени". К тому же несколько офицеров заболели коронавирусом. Может, проще оставить её здесь.

"Он не верит в шутника", — подумал я. — "Он думает, что это был я. Оба раза. Он не может понять, зачем я это делаю, но именно так он считает".

— А как насчёт отпечатков пальцев?

Он почесал свой затылок, покрытый швами и сильно загорелый.

— Да, можно попробовать, у меня в пикапе есть набор для снятия отпечатков, но мне придётся сделать копии всех отпечатков, которые я уже снял, а я могу всё испортить. Руки уже не так тверды, как раньше.

Я этого не заметил.

Он оживился.

— А знаете что? Я могу снять отпечатки хотя бы с этих хромированных прутьев и сделать фотографии на свой телефон, если что-то найду. Нет смысла пробовать рукоятки, они резиновые, а те маленькие ручки сбоку от сидений — тканевые. Но эти металлические перекладки идеально подходят для отпечатков. Зейн или Канаван прикасались к ним?

— Не уверен, но думаю, что прикасался только я. И Элли Белл, конечно.

Он кивнул. В этот момент мы все ещё стояли у подножия лестницы. В гараж мы еще не входили.

— Так что я могу найти два набора отпечатков — ваши и миссис Белл. Хотя это маловероятно. Большинство людей использует резиновые рукоятки.

— Мне кажется, я наклонился и приподнял коляску, чтобы преодолеть порог её гаража. Если это так, то я мог обхватить руками эти прутья чуть ниже ручек. Возможно, вы не найдете отпечатков пальцев, но отпечатки ладоней будут.

Он кивнул, и мы вошли в гараж Грега. Он направился на улицу, чтобы взять свой набор для снятия отпечатков, но я схватил его за локоть.

— Смотрите, — сказал я и указал на коляску.

— Что с ней?

— Её передвинули. Когда я прикатил её со двора, то поставил её с водительской стороны машины. А теперь она — с пассажирской стороны.

Значит, скрип был неслучаен.

— Точно не помню.

Его нахмуренный лоб — вертикальная морщина между бровями была такой глубокой, что я не мог разглядеть её дна — говорил мне, что он прекрасно помнил, но не хотел в это верить.

— Энди. — Я намеренно использовал его имя, старый рекламный трюк, который применял, когда споры становились жаркими. — Вы так давно работаете полицейским, что наблюдение вошло в привычку. Эта коляска была в тени. Теперь она стоит с другой стороны машины и на солнце.

Он задумался и покачал головой.

— Не могу сказать точно.

Я хотел заставить его признать это, хотел сказать ему, что слышал скрип колеса, когда коляску передвигали, даже если он этого не слышал, хотел потрясти его за руку, которую держал. Но вместо этого отпустил его. Это было очень сложно сделать. Но я не хотел, чтобы он счел меня сумасшедшим... и если он думал, что это я перемещаю коляску по ночам между домом Беллов и домом Грега, он уже наполовину пришёл к такому выводу. А ещё было это странное, написанное от руки завещание Элли Белл. Действительно ли он верил, что мы с Элли были едва знакомы и встречались всего дважды? Поверил бы в это я сам?

Мне подумалось, что вопросы только начинаются.

— Я принесу свой набор, — сказал Пелли. — Хотя не надеюсь на успех.

* * *

Через десять или пятнадцать минут он уехал на своем пикапе, еще раз напомнив мне, чтобы я не покидал пределов округа, и сказав, что это будет очень плохой идеей. Он сообщил, что со мной свяжется либо он сам, либо один из штатных детективов округа после вскрытия.

Это был длинный день. Я пытался задремать, но не смог. Несколько раз мне чудилось, что я слышу скрип колеса, и я спускался в гараж. Коляска не сдвигалась с места. Меня это не удивило. Я слышал этот звук, когда Пелли сидел за моим кухонным столом; он был реальным. Позже это стало чем-то другим. Воображение, скажете вы, но это было не так. Не совсем. Я подумал, что так меня дразнят. Можете верить в это или нет, но я был в этом уверен.

Нет, я знал.

Один раз, когда я услышал этот скрип (не настоящий, но реальный в моей голове) и спустился в гараж, мне показалось, что я увидел тени змей на стене. Я крепко зажмурил глаза, а затем открыл их. Тени исчезли. Их не было там, но они были. Теперь там была только коляска, стоящая в лучах солнца на цементном полу гаража и отбрасывающая свою нормальную тень.

Около полудня, поедая бутерброд с куриным салатом, я подумал о том, чтобы всё-таки смазать это скрипучее колесо — на рабочем столе в другом гаражном отсеке стояла банка с маслом "Три-в-одном", — и решил не делать этого. Мне не нравилась идея прикасаться к коляске, но я бы выдержал; у меня не было истерии или фобии по этому поводу. Просто я вспомнил старую басню Эзопа о мышах, которые нацепили колокольчик на кота. Зачем они это сделали? Потому что хотели слышать его приближение.

Я чувствовал то же самое по отношению к коляске. Особенно после того, как Пелли снял отпечатки пальцев с хромированных стержней и ничего не обнаружил — даже случайных пятен и пылинок. "Думаю, что ее протерли. Ваш шутник".

Смотря прямо мне в глаза, когда говорил это.

* * *

Вечером я обошел весь Раттлснейк-Ки и дошел до разводного моста. Для старика это была долгая прогулка, но мне было о чём подумать. Для начала я снова задал себе вопрос, не сошёл ли я с ума. Ответ был категоричным — "нет". Змеи в ванне и тянущаяся рука могли быть галлюцинацией, вызванной стрессом (я в это не верил, но допускал такую возможность). С другой стороны, в ванной комнате была коляска. Я видел лишь её тень, но звук её скрипящего колеса узнавался безошибочно. А когда она стояла в гараже, она перемещалась. Я это слышал. Не думаю, что это слышал Пелли, но он знал, что она находилась в другом месте, хотя и не хотел признаваться в этом мне (и, вероятно, самому себе).

Подъёмный мост работал круглосуточно. В тот вечер его обслуживал Джим Моррисон ("Не из Дорз"¹⁴², — любил он всегда повторять), который, наверное, был старше нас с Пелли. Мы немного поболтали — о погоде, предстоящих выборах, о том, как из-за ковида опустели бейсбольные стадионы, на трибуны которых теперь устанавливают картонные фигуры вымышленных людей. Потом я спросил его о миссис Белл.

¹⁴² "Дорз" — американская рок-группа, лидером которой был вокалист Джим Моррисон

— Это ведь вы её нашли? — спросил Джим. Мы стояли возле его маленькой будки, в которой были телевизор, потёртое кресло и туалетная кабинка. На нем был жёлтый светоотражающий жилет и красная кепка с надписью "РАТТЛСНЕЙК-КИ" на козырьке. Из угла его морщинистого рта торчала зубочистка.

— Да.

— Бедная женщина. Бедная старая душа. Она так и не смогла смириться с потерей своих мальчуганов. Катала ту коляску повсюду.

Это было прекрасным поводом задать вопрос, который меня волновал.

— Думаете, она и вправду верила, что мальчики были в ней?

Он почесал заросший щетиной подбородок, обдумывая ответ.

— Трудно сказать, но думаю, что верила, по крайней мере, иногда. Может, даже почти всегда. Наверное, она заставила себя поверить в это. А это, на мой взгляд, игра с огнём.

— Почему вы так считаете?

— Потому что лучше смириться с утратой и жить дальше с затянувшимся шрамом на душе.

Я ждал, что он скажет ещё что-то, но он молчал.

— Вы участвовали в большой охоте на змей после смерти близнецов? Энди Пелли рассказал мне эту историю.

— О да, я был там. И по сей день чувствую запах горящих гремучек. И знаете что? Иногда мне кажется, что я их вижу, особенно в это время суток. — Он перегнулся через перила и выплюнул зубочистку в Мексиканский залив. — Сумерки, сумерки. В сумерках реальные вещи кажутся тоньше, кажутся менее осязаемыми, по крайней мере, для меня. Жена мне говорила, что с такими мыслями мне следовало стать поэтом. Когда появляются звёзды, всё приходит в норму. Сегодня вечером я увижу много. Я работаю до двенадцати, потом заступит Патриция.

— Не думаю, что будет много лодок в это время года, особенно ночью.

— О, вы сильно удивитесь. Посмотрите туда. — Он указал на луну, которая только-только взошла и серебрилась на воде. — Людям нравятся водные прогулки при луне. Сплошная романтика. Когда луна темна, это уже другое дело, по крайней мере, летом. Тогда в основном здесь катера береговой охраны. Или ДЕА¹⁴³. Эти ребята всегда спешат. Думают, что от их гудков этот старый мост будет открываться быстрее.

Мы поговорили ещё немного, а потом я сказал, что мне пора возвращаться.

— Да, — произнес Джим. — Долгая прогулка для человека в годах. Но луна будет освещать вам путь.

Я пожелал ему доброго вечера и направился обратно через мост.

¹⁴³ Управление по борьбе с наркотиками

— Вик?

Я обернулся. Он стоял, прислонившись к своей маленькой будке и скрестив руки на жилете.

— Через две недели после смерти жены я спустился посреди ночи за стаканом воды и увидел её, сидевшую за кухонным столом в своей любимой ночной рубашке. Кухонный свет не горел, и в комнате царил полумрак, но это была она, сто процентов. Я готов поклясться в этом перед Всемогущим Богом. Затем я включил свет, и... — Он поднял руку со слегка сжатыми пальцами и разжал их. — Исчезла.

— Я слышал голос своего сына после его смерти. — Мне показалось совершенно уместным поделиться этим после того, что рассказал Джим. — Раздавался из шкафа. И я тоже готов поклясться в этом.

Он лишь кивнул, пожелал мне спокойной ночи и вернулся в свою будку.

* * *

В начале моего пути домой было видно много домов, сначала обычных размеров, но по мере продвижения становившихся всё больше и шикарнее. В некоторых горели огни, на подъездных дорожках из ракушек стояли машины, но в большинстве домов было темно. Их владельцы возвращались после Рождества и уезжали перед Пасхой. Конечно, в зависимости от ситуации с пандемией.

Когда я миновал распашные ворота на северном конце Раттлснейк-Ки, немногочисленные особняки в этой части острова скрылись за рододендронами и пальметто, которые сомкнулись по обеим сторонам дороги. Единственными звуками были стрекотание сверчков, шум волн, разбивавшихся о пляж, пение козодоя и звук моих собственных шагов. К тому времени, как я достиг жёлтой полицейской ленты, закрывавшей подъездную дорожку миссис Белл, уже почти совсем стемнело. Луна поднялась достаточно высоко, чтобы освещать мой путь, но её по-прежнему заслоняла листва, растущая в изобилии в тепличном климате Флориды.

Как только я прошел мимо подъездной дорожки Элли, послышался скрип. Он раздавался в тридцати или сорока футах позади меня. Моя кожа покрылась мурашками. Язык прилип к нёбу. Я остановился, не в силах идти, не говоря уже о том, чтобы бежать (со своими скрипучими бедрами я бы далеко не убежал). Я понял, что происходит. Они ждали меня у своей дорожки. Ждали, пока я пройду, чтобы затем последовать за мной к дому Грега. Что я запомнил больше всего в этот момент — это ощущение в собственных глазах. Казалось, они набухают в глазницах. Я подумал, что они сейчас лопнут, и я ослепну.

Скрип прекратился.

Теперь я слышал другой звук: биение собственного сердца. Как приглушенный барабан. Козодой умолк. Сверчки тоже замолчали. Капля холодного пота медленно стекала с виска по щеке. Я сделал шаг. Он дался с трудом. Затем ещё один. Немного легче. Третий, ещё легче. Я снова начал идти, но как будто на ходулях. Я продвинулся примерно на пятьдесят футов ближе к дому Грега, когда снова раздался скрип. Я остановился, и скрип прекратился. Я снова двинулся вперёд на своих невидимых ходулях, и скрип повторился. Это была коляска. Близнецы толкали ее. Они двигались, когда я двигался, и останавливались, когда

останавливался я. При этом они ухмылялись, я был уверен в этом. Потому что это была убойная шутка над их новым... новым кем? Кем, в сущности, я для них был?

Я боялся, что знаю ответ на этот вопрос. Элли Белл оставила мне свой дом, деньги и инвестиции. Но это было не всё, что она мне оставила. Не так ли?

— Мальчики, — произнес я и не узнал своего голоса. Я смотрел вперёд, не оглядываясь, и мой голос мне не принадлежал. — Мальчики, идите домой. Уже поздно, вам пора спать.

Тишина. Я ждал, когда меня коснутся холодные руки. Или когда увижу десяток змей, извивающихся на освещённой луной дороге. Змеи тоже будут холодными. Пока не укусят. Как только яд будет впрыснут, начнётся жар. Распространяясь к сердцу.

Змей не было. Змеи исчезли. Их можно было увидеть, но они не были бы настоящими.

Я пошел. Коляска последовала за мной. Скрип, скрип и скрип.

Я остановился. Коляска остановилась. Я был уже недалеко от дома Грега, мог видеть большую его часть на фоне неба, но не мог выдохнуть с облегчением. Они могли войти в дом. Они уже входили.

"Посмотри на нас. Посмотри на нас. Посмотри на нас".

"Покатай нас. Покатай нас. Покатай нас".

"Наряди нас. Наряди нас. Наряди нас".

Мысли сводили с ума, как навязчивая мелодия, которая застревает в голове и не уходит. Например, "Дельта Дон". Но я мог остановить их. Я знал, что заставит их исчезнуть хотя бы на время.

Они тоже знали.

"Посмотри на нас. Покатай нас. Наряди нас".

Я не решался обернуться, но кое-что мог сделать. Если хватит духа. Мой телефон лежал в кармане шорт. Я достал его, открыл приложение камеры, переключился на фронтальную камеру и увидел собственное перепуганное лицо, бледное, как у трупа в лунном свете. Я поднял телефон над плечом, чтобы посмотреть, что творится за моей спиной. Я попытался держать руку неподвижно, до этого момента не осознавая, как сильно она дрожит.

Джейкоба и Джозефа не было, и коляски тоже... но их тени были там. Два человеческих силуэта и угловатая фигура двухместной коляски, в которой их возила мать. Не могу сказать, что эти бесплотные тени были хуже, чем если бы я их увидел в действительности, но они были достаточно страшны. Большим пальцем я нажал кнопку, чтобы сделать снимок, уверенный, что ничего не получится, но услышал щелчок.

"Посмотри на нас. Покатай нас. Повози нас".

Я закрыл приложение и включил диктофон.

"Посмотри на нас, покатай нас, повози нас".

Я подумал, что эти тени были слишком длинными, чтобы принадлежать четырёхлетним детям, но снова вспомнил Донну в конце её жизни: "Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!"

"ПОСМОТРИ НА НАС ПОКАТАЙ НАС ПОВОЗИ НАС!"

Я снова пошёл. Скрип следовал за мной, сначала близко, затем потихоньку отставая. К тому времени, как я добрался до дома Грега, он совсем исчез, но навязчивые мысли — не голоса, а мысли — звучали в моей голове громче, чем когда-либо. Это были мои мысли, но они были привнесены извне.

Коляска вернулась во двор. Конечно, вернулась и отбрасывала ту же угловатую тень, которую я видел на телефоне. Футболки аккуратно висели на спинках сидений: на одной было написано ХЕКЛ, на другой — ДЖЕКЛ. Я знал, как успокоить бурю в своей голове. Я коснулся спинки сидений. Коснулся футболок. Навязчивые, повторяющиеся мысли утихли. Я закатил коляску обратно в гараж, затем отошёл и стал ждать. Мысли не возвращались. Но, конечно, они вернутся. В следующий раз они будут громче и настойчивее. В следующий раз они захотят большего, чем просто мое прикосновение.

В следующий раз они захотят проехаться в коляске.

* * *

Я запер все двери — как будто от этого был толк — и включил свет во всем доме. Затем сел за кухонный стол и посмотрел на телефон. Там был пропущенный звонок от Натана Резерфорда, но у меня имелись дела поважнее, чем адвокат Элли Белл. Я посмотрел на фотографию, которую сделал. Изображение было немного размытым, потому что моя рука не переставала дрожать, но тени мальчиков и коляски были видны. Ничто не отбрасывало их. Дорога была пуста. Затем я открыл приложение "Диктофон" и нажал кнопку "Воспроизведение". В течение двадцати секунд я слышал ритмичное поскрипывание колеса коляски. Затем оно стихло.

Я подумал о том, чтобы связаться с Энди Пелли, потому что был уверен, что он зафиксировал в своей голове изменившееся положение коляски после нашего разговора. Он дал мне свою визитку. Я мог бы отправить ему по электронной почте фотографию и голосовую запись, но он всё отвергнет. Скажет, что это тени от пальметто. Может, ему виднее, но именно так он и скажет. А скрипящее колесо? Я сам это сделал, катая коляску вперед и назад в гараже, пока записывал. Возможно, он так не скажет, но подумает. Он был полицейским, а не охотником за привидениями.

Но, может быть, это и к лучшему. У меня было эмпирическое доказательство. Я уже знал, что всё это происходит на самом деле, но мысль, что мне это привиделось, всё равно оставалась на заднем плане.

Я сидел за кухонным столом, прижав ладони ко лбу, и размышлял. "Сердечко немного шалит", — сказала Элли, когда я спросил, всё ли с ней в порядке. Но что, если проблема с сердцем была гораздо серьезнее, чем она говорила? И она знала это. Что, если это была не просто аритмия, а застойная сердечная недостаточность? Даже рак, один из тех, которые, как глиобластома, являются смертельным приговором.

Предположим, она смирилась со своей собственной смертью, но не со смертью своих мальчиков. Ведь они уже умерли однажды, но вернулись. Или она их вернула. А потом...

— Предположим, она встретила меня, — сказал я.

Да, предположим.

Я позвонил Натану Резерфорду, представился и сразу перешел к делу: меня не интересует наследство Элли Белл.

Его смехок был скорее циничным, чем удивленным.

— Тем не менее, мистер Трентон, оно, похоже, принадлежит вам.

— Дурдом. Найдите её родственников.

— Она утверждала, что у неё их нет. Что после смерти мужа и маленьких Джеев — так она их называла — она осталась последней веточкой на семейном древе. Это единственная причина, по которой это жалкое подобие завещания может не развалиться. Её имущество стоит немалых денег. Семизначная сумма, возможно, даже восьмизначная. Должно быть, вы взяли в плен ее сердце, сэр.

"Нет", — подумал я, — "это меня взяли в плен. Но я намерен это изменить".

— Это ставит меня в паршивое положение, мистер Резерфорд. Я нашел её, и пока не проведут вскрытие, я прохожу как человек с мотивом для её убийства. Вы ведь это понимаете?

— Были ли у вас основания полагать, что вы в очереди на наследство? Может, вы видели этот клочок завещания до смерти миссис Белл?

— Нет, но помощник шерифа Пелли сказал, что конверт, в котором оно находилось, был не запечатан. Окружной прокурор, который захочет завести дело, может сказать, что у меня был доступ к нему.

— Время всё расставит по своим местам, — сказал Резерфорд. Слова ради слов. У него был успокаивающий голос, которым он, вероятно, с успехом пользовался при работе с обеспокоенными клиентами. По крайней мере, с теми, у кого были деньги, а у меня, похоже, теперь их было гораздо больше, чем на моем пенсионном счете. — Если завещание не будет оспорено и пройдет через суд, вы сможете распорядиться полученными средствами по своему усмотрению. Продайте дом. Пожертвуйте деньги достойным благотворительным организациям, если решите так поступить.

Он не стал добавлять, что благотворительность начинается дома¹⁴⁴, но его тон это подразумевал. С меня было достаточно. Он хотел обсудить извилистый юридический путь, который нам предстоял, но мне хватало собственных извивающихся змей. На улице было темно, и мне становилось страшно. Я поблагодарил его и закончил разговор.

А может, она составила завещание, а потом покончила с собой, приняв смертельную дозу дигоксина или соталола?

¹⁴⁴ Аналог нашей пословицы "Своя рубашка ближе к телу"

"Нет", — подумал я. — "Маленьким Джеям это бы не понравилось. Я мог бы загреметь в окружную тюрьму, где "посмотри на нас, покатай нас, наряди нас" будут бессмысленны. Вердикт по итогам следствия будет "несчастный случай", и пока я буду здесь... они тоже будут здесь".

— Потому что они хотят, чтобы я остался, — прошептал я.

* * *

Я принял душ, надел спортивные шорты, закрыл дверь в ванную комнату и лег на большую двуспальную кровать Грегга Акермана. Будучи гуляющим холостяком, он, вероятно, делил её со множеством пассий. Моя пассия ушла. В землю. Как и мой сын.

Я скрестил руки на груди в бессознательном жесте защиты и уставился в потолок. Это была не она, это были они. Они хотели, чтобы я остался. Они хотели, чтобы я служил им. Хотели, чтобы я заменил им мать, чтобы им не пришлось отправляться туда, куда уходят беспокойные ревенанты¹⁴⁵. Им нравилось здесь, на острове Раттлснейк-Ки. Где — если я не хотел, чтобы в мою голову лезли бесконечные и повторяющиеся мысли, если я не хотел слышать скрип колес детской коляски у себя за спиной — я бы жил в доме Элли. Ел бы на кухне Элли, спал бы в её кровати. Катал бы их в коляске.

Рано или поздно я бы увидел их.

"Мне не обязательно оставаться здесь", — подумал я. — "У меня есть арендованная машина с полным баком бензина. Я могу уехать. Подальше от них. Не думаю, что шериф округа выдаст ордер на мой арест, хотя какой-нибудь судья может выписать ордер, предписывающий мне вернуться на время расследования... Резерфорд бы узнал, и, думаю, он теперь мой адвокат... но я бы боролся. И пока адвокаты сражались бы, Джейк и Джо становились бы слабее. Потому что её больше нет, а я — всё, что у них осталось".

Да. Всё это правда. И я был напуган, можете поверить. В фильме Скорсезе "Злые улицы" звучит фраза, которая всегда находила во мне отклик: "С бесконечностью лучше не шути"¹⁴⁶. Но я также был зол. Меня загнали в ловушку, из которой я не должен был выбраться. Не их матерью — в глубине души я был уверен, что Элли Белл не была в этом замешана, — а парой детей. Точнее, парой мёртвых детей.

У меня не было секретного оружия для борьбы с ними: ни креста, ни чеснока для отпугивания вампиров (если я был прав, то именно ими они и являлись), ни обряда экзорцизма, но у меня был разум, и я был, чёрт возьми, слишком стар, чтобы молокососы "Крутой" и "Ещё Круче" помыкали мной.

Если не Элли построила ловушку, в которой я оказался, то как они могли это сделать? Большинство маленьких мальчиков — у меня был один, не забывайте — с трудом могут спланировать поход в туалет.

¹⁴⁵ Ревенант — разновидность разумной нежити: ходячий мертвец, сохраняющий душу и прижизненные черты личности

¹⁴⁶ "Злые улицы" — драма режиссёра Мартина Скорсезе 1973 года; Кинг использовал эту фразу также в качестве эпиграфа к одной из глав романа "Оно"

Я провалился в сон, думая о Донне, кричавшей за несколько минут до своего конца: "Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!"

* * *

Скрип. Скрип. Скрип.

На этот раз я проснулся не в темноте, потому что не выключал свет. На этот раз скрип колеса коляски доносился не из ванной комнаты; он был где-то дальше. Мне показалось, что он был в той части дома, которую Грег с помпой называл "гостевой опочивальней". Эта опочивальня состояла из небольшой гостиной на первом этаже и винтовой лестницы, ведущей в спальню и пристроенную ванную комнату на третьем этаже.

Коляска стояла в гостевой спальне. Настоящая коляска, возможно, была всё ещё в гараже, но фантомная была столь же реальна, как и близнецы, катающие её туда-сюда с маниакальной настойчивостью.

Нехорошие мысли снова вернулись. Сначала они были тихими, но потом становились всё громче и пронзительнее, словно невидимая рука увеличивала громкость. "Посмотри на нас, покатай нас, наряди нас. Посмотри на нас, покатай нас, наряди нас! ПОСМОТРИ НА НАС, ПОКАТАЙ НАС, НАРЯДИ НАС!"

Я лежал на спине, сцепив руки на груди, закусив губу и пытаюсь остановить мысли — их мысли, мои мысли. С таким же успехом я мог бы запретить закат. Другие мысли всё ещё проникали в голову — но как долго это продлится, я не знал, — и казалось, что у меня есть только три варианта действий: 1) лежать здесь и сходить с ума, пока эти назойливые мысли пожирают мой мозг; 2) спуститься и прикоснуться к коляске в гараже, что временно их успокоит; 3) противостоять близнецам. Я решил выбрать последнее.

Я подумал: "Эти детишки не смогут свести меня с ума".

И в то же время в моих мыслях было: "Покатай нас, покатай нас, повози нас, повози нас. Мы — твои, а ты принадлежишь нам".

Я встал с кровати и направился по галерее в гостевую опочивальню. На полпути скрип колеса прекратился. Я не остановился, и мысли ("покатай нас, повози нас, наряди нас, мы — твои, а ты — наш") тоже не уgomонились. Я не колебался у двери, которая была приоткрыта. Если бы я остановился, чтобы подумать той частью своего разума, которая еще была способна к самостоятельному мышлению, я бы обратился в бегство. Что я собирался там делать? Понятия не имел. Велеть им идти домой, или я их выпорю? Точно не получится.

От увиденного я замер на месте. Коляска стояла посреди комнаты. Джейкоб и Джозеф лежали на гостевой кровати. Они уже не были детьми... но в то же время оставались ими. Тела под одеялом были длинными, как у взрослых мужчин, но головы, хотя и гротескно раздутые, принадлежали детям. Яд гремучих змей так раздул эти головы, что они превратились в тыквы с хэллоуинскими лицами. Их губы были чёрными. Их лбы, щеки и шеи были испещрены следами от укусов змей. Глаза были запавшими, но адски живыми и осознанными. Они ухмылялись, глядя на меня.

"Сказку на ночь! Сказку на ночь! Сказ..."

А потом они исчезли. Исчезла и коляска. В один момент близнецы были здесь, ожидая своей сказки на ночь. В следующий момент комната была пуста. Но одеяло было сбито с обеих сторон в аккуратные треугольники, хотя когда я приехал сюда из Массачусетса, кровать была идеально заправлена. Я видел это сам.

Я снова почувствовал себя, как на ходулях. На них я вошел в комнату и посмотрел на кровать, в которой лежали мальчики. Я не собирался садиться на нее, но сел, потому что отказали колени. Сердце всё ещё гулко стучало, и я слышал собственное тяжелое дыхание.

"Вот так умирают старики", — подумал я. — "Когда меня найдут (скорее всего, это будет Пит Ито), судмедэксперт заключит, что со мной случился сердечный приступ. Они не узнают, что меня до смерти запугали два мертвеца с детскими головами".

Но близнецам не понравилась бы моя смерть, не правда ли? Теперь, когда их матери не стало, я был их единственной связью с миром, в котором они хотели остаться.

Я протянул руку, коснулся одеяла и понял, что им не понравилась эта кровать. У них были свои кровати в доме дальше по дороге. Хорошие кровати. Их мать оставила их комнату такой, какой она была в день их смерти, сорок с лишним лет назад. Они любили именно те кровати, и когда я буду жить там, то буду укладывать их на ночь и читать им "Винни-Пуха", как читал Тэду. Я, конечно, не буду читать им "Слов против монстров", потому что они сами были монстрами.

Когда я смог встать, то медленно побрел по галерее в свою комнату. Возможно, я не засну, но не думаю, что этой ночью услышу снова скрип колес коляски. Визит закончился.

* * *

О том, чтобы сохранить машину, в которой погиб наш сын, не было и речи. Мы бы не оставили её, даже если бы пёс не разбил её в дюжине мест, пытаясь забраться внутрь и разорвать их на куски. Эвакуатор привез её к нашему дому. Донна отказалась даже смотреть на машину. Я её не винил.

В Касл-Роке не было свалки. Ближайшая была у Андретти, в Гейтс-Фолс¹⁴⁷. Я позвонил им. Они приехали, забрали "Пинто", эту машину смерти, и пропустили её через пресс. Машина превратилась в куб, пронизанный яркими швами стекла: окна, задние фонари, фары, лобовое стекло. Я сделал фотографию. Донна не стала на него смотреть.

Между нами начались споры. Она хотела, чтобы я совершал с ней еженедельные паломничества на Хармони-Хилл, где был похоронен Тэд. Я отказался от этого, как она отказалась смотреть на раздавленный куб машины смерти. Я сказал, что для меня Тэд всегда будет дома. Она сказала, что это звучит пафосно и высокопарно, но это не было правдой. Она сказала, что я боюсь идти. Боюсь, что сломаюсь, и в этом она была права. Думаю, она читала это на моём лице каждый день.

Именно она ушла от меня. Я вернулся из командировки в Бостон, а её уже не было. Осталась лишь записка. Там были обычные слова, о которых легко было догадаться: "не могу так больше... начинаю новую жизнь... нужно перевернуть страницу"... бла-бла-бла. Единственным

¹⁴⁷ Касл-Рок и Гейтс-Фолс — вымышленные города штата Мэн в произведениях Стивена Kinga

оригинальным было то, что она нацарапала под своим именем, возможно, как запоздалую мысль: "Я всё ещё люблю тебя и ненавижу и ухожу прежде, чем ненависть возьмёт верх".

Наверное, не стоит говорить, что я чувствовал по отношению к ней то же самое.

* * *

На следующее утро, когда я ел сухой завтрак "Райс Чекс", не получая от него удовольствия, а просто заряжаясь энергией на день, мне позвонил помощник шерифа Зейн. Он сообщил, что вскрытие закончено. Алита Белл, жена Генри, мать Джейкоба и Джозефа, умерла от сердечного приступа.

— Судмедэксперт поразился, что она прожила так долго. У нее было девяносто процентов закупорки, но это еще не всё. Были обнаружены рубцы на сердце, а это значит, что она перенесла несколько инфарктов. Микроинфарктов. Он также сказал... хотя неважно.

— Нет, продолжайте. Пожалуйста.

Зейн прочистил горло.

— Он сказал, что микроинфаркты, которых можно даже не почувствовать, ухудшают когнитивные способности. Теперь понятно, почему она верила, что ее дети ещё живы.

Я подумал, а не сказать ли ему, что знаю, что ее дети живы или наполовину живы, хотя при этом у меня никогда не было сердечных приступов. Я едва не произнёс это.

— Мистер Трентон? Вик?

— Просто перевариваю всё это, — сказал я. — Это освобождает меня от участия в расследовании?

— Нет, вы всё равно должны оставаться здесь. Вы нашли тело.

— Но если это был просто сердечный приступ...

— Так оно и было. Но токсикологический отчет будет готов только через пару дней. Нужно выяснить, что было у нее в желудке. Просто доведем дело до конца.

Я подумал, что здесь скрывается нечто большее. Скорее всего, Энди Пелли хочет убедиться, что внезапно образовавшийся наследник Элли Белл не подсыпал ей что-нибудь. Например, дигоксин в яичницу на ранний завтрак. Между тем Зейн продолжал говорить, и мне пришлось попросить его повторить.

— Я говорил, что есть одна проблема. Довольно уникальная. У нас есть тело, но нет указаний по его захоронению. Энди Пелли говорит, что это может лечь на ваши плечи.

— Поймите, что? Я должен организовать похороны?

— Наверное, не похороны, — сказал Зейн, немного смутившись. — Кроме работников моста и, может, Ллойда Сандерленда¹⁴⁸ — он живет по ту сторону моста, — я не знаю, кто еще придет.

"Ее дети пришли бы", — подумал я. — "Хотя их никто не увидит. Кроме их суррогатного отца".

— Вик? Мистер Трентон? Вы пропали?

— Здесь я. У меня есть имя её адвоката. Наверное, теперь это мой адвокат, по крайней мере, пока всё не уладится. Лучше позвоню ему, как только начнётся рабочий день.

— Отличная идея. Так и сделайте. И хорошего вам дня.

Можно подумать.

Я уже не хотел доедать свои хлопья, которых и так не ощущал на вкус. Я ополоснул миску в раковине ("посмотри на нас"), поставил её в посудомоечную машину ("наряди нас") и задумался, что делать дальше. Как будто не знал.

"Выведи нас на прогулку. Покатай нас!"

* * *

Я старался отогнать мысли (частично свои собственные, что было самым худшим), пока не оделся, а затем прекратил борьбу и сдался. Я зашел в гараж и взялся за ручки коляски. Раздался вздох облегчения, то ли мой, то ли их, то ли всех вместе — я не знал. Беспорядочный поток мыслей в моей голове прекратился. Я подумал о том, чтобы покатаить коляску к распашным воротам, и понял, что это неудачная идея. Джейкоб и Джозеф уже пробрались в мое сознание. Чем больше я буду делать то, что они хотят, тем легче им будет управлять мной.

Увиденное мной в гостевой спальне крепко впечаталось в мою память: взрослые тела, детские головы, распухшие от яда. Они выросли в мертвом состоянии и остались прежними. У них была воля мужчин и простые, эгоистичные желания малышей. Они были могущественны, и это было плохо. Но они также были психически неустойчивы.

Принимая это, я в некоторой степени им посочувствовал. Они попали к гремучим змеям. Их зажалили до смерти. Кто бы не сошел с ума от такого окончания жизни? И кто бы не захотел вернуться и обрести детство, которого их лишили, даже если для этого придется взять кого-то в плен?

Я несколько раз покатаил коляску взад-вперед по бетонному полу гаража, словно пытаюсь убаюкать капризных, раздраженных младенцев. Я задумался, могло ли это случиться с кем-то другим, и решил, что нет. Я был идеальным выбором. Одинокий мужчина, скорбящий и страдающий от собственного горя.

Я отпустил ручки и ждал, когда же вернется "покатай нас, наряди нас". Но оно не вернулось. Я вышел из гаража, желая ощутить тепло утреннего солнца на своем лице. Поднял голову и закрыл глаза, видя сквозь веки кроваво-красный свет. Я стоял так, словно поклоняясь или медитируя, надеясь найти решение проблемы, выходящей за рамки экзистенциальной. Проблемы, о которой я не мог никому рассказать.

¹⁴⁸ Главный герой рассказа С.Кинга "Лори"

Я должен проводить ее в последний путь, потому что у нее никого нет... по крайней мере, по эту сторону завесы. Но разве я не похож на нее? Мои родители на том свете, старший брат умер, жена в могиле. Кто похоронит меня? И что будут делать эти близнецы из ада — если они добьются своего, и я останусь здесь, мужская версия "Дельты Дон", — когда умру я? Учитывая мой возраст и статистику, ждать этого не так уж долго. Может, они увянут и просто исчезнут? Я могу похоронить Элли, но кто похоронит меня?

Я открыл глаза и увидел палку от змей, лежавшую на брусчатке двора, прямо на том месте, где каждый раз припарковывалась коляска, когда возвращалась. Мне пришло в голову, что это может быть еще одной иллюзией, как в случае с ванной, полной змей, но понял, что это не так. Это не было видением или результатом визита. Не близнецы ее сюда положили. Их собственностью была коляска.

Я поднял палку. Безусловно, она была реальной. Я почувствовал тепло ее стали в своей руке. Если бы она пролежала подольше на брусчатке под солнцем, то стала бы нестерпимо горячей. Здесь никого не было, так кто же взял ее из гаража?

Держа палку в руках, я вспомнил, что мои родители, брат и жена были не единственной утратой в моей жизни. Была еще одна. Тот, кто тоже умер ужасной смертью в юном возрасте.

— Тэд?

Это должно было прозвучать в лучшем случае жалко, в худшем — безумно: старик, произносящий имя своего давно умершего сына в пустом дворе абсурдно большого дома на одном из островов Флориды. Но это не прозвучало безумно, поэтому я повторил.

— Тэд, ты здесь?

Ничего в ответ. Только палка от змей, которая, несомненно, была реальной.

— Ты можешь мне помочь?

* * *

У конца дощатого тротуара Грега стояла ветхая, полуразвалившаяся беседка. Я отправился туда с палкой от змей через плечо, как раньше солдаты носили свои винтовки... и хотя на палке не было штыка, на ее конце имелся угрожающего вида крюк. На полу беседки валялось несколько покрытых плесенью спасательных жилетов, которые вряд ли кому-нибудь могли бы спасти жизнь, и допотопная доска для буги-серфинга, украшенная россыпью экскрементов енотов. Я сел на скамейку. Она скрипнула под моим весом. Не нужно было быть Эркюлем Пуаро, чтобы понять, что Грег не проводил здесь много времени; у него был дом на побережье Мексиканского залива стоимостью в шесть или восемь миллионов долларов, а этот форпост выглядел, как забытая уборная где-то в глуши прихода Божер, штат Луизиана. Но я пришел сюда не для того, чтобы заценить архитектуру. Я пришел сюда подумать.

О, да кому я вру. Я пришел сюда, чтобы попытаться вызвать своего мертвого сына.

Существовали различные методы вызова духов, при условии, что мертвые еще не ушли туда, куда они уходят, когда теряют интерес к нашему миру; я изучил несколько из них в Интернете перед приходом сюда. Можно использовать спиритическую доску "Уиджа", которой у меня не

было. Можно использовать зеркало или свечи, и то, и другое у меня было... но после того, что я увидел на экране своего телефона прошлой ночью, я не осмелился попробовать. В доме Грега поселились духи, но те, в которых я был уверен, не были дружелюбными. Так что в итоге я пришел в эту заброшенную беседку с пустыми руками. Я сидел и смотрел на пляж, на котором не было ни единого следа, и на залив, по которому не ходило ни одной парусной лодки. В феврале или марте и пляж, и залив будут переполнены. В августе здесь был только я.

Пока я не почувствовал его.

Или кого-то.

Или просто выдавал желаемое за действительное.

— Тэд?

Нет ответа.

— Если ты здесь, малыш, мне не помешала бы твоя помощь.

Но он больше не был малышом. Прошло четыре десятилетия с тех пор, как Тэд Трентон погиб в раскаленной машине, потому что бешеный сенбернар не давал из нее выбраться, патрулируя двор фермерского дома, такого же пустынного, как северная часть острова Раттлснейк-Ки. Мертвые тоже стареют. Я никогда не задумывался о такой возможности, но теперь знал это.

Но только если они сами того хотят. Если позволят себе. Оказывается, можно одновременно и расти, и не расти — парадокс, породивший жутких гибридов, которых я видел на двуспальной кровати в гостевой комнате: взрослых существ с раздутыми головами отравленных ядом детей.

— Ты ничего мне не должен. Я пришел слишком поздно. Я знаю это. Признаю. Только... — Я остановился. Можно подумать, что человек может сказать всё что угодно, когда находится один, не так ли? Только я не был уверен, что действительно один. И не был уверен, что хотел сказать, пока не произнес это.

— Я оплакивал тебя, Тэд, но отпустил. Со временем и Донна отпустила. В этом ведь нет ничего плохого? Забыть — вот, что было бы плохо. А держаться слишком крепко... думаю, это порождает монстров.

Палка от змей лежала у меня на коленях.

— Если ты оставил ее для меня, мне на самом деле не помешала бы помощь.

Я ждал. Не было ничего. И в то же время что-то было, то ли чье-то присутствие, то ли надежда старика, которого до смерти напугали и заставили вспомнить старые боли и обиды. Каждую старую змею, когда-либо кусавшую его.

Затем мысли вернулись, прогоняя всё, что могло бы прийти ко мне.

"Наряди нас, покатай нас, посмотри на нас. Посмотри на нас, наряди нас, покатай нас!"

Я был нужен детишкам. Детишкам, которые хотели стать моими детьми. И они также были моими мыслями, вот в чем заключался ужас. Когда твой собственный разум обращен против самого тебя — это прямая дорога к безумию.

Прервал их — по крайней мере, частично — гудок машины. Я повернулся и увидел, что кто-то машет мне рукой. Виднелся всего лишь силуэт на краю двора, но по очертаниям тонких ног под мешковатыми шортами я понял, кто прибыл составить мне компанию. Я помахал в ответ, прислонил палку от змей к перилам беседки и направился обратно по дощатому настилу. Энди Пелли встретил меня на полпути.

— Доброе утро, мистер Трентон.

— Вик, помните?

— Вик, Вик, точно. Я был в этих краях и решил заглянуть.

"Чушь собачья", — подумал я. И снова эти навязчивые мысли, — "покатай нас, наряди нас, посмотри на нас, мы ждем тебя".

— Что я могу для вас сделать?

— Я подумал, что стоит рассказать вам о результатах вскрытия.

— Офицер Зейн уже звонил и рассказал мне.

Из-за маски и его кустистых усов я не мог определить, понравилось ли ему это, но судя по тому, как сошлись вместе его густые брови, думаю, что не понравилось.

— Ну, хорошо. Хорошо.

"Не трынди, не считаешь ты, что это хорошо", — подумал я, а затем снова мысли, — "покатай нас, покатай нас, тебе станет легче, ты знаешь, что станет".

Мы пошли обратно к дому. Дощатый тротуар был слишком узок, чтобы мы могли идти бок о бок, поэтому я шел впереди. От мыслей — моих мыслей, которые я не мог прогнать, — у меня разболелась голова.

— Конечно, всё ещё ждем результатов токсикологического анализа.

Мы дошли до конца дощатого настила и пересекли двор мимо его пикапа, я по-прежнему шел впереди. Он пришел сюда не просто рассказать мне о результатах вскрытия. Я знал это и понимал, что мне нужен ясный ум, чтобы противостоять Пелли.

— То же самое сказал офицер Зейн. А еще, что мне всё равно придется дать показания. У вас есть что-то ко мне, помощник шерифа? Потому что я сидел там, размышлял и пытался обрести покой. Можно сказать, медитировал.

— Вы вернетесь к своей медитации. Всего несколько вопросов, и я уйду.

Мы зашли в гараж, где было немного прохладнее. Я подошел к коляске. По мере моего приближения к ней мысли всё усиливались: "НАРЯДИ НАС! ПОКАТАЙ НАС! ПОСМОТРИ НА НАС!"

На мгновение мне показалось, что я вижу их, но не как чудовищ, а как детей, которыми они были, когда погибли. Всего лишь на мгновение. Когда я схватился за одну из ручек коляски, они

исчезли... если вообще были там. И сводящая с ума литания в моей голове прекратилась. Я начал катать коляску взад и вперед.

"Просто нужно чем-то занять свои руки, Энди. Не придавай этому значения".

— Я немного изучил вашу биографию, — сказал Энди.

— Я знаю.

— Ужасно то, что случилось с вашим маленьким мальчиком. Просто ужасно.

— Это было очень давно. Энди, вы ведете это дело? Если, конечно, есть дело. Вас на него назначили? Потому что я как-то сомневаюсь в этом.

— Нет, нет, — сказал он, подняв руки в жесте, означающем "да упаси Бог". — Но вы же знаете, как это происходит — бывших полицейских не бывает. Можно уйти из полиции, но полицию из человека не выгонишь. Наверное, в вашей работе то же самое. Вы вроде занимались рекламным бизнесом, да?

— Вы прекрасно знаете, чем я занимался, и ответ на вопрос про бывших — нет. В редких случаях, когда я смотрю сетевое телевидение вместо стриминга, я выключаю звук на рекламе. Вам ведь совсем нечем заняться, я прав?

— Ну, я не стал бы так говорить. Просто... понимаете, мне любопытно. Это забавное дело. В смысле, странное и необычное, а не смешное. Вы же понимаете.

Коляска ходила туда-сюда: несколько футов вперед, несколько футов назад. Успокаивая детей, укачивая их.

— Почему она оставила всё вам? Вот что меня поражает и не дает покоя. И я уверен, вы знаете причину.

Он был прав. Я знал.

— Я не знаю.

— И почему вы всё время прикатываете эту коляску из её дома? Ведь это вы? В это время года здесь больше никого нет.

— Это не я.

Он вздохнул.

— Поговорите со мной, Вик. Почему бы и нет? Если токсикологический анализ окажется отрицательным, вам всё сойдет с рук.

Вон оно что. Он уверен, что я убил её.

— Помогите старому дурню. Мы тут только вдвоём.

Мне не нравился этот двойник Уилфорда Бримли, который прервал меня в тот момент, когда я пытался сделать что-то важное. Возможно, это всё равно не сработало бы, но это не улучшало моего отношения к нему, поэтому я сделал вид, что обдумываю его просьбу. Затем я сказал:

— Покажите мне свой телефон.

Даже его пышные усы не смогли скрыть улыбку на его лице. Я не мог точно определить природу этой улыбки, но готов был поспорить, что она была из разряда "ты меня поймал, приятель". Из-под мешковатых шорт показался телефон, и да, он записывал.

— Наверное, случайно нажал.

— Не сомневаюсь. А теперь выключите запись.

Он сделал это без возражений.

— Теперь мы действительно только вдвоём. Удовлетворите моё любопытство.

— Хорошо. — Я сделал драматическую паузу — какая обычно срабатывала с клиентами перед тем, как представить рекламную кампанию, ради которой они пришли, — и затем выдал две лжи, за которыми последовала чистая правда.

— Я не знаю, почему кто-то всё время привозит мне её коляску. Это первое. Я не знаю, почему она оставила это безумное завещание. Это второе. И вот третье, помощник шерифа Пелли: я не убивал её. Следствие убедительно доказывает, что она умерла естественной смертью. Токсикологический отчёт доведёт это до конца.

Я надеялся, что так и будет. Надеялся, что близнецы-призраки каким-то образом не проникли в её голову и не заставили проглотить кучу лекарств от сердца, чтобы перебраться в более здорового хозяина-носителя. Можно было бы подумать, что токсикологический отчёт, показывающий, что она проглотила слишком много таблеток, противоречил бы их интересам, и вы были бы правы... но они в конце концов были всего лишь детьми.

— Теперь, думаю, вам следует уйти. — Я прекратил катать коляску. — И заберите эту штуку с собой.

— Мне она не нужна, — сказал он и, казалось, сам удивился ярости в собственном голосе. Он знал, что с ней что-то не так, о да. Он направился к выходу из гаража, а затем оглянулся. — Я ещё не закончил с тобой.

— О, ради Бога, Энди, займитесь чем-нибудь другим. Поезжайте на рыбалку. Наслаждайтесь выходом на пенсию.

Он вернулся к своему пикапу, сел в него, завёл двигатель и сорвался с места так резко, что оставил резиновый след на брусчатке двора. Я подумал, что, может, стоит вернуться в беседку... по крайней мере, до тех пор, пока снова не начнутся эти навязчивые мысли.

Не совсем навязчивые мысли. Змеи¹⁴⁹. Змеи в моей голове, две из них, и если я не сделаю то, чего они хотят, они впрыснут свой яд из мешочков, которые никогда не опорожнялись.

В каком-то смысле я не винил Пелли за его подозрения. У адвоката Элли, Резерфорда, наверняка, тоже были свои. Всё было неправильно. Самым неправильным из всего было моё

¹⁴⁹ Навязчивые мысли по-английски — earworms, "ушные черви", то есть Кинг при описании переходит от одних животных к другим

нынешнее несчастное положение. Что было неприятно утром, станет ужасным ночью. Ночью они были сильнее. Как там сказал Джим, смотритель моста? "Сумерки, сумерки. В сумерках реальные вещи кажутся тоньше".

Это было правдой. И как только наступит ночь, стена между реальностью и совершенно другой плоскостью существования может полностью исчезнуть. Одно казалось несомненным — все шансы связаться с моим мёртвым сыном были утрачены. Старый коп разрушил заклинание. Лучше просто посидеть немного, глядя на залив. Попытаться выбросить Пелли ("Я ещё не закончил с тобой") из головы. Подумать о том, что делать дальше, пока я ещё в состоянии думать.

Когда я подошёл к беседке, то просто застыл там, глядя внутрь. Похоже, не только Пелли ещё не закончил со мной. Тэд — или кто-то другой — всё-таки вышел на связь. Палка от змей теперь не прислонялась к перилам. Она лежала на полу беседки. Груда старых спасательных жилетов была отодвинута в сторону. На одной из досок были выцарапаны две буквы — острием крюка палки от змей, в этом я не сомневался. Третья буква была начата, но оставлена недописанной.

Я смотрел на эти буквы, и меня осенило. Всё это время решение лежало у меня перед глазами. Джейкоб и Джозеф — Хекл и Джекл, Крутой и Еще Круче — не были так всемогущи, как казались. В конце концов, у них оставалась только одна связь с миром живых после смерти их матери.

Две буквы, нацарапанные на доске, были КО. Третья, начатая и брошенная, была наклонной планкой буквы Л.

Коляска.

* * *

Если всё может закончиться сразу, как только будет сделано, то лучше сделать это быстро¹⁵⁰.

Так считал Макбет, а он был сообразительным малым. Я полагал, что смогу справиться с двумя гибридными гарпиями, если буду действовать быстро. Если не успею и мысли-змеи зароятся в мой разум еще глубже, то у меня останется только два варианта: самоубийство или жизнь в качестве их суррогатного отца. В качестве их раба.

Я вернулся к дому и вошел в гараж легкой походкой "посмотри на меня, я живу без забот".

Мысли сразу закрутились. Думаю, мне больше не нужно рассказывать, что это были за мысли. Я взялся за ручки коляски и покатил её назад и вперёд, прислушиваясь к адскому скрипу. Если я не смогу от них избавиться, я смажу это злосчастное колесо. Конечно, смажу. Более того! Я накину разные футболки на спинки кресел! Положу на сиденья разные шорты! Поселясь в доме Беллов (который впоследствии станет домом Трентона), я буду разговаривать с ними. Буду

¹⁵⁰ Неточная строчка из трагедии Уильяма Шекспира "Макбет"; слова Макбета прямо отсылают к сказанному Христом Иуде Искарйоту: "что делаешь, делай скорее"

укладывать их спать и читать им на ночь книжки "На кухне ночью"¹⁵¹, "Сильвестр и магический кристалл"¹⁵², "Кордурой"¹⁵³. Буду показывать им картинки!

— Как дела, мальчики?

"Хорошо, хорошо".

— Хотите покататься?

"Да, да".

— Хорошо, почему бы и не покататься? Мне нужно закончить пару дел. Я сейчас вернусь.

Я зашел в дом и взял телефон с кухонного стола. Проверил график приливов и отливов округа и увидел то, что мне понравилось. Вода убывала и будет на минимуме после 11 утра. Скоро.

На мне всё ещё были спортивные шорты и футболка без рукавов. Я бросил футболку на пол, снял сандалии и поспешил наверх. Надел джинсы и свитер. Нахлобучил кепку "Ред Сокс". У меня не было сапог, но в шкафу на первом этаже я нашел пару галош. Они принадлежали Грегу и были велики для меня, поэтому я снова поднялся наверх и надел ещё три пары носков, чтобы утолстить ноги. Когда я спустился вниз, то уже вспотел, несмотря на кондиционер. На улице, в августовскую жару, я вспотею ещё больше.

Энди Пелли говорил, что они загнали змей на северный конец острова, где те, кто не сгорел, утонули, но он также говорил, что охотники, вероятно, упустили часть змей. Я понятия не имел, смогут ли Джеи вызвать выживших. Возможно, не смогут, а может, их вообще не осталось за сорок лет, но оделся на случай встречи с ними. Я знал точно одно: Флорида — благоприятная среда для рептилий.

Я заглянул под раковину и нашёл пару резиновых кухонных перчаток. Натянул их и вернулся в гараж с наклеенной на лице широкой улыбкой. Уверен, если бы кто-нибудь услышал, как я разговариваю с пустой коляской, то счёл бы меня таким же сумасшедшим, как и Элли Белл. Но здесь был только я. И, конечно же, они.

— А может, лучше прогуляемся пешком? — Стараясь раззадорить их. Стараясь продать идею, как мы говорили. — Такие большие мальчики, как вы, наверняка уже хорошо ходят, да?

"Нет! Покатай нас, покатай нас!"

— Будете хорошо себя вести, если я возьму вас на пляж?

"Да! Покатай нас, покатай нас!"

А затем, пробирая меня до глубины души:

"Покатай нас на пляже, папочка!"

¹⁵¹ "На кухне ночью" — детская книга Мориса Сендака

¹⁵² "Сильвестр и магический кристалл" — книга для детей американского художника-мультипликатора Уильяма Стейга

¹⁵³ "Кордурой" — детская книга Дона Фримана про антропоморфного медведя

— Ладно, — сказал я, подумав: "Только один мальчик имел право так меня называть, вы, маленькие засранцы". — Поехали.

Мы пересекли двор под лучами жаркого августовского солнца — скрип, скрип, скрип. В свитере я уже вспотел, как свинья, чувствуя, как пот стекает по бокам к поясу джинсов. Я катил коляску по дощатому настилу, доски скрипели под колёсами. Пока всё было легко. На пляже будет сложнее. Я могу увязнуть. Придется держаться поближе к воде, где песок будет плотным и влажным. Это может сработать. А может, и нет.

Я покатил коляску через беседку. По пути подобрал палку от змей и разместил её горизонтально между широкими ручками коляски.

— Весело, мальчики?

"Да! Да!"

— Уверены, что не хотите выйти и пройтись? — Пожалуйста, нет.

"Катай нас! Катай нас!"

— Ладно, но держитесь. Здесь небольшая кочка.

Я аккуратно спустил коляску по единственной просевшей ступеньке между беседкой и линией пляжной наупаки и морской травы. Затем мы оказались на песке. Склон помогал мне, когда я катил коляску к твердому грунту у кромки воды. Пряжки галош звенели.

— Уиии! — крикнул я. Пот струился по моему лицу, а рот пересох. — Весело, мальчики?

"Да! Катай нас!"

Я уже начал различать их голоса. Это был Джо. Джейк молчал. Мне это не нравилось.

— Джейк? Весело, здоровяк?

"Да-а..."

А ещё мне не понравился оттенок сомнения в его голосе. Было ещё что-то неприятное — они отделялись от меня. Становились сильнее. Больше. Частично из-за коляски, но частично — из-за меня. Я открылся им. Мне пришлось. Выбора не было.

Я повернул на север и покатил коляску. Маленькие птички, которых я называл пищухами, ходили с напыщенным видом перед нами, а затем разлетались. Галоши звенели и плескались. Колеса коляски отбрасывали крошечные радуги в тонкой воде, где залив переходил в сушу. Песок был плотный, но проталкиваться по нему было всё же труднее, чем по доскам дощатого настила. Вскоре мое дыхание стало с трудом вырываться из горла. Я был в хорошей форме, не пил чрезмерно и никогда не курил, но мне было уже за семьдесят.

Джейк: Куда ты нас везёшь?

— О, просто на небольшую прогулку. — Я хотел остановиться и передохнуть, но боялся, что колеса забуксуют, если даже замедлюсь. — Вы хотели покататься, я вас катаю.

Джейк: Я хочу вернуться.

Это было больше, чем сомнение. Это было подозрение. И Джо заразился им от своего брата, как, вероятно, подхватывал простуды от него.

Джо: Я тоже! Я устал! Солнце слишком горячее! Надо было надеть панамки!

— Ещё немного... — начал я, и тут из наупаки и пальметто начали выползать змеи. Большие, десятки, они хлынули на пляж. Я замешкался, но лишь на секунду — еще немного, и коляска бы застряла. Я протолкнул её через змей, и они исчезли. Как те, что были в ванне.

Джейк: Домой! Отвези нас домой! ВЕРНИ НАС ОБРАТНО!

Джо: Мне здесь не нрааавится! (он начал плакать) Мне не нравятся змеюки!

— Мы — охотники за сокровищами. — Я уже задыхался. — Может, даже увидим Кинг-Конга, как в фильме. Как вам это, маленькие шалопаи?

Впереди виднелся треугольник из гор ракушек, где заканчивался остров Раттлснейк-Ки. За ним начинался Дейлайт-Пасс со своим вечным водоворотом. Энди говорил, что этим водоворотом было глубоко вымыто русло Прохода. Я уже не помнил, насколько глубоко, наверное, футов на шестнадцать. Но эти горы ракушек между мной и водой создавали проблему. Коляска точно увязнет в них, а по ним ползала пара змей, которые не были похожи на иллюзии или призраки. Они были слишком реальными. Выжившие после великой охоты на змей? Или новоприбывшие? Не имело значения.

Джейк (не умолая, а приказывая): Верни нас домой! Отвези нас, или пожалеешь!

"Я уже жалею", — подумал я. Сказать это вслух я не мог; у меня не хватало дыхания. Сердце бешено колотилось. В любую секунду оно могло просто лопнуть, как перекачанный воздушный шарик.

К моему ужасу, близнецы начали появляться на свет божий. Их мужские тела были слишком велики для сидений коляски, но каким-то невообразимым образом они в них всё же умещались. Их распухшие детские головки повернулись в мою сторону, глаза были черными и злобными, красные пятна от укусов змей покрывали их щеки и лбы. Как будто они страдали от апокалиптической формы ветрянки.

Эта пара змей была настоящей, без сомнения. Их тела издавали сухой шелестящий звук, когда их извивающиеся S-образные изгибы спиралью ползли через ракушки. Их хвосты трещали — как сухие кости в тыкве.

Джейк: Укусите его, укусите побольнее!

Джо: Укусите его, остановите его! Пусть он отвезёт нас домой!

Когда змеи, атакуя, ударили меня, это было похоже на попадание дробинок в резиновые галоши. Или, быть может, на удары градинок. Коляска, наконец, застряла, колеса глубоко увязли в ракушках. Находившиеся в ней дети-мужчины скрутились, пристально глядя на меня, но, похоже, не могли выбраться. По крайней мере, пока. Одна из гремучих змей вцепилась в мою правую ногу через галошу, ее голова спиралью поднималась вверх. Поскольку коляска всё

равно застряла — села на мель, так сказать, — я оставил ее и схватил палку от змей. Я обрушил её вниз, надеясь не нанести себе неприятную рану, но понимая, что медлить нельзя. Я зацепил змею крюком и швырнул ее в воду. Другая укусила мою левую галошу. На миг я увидел ее черные глаза, с ненавистью уставившиеся на меня, и подумал, что такие же глаза смотрели на меня из коляски. Затем я опустил крюк и вонзил его в треугольную голову. Когда я поднял палку от змей, то почувствовал, как ее хвост хлестнул по моему плечу, возможно, в поисках хватки. Но не нашел. Я бросил ее. На мгновение она была извивающейся каракулей на фоне неба, а затем оказалась в воде.

Коляска раскачивалась из стороны в сторону, пока существа внутри нее — видимые, но эфемерные — пытались выбраться наружу. Им всё еще это не удавалось. Коляска была их связью с миром и со мной. Я не мог её дальше катить, поэтому бросил палку от змей и перевернул коляску. Я услышал, как они закричали, ударившись о ракушки, а затем они исчезли. То есть я больше не ("посмотри на нас, посмотри на нас") видел их, но они всё ещё были там. Я слышал, как вопил Джейк, а Джо плакал. Плакал навзрыд, как, наверное, ревел, когда понял, что гремучие змеи облепили его и его слишком короткая жизнь подходит к концу. От этих жалобных звуков я сам чуть не заплакал, ведь так же плакал и мой сын, пока они с Донной жарились в том "Пинто", но меня это не остановило. Я должен был закончить начатое.

Задыхаясь, я потащил коляску к Дейлайт-Пасс. К водовороту.

Джейк: Нет! Нет! Ты должен заботиться о нас! Катать нас! Возить нас! Одевать нас! Нет!

Его брат лишь вопил от ужаса.

До кромки воды оставалось двадцать футов, когда вокруг меня вспыхнуло пламя. Оно не было настоящим, не излучало тепла, но я почувствовал запах керосина. Смерд был настолько сильным, что я закашлялся. Кашель перешел в рвотные позывы. Ослепительно белые груды ракушек исчезли, сменившись ковром из горящих змей. Они тоже не были настоящими, но я слышал, как они лопаются от жара, словно попкорн. Они атаковали меня, выбрасывая головы, которых на самом деле не было.

Я достиг воды. Я мог бы просто толкнуть коляску в воду, но этого было бы недостаточно. Возможно, им удастся вытащить эту проклятую вещичку, как они каким-то образом доставляли ее от дома Беллов к дому Грега. Но мне рассказывали, что мужчины и даже женщины — хрупкие женщины — иногда способны поднимать машины, чтобы спасти своих детей. А однажды женщина по имени Донна Трентон сражалась с сенбернаром весом 150 фунтов¹⁵⁴, имея при себе лишь бейсбольную битку... и победила. Если она смогла это сделать, то и я смогу.

Эта коляска не весила 150 фунтов, но, возможно, все 30. Если бы в ней сидели эти существа со своим реальным весом, я бы не смог поднять ее даже до пояса. Но их в ней не было. Я поднял коляску за стойки над задними колесами. Повернул бедра вправо, и спина звучно закричала. Я повернулся в другую сторону и швырнул коляску, как самый неудобный в мире диск. Она плюхнулась в воду всего в пяти футах от края ракушечного пляжа. Не так уж и далеко, но течение из Калипсо-Бей было сильным из-за отлива. Коляску, которая наклонялась то в одну сторону, то в другую, затачивало в водоворот. Близнецы снова оказались в ней. Должно быть, там было их место. Я успел еще раз взглянуть на эти ужасные лица, прежде чем их унесло.

¹⁵⁴ около 70 кг

Когда коляска вернулась в водовороте, она уже тонула, а сиденья были под водой. Ее пассажиры исчезли. Одна рубашка уплыла, затем другая. Я услышал последний вопль гнева в своей голове: это был Джейк Белл, сильнейший из двоих. В следующий раз, когда коляска снова появилась, кружась в водной карусели, из воды торчали только ее ручки. А потом она исчезла, оставив лишь водный отблеск в трех-четыре футах под водой.

Пламя тоже исчезло. И горящие змеи. Остался только запах керосина. Ко мне подплыла пара голубых шорт. Я поднял палку от змей, крючком подцепил их и бросил в залив.

Моя спина снова закричала. Я наклонился, пытаюсь успокоить ее. А когда выпрямился и посмотрел через Дейлайт-Пасс, то увидел гораздо больше, чем несколько скоплений плавающей зелени. Я увидел остров Дюма-Ки. Он выглядел так же реально, как и рука, поднимавшаяся из ванны со змеями, или жуткие гибридные твари, лежавшие на кровати в гостевой комнате. Я видел пальмы и розовый дом на сваях. А затем я увидел мужчину. Он был высокого роста, одет в джинсы и простую белую хлопковую рубашку. Он помахал мне рукой.

"Боже мой", — произнесла Донна за мгновения до своей смерти. — "Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!"

Я помахал ему в ответ. Кажется, он улыбнулся, но не могу сказать точно, потому что к тому времени мои глаза были полны слез, превратившихся в жидкие призмы, которые увеличивали яркость солнца вчетверо. Когда я вытер слезы, Дюма-Ки исчез, и мужчина тоже.

* * *

На то, чтобы докатить коляску до конца острова, ушло всего десять минут. Ну, может, пятнадцать — у меня не было времени смотреть на часы. Возвращение к беседке и деревянному настилу заняло три четверти часа, потому что всю дорогу мою спину постоянно сводило. Я раздевался на ходу, снимая перчатки, стягивая свитер, скидывая галоши, садясь на песок, чтобы снять джинсы. Делать всё это было не так больно, как идти, но всё равно неприятно. Вставать после того, как я избавился от джинсов, тоже было больно, но я почувствовал себя лучше. И ужасный поток мыслей в моей голове исчез. Я был безумно этому рад, несмотря на боль в спине (которая не проходит и по сей день). Остаток пути я прошел в одних в шортах.

Вернувшись домой, я нашел тайленол в аптечке Грегга и принял три таблетки. Они не сняли боль, но хотя бы немного её приглушили. Я проспал четыре часа блаженным сном, и без сновидений. Когда я проснулся, моя спина была такой деревянной, что мне пришлось пошагово делать простейшие вещи: сесть, вылезть из кровати и встать на ноги. Я принял горячий душ, и это немного помогло. Я не смог вытереться полотенцем, поэтому сушился на воздухе.

Спускаясь по лестнице — ступенька за ступенькой, морщась от боли, — я подумывал позвонить Пелли, но мне не хотелось с ним разговаривать. Не больше, чем с мартишкой на Луне, как сказала бы Донна.

Вместо этого я позвонил Зейну. Он спросил, чем может помочь, и я ответил, что звоню, чтобы сообщить о пропаже коляски.

— Может, кто-то из вашего управления — Пелли, например — наконец-то решил приехать и забрать её?

— Хм. Не думаю. Давайте я проверю и перезвоню вам.

Он действительно перезвонил и сообщил, что никто из офиса шерифа округа не забирал коляску.

— Да и не было причин, — сказал он.

— Наверное, тот, кто дважды привозил ее сюда, в конце концов, забрал её себе, — сказал я.

Он согласился. И на этом история с коляской с привидениями закончилась.

Май 2023 года

Всё это случилось почти три года назад. Я вернулся в Ньюберипорт и больше никогда не захочу посетить "Солнечный штат"¹⁵⁵. Даже приближаться к нему не буду.

Токсикологический анализ Алиты Белл не выявил ничего подозрительного, что сняло с меня обвинения. Натан Резерфорд занялся похоронами Элли. Мы с ним присутствовали на ее похоронах. Так же, как и Зейн, Канаван, старый приятель по имени Ллойд Сандерленд (в сопровождении своей собаки) и с полдюжины операторов разводного моста.

Энди Пелли тоже был там. Он подошел ко мне, когда я ждал своей очереди за стаканчиком пунша "Дикси". От него пахло виски, запах пробивался из-под его усов. Никакая маска не могла приглушить его.

— Я по-прежнему считаю, что ты как-то выкрутился, приятель, — сказал он и направился к выходу не совсем ровной походкой, прежде чем я успел что-либо ответить.

Я давал показания по "Зуму" из дома Грега. Вопросов с подвохом не было. Более того, судмедэксперт даже похвалил меня за то, что я отгонял стервятников от тела покойной до прибытия властей.

Никто не оспаривал клочок завещания Алиты Белл, не объявился ни один родственник. Этот клочок прошел через долгую процедуру утверждения, но к июню 2022 года всё, что принадлежало ей, стало моим. Невероятно, но факт.

Я выставил имущество Беллов на продажу, прекрасно понимая, что никому не нужен будет дом, который был довольно запущен, несмотря на то, что Элли отличалась умением чинить всё на свете. А вот земля, на которой он стоял, - это было другое дело. Она была продана в октябре 2022 года почти за семь миллионов долларов. От бухты до залива, первоклассное местечко. Скоро здесь появится очередной особняк. Остальные активы Элли составили шесть миллионов. После уплаты налогов и других затрат, которые неизбежно возникают при продаже любой

¹⁵⁵ Другое название Флориды

крупной собственности, эти тринадцать миллионов превратились в 4,5 миллиона. Неплохой денежный куш, если не считать прилегающих к нему жутких близнецов.

Я положил полмиллиона в свой пенсионный фонд — назовем это оплатой за оказанные услуги и за спину, которая, вероятно, будет болеть до самой смерти. Остальное я пожертвовал в "Олл Фейтс Фуд Банк"¹⁵⁶ в Сарасоте, который был очень счастлив — как сказала бы Донна, был на седьмом небе от счастья — принять эти деньги. Еще восемь тысяч долларов пошли адвокату Резерфорду.

Расходы на похороны Элли.

* * *

Я оставался в доме Грегга до завершения следствия, пока дело Алиты Белл не было официально закрыто. За это время меня не беспокоили ни видения, ни скрипучие колеса. Конечно, каждое утро, не успев толком проснуться, я первым делом проверял, не появилась ли коляска во дворе или в гараже. Не только горе оставляет шрамы. Ужас тоже оставляет. Особенно сверхъестественный ужас.

Но близнецов больше не было.

Однажды я попросил мистера Ито показать мне то место, где погибли Джейкоб и Джозеф во время их роковой прогулки через подлесок к пляжу. Он согласился, и после некоторых поисков мы его нашли. Более того, мистер Ито сам едва не упал в него. Поскольку яма заросла наупакой и переплетениями нивяника, такими большими, что они выглядели, как мутанты, трудно было определить ее размеры, но она была примерно такой же длины, как роскошная ванна Грегга в главной ванной комнате, и почти такой же глубины.

У меня были ключи от дома Беллов, и я зашел туда всего один раз. Мне было любопытно узнать, что же такое — видение, галлюцинация, выбирайте сами — я испытал на ракушечном пляже, когда тащил коляску к воде: пламя, ковер из змей, вонь керосина. Близнецы умерли до великой охоты на змей, так откуда же они могли об этом знать?

Дом был таким, каким его оставила Элли, когда вывела близнецов-призраков на их последнюю прогулку (по крайней мере, с ее участием). В раковине стояла тарелка с ножом и вилкой, положенными крест-накрест. На кухонном столе лежала коробка хлопьев "Уитис", дно которой было выгрызено какими-то мелкими, вечно голодными тварями. Я заставил себя заглянуть в спальню мальчиков. Я подумал, что она сохранит ее такой, какой она была во время короткой жизни Джейка и Джо, и оказался прав. Там стояли две кровати. Простыни и наволочки были с рисунками динозавров из мультфильмов. У Тэда был точно такой же комплект. Это одновременно и ужаснуло, и каким-то образом утешило меня.

Я закрыл дверь. На ней разноцветными буквами-наклейками было составлено: КОРОЛЕВСТВО БЛИЗНЕЦОВ.

Я не знал, что ищу, но понял, когда нашел. Кабинет Генри Белла тоже сохранился таким, каким был много лет назад. Слева от его пишущей машинки "Ай-би-эм Селектрик" аккуратно лежали

¹⁵⁶ Пищевой банк — благотворительная организация, которая занимается сбором пищевых продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся

жёлтые блокноты, справа — папки. С каждой стороны, как пресс-папье, стояли фотографии в рамках: Джо — на стороне блокнотов, Джейк — на стороне папок. На одной из стен висела фотография Элли, на которой она выглядела невероятно молодой и красивой.

На другой стене висели три черно-белые фотографии в рамках, фотографии великой охоты на змей. На одной были запечатлены мужчины, которые разгружали грузовики, надевали ранцевые огнетушители "Смоукчейзер" — в те непросвещенные времена их называли индейскими насосами — и облачались в защитное снаряжение. На другой — люди, выстроившиеся в ряд, прочесывали подлесок, прогоняя змей на север острова. На третьей был изображен треугольник ракушечного пляжа, на котором тысячи змей сгорали, обугливались и погибали в пламени. Я знал, что Джейк и Джо овладели этим домом задолго до того, как овладели моим. Возможно, Элли даже прикатывала их сюда и показывала им фотографии.

"Видите, мальчики? Вот что случилось с плохими змейками, которые вас обидели!"

Я ушел. Я был рад уйти. И больше не возвращался.

* * *

И напоследок ещё кое-что.

Уилл Роджерс¹⁵⁷ как-то сказал, что земля — это единственная вещь, которую не производят, а во Флориде земля — это золото, особенно после пандемии. И хотя новую землю действительно не создают, ее можно восстановить.

В округе заговорили о восстановлении острова Дьюма-Ки.

Консорциум агентов по недвижимости (включая того, с помощью которого я продал дом миссис Белл) нанял компанию по рекультивации, чтобы изучить такую возможность. На совещании, на котором присутствовали окружные комиссары и председательствовал администратор округа, несколько экспертов из "Лэнд Голд, Инк." продемонстрировали лекцию-презентацию в "ПауэрПойнте" с концепцией, представлявшей в наилучшем свете поднявшийся из глубин Дьюма-Ки. Это будет относительно легко и недорого, сказали они, нужно просто снова закрыть Дейлайт-Пасс, что перекроет поток воды. С год дноуглубительных работ — и вот он, готовый остров.

Сейчас, когда я пишу эти строки, идут активные обсуждения. Экологи поднимают адский шум, а я раз в два месяца перечисляю деньги в свежесозданную организацию "Спасите Дейлайт-Пасс", но в конце концов это произойдет, потому что во Флориде (особенно в тех местах, где любят селиться богатеи), деньги побеждают всё. Они закроют проход и в процессе работ обязательно найдут ржавую коляску. Я уверен, что к тому времени ужасные твари, которые в ней обитали, исчезнут.

Практически уверен.

Если нет, надеюсь, я им больше не интересен. Потому что если когда-нибудь ночью я услышу скрип колеса приближающейся коляски, то да поможет мне Бог.

¹⁵⁷ Уилл Роджерс — американский ковбой, комик, актёр и журналист

Да поможет мне Бог!

*С мыслями о Джоне Д. Макдональде*¹⁵⁸

[К содержанию](#)

¹⁵⁸ Джон Данн Макдональд — американский писатель. Стивен Кинг с восторгом отзывался о Макдональде, называя его "запоминающим рассказчиком"

Два талантливых засранца

1

Мой отец — мой знаменитый отец — умер в 2023 году, в возрасте девяноста лет. За два года до своей смерти он получил электронное письмо от внештатной журналистки Рут Кроуфорд с просьбой дать ей интервью. Я прочитал ему это письмо, как читал всю его личную и деловую переписку, потому что к тому времени он перестал пользоваться всеми своими электронными устройствами — сначала настольным компьютером, затем ноутбуком и, наконец, любимым телефоном. Зрение у него оставалось хорошим до самого конца, но он говорил, что чтение с экрана "Айфона" вызывает у него головную боль. На поминальной трапезе доктор Гудвин

сообщил мне, что перед последним апоплексическим ударом папа, возможно, перенес серию микроинсультов.

Примерно в то время, когда он отказался от телефона — это было лет за пять-шесть до его смерти, — я досрочно вышел на пенсию с должности школьного инспектора округа Касл и начал работать на отца полный рабочий день. Дел хватало. У него была домработница, но по вечерам и в выходные эти обязанности выполнял я. Я помогал ему одеваться по утрам и раздеваться по вечерам. Я готовил ему еду и убирал за ним, когда папа не успевал добраться до туалета посреди ночи.

У него также имелся разнорабочий, но к тому времени Джимми Григгсу самому уже было под восемьдесят, поэтому мне приходилось выполнять работы, которые не успевал делать Джимми — от мульчирования¹⁵⁹ любимых папиных цветочных клумб до прочистки засорившихся стоков. Вопрос о переезде в дом престарелых никогда не обсуждался, хотя, видит Бог, папа мог бы себе это позволить; дюжина романов-мегабестселлеров, написанных за сорок лет, принесла ему состояние.

Последний из его "увлекательных романов-тяжеловесов" (по словам Донны Тартт из "Нью-Йорк Таймс") был опубликован, когда папе было восемьдесят два года. Он дал серию обязательных интервью, попозировал для обязательных фотографий, а затем объявил о своем уходе на пенсию. С прессой он пообщался благосклонно, со своим "фирменным юмором" (по мнению Рона Чарльза из "Вашингтон Пост"). Мне он сказал: "Слава Богу, с этой хренью покончено". За исключением неформального интервью, которое он дал Рут Кроуфорд, больше он ничего не сказал на публику. Его много раз просили, но он всегда отказывался; говорил, что сказал всё, что хотел сказать, включая то, о чём, возможно, стоило бы промолчать.

— Если раздавать интервью направо и налево, — поделился он со мной однажды своим мнением, — то рано или поздно ляпнешь что-нибудь не то. И именно эти цитаты запомнятся, и чем старше становишься, тем больше вероятность брякнуть что-то невпопад.

Тем не менее, его книги продолжали продаваться, а значит, продолжались и его дела. Я обсуждал с ним продление контрактов, концепции обложек книг и предложения по их экранизациям, а также добросовестно читал все предложения дать интервью, когда он уже сам не мог их читать. Он всегда отвечал "нет", в том числе и на предложение Рут Кроуфорд.

— Дай ей стандартный ответ, Марк: польщен, но нет. — Однако в данном случае он замешкался, потому что её предложение несколько отличалось от других.

Кроуфорд хотела написать статью о моем отце и его давнем друге, Дэвиде "Буче" ЛаВердые, который скончался в 2019 году. Мы с папой летали на похороны Буча на Западное побережье на арендованном самолете "Гольфстрим". Папа всегда был бережлив с деньгами (не жадным, но бережливым), и огромные расходы на перелет туда и обратно многое говорили о его привязанности к человеку, которого я с детства называл дядей Бучем. Эта привязанность не ослабевала, хотя они не виделись лицом к лицу более десяти лет.

¹⁵⁹ Мульчирование — это один из популярных способов улучшить качество грунта на участке и защитить почву от перепада температур, пересыхания и т.д.

Папу попросили выступить с речью на похоронах. Я думал, что он откажется — его неприязнь к публичному вниманию распространялась на всё, не только на интервью, — но он выступил. Он не подошел к трибуне, а просто стоял на своем месте, опираясь на трость. Он всегда был хорошим оратором, и с возрастом это не изменилось.

— В детстве мы с Бучем ходили в школу, в которой был всего лишь один кабинет, это было ещё до Второй мировой. Мы выросли в городке, в котором не было светофоров, в городке с грунтовыми дорогами, чинили и латали машины, занимались спортом, а потом сами тренировали. Повзрослев, мы принимали участие в городской политике и следили за городской свалкой — очень похожие работы, как я сейчас понимаю. Мы охотились, рыбачили, тушили травяные пожары летом и расчищали дороги зимой. При этом снесли немало почтовых ящиков. Я знал его, когда ещё никто не знал наших имен, за исключением друзей и родственников. Мне следовало бы его навещать в последние годы, но я был занят своими делами. Думал, что ещё есть время. Мы всегда так думаем, наверное. А потом время внезапно заканчивается. Буч был замечательным художником, но кроме того, он был хорошим человеком. Думаю, что второе важнее. Может, кто-то из присутствующих с этим не согласится, и это нормально, это нормально. Но дело в том, что я всегда прикрывал его, а он — меня.

Он замолчал, опустив голову и обдумывая что-то.

— В моем маленьком городке в штате Мэн есть поговорка для таких друзей. Мы держались рядом.

Да, они держались вместе, и это касалось и их секретов.

* * *

У Рут Кроуфорд было внушительное досье — я проверил. Её статьи — в основном биографии личностей — публиковались в дюжине изданий, многие из которых были местными или региональными ("Янки", "Даун-Ист", "Нью-Ингленд Лайф"), но было и несколько национальных, включая статью о несчастном городке Дерри¹⁶⁰ в "Нью-Йоркере". Что касается будущей статьи о Лэрде Кармоди и Дэйве ЛаВердые, то мне подумалось, что она нашла хорошую основу для своего сюжета: два человека из одного маленького городка в Мэне, прославившиеся в двух разных областях культуры. И дело не только в этом. И Кармоди, и ЛаВердые достигли огромного успеха в сорок с лишним лет, в том возрасте, когда большинство мужчин и женщин уже отказываются от своих юношеских амбиций. В том возрасте, когда, как однажды выразился папа, они "вырыли себе колею и начали ее обустраивать". Рут хотела выяснить, как такое невероятное совпадение могло произойти... если, конечно, это было совпадением.

— А обязательно должна быть какая-то причина? — спросил папа, когда я закончил читать ему письмо мисс Кроуфорд. — Она на что-то намекает? Думаю, она никогда не слышала о братьях-близнецах, которые выиграли крупные суммы денег в лотерею в один и тот же день.

— Ну, возможно, это не было полным совпадением, — сказал я. — Если только ты не выдумал эту историю на лету.

¹⁶⁰ Дерри — вымышленный город в произведениях С.Кинга, там происходили, в частности, события романа "Оно"

Я дал ему время сказать что-нибудь в ответ, но он лишь улыбнулся той улыбкой, которая могла означать что угодно. Поэтому я продолжил.

— Я имею в виду, что эти близнецы могли вырасти в доме, где азартные игры были естественной частью повседневной жизни. И это делает данное событие менее невероятным, согласен? Плюс, сколько лотерейных билетов они купили, которые оказались проигрышными?

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, Марк, — сказал папа, по-прежнему улыбаясь. — Что конкретно ты хочешь сказать?

— Только то, что я могу понять интерес этой женщины к тому факту, что вы с Дэйвом — оба родом из захолустья и расцвели в середине жизни. — Я поднял руки над головой, словно обрамляя заголовок. — Может, это... судьба?

Папа задумался над этим, потирая рукой белую щетину на своем глубоко иссеченном морщинами лице. Мне показалось, что он вот-вот передумает и скажет "да". Но затем он лишь покачал головой.

— Просто напиши ей одно из своих вежливых писем, скажи, что я отказываюсь, и пожелай ей успехов в будущих начинаниях.

Именно так я и поступил, хотя что-то в выражении лица папы в тот момент зацепило меня. Это был взгляд человека, который мог бы многое рассказать о том, как они со своим другом Бучем добились славы и богатства... но который предпочел этого не рассказывать. Который предпочел держать это рядом, при себе.

* * *

Возможно, Рут Кроуфорд была разочарована отказом папы от интервью, но она не опустила руки. Она не забросила свой проект, даже когда я тоже отказал ей в интервью, сказав, что мой отец не одобрил бы его после своего отказа, и, кроме того, всё, что я знал, — это то, что мой отец всегда любил истории. Он много читал и никогда не выходил из дома без засунутой в задний карман книги в мягкой обложке. Он рассказывал мне чудесные сказки на ночь и иногда записывал их в свой блокнот на пружине. А что касается дяди Буча... Он нарисовал фреску в моей спальне — мальчики играют в мяч, мальчики ловят светлячков, мальчики с удочками. Рут, конечно, тут же захотелось на неё посмотреть, но фреска была давно закрашена, ведь я вырос из этих детских забав. Когда сначала папа, а потом и дядя Буч взлетели, как пара ракет, добившись триумфа, я учился в Университете штата Мэн, получая степень в области дополнительного образования. Ведь, как гласит старая присказка, те, кто не умеет ничего делать, учат, а те, кто не умеет учить, учат учителей. Успех моего отца и его лучшего друга, написал я Рут, был для меня таким же сюрпризом, как и для всех остальных жителей города. Есть ещё одна старая шутка о том, что из Назарета¹⁶¹ не может выйти ничего хорошего.

Я написал об этом в письме мисс Кроуфорд, потому что чувствовал свою вину (но совсем небольшую) из-за отказа в интервью. В письме я упомянул, что у них, конечно, были мечты, как и у большинства людей, и, как большинство людей, они держали эти мечты при себе. Я полагал, что рассказы папы и жизнерадостные картины дяди Буча были для них просто хобби

¹⁶¹ Назарет был маленьким и незначительным городом в Галилее, и у людей из других регионов Израиля были предубеждения против этого города, но оттуда вышел Иисус Христос

вроде резьбы по дереву или игры на гитаре, пока не хлынули деньги. Я напечатал это, а потом от руки приписал постскрипtum: "И они молодцы!"

* * *

В округе Касл насчитывается двадцать семь населенных пунктов. Касл-Рок — крупнейший, Гейтс-Фоллс — второй по величине. Городок Харлоу¹⁶², где вырос сын Лэрда и Шейлы Кармоди, то бишь я, не входит даже в первую десятку. Однако с тех пор, как я жил в нем ребенком, он значительно вырос, и иногда мой папа, который тоже провел всю свою жизнь в Харлоу, говорил, что едва узнает его. Он ходил в школу, в которой был лишь один кабинет, я ходил в школу из четырех кабинетов (по два класса в каждом), а теперь там школа из восьми кабинетов да еще и с геотермальным отоплением и охлаждением.

Когда папа был маленьким, все дороги в городе были грунтовыми, кроме шоссе 9, Портленд-роуд. Когда появился я, грунтовыми оставались только Дип-Кат и Методист-роуд. Сегодня все дороги асфальтированы. В шестидесятых годах был только один магазин — "У Брауни", где старики сидели вокруг настоящей бочки с солеными огурцами. Теперь в городе несколько магазинов, а на Квакер-Хилл-роуд появилось некое подобие центра города (если его можно так назвать). Сейчас у нас есть пиццерия, два салона красоты и — вы не поверите, но это правда — маникюрный салон, который, похоже, процветает. Но средняя школа у нас так и не появилась; это, увы, не изменилось. У детей из Харлоу есть три варианта на выбор: средняя школа Касл-Рока, средняя школа Гейтс-Фоллс или средняя школа Маунтин-Вью, более известная как Академия Кристера. Мы здесь остаемся деревенщиной: ездим на пикапах, слушаем кантри-музыку, пьем кофе с бренди, голосуем за республиканцев. Нас не за что особо выделить, наш городок ничем особо не прославился. Кроме двух человек, которые родом отсюда: моего папы и его друга Буча ЛаВердые. "Два талантливых засранца", как выразился папа во время короткой беседы через забор с Рут Кроуфорд.

"Ваши родители провели здесь всю свою жизнь?" — может спросить городской житель. — "А потом и Вы тоже? Вы с головой вообще дружите?"

Дружим.

Роберт Фрост¹⁶³ как-то сказал, что дом — это место, где тебе всегда рады и где тебя всегда примут. Это место, с которого ты начинаешь, и если тебе повезет, это то место, где ты заканчиваешь. Буч скончался в Сиэтле, чужаком в чужом краю. Может, его это устраивало, но думаю, что в конце жизни он предпочел бы маленькую грунтовую дорогу и лес на берегу озера, известный как "Тридцатимильный лес".

* * *

Хотя тема, которую Рут Кроуфорд исследовала (или, точнее, расследовала), была сосредоточена в Харлоу, где выросли её герои, в этом городке не было ни мотелей, ни даже ночлежек, поэтому она обосновалась в мотеле "Гейтвей" в Касл-Роке. Зато в Харлоу имелся дом для престарелых, и там Рут взяла интервью у человека по имени Олден Тутакер, который

¹⁶² Харлоу — вымышленный городок в произведениях С.Кинга, упоминается, в частности, в повести "Телефон Мистера Харригана" и романе "Возрождение"

¹⁶³ Роберт Ли Фрост — американский поэт, один из крупнейших поэтов в истории США, четырёхкратный лауреат Пулитцеровской премии

учился в школе вместе с моим папой и его другом. Именно Олден поведал ей историю о том, как Дэйв получил своё прозвище. ЛаВердые всегда носил в кармане тубик геля "Лаки Тайгер Буч Вакс", которым часто пользовался, чтобы его "флэттоп"¹⁶⁴ стоял прямо. Он носил такую причёску всю жизнь (пока на его голове имелись волосы). Это стало его визитной карточкой. Что касается того, продолжал ли он пользоваться тем гелем, когда стал знаменитым, можете гадать сами. Я даже не знаю, выпускают ли его до сих пор.

"Они были друзьями ещё со школьных лет", — рассказывал Олден. — "Пара пацанов, которые любили рыбачить или ходить на охоту со своими отцами. Они выросли в сложных условиях, среди тяжкого труда, и не ждали от жизни многого. Может, вы найдете людей моего возраста, которые скажут, что они предчувствовали, что эти парни чего-то добьются, но я не из их числа. Они были вполне обычными парнями, пока не стали необычными".

Лэрд и Буч учились в средней школе Гейтс-Фоллс. Их определили на "общеобразовательные курсы", которые тогда предназначались для школьников, не планировавших поступать в университет. Никто не говорил прямым текстом, что они недостаточно умны; это просто имелось в виду. Они изучали дисциплины под названием "Повседневная математика" и "Деловой английский", где на нескольких страницах учебника объяснялось, как правильно составлять деловое письмо (с иллюстрациями). Они проводили много времени в столярной мастерской и автомастерской. Оба играли в футбол и баскетбол, хотя мой папа большую часть времени сидел на скамейке запасных. Оба закончили школу со средними баллами и вместе выпустились 8 июня 1951 года.

Дэйв ЛаВердые пошел работать к своему отцу, сантехнику. Лэрд Кармоди и его отец ремонтировали машины на семейной ферме и продавали их в "Пивис Кар Март" в Гейтс-Фоллс. Они также держали овощной ларёк на Портленд-роуд, который приносил хороший доход.

Дядя Буч не особо ладил со своим отцом, и в итоге Дэйв ушел в самостоятельное плавание, занимаясь ремонтом труб, укладкой водопроводов и иногда рытьем колодцев в Гейтс и Касл-Роке (его отец контролировал весь бизнес в Харлоу и не собирался ни с кем делиться, даже с собственным сыном). В 1954 году два друга основали компанию "Эл-энд-Ди Хоулидж", которая занималась вывозом мусора на свалку. В 1955 году они приобрели свалку, город с радостью избавился от неё. Они привели её в порядок, устраивали контролируемые сжигания, внедрили простую программу переработки отходов и избавили ее от вредителей. Город платил им стипендию, которая стала приятным бонусом к их постоянной работе. Металлолом, особенно медная проволока, приносил дополнительный доход. Люди в городе прозвали их "близнецами-мусорщиками", но Олден Тутакер (и другие старожилы с еще сохранившейся памятью) заверил Рут Кроуфорд, что это была безобидная шутка, не с целью обидеть или унижить.

Свалка занимала около пяти акров и была окружена высоким дощатым забором. Дэйв разрисовал его фресками на тему жизни города, добавляя каждый год что-то новое. Хотя забора уже давно нет (а свалка теперь стала полигоном), но сохранились фотографии. Эти фрески напоминают более поздние работы Дэйва. Там были сцены совместного изготовления

¹⁶⁴ Флэттоп — является разновидностью стрижки ёжиком, с тем лишь исключением, что волосы на макушке специально выпрямляются вверх (как правило, не более двух сантиметров) и им придаётся очень ровный вид, из-за чего причёска зрительно становится "квадратной" ("площадкой")

лоскутных одеял, переходившие в бейсбольные игры, бейсбольные игры, переходившие в карикатуры на давно ушедших жителей Харлоу, сцены весеннего посева и осеннего сбора урожая. Были изображены все моменты жизни маленького городка, но дядя Буч добавил еще и Иисуса с апостолами (последним был Иуда с ехидной ухмылкой на лице). В этих рисунках не было ничего выдающегося, но они были жизнерадостными и добродушными. Их можно назвать предвестниками его будущих больших работ.

Вскоре после смерти дяди Буча картина ЛаВердые с изображением Элвиса Пресли и Мэрилин Монро, прогуливающихся рука об руку по усыпанной опилками дорожке карнавала в маленьком городке, была продана за три миллиона долларов. Конечно, она была в тысячу раз лучше, чем фрески дяди Буча на свалке, но и там бы смотрелась вполне уместно: тот же сумасшедший юмор, оттенённый подспудным отчаянием и долей презрения. Фрески Дэйва на свалке были бутонем, а картина с Элвисом и Мэрилин — цветком.

Дядя Буч так и не связал себя брачными узами, а вот папа женился. У него была школьная возлюбленная по имени Шейла Уайз, которая после окончания школы уехала учиться в Вермонтский педагогический университет. Когда она вернулась, чтобы преподавать в пятом и шестом классах начальной школы Харлоу, мой отец с радостью узнал, что она ещё не замужем. Он ухаживал за ней и добился её. Они поженились в августе 1957 года. Дэйв ЛаВердые был шафером папы. Через год появился я, и лучший друг моего папы стал моим дядей Бучем.

* * *

В рецензии на первую книгу папы, "Грозовой шторм", было написано следующее: "На первых ста с лишним страницах этого тревожного романа мистера Кармоди мало что происходит, но читателя всё равно затягивает, потому что играют скрипки".

Я подумал, что это удачное сравнение. Но для Рут Кроуфорд не прозвучало таких скрипок, когда она изучала жизнь отца и его друга; картина, которую нарисовали ей Олден и другие жители города, состояла из двух мужчин, достойных, порядочных и абсолютно честных. Они были сельскими жителями, ведущими сельский образ жизни. Один был женат, а другой был тем, кого в те времена называли "закоренелым холостяком", без намёка на малейший скандал в его личной жизни.

Вики, младшая сестра Дэйва, согласилась дать интервью. Она рассказала Рут, что изредка Дэйв ездил "в город" (то есть в Льюистон) потусоваться в ночных клубах и барах на Лисбон-стрит. "Он веселился в Холли", — сказала она, имея в виду "Холидей Лаунж" (давно уже не существующий). — "Охотнее всего он отправлялся туда, если там выступала малышка Джонна Джей. О, у него сносило от неё голову! Он так и не затащил её в постель — не повезло! — но, бывало, возвращался домой в компании".

Вики сделала паузу, как потом рассказала мне Рут, а затем добавила: "Я знаю, о чём вы подумали, мисс Кроуфорд, сейчас все так думают, если мужчина долго живет без женщины, но это не так. Мой брат, может, и стал знаменитым художником, но геем уж точно не был".

* * *

Этих двух мужчин любили и уважали, все это подтвердят, ведь они помогали своим соседям. Когда у Филли Лоубёрда случился сердечный приступ, и его поле было скошено лишь

наполовину, а грозы уже надвигались, папа отвёз его в больницу Касл-Рока, а Буч собрал несколько своих друзей, и они закончили работу до первых капель дождя. Они тушили травяные пожары и, случалось, домовые пожары вместе с местной добровольной пожарной командой. Папа вместе с мамой собирали деньги в так называемый Фонд помощи бедным, когда появлялось свободное от ремонта машин и работы на свалке время. Они тренировали детские спортивные команды. Бок о бок они готовили жареную свинину на мероприятиях, организованных добровольной пожарной частью весной, и барбекю из курицы на праздниках, которые знаменовали конец лета.

Просто сельские жители, живущие сельской жизнью.

Никаких скрипок.

Пока не заиграл целый оркестр.

* * *

Я знал многое об отце. Но еще больше я узнал от самой Рут Кроуфорд в кафе "Корнер Кофе Кап", расположенном напротив мотеля "Гейтвей" и в квартале от почтового отделения. Именно туда приходила папина корреспонденция, и обычно её было чертовски много. Я всегда заходил в "Кофе Кап" после того, как забирал почту. Кофе там был терпимый, не более того, но черничные кексы? Лучше не найти.

Я перебирал почту, отделяя зёрна от плевел, когда услышал:

— Можно присесть?

Это была Рут Кроуфорд, стройная и подтянутая, в белых брюках, розовом топе и подходившей по цвету маске, на дворе был второй год ковида. Она уже садилась за другую сторону столика, что меня развеселило.

— Вы не сдаётесь, да?

— Скромность девушку не красит и Нобелевскую премию не приносит, — ответила она и сняла маску. — Как здесь кофе?

— Неплохо. Как вы, должно быть, и сами знаете, ведь живёте прямо через дорогу. Кексы лучше. Но интервью всё равно не будет. Простите, мисс Кроуфорд, не могу.

— Останусь без интервью, ясно. Но давайте, всё, о чем мы поговорим, останется за кадром, ладно?

— То есть без огласки.

— Именно так.

Подошла официантка Сьюзи Макдональд. Я спросил её, успевает ли она с вечерними занятиями. Она улыбнулась за своей маской и ответила, что да. Мы с Рут заказали кофе и кексы.

— Вы знаете всех в этих трёх городах? — спросила Рут, когда Сьюзи ушла.

— Не всех, нет. Раньше я знал больше людей, а когда был школьным инспектором округа, еще больше. Только между нами, да?

— Абсолютно.

— Сьюзи родила в семнадцать, и родители прогнали её из дома. Святоши, церковь Христа-Искупителя. Она ушла жить к своей тёте в Гейтс. Потом она закончила среднюю школу и сейчас ходит на образовательные занятия при колледже Бэйтс. В конечном итоге она хочет стать ветеринаром. Я думаю, у неё всё получится, и с её дочуркой всё в порядке. А как у вас? Хорошо проводите здесь время? Много узнали о папе и дяде Буче?

Она улыбнулась.

— Я узнала, что ваш отец был лихачом до того, как женился на вашей матери — кстати, соболезную по поводу утраты.

— Спасибо. — Хотя в то лето 2021 года моей мамы не было уже пять лет.

— Ваш отец влетел в "Додж" какого-то старого фермера и на год лишился прав, вы это знали?

Я не знал и сказал ей об этом.

— Я узнала, что Дэйв ЛаВердые любил бары Льюистона и был влюблён в местную певичку, которая называла себя "малышка Джонна Джей". Ещё я узнала, что он вышел из Республиканской партии после Уотергейтского скандала¹⁶⁵, а ваш отец — нет.

— Папа будет голосовать за республиканцев до самой смерти. Но... — Я подался вперёд. — Всё ещё не для протокола?

— Абсолютно! — Она улыбалась, но глаза её сияли любопытством.

Я понизил голос до шепота.

— Он не голосовал за Трампа во второй раз. Не смог заставить себя проголосовать за Байдена, но Дональда ему хватило. Надеюсь, вы унесете эту тайну с собой в могилу.

— Клянусь. Я выяснила, что Дейв побеждал в ежегодном городском конкурсе по поеданию пирогов с 1960 по 1966 год, пока не бросил участвовать. Я узнала, что вашего отца сажали в кресло для окунания¹⁶⁶ на празднике "Дни старого дома"¹⁶⁷ до 1972 года. Есть забавные фотографии, где он запечатлен в старомодном купальном костюме и шляпе-котелке... водонепроницаемой, я полагаю.

— Мне было стыдно и неловко, — сказал я. — Меня потом дразнили в школе.

¹⁶⁵ Уотергейтский скандал — политический скандал в США 1972—1974 годов, закончившийся отставкой президента страны Ричарда Никсона

¹⁶⁶ Кресло для окунания — средневековое устройство, используемое для наказания женщин, обвиняемых в ведьмовстве или других преступлениях. Жертву сажали в кресло, прикрепленное к длинному рычагу, и погружали в воду

¹⁶⁷ "Дни старого дома" — праздник, который проводится в небольших городах и поселках, чтобы собрать вместе местных жителей, бывших жителей и гостей для празднования истории и культуры города. Такие мероприятия включают в себя парады, ярмарки, музыкальные выступления и различные традиционные игры и конкурсы

— Кроме того, я узнала, что когда Дейв отправился на запад, он упаковал всё необходимое в седельные сумки своего мотоцикла "Харли-Дэвидсон" и просто укатил. Ваши родители продали на распродаже всё остальное его имущество и отправили ему деньги. Ваш отец также продал за него его дом.

— С довольно неплохой прибылью, — заметил я. — Это было весьма кстати. К тому времени дядя Буч стал заниматься только живописью, и емугодились эти деньги, пока он не начал продавать свои работы.

— А ваш отец к тому времени сосредоточил свои усилия на писательстве.

— Да, но всё ещё управлял свалкой. Управлял, пока не продал её обратно городу в начале девяностых. Тогда она и стала полигоном.

— Он также купил автосалон "Пивис Кар Март" и продал его. Выручку отдал городу.

— Серьезно? Мне он никогда этого не говорил. — Хотя мама, без сомнений, знала про это.

— Да, отдал выручку, а почему бы и нет? Он ведь не нуждался в деньгах? К тому времени писательство стало его работой, а все городские дела были просто хобби.

— Благие дела, — заметил я, — никогда не бывают просто хобби.

— Эту мудрость вам поведал ваш отец?

— Моя мать.

— А что она думала о внезапной перемене в вашей судьбе? Не говоря уже о перемене судьбы вашего дяди Буча?

Я обдумывал её вопрос, пока Сьюзи подавала нам кофе с кексами. Потом произнёс:

— Мне не очень хочется об этом говорить, мисс Кроуфорд.

— Зови меня Рут.

— Рут... но мне всё равно не хочется в это углубляться.

Она намазывала маслом свой кекс. Смотрела на меня с каким-то острым недоумением — не знаю, как ещё это назвать, — от чего я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Сбранного мной материала хватит, чтобы написать хорошую статью и продать её журналу "Янки", — сказала она. — Десять тысяч слов текста, полного местного колорита и забавных анекдотов. Всё это дерьмо про Мэн, которое люди обожают, мэнский диалект и "я готов на всё". У меня есть фотографии настенных росписей на свалке Дейва ЛаВердые. Есть фотографии твоего отца — знаменитого писателя — в купальном костюме 1920-х годов, когда горожане пытаются сбросить его в бак с водой.

— Два доллара за три броска мячом в рычаг, скидывающий его туда. Вся прибыль шла в различные городские благотворительные фонды. Они радостно аплодировали каждый раз, когда он летел в воду.

— У меня есть фотографии, как они подают блюда из курицы туристам и отдыхающим, оба в передниках и шуточных колпаках с надписью "МОЖЕШЬ ПОЦЕЛОВАТЬ ПОВАРА".

— Многие женщины так и делали.

— У меня есть рыбацкие истории, охотничьи истории, истории о благих делах — например, как они помогали человеку с сердечным приступом заготовить сено. У меня есть история, как Лэрд катался на машине и лишился прав. У меня есть всё, и у меня нет ничего. То есть, нет ничего по-настоящему значимого. Люди с удовольствием рассказывают истории о них — я знал Лэрда Кармоди тогда, я знал Буча ЛаВердые тогда, но никто не объясняет, как они стали знаменитыми. Ты понимаешь, куда я клоню?

Я ответил, что понимаю.

— Но ведь ты-то кое-что должен знать, Марк. Что, черт возьми, произошло? Не расскажешь?

— Тут не о чем рассказывать, — солгал я, и, думаю, она поняла это.

* * *

Я помню, как осенью 1978 года комендант общежития (тогда реально были такие), пыхтя, поднялась на третий этаж "Робертс-Холла" и сообщила, что моя мама просит меня к телефону, и, судя по голосу, она крайне расстроена. Я поспешил вниз в маленькие апартаменты миссис Хэтэуэй, жутко боясь того, что могу услышать.

— Мам? Всё в порядке?

— Да. Нет. Не знаю. Что-то случилось с отцом, когда они охотились в Тридцатимильном лесу. — И потом добавила, словно ей пришла в голову запоздалая мысль. — И с Бучем.

У меня упало сердце, а яички, казалось, поднялись к самому горлу.

— Несчастный случай? Они пострадали? Кто-то... — я не смог закончить, как будто если спросить, погиб ли кто, это станет явью.

— С ними всё в порядке. Физически они здоровы. Но что-то произошло. Отец выглядит так, будто увидел привидение. И Буч... тоже. Они сказали мне, что заблудились, но это чушь собачья. Они оба знают Тридцатимильный лес как свои пять пальцев. Я хочу, чтобы ты приехал домой, Марк. Не сейчас, но в эти выходные. Может, ты сможешь вывести у него правду.

Но когда я попытался вывести, папа начал настаивать, что они просто заблудились, наконец нашли дорогу обратно к Джиласи-Крик (искаженная, американизированная версия микмакского слова "привет") и вышли за кладбищем Харлоу, как ни в чем не бывало.

Я поверил в эту чепуху не больше, чем мама. Я вернулся в школу, и перед рождественскими каникулами в моей голове возникла ужасная мысль: что один из них застрелил другого охотника — такое случается несколько раз в год в сезон охоты, — и они закопали тело в лесу.

В канун Рождества, после того как мама легла спать, я, наконец, набрался смелости и озвучил свою мысль. Мы сидели в гостиной, смотрели на ёлку. Папа словно испугался... но затем рассмеялся.

— Боже, нет! Если бы что-то такое случилось, мы бы сообщили об этом полиции и приняли бы любое наказание. Мы просто заблудились. Такое случается даже с лучшими из нас, малыш.

Я вспомнил мамины слова и едва не произнёс их: чушь собачья.

* * *

У моего отца было саркастическое чувство юмора, и лучше всего оно проявилось, когда из Нью-Йорка прилетел его бухгалтер — примерно в то время, когда опубликовали последний роман отца — и сообщил папе, что его состояние составляет чуть более десяти миллионов долларов. Не уровень Дж. К. Роулинг (или даже Джеймса Паттерсона), но вполне значительная сумма. Папа обдумал это и сказал:

— Похоже, книги делают гораздо больше, чем просто украшают комнату¹⁶⁸.

Бухгалтер озадачился, но я понял отсылку и засмеялся.

— Я не оставлю тебя без гроша, Марки, — сказал папа.

Должно быть, он заметил, как я скривился, или просто осознал смысл своих слов. Он наклонился и похлопал меня по руке, как делал, когда я был ребенком и меня что-то беспокоило.

Я уже не был ребенком, но был одинок. В 1988 году я женился на Сьюзан Уиггинс, юристе из окружной прокуратуры. Она говорила, что хочет детей, но постоянно откладывала на потом. Незадолго до двенадцатой годовщины нашей свадьбы (на которую я купил ей жемчужное ожерелье) она сказала, что уходит к другому мужчине. Это длинная история, как сие часто бывает, но это всё, что вам нужно знать, потому что рассказ не обо мне. Но когда мой отец сказал, что не оставит меня без гроша, я подумал — или, как мне кажется, мы оба подумали, — а кому оставлю я эти десять миллионов, когда придёт мое время?

Вероятно, школьному административному округу 19 штата Мэн. Школам всегда нужны деньги.

* * *

— Ты ведь должен знать, — продолжала настаивать Рут в тот день в кафе "Кофе Кап". — Просто обязан. Это всё не для записи, помнишь?

— Для записи или нет, но я действительно не знаю, — сказал я. Я лишь знал, что что-то случилось с папой и дядей Бучем в ноябре 1978 года на их ежегодной охоте. После этого папа стал писателем, автором толстых романов-бестселлеров (критики называли их "трёхтомниками"), а Дэйв ЛаВердые прославился сначала как иллюстратор, а потом как художник, "сочетающий сюрреализм Фриды Кало¹⁶⁹ с американской романтикой Нормана Роквелла¹⁷⁰" (вердикт "АртРевью").

¹⁶⁸ отсылка к фразе Сидни Смита "Нет мебели более очаровательной, чем книги"

¹⁶⁹ Фрида Кало — мексиканская художница, наиболее известная автопортретами

¹⁷⁰ Норман Роквелл — американский художник и иллюстратор

— Может, они спустились на перекрёсток, — сказала она. — Как якобы сделал Роберт Джонсон¹⁷¹. Заключил сделку с дьяволом.

Я рассмеялся, хотя совру, если скажу, что эта мысль не приходила мне в голову, особенно в грозовые летние ночи, когда раскаты грома не давали мне уснуть.

— Если даже и так, то контракт был заключен не на семь лет, а на гораздо большее время. Первая книга папы была опубликована в 1980 году, в том же году портрет Джона Леннона¹⁷², нарисованный дядей Бучем, попал на обложку "Тайм".

— Почти сорок лет для ЛаВердье, — задумчиво произнесла она, — а твой отец на пенсии, но всё ещё крепок.

— "Крепок" — громко сказано, — сказал я, вспоминая о влажных простынях, которые сменил этим утром перед поездкой в Рок. — Но он всё еще держится. А ты? Как долго ты собираешься оставаться в наших краях, выискивая грязное бельё Кармоди и ЛаВердье?

— Довольно мерзко сказано.

— Прости. Плохая шутка.

Она доела свой кекс (я же говорил, что здесь они хороши) и теперь разминала оставшиеся крошки указательным пальцем.

— Пару дней. Хочу вернуться в дом престарелых в Харлоу и, может, пообщаться с сестрой ЛаВердье, если она согласится. У меня получается очень продаваемая статья, но не та вещь, которую я хотела.

— Может, то, что ты хотела, вообще невозможно найти. Может, творчество должно оставаться загадкой.

Она сморщила носик и произнесла:

— Не трать силы на пустые фразы. Я оплачу счет?

— Нет.

* * *

Все в Харлоу знают наш дом на Бенсон-стрит. Иногда поклонники папиного творчества приезжают посмотреть на него, но часто разочаровываются: это обычная "солонка с крышкой"¹⁷³, каких полно в Новой Англии. Чуть крупнее большинства домов, с хорошей лужайкой, усеянной клумбами. Моя мать посадила цветы и ухаживала за ними до самой

¹⁷¹ Роберт Джонсон — американский певец, гитарист и автор песен, один из наиболее известных блюзменов XX века. Искусство игры на гитаре в стиле блюз давалось ему крайне тяжело. На какое-то время Роберт исчез, а когда появился в 1931 году, уровень его мастерства многократно возрос. По этому поводу Джонсон рассказывал байку о том, что есть некий магический перекрёсток, на котором он заключил сделку с дьяволом в обмен на умение играть блюз

¹⁷² Джон Леннон — британский рок-музыкант, основатель группы "Битлз"

¹⁷³ тип коттеджа, первоначально характерного для Новой Англии в XVII-XIX вв., двухэтажного с фасада и одноэтажного с тыла, с двухскатной крышей, имевшей длинный скат в сторону одноэтажной части и конек, сдвинутый к передней части

смерти. Теперь наш работник Джимми Григгс поливает и подрезает их. За исключением лилейников, растущих вдоль забора перед домом. За ними папа ухаживает сам, потому что мама любила их больше всего. Когда папа поливает их или просто медленно прогуливается мимо них, прихрамывая на свою трость, мне кажется, что он вспоминает женщину, которую всегда называл "моя дорогая Шейла". Иногда он наклоняется и гладит один из цветков. На участке растут лилейники разного цвета: жёлтые, розовые и оранжевые, но особенно он любит красные, которые, по его словам, напоминают ему её щеки, когда она краснела от смущения. Его публичный образ был жёстким и немного циничным, плюс этот его сарказм, но в глубине души он всегда был романтиком и мог быть сентиментальным. Однажды он сказал мне, что скрывал эту часть самого себя, потому что она легко ранима.

Конечно, Рут прекрасно знала, где находится наш дом. Несколько раз я видел, как она проезжала мимо нас на своей маленькой "Королле", а однажды остановилась, чтобы сделать несколько фотографий. Уверен, что она также заметила, что именно по утрам папа чаще всего прогуливается вдоль забора, любясь лилейниками, и если вы ещё не поняли, что она была очень настойчивой дамой, значит, я не справился со своей задачей.

Через два дня после нашего разговора "не-под-запись" в "Кофе Кап" она медленно катила по Бенсон-стрит и, вместо того чтобы проехать мимо, остановилась прямо возле маленьких табличек у ворот. Одна гласила: "ПОЖАЛУЙСТА, УВАЖАЙТЕ НАШУ ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ". Другая: "МИСТЕР КАРМОДИ НЕ ДАЕТ АВТОГРАФОВ". Я прогуливался с папой, как обычно, когда он осматривал лилейники; в то лето 2021 года ему уже исполнилось восемьдесят восемь лет, и даже с тростью он иногда пошатывался.

Рут вышла из машины и подошла к забору, но не пыталась открыть ворота. Настойчивая, но при этом не нарушающая границ. Мне это нравилось в ней. Чёрт возьми, она мне вообще всем нравилась. На ней была маска с цветочным принтом. Папа не носил масок, утверждая, что в них тяжело дышать, но делать прививки он не отказывался.

Папа смотрел на неё не только с любопытством, но и с лёгкой улыбкой. Она была хороша собой, особенно в свете летнего утра. Клетчатая рубашка, джинсовая юбка, белые носки и кроссовки, волосы собраны в хвост, как у подростка.

— Как сказано на табличке, мисс, я не даю автографов.

— О, я думаю, она пришла не за этим, — сказал я. Меня забавляла её наглость.

— Меня зовут Рут Кроуфорд, сэр. Я писала вам и просила об интервью. Вы отказали, но я решила попробовать ещё раз лично, перед тем как уехать в Бостон.

— А, — протянул папа. — Про меня и Буча, да? Счастливые случайные совпадения не дают вам покоя?

— Да. Хотя я не чувствую, что добралась до сути дела.

— До сути тьмы, — сказал он и рассмеялся. — Литературная шутка. У меня их куча, хотя они собирают пыль с тех пор, как я перестал давать интервью. Обет, который я не намерен нарушать, хотя вы мне кажетесь милой женщиной, и Марк говорит, что вы отлично справляетесь.

Меня одновременно удивило и порадовало, что он протягивает ей руку через забор. Похоже, она тоже удивилась, но пожала его руку, стараясь не сжимать слишком сильно.

— Спасибо, сэр. Я чувствовала, что должна попытаться. Кстати, ваши цветы прекрасны. Я люблю лилейники.

— Вы действительно их любите или просто так говорите?

— Действительно люблю.

— Моя дорогая Шейла тоже их любила. И поскольку ваши с ней вкусы совпали, я предложу вам сказочную сделку. — Его глаза сверкали. Её внешность — а может быть, и наглость — оживили его так же, как брызги воды оживляли цветы его дорогой жены.

Она улыбнулась.

— Что за сделка, мистер Кармоди?

— Я дарю вам три вопроса, и вы можете включить мои ответы в свою статью. Идёт?

Я был в восторге, и Рут Кроуфорд, похоже, тоже.

— Превосходно, — сказала она.

— Спрашивайте, юная леди.

— Дайте мне секундочку. Вы оказываете на меня давление.

— Верно, но под давлением из угля получаются бриллианты.

Она не стала спрашивать, можно ли записывать разговор, что, как мне показалось, было умным ходом. Она постучала пальцем по губам, поддерживая зрительный контакт с папой.

— Хорошо, первый вопрос. Что вам больше всего нравилось в мистере ЛаВердые?

Он ответил, не раздумывая.

— Преданность. Надежность. Это почти одно и то же, я полагаю. Мужчинам повезло, если у них есть хотя бы один хороший друг. У женщин, подозреваю, таких больше... но вам виднее.

Она задумалась.

— Думаю, у меня есть две подруги, которым я могу доверить свои самые сокровенные секреты. Нет... три.

— Тогда вам повезло. Следующий вопрос.

Она замялась, потому что у нее, наверняка, было не меньше сотни вопросов, и это короткое интервью через забор, к которому она не готовилась, было её единственным шансом. А улыбка папы — я бы не сказал, что совсем добрая — говорила, что он понимал положение, в которое её поставил.

— Время уходит, мисс Кроуфорд. Скоро мне придется зайти в дом и дать отдых своим немощным старческим ногам.

— Хорошо. Ваше самое лучшее воспоминание о времени, проведенном с вашим другом? Я бы хотела узнать и о худшем, но поберегу последний вопрос.

Папа засмеялся.

— Я не буду учитывать этот вопрос, потому что мне нравятся ваша настойчивость и ваша красота. Самое худшее — это моё последнее путешествие через всю страну в Сиэтл, когда я смотрел на гроб и понимал, что внутри него лежит мой старый друг. Его талантливая правая рука замерла навечно.

— А самое лучшее?

— Охота в Тридцатимильном лесу, — ответил он сразу. — Мы ездили туда каждую вторую неделю ноября, начиная с подросткового возраста и до тех пор, пока Буч не оседлал своего стального пони и не отправился на "золотой запад". Мы останавливались в небольшой хижине в лесу, её построил мой дед. Буч утверждал, что его дед помогал с крышей, что могло быть правдой, а могло и не быть ею. Хижина была примерно в четверти мили от Джиласи-Крик. У нас был старый джип "Виллис", и до 1954 или 1955 года на нём мы пересекали дощатый мост, парковались на другой стороне и шли к хижине с рюкзаками и ружьями. Потом мы перестали доверять мосту, потому что наводнения подмыли его, и стали парковаться на городской стороне и переходили пешком.

Он вздохнул, глядя вдаль.

— Из-за вырубки леса компанией "Даймонд Матч" и жилищного строительства на озере Дарк-Скор¹⁷⁴, где раньше был дом Нунэна¹⁷⁵, Тридцатимильный лес теперь больше похож на Двадцатимильный лес. Но в те времена там хватало леса для двух мальчишек... а затем двух молодых мужчин... чтобы побродить по нему. Иногда мы подстреливали оленя, а однажды подстрелили индейку, которая оказалась жесткой и кислой на вкус, но охота для нас была не главным. Нам просто нравилось быть вдвоем в течение этих пяти, шести или семи дней. Думаю, многие мужчины ходят в лес, чтобы выпить там и покурить, возможно, ходят по барам, чтобы снять на ночь женщин, но мы никогда не делали этого. Конечно, мы немного выпивали, но если брали с собой бутылку "Джека"¹⁷⁶, то её хватало на всю неделю, и ещё даже оставалось, и мы выливали остатки в огонь, чтобы посмотреть, как разгорается пламя. Мы говорили о Боге, о "Ред Сокс", о политике и о том, как весь мир может сгореть в ядерном огне.

— Помню, как однажды мы отдыхали, сидя на бревне, и вдруг появился олень, самый крупный в моей жизни, восемнадцатиточечный самец¹⁷⁷, возможно, самый большой, которого кто-либо когда-либо видел, по крайней мере, в этих краях... он шел по болотистой местности под нами, так изящно, как только можно себе представить. Я поднял своё ружье, но Буч положил руку мне на плечо. "Не надо", — сказал он. — "Пожалуйста, не стреляй. Только не в этого". И я не

¹⁷⁴ озеро Дарк-Скор, кроме того, упоминается в рассказе С. Кинга "Зловещие грёзы"

¹⁷⁵ Майк Нунэн — главный герой романа С. Кинга "Мешок с костями"

¹⁷⁶ виски "Джек Дэниелс"

¹⁷⁷ В Северной Америке охотники часто считают количество "точек" (отростков) на рогах оленя, чтобы определить его возраст, размер и трофейную ценность. Чем больше точек, тем ценнее считается трофей

стал стрелять. Вечерами мы разжигали огонь в камине и выпивали по капельке "Джека". Буч брал с собой блокнот и рисовал. Иногда, пока он рисовал, он просил меня рассказать ему какую-нибудь историю, и я рассказывал. Одна из тех историй в итоге стала моей первой книгой, "Грозовая буря".

Я наблюдал, как она пыталась запомнить всё это. Для неё это была бесценная информация, и для меня тоже. Папа никогда не рассказывал о хижине так подробно.

— Полагаю, вы не читали эссе "Вернись на плот, Хак, милый!"¹⁷⁸?

Рут покачала головой.

— Нет? Конечно, нет. Никто больше не читает Лесли Фидлера, а жаль. Он был дерзким возмутителем спокойствия, убийцей священных коров, читать его было весело. В своём эссе он утверждал, что гомоэротизм был великим двигателем американской литературы, что истории о мужской дружбе на самом деле были историями о подавленных сексуальных желаниях. Чепуха, конечно, это, вероятно, больше говорит о самом Фидлере, чем о мужской сексуальности. Потому что... почему? Кто из вас может мне ответить?

Рут, казалось, боялась разрушить заклинание (которое он наложил как на себя, так и на неё), поэтому голос подал я.

— Это поверхностно. Превращает мужскую дружбу в грязную шутку.

— Упрощенно, но близко к правде, — сказал папа. — Буч и я были друзьями, не любовниками, и в те дни в лесу мы наслаждались этой дружбой в её чистейшем виде. Это была своего рода любовь. Это не значит, что я любил Шейлу меньше или что Бучу меньше нравились его поездки в город — он был без ума от рок-н-ролла, который называл бопом, — но в Тридцатимильном лесу вся мирская суета отходила на второй план.

— Вы держались вместе, — сказал я.

— Да, верно. Ваш последний вопрос, мисс.

Она не колебалась.

— Так что же произошло? Как получилось, что из провинциалов вы превратились в мировые явления? Стали культурными иконами?

Что-то в его лице изменилось, и я вспомнил, как мама была встревожена, когда звонила мне в общежитие: "Твой отец выглядит так, словно увидел привидение". Если это было так, то, вероятно, он снова увидел его. Затем он улыбнулся, и привидение исчезло.

— Мы были просто двумя талантливыми засранцами, — сказал он. — На этом порешим. Теперь мне нужно в дом, укрыться от этого яркого солнца.

— Но...

¹⁷⁸ эссе, написанное американским литературным критиком Лесли Фидлером. В нём рассматриваются скрытые гомоэротические мотивы в литературе, в частности в романе Марка Твена "Приключения Гекльберри Финна")

— Нет. — Он сказал это резко, и она слегка отшатнулась. — Мы закончили.

— Думаю, ты получила больше, чем ожидала, — сказал я ей. — Удовлетворись этим.

— Полагаю, придется. Спасибо, мистер Кармоди.

Папа приподнял руку, страдающую от артрита, в знак признательности. Я повёл его обратно в дом и помог подняться по ступенькам крыльца. Рут Кроуфорд постояла немного, потом села в свою машину и уехала. Больше я её не видел, но, конечно, почитал статью, которую она написала о папе и дяде Буче. Статья была живой и полной забавных анекдотов, хотя и не глубокой. Она была опубликована в журнале "Янки" и была вдвое длиннее, чем обычно редакторы позволяли для того рода статей. Уверен, что Рут действительно получила больше, чем ожидала, когда остановилась у нашего дома по пути из города, в том числе и заголовок для своей статьи — "Два талантливых засранца".

* * *

Моя мама — Шейла Уайз Кармоди, Богоматерь лилейников — скончалась в 2016 году в возрасте семидесяти восьми лет. Это стало шоком для всех, кто её знал. Она не курила, изредка выпивала бокал вина по особым случаям, не была ни чрезмерно полной, ни слишком худой. Её мать дожила до девяноста семи лет, бабушка — до девяноста девяти, но мама перенесла обширный сердечный приступ, когда ехала домой из касл-рокского супермаркета "Ай-джи-эй", купив там кучу продуктов. Она съехала на обочину Сируа-Хилл¹⁷⁹, поставила машину на ручной тормоз, заглушила двигатель, сложила руки на коленях и ушла во тьму, окружающую эту яркую вспышку, которую мы называем жизнью. Мой отец был потрясен смертью своего старого друга Дэйва ЛаВердые, но смерть жены погрузила его в безутешное горе.

— Ей еще жить да жить, — сказал он на её похоронах. — Кто-то в небесной канцелярии допустил чудовищную ошибку. — Не слишком красноречиво, не лучшая его речь, но он действительно пребывал в шоке.

В течение шести месяцев после её смерти папа спал внизу на раскладном диване. Наконец, по моему настоянию, мы прибрались в спальне, в которой они провели бесчисленное количество ночей. Большую часть её одежды мы отдали в благотворительный магазин "Гудвилл" в Льюистоне, который она особенно любила. Её украшения он раздал друзьям, кроме обручального и свадебного колец, которые носил в кармане джинсов до самой своей смерти.

Уборка спальни далась ему крайне тяжело (мне тоже), но когда дело дошло до её маленького кабинета, который был чуть больше кладовки, примыкавшей к прихожей, он наотрез отказался.

— Я не могу, Марк, — сказал он. — Просто не могу. Это меня ломает. Сделай сам. Упакуй её бумаги и положи их в подвал. Я просмотрю их позже и решу, что нужно сохранить.

Но, насколько мне известно, он так никогда и не взглянул на них. Эти коробки до сих пор стоят там, где я их оставил, под столом для настольного тенниса, в который никто не играет с тех пор, как мы с мамой устраивали там "зарубы". Мама красочно ругалась всякий раз, когда я наносил

¹⁷⁹ Сируа-Хилл упоминается также в "Возрождении" и "Теле" С.Кинга

удар, с которым она не могла справиться. Убираться в её маленькой "комнатке для размышлений", как она её называла, было тяжело. Смотреть на пыльный стол для настольного тенниса с обвисшей зелёной сеткой было ещё тяжелее.

Через пару дней после необычного интервью отца с Рут Кроуфорд я вспомнил, что прежде чем войти с парой пустых коробок в мамину "комнатку для размышлений" и прибраться там, я принял валиум. Когда я добрался до нижнего ящика её стола, то нашёл там стопку блокнотов на пружине, и, открыв один из них, увидел безошибочно узнаваемый наклонный почерк своего отца. Записи в блокноте были сделаны до прорыва, после которого каждая его книга, даже первая, становилась бестселлером.

Его первые три романа, написанные ещё до того, как текстовые процессоры и компьютеры стали обычным явлением, были набраны на машинке "Ай-би-эм Селектрик"¹⁸⁰, которую он каждый день таскал домой из городского офиса Харлоу. Он давал мне почитать эти машинописные рукописи, и я прекрасно их помню. Там были места, где он зачёркивал слова и добавлял другие между строк, места, где он прочерчивал ручкой пару абзацев, если те были слишком длинными — так делали до появления кнопки удаления. Иногда он использовал клавишу "х", и "Прекрасный чудесный день" превращался "хххххххх чудесный день".

Почему я рассказываю об этом? Потому что в готовых рукописях "Грозовой бури", "Ужасного поколения" и "Шоссе 19" было мало зачёркиваний и исправлений. Блокноты на пружине, напротив, были полны вычёркиваний, причем на некоторых страницах их было так много, что трудно было прочесть текст. Другие страницы были полностью зачеркнуты, как будто в ярости. На полях были проставлены заметки вроде "Что будет с Томми?" и "Не забудь про комод!!!". Всего таких блокнотов набралась дюжина, и в самом низу лежал явно пробный вариант "Грозовой бури". Он не был ужасным... но и не был особо хорошим.

Вспоминая последний вопрос Рут, а также тревожный звонок моей матери в 1978 году, я нашел коробку с архивами, содержащую те старые блокноты. Я вытащил тот, который мне был нужен, и начал читать его, сидя со скрещенными ногами под голой лампочкой.

"Шторм приближался!

Джейсон Джек стоял на крыльце и смотрел, как на западе формируются черные тучи. Гром гремел! Молнии били повсюду! Разбиваясь о землю, как тараны огня! Ветер начал дуть, завывая. Джек был сильно напуган, но он не переставал смотреть. Огонь перед дождем, подумал он. ОГОНЬ ПЕРЕД ДОЖДЕМ!"

Эти слова рождали образы, и была попытка повествования, но всё это было как-то неумело и банально. На той странице и на последующих отец старался выразить то, что видел в своем воображении. Как будто он понимал, что описывает не очень хорошо, и всё время пытался, пытался, пытался сделать лучше. Это было болезненно, потому что могло получиться... но не получалось.

Я спустился вниз и взял экземпляр "Грозовой бури" с полки в кабинете отца. Открыл первую страницу и прочитал:

¹⁸⁰ серия электромеханических пишущих машин американской компании Ай-би-эм

"Надвигался шторм.

Джек Элвей стоял на крыльце, засунув руки в карманы и наблюдая, как на западе сгущаются черные, как дым, тучи, заслоняя собой звезды. Заворчал гром. Вспышки молний озаряли облака, придавая им вид сложных узоров, как ему казалось. Ветер начал усиливаться. Огонь перед дождем, подумал мальчик. Огонь перед дождем. Эта мысль приводила его в ужас, но он не мог оторвать свой взгляд".

Сравнивая плохую (но над которой явно старались) рукописную версию с окончательной версией в книге, я сначала вспомнил о фресках Буча ЛаВердые на свалке, а затем о его картине с Элвисом и Мэрилин на ярмарке, которая была продана за три миллиона долларов. Я снова подумал, что одна была бутоном, а другая — цветком.

По всей стране, да что там по стране — по всему миру, мужчины и женщины рисуют картины, пишут книги, играют на музыкальных инструментах. Кто-то посещает семинары, мастер-классы и художественные курсы. Кто-то платит личным учителям и педагогам. Плоды их трудов искренне восхищают друзей и родственников, которые говорят что-то вроде "Ух ты, как здорово!", а затем забывают о них. Когда я был ребенком, то всегда наслаждался рассказами своего отца. Они меня завораживали, и я думал: "Ух ты, как здорово, папа!" Уверен, что люди, проезжавшие мимо свалки, видели дерзкие и живые фрески дяди Буча о городской жизни и думали: "Ух ты, как здорово!" и ехали дальше по своим делам. Потому что всегда кто-то рисует картины, кто-то рассказывает истории, кто-то играет на гитаре композицию "Зови меня ветерком"¹⁸¹. Большинство из них забываются. Некоторых запоминают. И лишь крайне немногие оставляют неизгладимый, неповторимый след. Почему так происходит, я не знаю. И как эти два провинциала совершили скачок от хорошего к очень хорошему, а затем к великому — этого я тоже не знал.

Но я всё-таки выяснил.

* * *

Спустя два года после краткой беседы с Рут Кроуфорд папа снова осматривал лилейники, росшие вдоль забора. Он показывал мне, как отдельные цветы стали появляться по ту сторону забора, даже на другой стороне Бенсон-стрит, когда я услышал приглушенный треск. Первым делом я решил, что он наступил на упавшую ветку. Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами, с открытым ртом, и я подумал (я помню это отчетливо): вот так выглядел папа в своем детстве. Затем он наклонился вбок. Схватился за забор. Я схватил его за руку. Мы оба промахнулись. Он упал на траву и начал кричать.

Я не всегда носил с собой мобильный телефон — я не из того поколения, которое скорее забудет надеть нижнее белье, чем выйдет на улицу без телефона, — но в тот день он у меня был. Я сразу же позвонил в службу 911 и сообщил, что мне нужна скорая помощь по адресу Бенсон-стрит, 29, потому что с моим отцом произошел несчастный случай.

Я опустился на колени рядом с папой и попытался выпрямить его ногу. Он лишь вскрикнул и запротестовал: "Нет-нет-нет, это больно, Марки, это очень больно". Его лицо побелело, как

¹⁸¹ рок-песня американского певца и гитариста Джей Джей Кейла

свежевыпавший снег, как брюхо Моби Дика¹⁸², как амнезия. Я никогда не ощущал себя старым, вероятно, потому что человек, с которым я жил, был намного старше меня, но в тот момент я почувствовал себя глубоким стариком. Я велел себе не терять сознание. Велел себе не получать сердечного приступа. И надеялся, что машина скорой помощи Харлоу (которую в своё время оплатили мой отец с Бучем) находится поблизости, потому что скорая из Гейтс-Фоллс приедет через полчаса, а из Касл-Рока — ещё дольше.

Никогда не забуду крики отца. Слышу их до сих пор. Перед самым приездом машины скорой помощи Харлоу он потерял сознание. Это было даже облегчением. Они поместили его в машину с помощью подъёмника и отвезли в больницу Святого Стефана, где его стабилизировали — если можно стабилизировать девяностолетнего старика — и сделали рентген. У него сломалось левое бедро. Особой причины не было; это просто возраст. И это был не просто перелом, как сказал мне ортопед. Бедро словно взорвалось.

— Не уверен, как лучше поступить, — сказал доктор Патель. — Если бы он был вашего возраста, я бы, конечно, порекомендовал замену тазобедренного сустава, но у мистера Кармоди запущенный остеопороз. Его кости как стекло. Все кости. И, конечно же, он в преклонном возрасте. — Он развел руки над рентгеновскими снимками. — Решайте сами.

— Он в сознании?

Патель позвонил. Спросил. Послушал. Повесил трубку.

— Он под действием обезболивающих, но в сознании и может отвечать на вопросы. Он хочет поговорить с вами.

* * *

Даже несмотря на спад заболеваемости ковидом, свободные места в больнице Святого Стефана были на вес золота. Тем не менее, отцу выделили отдельную палату. Не только потому, что он мог за неё заплатить, но и потому, что был знаменитостью. И любимцем в округе Касл. Однажды я подарил ему футболку с надписью "ПИСАТЕЛЬ-СУПЕРЗВЕЗДА", и он с гордостью носил её.

Он уже был не таким бледным, как брюхо Моби Дика, но выглядел как тень самого себя. Его лицо было измождённым и блестело от пота. Волосы торчали в разные стороны.

— Сломал грёбаное бедро, Марки. — Его голос был чуть громче шепота. — Тот пакистанский врач говорит, что чудо, что этого не случилось на похоронах Бучи. Помнишь их?

— Конечно, помню. — Я сел рядом с ним и достал из кармана расчёску.

Он поднял руку в своём старом властном останавливающем жесте.

— Не надо, я не младенец.

— Я знаю, но ты выглядишь как безумец.

Рука упала на простыню.

¹⁸² гигантский белый кит из одноименного романа Германа Мелвилла

— Ладно. Но только лишь потому, что когда-то я менял твои подгузники с дерьмом.

Я подумал, что это, скорее всего, была работа мамы, но не стал с ним спорить, а просто привёл его волосы в порядок насколько смог.

— Пап, врач пытается решить, стоит ли тебе делать замену тазобед...

— Замолчи, — сказал он. — Мои штаны висят в шкафу.

— Папа, ты никуда не поедё...

Он закатил глаза.

— Господи Иисусе, я и без тебя это знаю. Принеси мне мою связку ключей.

Я нашёл её в его левом переднем кармане под мелочью. Дрожащей рукой он поднёс её к глазам (мне было больно смотреть на эту дрожь) и стал перебирать ключи, пока не нашёл маленький серебряный.

— Этот ключ открывает нижний ящик моего стола. Если я не переживу эту хренотень...

— Пап, ты поправи...

Он снова поднял руку (теперь с ключами), повторяя свой старый властный жест.

— Если я не переживу, ты найдёшь объяснение моего успеха — и успеха Буча — в этом ящике. Всё, что интересовало ту женщину... сейчас не могу вспомнить её имя... Она бы не поверила, и ты не поверишь, но это правда. Считаю это моим последним посланием миру.

— Хорошо. Я понял. А что насчёт операции?

— Ну, давай подумаем, пораскинем мозгами. Если я её не сделаю, то что меня ждёт? Инвалидное кресло? И, наверное, медсестра. Не симпатичная девушка, а здоровенный бритоголовый парень с запахом одеколона "Инглиш Лезер". Ты точно не сможешь таскать меня на своём горбу, не в твоём возрасте.

Спорить я не стал.

— Думаю, что пойду на это. Я могу умереть на операционном столе. Могу выкарабкаться, пройти шесть недель физиотерапии, а затем сломать другое бедро. Или руку. Или плечо. Бог обладает скверным чувством юмора.

Его кости были хрупки, но мозги по-прежнему прекрасно работали, даже под действием сильных обезболивающих. Я был рад, что он не стал перекладывать ответственность за решение — и его последствия — на меня.

— Я скажу доктору Пателю.

— Так и сделай, — сказал он, — и передай ему, чтобы подготовил тонну обезболивающих. Я люблю тебя, сынок.

— Я тоже тебя люблю, папа.

— Верни мне ключи, если я выкарабкаюсь. Если нет, то загляни в ящик.

— Будет сделано.

— Как звали ту женщину? Крокетт?

— Кроуфорд. Рут Кроуфорд.

— Она хотела получить ответ. Объяснение. Единой теории творчества, Боже, храни Королеву. А в итоге я подкинул ей ещё большую загадку. — Его глаза закрылись. — Что бы они мне ни дали, это, должно быть, мощное средство. Сейчас боли нет. Она вернётся, но сейчас, кажется, я смогу поспать.

Он уснул, но больше не проснулся. Сон перешёл в кому. За несколько лет до этого он подписал отказ от реанимации в случае остановки сердца или дыхания. Я сидел у его кровати и держал его за руку, когда его сердце остановилось в 9:19 на следующий вечер. О нем даже не написали некролог в "Нью-Йорк Таймс", потому что в ту же ночь в автокатастрофе погиб бывший госсекретарь. Папа бы сказал, что эта история стара как мир: и в смерти, и в жизни политика почти всегда доминирует над искусством.

* * *

На похороны в баптистскую церковь Грейс пришли почти все жители Харлоу, а также представители прессы. Рут Кроуфорд приехать не смогла, так как была занята в Калифорнии, но прислала цветы и приятную записку с соболезнованиями. К счастью, директор похоронного бюро знал, что будет много народа, поэтому установил на церковной лужайке колонки для тех, кому не хватило места внутри. Он даже предложил повесить экраны для видеотрансляции, но я отказался, сказав, что это похороны, а не рок-концерт. Служба у могилы была короче и менее людной, и когда через неделю я пришёл с цветами (лилейниками, конечно), я был в полном одиночестве — последний лист на семейном древе Кармоди, теперь становящийся осенне-коричневым. *Sic transit gloria mundi*¹⁸³.

Я опустил на колени, чтобы поставить вазу у надгробия.

— Привет, папа, у меня есть ключ, который ты мне дал. Я выполняю твою последнюю волю и открою тот ящик, но если там найдётся хоть что-то, что объясняет ваш успех, я буду... как ты обычно говорил в таких случаях?... обезьяним яйчком¹⁸⁴.

* * *

Первое, что я нашел в ящике, была папка из манильской бумаги. Либо этот хитрый лис всё-таки не отказался от своего ноутбука, либо попросил кого-то в библиотеке распечатать для него материал, потому что сверху лежала распечатка статьи из журнала "Тайм" от 23 мая 2022 года. Заголовок гласил: "НАКОНЕЦ-ТО КОНГРЕСС НАЧАЛ ВОСПРИНИМАТЬ НЛО ВСЕРЬЁЗ".

Я пробежался глазами и узнал, что в наши дни НЛО называются НВЯ (неопознанные воздушные явления). Слушания в Конгрессе под председательством Адама Шиффа были первыми по

¹⁸³ с латыни "Так проходит слава мирская"

¹⁸⁴ В начале и середине двадцатого века обезьяньи тестикулы пересаживали пожилым состоятельным людям для продления молодости

данной теме за последние пятьдесят лет, со времен проекта "Синяя книга"¹⁸⁵, и все свидетели подчеркивали, что в центре внимания были не маленькие зелёные человечки с Марса или откуда-то ещё. Все заявляли, что хотя внеземное происхождение кораблей нельзя исключать, оно считается крайне маловероятным. Их беспокоила вероятность того, что какая-то другая страна — Россия, Китай — разработала гиперзвуковую технологию, значительно превосходившую американскую.

Под распечаткой лежали пожелтевшие и слегка ломкие вырезки из газет, датированные сентябрем и октябрем 1978 года. Одна из вырезок из "Пресс Геральд" была озаглавлена "ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ ЗАМЕЧЕНЫ НАД МАРДЖИНАЛ-УЭЙ". Вырезка из "Касл-Рок Колл" гласила: "НЛО В ФОРМЕ СИГАРЫ ЗАМЕЧЕН НАД КАСЛ-ВЬЮ"¹⁸⁶. Там была фотография Вью с ржавой "Лестницей самоубийц"¹⁸⁷ (давно исчезнувшей, как и настенные росписи моего дяди Буча на свалке), зигзагообразно поднимавшейся вверх по склону. Однако на фото не было запечатлено никаких следов летающей "Белой Совы"¹⁸⁸.

Под папкой с вырезками лежал блокнот на пружине. Я открыл его, ожидая увидеть ещё одно из ранних произведений отца — возможно, набросок "Ужасного поколения" или "Шоссе 19". Это был, несомненно, его почерк, с наклоном влево, однако я не увидел ни зачеркиваний, ни каракулей, ни мучительных попыток найти способ выразить свою мысль. Это ничуть не походило на его ранние записные книжки, которые я обнаружил после смерти матери. Это был Лэрд Кармоди, полностью контролировавший свой писательский талант, хотя некоторые буквы были выведены неуверенной рукой. Мне показалось, что этот текст был написан уже после его ухода на пенсию.

Папа был уважаемым романистом, известным своим умением рассказывать истории, и мне понадобилось прочитать всего три страницы, чтобы понять, что это ещё одна выдуманная история, хотя и с реальными людьми — Лэрдом Кармоди и Дейвом ЛаВердые — в качестве вымышленных персонажей. Метапроза¹⁸⁹, другими словами. Это не редкость; многие прекрасные писатели экспериментировали с этим концептом (или, наверное, это можно назвать причудой). Дейв точно не возражал бы, думал папа, потому что его старый друг уже был на том свете. Утверждения папы в больничной палате, что всё это правда, были вызваны, очевидно, действием наркотиков и боли. Такое случается. Разве в конце своей жизни Натаниель Готорн¹⁹⁰ не путал себя с преподобным Димсдейлом, а Эмили Дикинсон не покинула этот мир со словами: "Я должна войти, чтобы туман рассеялся"?

Мой отец никогда не писал ни фантастику, ни метапрозу, а здесь было и то, и другое, но он всё равно использовал свои старые писательские трюки и приёмы. Я сразу же увлекся и на одном

¹⁸⁵ Проект "Синяя книга" — один из серии проектов систематических исследований поступающих сообщений о неопознанных летающих объектах, проводившихся ВВС США в середине XX века. Начался в 1952 году и прекращён в конце 1969 года

¹⁸⁶ Касл-Вью — вымышленный городок недалеко от Касл-Рока в произведениях С. Кинга, упоминается, например, в "Необходимых вещах"

¹⁸⁷ "Лестница самоубийц" — дорога, ведущая из Касл-Рока на Касл-Вью. Почему она так называется, объясняется в романе С.Кинга "Гвенди и её шкатулка"

¹⁸⁸ "Белая сова" — марка сигар машинного производства

¹⁸⁹ Метапроза — литературное произведение, которое подчеркивает свою структуру повествования таким образом, что напоминает аудитории, что та читает или смотрит вымышленное произведение

¹⁹⁰ Натаниель Готорн — американский писатель и литератор, один из первых и наиболее общепризнанных мастеров американской литературы, Димсдейл — герой его романа "Алая буква"

дыхании дочитал до конца. И не только потому, что знал людей и пейзажи Харлоу. Лэрд Кармоди всегда умел рассказывать истории, это признавали даже его самые строгие и суровые критики, и эта история была хороша. Но правдива ли она была?

У меня были глубокие сомнения.

2

В давние времена, когда мы с Бучем управляли городской свалкой, у нас был "Вторник бомжа". Это была идея Буча (у нас также была "Крысиная суббота", но это уже другая история).

— Если они собираются рыться в мусоре, — сказал Буч, — то пусть у них будет определённый день для этого, и мы могли бы присматривать за ними, чтобы какой-нибудь пьянчужка или торчок не порезал себе ногу и не подхватил гангрену.

Одного старого алкаша, который появлялся по вторникам чаще других, звали Ренни Лакасс. Он был из тех, кого в Мэне называют "трещоткой". Наверное, он болтал даже во сне. Всякий раз, когда он заводил разговор про былые времена, то начинал с фразы: "Та картинка никогда не сотрётся из моей памяти".

У меня были такие же ощущения относительно нашей поездки на охоту в 1978 году, которая до неузнаваемости изменила наши жизни. Эти картинки никогда не сотрутся из моей памяти.

* * *

Мы выехали 11 ноября 1978 года, в субботу, и планировали вернуться 17 или 18 числа, возможно, раньше, если подстрелим оленя. В этом случае у нас было бы достаточно времени, чтобы разделать его в мясной лавке Ордвея в Гейтс-Фолс. Всем нравилась оленина на День благодарения, особенно Марку, который должен был вернуться из колледжа 21-го числа.

Ещё в начале пятидесятых мы с Бучем скинулись и купили армейский джип "Виллис". К 1978 году эта колымага всё ещё идеально подходила для того, чтобы загрузить в неё наше снаряжение и продукты и отправиться в лес. Шейла каждый год говорила мне, что "НеллиБель"¹⁹¹ обязательно сломается где-нибудь в Тридцатимильном лесу, но этого так и не случилось. Мы ездили на этом "Виллисе" до тех пор, пока Буч не укатил на запад. Но после 1978 года мы нечасто ездили на охоту. Даже старались избегать этой темы. Хотя думали об этом, конечно. Трудно было не думать. К тому времени я уже продал свою первую книгу, а Буч зарабатывал деньги, рисуя комиксы и графические романы. Не такие деньги, какие свалятся на него позже, но, как сказал бы Ренни Лакасс, по меркам нашей деревни вполне приличные.

Я поцеловал Шейлу, Буч обнял её, и мы отправились в путь. Чапел-роуд вывела нас на Семетери-роуд, а затем на три лесные дороги, каждая из которых была более заросшей, чем предыдущая. К тому времени мы уже углубились в Тридцатимильный лес и вскоре услышали ручей Джиласи-Крик. Обычно он издавал безобидные хихикающие звуки, но то лето и осень выдались дождливыми, и старый Джиласи грозно ревел.

¹⁹¹ "НеллиБель" — прозвище джипа в американском телесериале "Шоу Роя Роджерса"

— Надеюсь, мост ещё на месте, — сказал Буч.

Мост стоял на месте, но немного накренился на правый борт. К одной из опор была прибита жёлтая табличка с единственным словом "НЕБЕЗОПАСНО". Весной следующего года мост полностью смоеет. После этого для того, чтобы переправиться через Джиласи, нужно было проехать двадцать миль вниз по течению. Практически до самого Бетела.

Мы и без таблички всё понимали. Уже несколько лет мы не решались проехать по этому мосту, а в тот день не были уверены, что осмелимся перейти его пешком.

— Ну, — произнёс Буч, — будь я проклят, если проеду двадцать миль по шоссе 119, а потом двадцать миль обратно.

— Тебя точно остановит коп, если ты попытаешься, — сказал я и хлопнул по боку "Виллиса". — На "НеллиБель" нет талона техосмотра с 1964 года.

Он схватил свой рюкзак и спальный мешок и подошёл к краю старого деревянного моста. Там он остановился и оглянулся.

— Ты идёшь?

— Думаю, я постою и посмотрю, переберёшься ли ты, — ответил я. — Если мост рухнет, я тебя выловлю. А если течение унесёт тебя раньше, чем я успею, то помашу тебе на прощание. — На самом деле я не хотел, чтобы мы оба оказались на мосту одновременно. Не надо испытывать судьбу.

Буч пошёл через мост. Сквозь шум ручья я слышал стук его ботинок. Когда он перебрался на другой берег, то сложил своё снаряжение, спустил штаны и показал мне зад.

Когда я переходил через мост, то чувствовал, как он дрожит, словно был живым и испытывал боль. Мы вернулись назад — по одному, конечно — и достали коробки с продуктами. В них было полно еды: тушёнка "Динти Мур", консервированный суп, сардины, яйца, бекон, контейнеры с пудингом, кофе, куча хлеба "Вондер Брэд", две упаковки из шести банок пива и наша ежегодная бутылка "Джека Дэниелса". А также пара тибон-стейков¹⁹². В те дни мы много ели, хотя и не совсем здоровую пищу. В последний переход через мост мы взяли с собой наши ружья и аптечку. Она была увесистой. Мы оба являлись членами добровольной пожарной дружины Харлоу, и прохождение курса первой медицинской помощи было обязательным условием. Шейла настояла на том, чтобы мы захватили на охоту аптечку, потому что в лесу, бывает, происходят несчастные случаи. Иногда серьёзные и очень неприятные.

Когда мы накрывали "НеллиБель" брезентом, чтобы её не залило дождем, Буч сказал:

— Сейчас кто-нибудь из нас наверняка свалится в воду, вот увидишь.

Но, слава Богу, мы не свалились, хотя в тот последний переход нам пришлось идти вместе, держа аптечку с обеих сторон, которая весила фунтов тридцать и была размером с солдатский сундучок. Мы обсуждали, не оставить ли ее в джипе, но в итоге не оставили.

¹⁹² тяжелый и сытный стейк, который получил свое название за Т-образную косточку

На дальней стороне моста была небольшая поляна. Она могла бы стать отличным местом для рыбалки, если бы Джиласи не протекал через Мексико и Рамфорд¹⁹³, прежде чем прибыть к нам, и любая пойманная рыба не была бы ядовита из-за стоков с текстильных фабрик. За поляной начиналась заросшая тропинка, которая находилась в четверти мили от нашей хижины и вела к ней. В то время хижина была ещё аккуратной, с двумя спальнями, кухней с дровяной печью в главной комнате и компостным туалетом на заднем дворе. Электричества, естественно, не было, но была небольшая насосная станция для воды. Короче, было всё, что могло понадобиться паре опытных охотников.

К тому времени, когда мы затащили в домик весь наш груз, уже почти стемнело. Я приготовил ужин (Буч всегда был готов внести свою лепту в общее дело, но, как говорила моя Шейла, этот человек умудрялся сжечь даже воду), а Буч развел огонь в камине. Я устроился поудобнее с книгой — нет ничего лучше Агаты Кристи, когда находишься в лесу, — а у Буча был альбом для рисования "Стратмор", который он наполнял карикатурами, шаржами и лесными пейзажами. Его фотоаппарат "Никон" лежал на столе рядом с ним. Наши ружья стояли в углу, они были не заряжены.

Мы, как всегда, немного поболтали, немного о прошлом и немного о наших надеждах на будущее. К тому времени эти надежды уже угасали (мы были в раннем среднем возрасте), но в лесу они всегда казались чуть более реальными, чуть более достижимыми, в лесу, где всегда было так тихо и жизнь казалась менее... загруженной? Не совсем верное слово. Менее захлавленной. Никаких телефонных звонков и никаких пожаров — как в прямом, так и в переносном смысле, — которые нужно тушить. Думаю, мы ходили в лес даже не поохотиться, хотя если олень попадал в поле нашего зрения, разве мы могли от него отказаться? Думаю, мы отправлялись туда, чтобы быть лучше. Ну... может, честнее. С Шейлой я всегда старался быть лучше.

Помню, как в ту ночь я лег спать, натянув одеяло до подбородка, и слушал, как ветер вздыхает в кронах деревьях. Помню, я думал, что угасание надежд и амбиций прошло для меня в целом безболезненно. Это было и хорошо, и ужасно. Я хотел стать писателем, но начинал думать, что стать хорошим писателем мне уже не суждено. Мир всё равно продолжит вращаться. Вы расслабляете руку... разжимаете пальцы... и что-то улетает. Помню, как думал, что, может, это нормально.

За окном сквозь качающиеся ветви виднелись звезды.

Эта картина никогда не сотрётся из моей памяти.

* * *

12-го числа мы надели свои оранжевые жилеты и шапочки и отправились в лес. Утром мы разделились, а в обед собрались вместе, чтобы поесть и обсудить, что видели, а чего — нет. В тот первый день мы вернулись в хижину, и на обед я приготовил большую кастрюлю макарон с сыром и полфунта бекона (я называл это венгерским гуляшом, но любой уважающий себя венгр, взглянув на эту похлёбку, закрыл бы глаза от тоски). Во второй половине дня мы охотились вместе.

¹⁹³ города в штате Мэн

На следующий день мы устроили пикник на поляне, глядя на "НеллиБель" через ручей, который в тот день больше напоминал реку. Буч приготовил бутерброды — это ему можно было доверить. Мы пили сладкую воду из колодца, а на десерт у нас были фруктовые пироги "Хостесс": черничные для меня, яблочные для Буча.

— Встречал оленей? — спросил Буч, облизывая глазурь с пальцев. Ну... эти пироги не совсем глазированные, но в них есть вкусная глазурь.

— Не-а. Ни вчера, ни сегодня. Но ты же знаешь, как говорят старожилы: олени знают, когда наступает ноябрь, и прячутся.

— Вообще-то думаю, что в этом есть зерно правды, — молвил Буч. — Они действительно любят исчезать после Хэллоуина. А выстрелы слышал?

Я задумался.

— Пару выстрелов вчера. Сегодня — ни одного.

— Хочешь сказать, что мы — единственные охотники в Тридцатимильном лесу?

— Господи, нет, конечно. В лесу между этим местом и озером Дарк-Скор, наверное, лучшая охота в округе, ты же знаешь. Сегодня утром я видел пару парней вскоре после того, как вышел из хижины, хотя они меня не заметили. Кажется, один из них был тот дурачок Фредди Скиллинс. Тот, который любит называть себя плотником.

Буч кивнул.

— Я был на горбатом хребте и увидел троих мужчин на другой стороне. Они были одеты как модели из каталога "Эл-эл-Бин"¹⁹⁴ и были с винтовками с оптическими прицелами. Наверняка, приезжие. И на каждого, кого мы видим, есть, наверное, еще пять-десять человек. Должно быть много выстрелов, ведь не все же олени решили сбежать в Канаду, так?

— Маловероятно, — ответил я. — Олени где-то там, Бучи.

— Тогда почему мы их не видим? И послушай!

— Что я должен послушать...

— Просто заткнись на минуту и услышишь. Точнее, ничего не услышишь.

Я заткнулся. Я слышал рев Джиласи, несомненно, подмывавший опоры моста, пока мы сидели на траве и доедали последние кусочки фруктовых пирогов. Я слышал далекий гул самолета, вероятно, направлявшегося в Портлендский аэропорт. И больше ничего.

Я посмотрел на Буча. Он смотрел на меня без улыбки. Серьезный.

— Ни одной птицы, — заметил я.

— Да. А в лесу их должно быть полно.

¹⁹⁴ "Эл-эл-Бин" — американская компания, известная своей одеждой и снаряжением для активного отдыха

В этот момент громко каркнула ворона.

— Ну вот, — сказал я, почувствовав облегчение.

— Одна ворона, — сказал он. — Большое событие. А где малиновки?

— Улетели на юг?

— Еще нет, не все. Мы должны слышать поползней и кардиналов. Может быть, щеглов и синиц. Но не слышно даже чертового дятла.

Обычно я не обращаю внимания на звуки леса — привык уже к ним, — но теперь, когда он указал на это... действительно где же все птицы? И еще кое-что.

— Белки, — сказал я. — Они должны бегать повсюду, готовясь к зиме. Вроде бы я видел парочку... — Я запнулся, потому что даже в этом не был уверен.

— Это инопланетяне, — произнёс Буч тихим, шутливо-зловещим голосом. — И прямо сейчас они подкрадываются к нам через лес. Со своими дезинтеграторными лучевыми пушками.

— Ты читал ту статью в "Колл", — сказал я. — Ту, про летающую тарелку.

— Это была не тарелка, а сигара, — заметил Буч. — Летающая сигара.

— Типарилло¹⁹⁵ с планеты X, — сказал я.

— Со страстью к земным женщинам!

Мы посмотрели друг на друга и захихикали.

* * *

В тот день у меня родилась идея для рассказа — позже он превратится в роман под названием "Ужасное поколение", — и вечером я начал делать кое-какие пометки в своем блокноте на спирали. Я пытался придумать хорошее имя для молодого человека-злодея, который был центральной фигурой истории, когда дверь хижины с грохотом распахнулась, и в дом вбежал Буч.

— Пошли, Лэр. Ты должен это увидеть. — Он схватил фотокамеру.

— Что увидеть?

— Просто пошли!

Я взглянул на его широко раскрытые глаза, отложил блокнот и последовал за ним к выходу. Пока мы шагали четверть мили к поляне и ручью, он рассказал мне, что вышел проверить, увеличился ли наклон моста (мы бы услышали, если бы он полностью рухнул). Затем он заметил что-то в небе и забыл про мост.

— Смотри, — сказал он, когда мы добрались до поляны, и указал наверх.

¹⁹⁵ Типарилло — это более короткая, тонкая и мягкая версия сигары с пластиковым кончиком

Начался дождь, морозящий дождик, похожий на мелкий туман. Было уже совсем темно, и по идее я не должен был видеть низко нависшие облака, но видел, потому что их освещали медленно движущиеся круги яркого света. Пять, потом семь, затем девять. Они были разных размеров. Самый маленький был, наверное, тридцать футов в поперечнике. Самый большой достигал сотни. Они не светили на облака, как это делает яркий прожектор или мощный фонарь, они были в самих облаках.

— Что это? — спросил я почти шепотом.

— Не знаю, но точно не Типарилло.

— И не Белая Сова, — сказал я, и мы рассмеялись. Но не так, как смеются над чем-то смешным, а нервным смешком, так, как смеются, когда ошарашены.

Буч делал снимки. Это было за много лет до того, как революционные технологии начнут моментально выдавать фото, однако позже, когда он проявил фотографии в своей маленькой темной комнатке, я просмотрел их. Они разочаровали. Просто большие круги света над темными неровными контурами верхушек деревьев. С тех пор я видел много фотографий НЛО (или НВЯ, если вам так больше нравится), и они всегда разочаровывали: размытые формы, которые могли быть чем угодно, в том числе подделками мистификаторов. Нужно было оказаться там, чтобы понять, насколько это было удивительно, чудесно и странно: огромные беззвучные огни, движущиеся в облаках, словно танцующие вальс.

Что я помню наиболее отчетливо — помимо чувства благоговения — так это то, что в течение тех пяти или десяти минут мое сознание разделилось, а чувства смешались. Я хотел узнать, откуда исходят эти огни... и в то же время не хотел. Я боялся, что мы находимся рядом с артефактами — возможно, даже разумными существами — с другой планеты. Это воодушевляло меня, но одновременно и пугало. Вспоминая тот первый контакт с чем-то внеземным (а это, безусловно, было так), думаю, у нас было только два выбора: смеяться или кричать. Будь я один, то почти наверняка закричал бы. И убежал бы, вероятно, спрятался бы под кровать, как ребенок, и отрицал бы, что что-то видел. Но поскольку мы были вместе, двое взрослых мужчин, то мы засмеялись.

Я говорю, что это длилось пять-десять минут, но могло быть и дольше. Я не знаю. За это время морось перешла в настоящий дождь. Два ярких круга уменьшились и исчезли. Затем исчезли еще два или три. Дольше всех оставался самый большой, но потом и он начал уменьшаться. Он не двигался из стороны в сторону; просто уменьшился до размеров тарелки, потом до пятидесятицентовика, потом до пенни, потом до блестящей точки... и исчез. Будто резко взмыл прямо вверх.

Мы стояли под дождем, ожидая, что будет дальше. Но ничего не происходило. Через какое-то время Буч схватил меня за плечо. Я вскрикнул.

— Извини, извини, — пробормотал он. — Пойдем в дом. Световое шоу закончилось, а мы промокаем.

Мы зашли в дом. Перед выходом я не удосужился набросить куртку, поэтому сразу же развел огонь, который уже почти угас, и снял с себя мокрую рубашку. Я растирал руки и дрожал.

— Если мы расскажем людям, что видели, то нам не поверят, — сказал Буч. — Или просто пожмут плечами и скажут, что это было какое-то странное погодное явление.

— Может, так оно и было. Или... как далеко отсюда аэропорт Касл-Рока?

Он пожал плечами.

— Должно быть, двадцать или тридцать миль к востоку отсюда.

— Может, это были огни взлетно-посадочной полосы... может, из-за облаков... влажности... какой-то преломляющий эффект...

Он сидел на диване, положив камеру на колени, и смотрел на меня. Слегка улыбаясь. Не произнося ни слова. Ему и не нужно было их произносить.

— Но ведь это же чушь, да? — сказал я.

— Да. Я не знаю, что это было, но это точно были не огни аэропорта и не чёртов метеозонд. Там было восемь или десять этих штук, может, дюжина, и они были большими.

— В лесу есть и другие охотники. Я видел Фредди Скиллинса, а ты видел трех парней, которые, вероятно, были приезжими. Они тоже могли это видеть.

— Может, и видели, но что-то я сомневаюсь. Я просто оказался в нужном месте — на поляне у края ручья — и в нужное время. В любом случае, всё закончилось. Я пошел спать.

* * *

Весь следующий день лил дождь, это было 14-е число. Никому из нас не хотелось выходить на улицу и мокнуть в поисках оленей, которых мы, скорее всего, даже не найдем. Я читал и немного работал над своей идеей для рассказа. Я всё пытался придумать хорошее имя для плохого парня, но безуспешно, возможно, потому что у меня не было чёткого представления о том, почему он плохой. Буч провёл большую часть утра со своим блокнотом. Он нарисовал три разных рисунка огней в облаках, а потом с отвращением забросил их.

— Надеюсь, фотографии получатся, потому что эти рисунки — отстой, — сказал он.

Я взглянул на них и сказал, что они хорошие, но это было неправдой. Они не были отстойными, но совершенно не передавали странную и необычную атмосферу того, что мы вчера увидели. Масштаб.

Я посмотрел на все вычеркнутые предполагаемые имена моего злодея. Триг Адамс. Нет. Вик Элленби. Нет. Джек Клэггарт. Слишком очевидно. Картер Кантвелл. Фу. История, которую я задумал, была какой-то аморфной: имелась идея, но не было конкретики. Зацепиться было не за что. Это напомнило мне о том, что мы видели прошлым вечером. Там что-то было, но что именно, сказать было невозможно, потому что оно было в облаках.

— Что делаешь? — спросил меня Буч.

— Страдаю фигнёй. Наверное, пойду вздремну.

— А как же обед?

— Не хочу.

Он задумался, затем посмотрел в окно на непрекращающийся дождь. Нет ничего холоднее ноябрьского дождя. Мне пришло в голову, что кто-то должен написать об этом песню... и, в конце концов, кто-то действительно написал¹⁹⁶.

— Вздремнуть — это как раз то, что нужно, — сказал Буч. Он отложил блокнот и встал. — Знаешь, Лэр, я буду рисовать до конца жизни, но так и не стану художником.

* * *

Дождь прекратился только в четыре часа дня. К шести облака разошлись, и нам открылись звезды и кусочек луны — "Божий ноготок", как говорят старожилы. Мы поужинали стейками (а хлебом "Вондер Брэд" собирали сок от них и поглощали его), а потом вышли на поляну. Мы не говорили о произошедшем вчера, просто направились туда снова. Стояли там, наверное, с полчаса, задрав головы. Не было ни огней, ни тарелок, ни летающих сигар. Затем вернулись домой, Буч нашел колоду карт "Байсикл" в шкафчике гостиной, и мы играли в криббедж¹⁹⁷ почти до десяти часов.

— Я слышу Джиласи даже отсюда, — сказал я, когда мы закончили последнюю партию.

— Знаю. От этого дождя мосту только хуже. Зачем вообще нужен этот чертов мост? Ты никогда не задавался этим вопросом?

— Думаю, в шестидесятых у кого-то родилась идея застройки. Или это лесозаготовщики. Наверное, они вырубили эти леса ещё до Первой мировой войны.

— Как смотришь на то, чтобы поохотиться ещё денёк и вернуться?

Мне пришло в голову, что он думает о чем-то большем, чем просто о возвращении домой (причём, скорее всего, с пустыми руками). Что-то изменилось в нем, после того как он увидел эти огоньки в облаках. Возможно, что-то изменилось в нас обоих. Я не хочу называть это моментом прозрения. Просто иногда вы видите что-то, огни в небе или какую-то тень в определённое время дня и то, как она ложится поперек вашего пути. И воспринимаете это как знак свыше и решаете двигаться дальше. Говорите себе: да, я был ребёнком, говорил как ребёнок, понимал как ребёнок, думал как ребёнок, но приходит время оставить детские забавы.

А, может, я всё это нафантазировал.

— Лэр?

— Конечно. Ещё один день, потом вернёмся. Мне нужно очистить водостоки, пока не выпал снег, а я всё откладываю.

* * *

¹⁹⁶ имеется в виду песня "Ноябрьский дождь" группы "Ганз-эн-Роузес"

¹⁹⁷ Криббедж — карточная игра для 2 игроков, популярная в Англии и США

Следующий день выдался прохладным, ясным и идеальным для охоты, но мы не увидели ни одного белохвостого оленя. Я не слышал пения птиц, только изредка каркали вороны. Я внимательно смотрел по сторонам в поисках белок, но не заметил ни одной. Даже бурундуков не было, а лес должен был кишеть ими. Я услышал несколько выстрелов, но они прозвучали далеко, возле озера, и охотники стреляли не обязательно по оленям. Иногда ребятам становится скучно, и они выпускают пару патронов, особенно если понимают, что дичь не спугнуть.

Мы встретились в хижине за обедом, а затем вместе вышли на природу. Мы уже не надеялись найти оленей и не нашли их, но это был прекрасный день для прогулки на свежем воздухе. Мы прошли вдоль ручья около мили, затем сели на поваленное дерево и открыли банки с пивом "Будвайзер".

— Это как-то ненормально, — заметил Буч. — И мне это совсем не нравится. Я бы предложил уехать сегодня, но пока мы загрузимся, уже стемнеет, а я не доверяю фарам "НеллиБель" на этих лесных дорогах.

Вдруг поднялся ветер, зашумел листвой на деревьях. От этого звука я вздрогнул и оглянулся через плечо. Буч тоже. Затем мы посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Нервничаешь? — спросил я.

— Чуть-чуть. Помнишь, как мы на спор пошли в старый дом Спайера? Это было в 1946 году, кажется?

Я вспомнил. Старик Спайер вернулся с Окинавы¹⁹⁸ с выбитым глазом и разнес себе голову из ружья в своей гостиной. Об этом шумел весь город.

— Все считали его дом — домом с привидениями, — сказал я. — Сколько нам тогда было? Тринадцать?

— Наверное. Мы зашли в тот дом и что-то взяли оттуда как доказательство, что были там.

— Я взял картину. Какой-то старый пейзаж, просто сорвал со стены. А ты?

— Грёбаную подушку с дивана, — ответил он и рассмеялся. — Глупость какая! Я вспомнил дом Спайера, потому что сейчас чувствую что-то похожее на то, чувствовал тогда. Ни оленей, ни птиц, ни белок. Может, в его доме не было привидений, но этот лес... — Он пожал плечами и отпил немного пива.

— Мы можем уехать сегодня. Эти фары, наверное, будут в порядке.

— Нет. Завтра. Соберём вещи сегодня вечером, ляжем пораньше спать и уедем с первыми лучами солнца. Если ты согласен.

— Согласен.

¹⁹⁸ Битва за Окинаву — операция по захвату японского острова Окинава войсками США при поддержке американского и британского флотов

Всё в нашей жизни сложилось бы совершенно по-другому, если бы тогда мы доверились фарам "НеллиБель". Иногда мне кажется, что мы уехали тем вечером. Иногда мне кажется, что существуют Теневой Лэрд и Теневой Буч, которые прожили теневые жизни. Теневой Буч не уехал в Сиэтл, а Теневой Лэрд не написал ни одного романа, не говоря уже о дюжине. Эти тени были порядочными людьми, которые жили ничем не примечательной жизнью в Харлоу. Они управляли свалкой, владели транспортной компанией, занимались городскими делами, как полагается: чтобы на городском собрании в марте сходилась бюджет и чтобы было меньше жалоб от консерваторов, которые мечтали вернуть "Бедную ферму"¹⁹⁹. Теневой Буч женился на девушке, с которой познакомился в боп-баре в Льюистоне, и завел ораву теневых детишек.

Теперь я говорю себе, что хорошо, что этого не случилось. Буч говорил себе то же самое. Я знаю, потому что мы общались друг с другом об этом по телефону, а позже по "Скайпу" или "ФейсТайм". Всё было хорошо. Несомненно. Мы стали знаменитыми. Мы стали богатыми. Наши мечты сбылись. В этом нет ничего плохого, и если у меня когда-то возникали сомнения по поводу того, правильно ли сложилась моя жизнь, то разве не у всех так бывает?

Ведь так же?

* * *

В тот день ужин готовил Буч. Он просто бросил в кастрюлю кучу остатков еды и назвал своё варево рагу. Мы ели его с хлебом и запивали колодезной водой, которая, честно говоря, была лучшей частью трапезы.

— Я больше никогда не дам тебе готовить, — сказал я Бучу, когда мы мыли посуду.

— Ловлю на слове, — парировал он.

Мы собрали все вещи и сложили их у двери. Буч слегка пнул большую аптечку.

— Зачем мы вечно таскаем эту штуковину?

— Потому что на этом настаивает Шейла. Она уверена, что кто-то из нас упадет в яму и сломает ногу или кого-то из нас подстрелят. Вероятно, приезжий с винтовкой с оптическим прицелом.

— Чепуха. Думаю, она просто суеверная. Верит, что единственный раз, когда мы не возьмём с собой аптечку, станет тем самым разом, когда она нам понадобится. Хочешь пойти посмотреть ещё раз?

Мне не нужно было спрашивать, что он имел в виду.

— Почему бы и нет.

Мы пошли на поляну посмотреть на небо.

* * *

Огоньков мы не увидели, но на мосту что-то было. Вернее, кто-то. На досках лицом вниз лежала женщина.

¹⁹⁹ ферма, содержащаяся за государственный счет для поддержки и трудоустройства нуждающихся людей

— Какого хрена? — вымолвил Буч и побежал на мост. Я последовал за ним. Мне не нравилось, что мы втроём находимся на мосту одновременно, да еще так близко друг к другу, но нельзя было оставлять её там, лежащей без сознания, а возможно, и мёртвой. У неё были длинные чёрные волосы. Вечер была ветреным, и я заметил, что когда дул ветер, её волосы раздувались одним пучком, как будто пряди были склеены. Не тонкие разлетающиеся пряди, а только этот пучок.

— Хватай её за ноги, — велел Буч. — Надо убрать её, пока этот чёртов мост не рухнул в чёртов ручей. — Он был прав. Я слышал, как скрипят опоры и как грохочет Джиласи, полноводный от дождя.

Я взял её за ноги. На ней были сапоги и вельветовые брюки, и в ней было что-то странное. Но было темно, мне было страшно, и всё, чего я хотел, — это почувствовать твёрдую почву под ногами. Буч поднял её за плечи и вскрикнул от отвращения.

— Что? — спросил я.

— Неважно, давай быстрее!

Мы перетащили её с моста на поляну. Всего шестьдесят футов, но казалось, что прошла целая вечность.

— Положи её, положи. Господи! Господи, Боже мой!

Буч уронил верхнюю часть её тела, и она рухнула лицом вниз, но он даже не обратил на это внимания. Он скрестил руки и начал тереть ладонями подмышки, как будто хотел избавиться от чего-то противного и неприятного.

Я начал опускать её ноги и застыл, не веря своим глазам. Мои пальцы, казалось, погрузились в её сапоги, словно они были из глины, а не из кожи. Я выдернул руки и тупо уставился на следы на пальцах. Следы постепенно исчезали.

— Боже мой!

— Это как... чёрт, как будто она сделана из пластилина или чего-то подобного.

— Буч.

— Что? Чёрт побери, что?

— Её одежда — это не одежда. Это как... боди-арт. Или камуфляж. Или ещё какая-то чертовщина.

Он наклонился к ней.

— Слишком темно. У тебя есть...

— Фонарик? Нет. Не взял его. Её волосы...

Я дотронулся до её волос, потом резко отдернул руку. Это были не волосы. Это было что-то твёрдое, но податливое. Не парик, но что-то искусственное. Я не знал, что это такое.

— Она мертва? — спросил я. — Мертва же...

Но в этот момент женщина сделала долгий хриплый вдох. Её нога дёрнулась.

— Помоги мне её перевернуть, — сказал Буч.

Я взял её ногу, стараясь не обращать внимания на эту странную гибкость. В моей голове, как метеор, промелькнула мысль о Гамби²⁰⁰. Буч схватил её за плечо. Мы перевернули её. Даже в темноте было видно, что она молода, красива и жутко бледна. Мы заметили ещё кое-что. Её лицо было лицом манекена из универмага, гладкое и без морщин. Глаза были закрыты. Только у её век был цвет — цвет синяка.

"Это не человек", — подумал я.

Она сделала ещё один хриплый вдох. Он, казалось, зацепился за что-то в её горле, когда она выдыхала. Больше она не сделала ни одного вдоха.

Будь я один, наверное, я бы застыл на месте и дал бы ей умереть. Её спас Буч. Он упал на колени, двумя пальцами раскрыл ей челюсть и приложил свой рот к её рту. Зажал ей нос и вдохнул в неё воздух. Её грудь поднялась. Буч повернул голову в сторону, сплюнул и сделал ещё один глубокий вдох. Он снова вдохнул в неё воздух, и её грудь снова поднялась. Он поднял голову и уставился на меня, выпучив глаза.

— Это как целовать пластик, — сказал он и снова принялся за дело.

Пока он склонялся над ней, женщина открыла глаза и посмотрела на меня. Когда Буч отстранился, она сделала ещё один хриплый, горловой, гортанный вдох.

— Аптечка, — сказал Буч. — ЭпиПен. И "Иноген". Быстрее! Принеси, чёрт возьми!

Я покачнулся на ногах, и на мгновение мне показалось, что я грохнусь в обморок. Я шлёпнул себя по лицу, чтобы прийти в себя, и побежал к хижине. "Она, оно, что бы это ни было, умрёт, когда я вернусь", — подумал я (ничего из этого не стёрлось из моей памяти). — "И, наверное, это к лучшему".

Аптечка была прямо за дверью, на ней лежали наши рюкзаки. Я отшвырнул их в сторону и открыл её. Там было два выдвижных ящичка. В верхнем — три эпинефрина. Я взял два из них и с силой захлопнул ящик, прищепив указательный палец правой руки. Ноготь почернел и отвалился, но в тот момент я этого даже не почувствовал. Голова пульсировала. Мне казалось, что у меня жар.

Кислородный баллон "Иноген" с прикреплённой маской и контроллером лежал на дне, вместе с сигнальными ракетами, рулонами бинта, марлевыми подушечками, пластмассовой шиной, бандажом для лодыжек, различными тубиками и мазями. Там также был карманный фонарик "Пенлайт". Я захватил его тоже и помчался обратно по тропинке, светя перед собой фонариком.

Буч по-прежнему стоял на коленях. Женщина по-прежнему прерывисто, хрипло дышала. Её глаза были открыты. Когда я опустился на колени рядом с Бучем, она снова перестала дышать.

²⁰⁰ Гамби — мультипликационный персонаж, зеленый гуманоид, сделанный из глины

Он наклонился, прижал свой рот к её и вдохнул в нее воздух. Поднял голову и крикнул:

— Бедро, бедро!

— Я знаю, я прошёл курс.

— Тогда делай это!

Он сделал ещё один глубокий вдох и снова занялся ею. Я сорвал колпачок с эпинефрина, приложил его к её бедру — которое выглядело как вельветовые брюки, но это было её бедро — и услышал щелчок. Затем я начал отсчитывать до десяти. На пяти она резко дёрнулась.

— Держи, Лэр, держи!

— Я держу её. Думаешь, стоит использовать второй?

— Оставь пока, она снова дышит. Чем бы она ни являлась. Чёрт, какой странный у нее вкус. Как у прозрачного чехла, который надевают на мебель. Ты взял кислород?

— Вот он.

Я дал ему маску и баллон. Он прижал маску к её рту и носу. Я включил контроллер и увидел зелёный свет.

— Высокий поток?

— Да, да, давай на полную. — Капля пота с его лба попала на пластиковую маску и скатилась сбоку, как слеза.

Я передвинул регулятор до упора, в положение ВЫСОКИЙ ПОТОК. Кислород начал шипеть. На высоком уровне кислорода хватало не более чем на пять минут. И хотя в аптечке почти всё было продублировано (именно поэтому она была такой тяжёлой), этот "Иноген" был единственным. Мы уставились друг на друга.

— Это не человек, — сказал я. — Не знаю, что это, может, какой-то сверхсекретный киборг, но это не человек.

— Это не киборг.

Он указал большим пальцем на небо.

* * *

Когда кислород закончился, Буч снял маску, и женщина — давайте называть её так — продолжила дышать сама. Хрип затих. Я осветил фонариком ей в лицо, и она закрыла глаза от яркого света.

— Посмотри, — сказал я. — Посмотри на её лицо, Буч.

Он посмотрел на неё, затем на меня.

— Оно теперь другое.

— Оно теперь более человеческое, вот что ты имеешь в виду. И взгляни на её одежду. Тоже выглядит лучше. Более... чёрт, более реалистично, что ли.

— Что будем с ней делать?

Я выключил фонарик. Её глаза открылись. Я спросил:

— Ты меня слышишь?

Она кивнула.

— Кто ты?

Она закрыла глаза. Я потряс её за плечо, и мои пальцы больше не вдавливались.

— Что ты?

Она не ответила. Я посмотрел на Буча.

— Давай отнесём её в хижину, — предложил он. — Я её понесу. Держи наготове второй эпинефрин, если она снова начнёт задыхаться и хрипеть.

Он поднял её на руки. Я помог ему встать, но он понёс её легко, когда выпрямился. Её тёмные волосы свисали вниз, и когда подул ветерок, они развевались, как нормальные волосы. Слипшихся прядей больше не было.

Я оставил дверь хижины открытой. Он занёс её внутрь, положил на диван, затем наклонился, упершись руками в колени и переводя дыхание.

— Мне нужна моя камера. Она в моём рюкзаке. Не достанешь?

Я нашёл её, завернутую в пару футболок, и отдал ему. Женщина — теперь она почти выглядела как женщина — смотрела на него. Её глаза были выцветшего голубого цвета, как коленки старых джинсов.

— Улыбнись, — сказал Буч.

Она не улыбнулась. Он всё равно её сфотографировал.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Ответа не последовало.

Буч сделал ещё одну фотографию. Я подался вперёд и положил руку ей на шею. Я думал, что она отстранится, но она не шелохнулась. На вид это была кожа (если не присматриваться), но на ощупь не чувствовалась как кожа. Секунд двадцать я держал руку там, потом убрал её.

— У неё нет пульса.

— Правда? — Он не удивился, и я тоже не почувствовал удивления. Мы пребывали в шоке, наше сознание было перегружено.

Буч попытался засунуть руку в правый передний карман её вельветовых брюк, но не смог.

— Не настоящий карман, — сказал он. — Ничего настоящего. Она вся как... костюм. Думаю, она и есть костюм.

— Что нам с ней делать, Буч?

— Да хрен её знает.

— Позвонить в полицию?

Он поднял руки, а затем опустил их, эти жесты нерешительности были не в его духе.

— Ближайший телефон — в магазине "Брауни". Это не близко. И "Брауни" закрывается в семь. Придётся тащить её через мост к джипу...

— Я помогу нести, — произнёс я с видимым энтузиазмом, но продолжал думать о том, как мои пальцы утонули в том, что выглядело как сапоги, но таковыми не являлось.

— Значит, снова проверять мост, — сказал он. — А по поводу её перевозки, она сейчас в стабильном состоянии, но... что? Чему ты улыбаешься?

Я указал жестом на женщину — на то, что выглядело как женщина, — лежавшую на диване.

— У неё нет пульса, Бучи. Она клинически мертва. Стабильнее некуда.

— Но она дышит! И она... — Он проверил, чтобы убедиться. — Она смотрит на нас. Слушай, Лэрд, готов ли ты попасть на первую полосу всех газет и стать главной новостью на всех телеканалах не только в Мэне или США, но и по всему миру? Потому что если мы вывезем её отсюда, так оно и будет. Она инопланетянка. Прибыла из грёбаного космоса. И, видимо, у неё нет страсти к земным женщинам.

— Если только она не лесбиянка, — сказал я. — Тогда она вполне может охотиться на земных женщин.

Мы начали смеяться так, как смеются люди, пытающиеся не сойти с ума. Она по-прежнему смотрела на нас. Ни улыбки, ни хмурого взгляда, никакого выражения вообще. Женщина, которая не была женщиной, у которой не было пульса, но которая дышала, которая носила одежду, которая не была одеждой, но с каждой минутой всё больше походила на одежду. У меня мелькнула мысль, что если сейчас Буч попытается залезть к ней в карман, то его рука проникнет внутрь. Возможно, он даже найдет там мелочь или упаковку конфет "Лайф Сейверс".

— Почему она оказалась на мосту? Как думаешь, что с ней случилось?

— Понятия не имею. Я думаю...

Я так и не услышал, что он хотел сказать. В этот момент в окно главной комнаты нашего домика, выходящее на восток, обрушился поток света. Мысли нахлынули, сбивая друг друга, как домино. Первая: время как-то незаметно пролетело, и солнце уже взошло. Вторая: рассвет никогда не был таким ярким в нашей хижине, потому что с той стороны было много деревьев. Третья: за этой женщиной приехала какая-то правительственная организация, и это были их прожекторы. Четвёртая: кто-то действительно пришел за ней... но это не правительство.

Свет становился всё ярче. Буч прищурился и поднял руку, чтобы заслонить глаза. Я сделал то же самое. Я подумал, что, возможно, мы получаем сильную дозу радиации. За мгновение до того, как в комнате стало так ярко, что в моих глазах побелело, я взглянул на женщину на диване. Помните, я говорил, что эти картинки никогда не сотрутся из моей памяти? Всё-таки есть одно исключение. Я не помню, что увидел, когда посмотрел на неё в этом ужасном сиянии. Или, быть может, мой мозг заблокировал это. В любом случае, я не думаю, что смотрел на неё. Я пытался заглянуть в неё. Из того, что я увидел, я запомнил только одно слово: ганглии.

Я закрыл глаза руками. Ни капельки не помогло. Свет проникал прямо сквозь мои руки и закрытые веки. Тепла не было, но свет всё равно пытался выжечь мои мозги дотла. Я услышал, как закричал Буч. В этот момент я потерял сознание и был даже рад этому.

* * *

Когда я очнулся, ужасное сияние исчезло. Вместе с ним исчезла и женщина. На диване, где она лежала, теперь сидел молодой человек — может, лет тридцати, а может, и моложе — с аккуратно причёсанными светлыми волосами, с пробором, прямым как линейка. На нём были брюки цвета хаки и стёганный жилет. Небольшая сумка висела у него на плече на ремне, перекинута через грудь. Моей первой мыслью было, что это охотник не из наших краёв, житель равнин с патронами в сумке и винтовкой с прицелом неподалёку.

Вторая мысль: скорее всего, нет.

У нас было полдюжины ламп на батарейках, и он включил их все. Они давали много света, но не могли сравниться с тем неземным (в буквальном смысле) сиянием, которое вторглось в наш домик ранее. Насколько ранее — вопрос, на который у меня не было ответа. Я даже не был уверен, что это та же самая ночь. Я посмотрел на свои часы, но они остановились.

Буч сел, огляделся, увидел меня, увидел незнакомца. Он задал вопрос, который был одновременно безумным и — при данных обстоятельствах — совершенно логичным:

— Вы — это она?

— Нет, — ответил молодой человек. — Та ушла.

Я попытался встать на ноги, и у меня это получилось. Я не чувствовал похмелья или оцепенения. Скорее, наоборот, бодрость. И хотя я видел дюжину фильмов про злобных пришельцев из космоса, у меня не было ощущения, что этот молодой человек опасен. И я не верил, что он был на самом деле молодым человеком.

В нашем маленьком холодильнике стоял кувшин с водой и последние три банки пива. Я поколебался, но выбрал пиво.

— Дай мне одну, — попросил Буч.

Я бросил ему банку, и он поймал её одной рукой.

— А вам, сэр? — спросил я.

— Почему бы и нет?

Я отдал ему последнюю банку. Наш гость выглядел нормально — как любой молодой человек на охоте с друзьями или отцом, — но я все равно старался не касаться его пальцев. Я могу описать, что произошло, но своё состояние... это описать гораздо сложнее. Могу лишь повторить, что не чувствовал угрозы, и позже Буч признался в том же самом. Конечно, мы были в шоке.

— Вы ведь не человек, да? — спросил Буч.

Молодой человек открыл банку пива.

— Да.

— Но в лучшем состоянии, чем она.

— Она была сильно ранена. Вы спасли ей жизнь. Это было то, что вы называете "удачей". Вы могли ей вколоть то, что легко убило бы её.

— Но ЭпиПен сработал, — сказал я.

— Так вы это называете? Эпи? ЭпиПен?

— Сокращение от эпинефрина. Наверное, её свалила аллергия.

— Может, её ужалила пчела, — предположил Буч и пожал плечами. — Вы знаете, что такое пчёлы?

— Да. Вы также дали ей своё дыхание. Вот, что её по-настоящему спасло. Дыхание — это жизнь. Больше, чем жизнь.

— Я сделал то, чему нас учили. Лэрд поступил бы точно так же.

Мне хотелось бы думать, что Буч был прав.

Молодой человек сделал глоток пива.

— Могу я забрать банку с собой?

Буч сел на подлокотник старого кресла.

— Ну что ж, старина, вы лишите меня залоговой стоимости, но я войду в ваше положение, конечно, забирайте. Только потому, что вы с другой планеты.

Наш гость улыбнулся так, как улыбаются люди, когда понимают, что это была шутка, но не уловили её смысла. У него не было акцента, тем более мэнского говора, но у меня сложилось чёткое ощущение, что он говорит на выученном языке. Он открыл свою сумку, молнии там не было. Он просто провёл пальцем по её длине, и она открылась. Внутри неё он положил банку "Будвайзера".

— Большинство людей не сделали бы того, что сделали вы. Большинство бы убежало.

Буч пожал плечами.

— Инстинкт. И немного подготовки, наверное. Мы с Лэрдом состоим в местной добровольной пожарной команде. Вы знаете, что это такое?

— Вы останавливаете горение до того, как оно успеет распространиться.

— Можно и так сказать.

Молодой человек порылся в сумке и достал что-то, похожее на футляр для очков. Он был серый, с серебряной фигурой в виде синусоиды, тиснённой на крышке. Молодой человек положил футляр на колени. Он повторил:

— Большинство людей не сделали бы того, что сделали вы. Мы у вас в долгу. За Иллу.

Я знал это имя, и хотя он произнёс его как "Йелла", я знал правильное написание. И по его глазам я понял, что он знал, что я в курсе.

— Это из "Марсианских хроник"²⁰¹. Но вы ведь не с Марса, сэр?

Он улыбнулся.

— Вовсе нет. И мы здесь не потому, что желаем земных женщин.

Буч аккуратно поставил своё пиво, как будто от неосторожного движения банка бы разбилась.

— Вы читаете наши мысли.

— Иногда. Не всегда. Как бы вот так. — Он провёл пальцем по волнообразной фигуре на сером футляре. — Мысли для нас не имеют значения. Они приходят, проходят, им на смену приходят другие. Эфемеры. Нас больше интересует то, что ими движет. Для разумных существ это что-то... центральное? Мощное? Значимое? Я не знаю правильного слова. Возможно, у вас его нет.

— Первобытное? — предложил я.

Он кивнул, улыбнулся и отпил пива.

— Да. Первобытное. Хорошее слово.

— Откуда вы? — спросил Буч.

— Это не имеет значения.

— Почему? — спросил я. — Зачем вы прибыли на Землю?

— Это более интересный вопрос, и поскольку вы спасли Иллу, я отвечу. Мы собираем.

— Что собираете? — спросил я, вспомнив истории, которые читал (и видел по телевизору) о пришельцах, похищающих людей и проводящих над ними негуманные опыты. — Людей?

²⁰¹ "Марсианские хроники" — научно-фантастический роман Рэя Бредбери, принёсший автору широкую известность; написан в 1950 году

— Нет. Другие вещи. Предметы. Но не такие, как этот. — Он достал из сумки пустую банку из-под пива. — Этот предмет для нас ничего не значит, но для меня он особенный. Есть хорошее слово для этого, возможно, французское. A venir?

— Сувенир, — сказал я.

— Да. Это мой сувенир этой замечательной ночи. Мы бываем на распродажах.

— Вы шутите, — сказал я.

— В разных местах они называются по-разному. В Италии — vendita in cantiere. На Самоа — fanua fa'tau. Мы приобретаем некоторые вещи для истории, некоторые — для изучения. У нас есть пленка, на которой запечатлена смерть вашего Кеннеди от выстрела из винтовки. У нас есть фотография с автографом Джуджуди.

— Погодите. — Буч нахмурился. — Вы говорите о судье Джуди²⁰²?

— Да, Джуджуди. У нас есть фотография Эмметта Тилла²⁰³, юноши с обезображенным лицом. Микки Мауса и его клуба. У нас есть реактивный двигатель из хранилища выброшенных предметов.

"Они — сборщики мусора", — подумал я. — "И не так уж отличаются от Ренни Лакасса".

— Мы собираем эти предметы, чтобы запомнить ваш мир, который скоро исчезнет. Мы делаем то же самое на других планетах, но их не так много. Вселенная холодна. Разумная жизнь встречается редко.

Мне было плевать, насколько редко, мне было важно другое.

— Как скоро исчезнет наш мир? Вы это знаете или только предполагаете? — И прежде чем он успел ответить. — Вы не можете этого знать. Не на сто процентов.

— Если мерить ваши мерками, то через век, если вам, как вы говорите, "повезёт". А это всего лишь миг в масштабах времени Вселенной.

— Я в это не верю, — категорично заявил Буч. — Да, у нас есть проблемы, но мы не самоубийцы. — Потом, возможно, вспомнив о буддистских монахах, которые не так давно поджигали себя во Вьетнаме, добавил. — Большинство из нас хочет жить.

— Это неизбежно, — сказал молодой человек. На его лице было написано сожаление. Может быть, в этот момент он думал о Моне Лизе или пирамидах. А может, просто о том, что больше не будет ни банок пива, ни фотографий с автографами Джуджуди. — Когда интеллект опережает эмоциональную устойчивость, это всего лишь вопрос времени. — Он указал на угол нашей хижины, где лежали ружья. — Вы — дети, играющие с огнём. — Он встал. — Я должен идти. Это для вас. Подарок. Наш способ отблагодарить вас за спасение Иллы.

²⁰² шоу "Судья Джуди" — одна из самых рейтинговых дневных программ в истории американского телевидения, в оригинале звучит как "Джаджуджи"

²⁰³ Эмметт Тилл — афроамериканский мальчик, который был убит в штате Миссисипи в возрасте 14 лет, после того, как белая женщина обвинила его в приставаниях, впоследствии признавшись, что ложно. Жестокость убийства и оправдание его убийц стали фактором расширения движения за гражданские права чернокожих в США

Он протянул серый футляр. Буч взял его и осмотрел.

— Не могу понять, как его открыть.

Я взял футляр. Буч был прав. Не было ни петли, ни крышки.

— Подышите на волну, — произнёс молодой человек. — Не сейчас, после моего ухода. Мы дарим вам ключ от жизни, потому что вы подарили Илле своё дыхание. Вы отдали ей часть своей жизни.

— Это для нас обоих? — спросил я. В конце концов, ведь только Буч делал женщине искусственное дыхание.

— Да.

— Что оно на самом деле делает?

— Нет слова для обозначения того, что оно делает, кроме слова "первобытное". Способ использовать то, что вы не используете из-за... — Он наклонился вперёд, нахмутив лоб, затем поднял глаза. — Из-за шума в вашей жизни. Из-за лишних мыслей. Мысли бессмысленны. Хуже того, они опасны.

Я был озадачен.

— Оно исполняет желания? Как в сказке?

Он засмеялся, затем словно удивился, что может смеяться.

— Оно не даст вам того, чего у вас нет. Это аксиома.

Он направился к двери, затем оглянулся.

— Мне жаль вас. Ваша планета — это живое дыхание во Вселенной, которая в основном наполнена мёртвыми огнями.

Он ушёл. Я ждал, когда снова хлынет свет, но этого не произошло. Если бы не серый футляр, который теперь держал Буч в своих руках, можно было бы подумать, что всего этого не было.

— Лэр, мне это не приснилось?

Я указал на футляр.

Он улыбнулся своей безрассудной, беспечной улыбкой, которую я знал с тех пор, как мы, будучи детьми, бегали по "Лестнице самоубийц" в Касл-Роке, чувствуя, как она дрожит под нашими кроссовками.

— Хочешь попробовать?

— Есть старая пословица: бойся данайцев, дары приносящих...

— Да, но?

— Чёрт с ним, я согласен. Вдувай своё драгоценное первобытное дыхание, Бучи.

Он улыбнулся, покачал головой и протянул футляр мне.

— После тебя. И если ты отдашь концы, я обещаю позаботиться о Шейле и Марке.

— Марк уже достаточно взрослый, чтобы самому позаботиться о себе, — сказал я. — Ладно, Сезам, откройся.

Я осторожно подул на волну. Футляр открылся. Он был пуст. Но когда я вдохнул, то уловил слабый запах мяты. Да, скорее всего, это была мята.

Футляр закрылся сам собой. Не было видно линии, где крышка соприкасалась с корпусом, и не было петель. Он выглядел абсолютно цельным.

— Ничего? — спросил Буч.

— Ничего. Твоя очередь. — Я протянул ему футляр.

Он взял его и осторожно подул на волну. Футляр открылся. Он наклонился, робко понюхал, затем глубоко вдохнул. Футляр закрылся.

— Грушанка?

— Мне показалось, мята, но, наверное, это одно и то же.

— Вот тебе и данайцы, дары приносящие, — сказал он. — Лэр... это ведь не было розыгрышем, а? Ну, знаешь, когда девушка и парень прикидываются... ну, там, фокус, обман... — Он замолчал. — Нет, а?

— Нет.

Он положил серый футляр на столик рядом с блокнотом для рисования.

— Что ты собираешься сказать Шейле?

— Наверное, ничего. Я предпочёл бы, чтобы моя жена не решила, что я сошёл с ума.

Он рассмеялся.

— Ну-ну, удачи. Она читает тебя, как открытую книгу.

Конечно, он оказался прав. И когда Шейла начала расспрашивать (допрашивать), я рассказал ей, что нет, мы не заблудились, но попали в переделку в лесу. Какой-то охотник выстрелил в оленя, как он думал, и пуля прошла между нами. Мы так и не увидели, кто это был, сказал я ей... и когда она спросила у Буча, он поддержал мою версию. Сказал, что это, вероятно, был кто-то из приезжих, из другого штата. И это не было совсем неправдой, Буч действительно видел пару таких.

Буч зевнул.

— Я иду спать.

— Ты сможешь уснуть? — спросил я и сам зевнул. — Сколько сейчас времени, кстати?

Буч посмотрел на свои часы и покачал головой.

— Остановились. А твои?

— Да, и... — я снова зевнул, — ...они на заводе. Должны быть в порядке, но не идут.

— Лэр? То, что мы вдыхали... думаю, это было какое-то успокоительное. А если это яд?

— Значит, мы умрём, — ответил я. — Я пойду спать.

Так мы и поступили.

Мне приснился сон о пожаре.

* * *

Когда я проснулся, за окнами уже стоял день. Буч сидел на кухне в главной комнате. Кофейник стоял на плите и пытел. Буч спросил, как я себя чувствую.

— Нормально, — ответил я. — А ты?

— Как огурчик... Кофе?

— Да. Потом нужно пойти посмотреть, на месте ли мост. Если на месте, мы поедем. Появимся раньше запланированного.

— Как мы иногда и делаем, — сказал он и налил кофе. Чёрный кофе, насыщенный и крепкий. Как раз то, что нужно после встречи с инопланетянами. При дневном свете всё это должно было казаться галлюцинацией, однако не казалось. Ни мне, ни Бучу, когда я его спросил.

Хлеб уже закончился, но осталась пара фруктовых пирогов. Я представил, как Шейла качает головой и говорит, что только мужчины в лесу будут есть на завтрак пироги "Хостесс".

— Вкусно, — жуя, произнёс Буч.

— Да. Отлично. Тебе что-нибудь снилось, Бучи?

— Нет. — Он задумался. — По крайней мере, не помню. Но посмотри на это.

Он взял свой блокнот и пролистал страницы с рисунками, которые рисовал вечерами — обычные наброски и карикатуры, включая одну с моим изображением: на ней у меня была голова в форме воздушного шарика, я широко ухмылялся и переворачивал блинчики на сковороде. Ближе к концу блокнота он остановился и показал мне страничку с новым рисунком. Там был наш молодой гость: светлые волосы, жилет, брюки цвета хаки, сумка через плечо. Это была не карикатура, это был тот самый человек (если его так можно назвать) во всех подробностях... с одним исключением. Глаза молодого человека были полны звёзд.

— Чёрт возьми, это потрясающе, — восхищенно сказал я. — Давно ты уже не спишь?

— Около часа. Я нарисовал это за двадцать минут. Просто знал, что делать. Как будто оно уже было готово. Не изменил ни одной черточки, ни одной линии. Безумие, да?

— Безумие, — согласился я.

Я подумал, не рассказать ли ему про свой сон о горящем сарае. Сон был невероятно ярким. Довольно долгое время я пытался всякими способами начать рассказ о необычной, причудливой буре. Над этим рассказом я размышлял, если честно, уже много лет. Эта идея пришла мне в голову, когда я был примерно в том возрасте, в котором сейчас находится мой сын. Я пробовал начать то с одного персонажа, то с другого, то с описания города, где развернулся бы сюжет; однажды я даже пытался начать с метеорологической сводки.

Ничего не помогало. Я чувствовал себя, как человек, который пытается открыть сейф, забыв при этом комбинацию. А сегодня утром, благодаря сну, я увидел, как молния ударяет в сарай. Я увидел, как флюгер в форме петуха накаляется докрасна от жара, пока языки пламени распространяются по крыше сарая. Я подумал, что всё остальное последует за этим. Нет, я знал это.

Я взял со стола предмет, похожий на футляр для очков, и перебрал его из руки в руку.

— Оно сработало, — сказал я, затем бросил его Бучу.

Он поймал его и сказал:

— Конечно. А что еще?

* * *

Всё это случилось более сорока лет назад, но с течением времени я нисколько не усомнился в своих воспоминаниях о той ночи. Сомнения никогда не закрадывались, и картинки не стёрлись из моей памяти.

Буч помнил произошедшее так же хорошо, как и я: Илла, яркий свет, потеря сознания, молодой человек, футляр для очков. Этот футляр, насколько мне известно, до сих пор лежит в хижине. Мы еще несколько лет приезжали туда в ноябре, пока Буч не отправился на запад, и каждый по очереди дул на тисненую волну, но футляр больше не открывался для нас. И, я уверен, не откроется ни для кого другого. Если только кто-то его не украл — а кому бы он ещё понадобился? — он по-прежнему стоит на каминной полке, где Буч оставил его в последний раз.

Последнее, что сказал мне Буч, прежде чем мы покинули хижину в тот день, — это то, что он больше не хочет рисовать в своем блокноте, по крайней мере, какое-то время.

— Я хочу писать картины, — сказал он. — У меня тысяча идей.

У меня была только одна идея — горящий сарай, ставший первой сценой в "Грозовой буре", — но я был уверен, что за ней последуют и другие. Дверь открылась. Мне оставалось лишь войти в нее.

* * *

Иногда меня мучает мысль, что я — самозванец. Перед смертью Буч говорил то же самое в нескольких интервью.

Это удивляет? Я так не считаю. Когда осенью 1978 года мы отправились в лес, мы были одними, а вернувшись оттуда, стали совершенно другими. Мы стали теми, кем стали. Полагаю,

главный вопрос связан с талантом — был ли он в нас изначально или был подарен нам, как коробка конфет, потому что мы спасли жизнь Иллы? Можем ли мы гордиться тем, чего достигли, вроде как поднявшись за счёт собственных усилий, или мы просто пара позёров, присвоивших непонятно чьи заслуги, которых никогда бы не добились, если бы не та ночь?

Что это за штука такая — талант? Иногда я задаю себе этот вопрос, когда бреюсь, или — в старые времена, когда занимался продвижением книг — когда жду за кулисами, чтобы появиться на телевидении и продать очередную порцию своих вымышленных историй, или когда поливаю лилейники своей покойной жены. Особенно когда поливаю лилейники. Что это такое на самом деле? Почему судьба выбрала именно меня, когда так много других писателей стараются изо всех сил и готовы на всё, лишь бы судьба выбрала их? Почему на вершине пирамиды так мало людей? Ответом считается талант, но откуда он берется и как прорастает? И почему прорастает?

Ну, говорю я себе, мы называем его даром и называем людей с талантом одарёнными, но ведь этот дар никак не зарабатываешь, так же? Он лишь даётся сверху. Талант — это благодать божья.

Молодой человек сказал, что оно не даст нам того, чего у нас нет. Это аксиома. Я тешу себя этой мыслью.

А ещё он сказал, что ему жаль человечество.

3

На этом рассказ папы закончился. Может, он потерял интерес к своей фантастической версии той охоты в 1978 году, но я так не думаю. Последние несколько строк показались мне кульминацией.

Я достал с полки над его столом пробный экземпляр "Грозовой бури", возможно, тот самый, который я смотрел вскоре после смерти матери.

"Рванный разряд молнии поразил сарай. Он ударил с глухим звуком, похожим на выстрел из дробовика, заглушенный одеялом. Джек едва успел это заметить, как вслед раздался громовой рёв. Он увидел, как флюгер в форме железного петуха раскалился докрасна от жара и начал вращаться, а крыша сарая прогнулась и по ней побежали огненные полосы".

Это не совсем совпадало с текстом в рукописном документе, но было близко. И даже лучше, как мне казалось.

"Это ничего не значит", — сказал я себе. — "Он держался за эти строчки, за этот образ, потому что они были хорошими... или приличными. Вот и всё, что это значит".

Я вспомнил звонок матери в тот ноябрьский день 1978 года. Хотя это было много лет назад, но я четко помню первое, что она произнесла: "Что-то случилось с отцом, когда они охотились... и с Бучем". Она не хотела, чтобы я сразу же возвращался домой, потому что с ними обоими всё было в порядке. Но в выходные — обязательно. Она сказала, что они утверждали, будто заблудились, хотя оба знали Тридцатимильный лес слишком хорошо.

— Как свои пять пальцев, — пробормотал я. — Так она сказала. Но...

Я вернулся к рукописи папы.

"Я сказал ей... мы попали в переделку в лесу. Какой-то охотник выстрелил в оленя, как он думал... пуля прошла между нами".

Какая из версий была правдой? Согласно рукописи, ни одна из них. Думаю, именно тогда я начал верить в рассказ папы. Или... нет, не совсем так, потому что она всё еще казалась слишком фантастичной. Но именно тогда в моей душе пробудилась вера в его рассказ.

Рассказывал ли он ей когда-нибудь ту историю, которую считал настоящей? Возможно ли такое? Думаю, да. Брак — это честность и хранилище общих секретов.

Папа исписал только половину блокнота на пружине, остальные страницы были пусты. Я взял в руки блокнот, собираясь положить его обратно в нижний ящик, и тут на пол выскользнул лист бумаги, который находился между последней страницей и задней обложкой. Я поднял его и увидел, что это квитанция из муниципалитета города Харлоу, выписанная на имя "Эл-энд-Ди Хоулидж", компании, которую я считал давно не существовавшей, по крайней мере, лет пятьдесят, а может, и дольше. "Эл-энд-Ди" оплатила налог на имущество за годы с 2010 по 2050 ("по текущей ставке 2010 года") за участок земли, прилегающий к Джиласи-Крик в поселении Ти-Эр-90²⁰⁴. Оплачено единовременно.

Я откинулся в кресле папы, уставившись на сумму, указанную в квитанции. Кажется, я даже чертыхнулся. Платить заранее по ставке 2010 года, вероятно, было очень выгодно, но оплатить на сорок лет вперед — в городке, где большинство людей имели задолженность по налогам — это было неслыханно. Согласно этому листу бумаги, "Эл-энд-Ди Хоулидж" — Лэрд Кармоди и Дэйв ЛаВердые, другими словами — выложили 110 тысяч долларов. Конечно, к тому времени они могли себе это позволить, но зачем?

Подходил, как мне думается, только один ответ: они хотели защитить свою маленькую охотничью хижину от застройки. Но почему? Потому что тот футляр для очков с другой планеты всё ещё был там? Это казалось маловероятным; скорее всего, стервятники в человеческом облики давно избавили хижину от всего, что представляло хоть какую-то ценность. А вот что казалось вероятным — и теперь в это было легче поверить, — так это то, что мой отец и его друг решили сохранить место, где они встретили существ с другого мира.

Я решил туда поехать.

* * *

Лесных дорог, по которым папа и дядя Буч добирались до ручья Джиласи-Крик, давно уже нет. Теперь на их месте возведён жилой район и трейлерный парк, оба называются Хемлок-Ран. Ти-Эр-90 тоже больше не существует. Сейчас это городок Причард, названный в честь местного героя, погибшего во Вьетнаме. На картах и в джи-пи-эс системе по-прежнему обозначен Тридцатимильный лес, но в наши дни это всего лишь десять миль леса, если не меньше. Возможно даже всего пять. Старый шаткий мост давно исчез, но чуть ниже по течению

²⁰⁴ Вымышленный городок в произведениях С.Кинга, фигурирует в романах "Мешок с костями" и "Под куполом"

появился другой — узкий, но прочный. Смысл его существования — баптистская церковь "Благодать Иисуса", которая стоит на берегу ручья в Причарде. Я переехал через него и припарковался на церковной стоянке, хотя в тот день уровень воды в Джиласи был настолько низок, что я мог бы перейти его пешком, если бы додумался надеть болотные сапоги.

Я пошел вверх по течению и нашел сломанные опоры старого моста, глубоко утонувшие в сорняках и папоротниках. Повернувшись, я увидел тропинку к хижине, теперь сильно заросшую кустарником и тернием. Стоял знак с надписью "ОХОТА ЗАПРЕЩЕНА. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ЛЕСНИЧЕГО". Я осторожно, боясь ядовитого плюща или ядовитого дуба, пробрался сквозь кусты. Четверть мили, писал Папа, и я знал по собственным поездкам сюда (их было немного; мне не особо нравилось стрелять в существ, которые не могут выстрелить в ответ), что это примерно так.

Я подошел к запертым воротам, которых уже не помнил. На них висел еще один знак с изображением лягушки над надписью "КВА-КВА, УБИРАЙСЯ С МОЕГО УЧАСТКА". Одним из папиных ключей я открыл ворота. Я обошел поворот, и вот передо мной хижина. За ней годами никто не ухаживал. Крыша не обрушилась от многолетнего снега, вероятно, потому что ее частично защищали переплетенные ветви великовозрастных сосен и елей, но она покосилась и вряд ли продержится долго. Дощатые бока, когда-то покрашенные в коричневый цвет, теперь выцвели и потеряли всякий цвет. Окна были заляпаны грязью и пылью. Место выглядело совершенно заброшенным, но, судя по всему, не подверглось вандализму, что я счёл своего рода чудом. На ум пришли строчки из какого-то старого стихотворения, вероятно, прочитанного еще в школе: "Сплети вокруг него тройной круг и закрой глаза с благоговейным страхом"²⁰⁵.

Я нашел нужный ключ на папиной связке ключей и вошел в дом, где царили затхлость, пыль и жара. А также шорохи нынешних жильцов: мышей или бурундуков. Скорее всего, и тех, и других. Колода игральных карт "Байсикл" была разбросана по столу и полу, вероятно, её раскидали порывы ветра через дымоход. Когда-то мой отец и его друг играли в криббедж этими самыми картами. Перед камином лежала куча пепла, но не было ни граффити, ни пустых бутылок или банок из-под спиртного.

"Круг был сплетён вокруг этого места", — подумал я.

Я сказал себе (даже отругал себя), что у меня возникли глупые, суеверные мысли, но факт оставался фактом: хижина была не тронута. Хемлок-Ран (и жилой комплекс, и трейлерный парк) находился совсем рядом. Конечно, детишки могли исследовать эти леса, и, конечно, надпись "КВА-КВА, УБИРАЙСЯ С МОЕГО УЧАСТКА" не могла их остановить. Но, похоже, они действительно держались подальше.

Я взглянул на диван. Если бы я на него сейчас сел, пыль поднялась бы тучей, и мыши разбежались бы кто куда, но я мог представить молодого человека со светлыми волосами, сидящего там, пришельца, которого мой дядя Буч нарисовал со звездами в глазах. Теперь, когда я оказался здесь, в хижине, которую папа и дядя Буч оплатили, чтобы сохранить в целости (и сохранности) до середины века, поверить в папин рассказ было легче.

Гораздо легче.

²⁰⁵ из поэмы Сэмюэла Тейлора Кольриджа "Кубла-хан, или Видение во сне"

Приезжал ли кто-то из них сюда снова, возможно, чтобы забрать футляр, похожий на те, в которых держат очки? Вряд ли Буч; по крайней мере, не после своего отъезда на Западное побережье... но я не думаю, что мой отец тоже здесь бывал. Они покончили с этим, и, хотя я был папиным наследником, я чувствовал себя незванным гостем.

Я пересек комнату и посмотрел на каминную полку, ни на что особо не надеясь, но серый футляр лежал там, покрытый слоем пыли. Я потянулся к нему и, когда положил на него руку, то вздрогнул, будто боясь, что он ударит меня током. Но он не ударил. Я смахнул пыль с верхней части и увидел волну, ярко-золотую, тисненую на чём-то вроде серой замши. Хотя на ощупь это была не замша и не совсем металл. На футляре не было ни единого шва. Он был абсолютно гладким.

"Оно ждало меня", — подумал я. — "Всё было правдой, каждое папино слово, и теперь это часть моего наследства".

Поверил ли я в рассказ своего отца? Практически. Оставил ли он футляр мне? На этот вопрос ответить сложнее. Я уже не мог спросить двух талантливых засранцев, которые приезжали сюда поохотиться в ноябре 1978 года, потому что оба они были на том свете. Они оставили след в этом мире — картинами и книгами — и ушли в мир иной.

Молодой человек, который не был человеком, сказал, что подарок предназначался им, потому что папа ввел женщине, которая не была женщиной, укол эпинефрина, а дядя Буч дал ей свое — цитирую — "драгоценное дыхание". Но ведь он не сказал, что это было только для них, верно? И если папино дыхание открыло его, то разве моё не может сделать то же самое? В конце концов, та же кровь, та же ДНК. Откроется ли Сезам для меня? Решусь ли я попробовать?

* * *

Что я уже рассказал вам о себе? Дайте-ка вспомнить. Вы знаете, что я много лет был школьным инспектором округа Касл, а потом ушел на пенсию, чтобы стать личным секретарем своего отца... не говоря уже о том, что менял ему постельное белье, когда он мочился ночью. Вы знаете, что я был женат, и жена ушла от меня. Вы знаете, что в тот день, когда я стоял в этой разваливающейся хижине, глядя на серый футляр из другого мира, я был одинок: родители умерли, жена ушла, детей нет. Это то, что вы знаете, но во мне есть целая вселенная, о которой вы даже не догадываетесь. Думаю, это верно для любого человека на земле. Я не собираюсь вам много рассказывать, и не только потому, что это займет слишком много времени, но и потому, что вам будет скучно. Если бы я сказал, что уходил в частые запои после того, как меня бросила Сьюзан, вам было бы это интересно? Или что я на короткое время подсел на интернет-порнографию? Или что было время, когда я подумывал о самоубийстве, но не всерьез?

И всё же я расскажу вам о двух вещах, хотя обе они смущают меня почти — но не совсем! — до стыда. Это грустные вещи. По-моему, мечты мужчин и женщин "определенного возраста" всегда печальны, потому что они идут вразрез с обыденностью будущего.

У меня есть некоторые писательские способности (как, я надеюсь, доказывают эти мемуары), и я всегда мечтал написать великий роман, который остался бы в веках. Я любил своего отца и люблю его до сих пор, но жить в его тени было утомительно. Моей мечтой было, чтобы критики писали: "По сравнению с глубиной романа Марка Кармоди работы его отца кажутся поверхностными. Ученик действительно превзошел учителя". Я не хотел бы таких желаний, но

часть меня так чувствует и будет чувствовать так всегда. Эта часть меня — пещерный человек, троглодит, который часто ухмыляется, но никогда не смеется.

Я умею играть на пианино, но играю довольно посредственно. Иногда меня просят сопровождать гимнам в афроамериканской церкви, и то только если миссис Стэнхоуп в отъезде или плохо себя чувствует. Я медленно и неуклюже нажимаю на клавиши. Мои способности к чтению нот находятся на среднем уровне. Я хорошо играю только три-четыре произведения, которые выучил наизусть, но людям надоело их слушать.

Я мечтаю написать великий роман, но это не самая моя заветная мечта. Сказать вам, какая? Раз уж мы зашли так далеко, то почему бы и не сказать?

Я нахожусь в ночном клубе, и там все мои друзья. Папа тоже. Оркестр покинул сцену, и я спрашиваю, могу ли я сыграть мелодию на пианино. Лидер оркестра, конечно же, разрешает. Мой папа стонет: "О Боже, Марки, только не опять "Верни мне свою любовь"! А я говорю (с соответствующей скромностью): "Нет, я выучил кое-что новое" и начинаю играть классическую композицию Альберта Аммонса²⁰⁶ "Танец буги-вуги". Мои пальцы летают! Разговоры тут же прекращаются! Люди смотрят на меня, пораженные и восхищенные! Барабанщик возвращается на свое место и подхватывает ритм. Саксофонист начинает дуть в свой грязный альт-саксофон, как в "Текиле". Зрители хлопают в ладоши. Некоторые срываются с мест и танцуют джиттербаг²⁰⁷. И когда я заканчиваю своё выступление финальным глиссандо правой рукой, как Джерри Ли Льюис²⁰⁸, они вскакивают на ноги и кричат: "Еще!"

Вы не видите меня, но я краснею, когда пишу эти строчки.

И не только потому, что это моя самая сокровенная фантазия, но и потому, что она так распространена. По всему миру, даже сейчас, женщины играют на воображаемых гитарах, как Джоан Джетт²⁰⁹, а мужчины в своих комнатах отдыха представляют, как дирижируют "Пятой симфонией" Бетховена. Это обычные фантазии тех, кто отдал бы всё, чтобы стать избранными, но не являются таковыми.

* * *

Стоя в этой пыльной, готовой развалиться хижине, где однажды два человека встретили существо из другого мира, я подумал, что хотел бы хотя бы разок сыграть "Танец буги-вуги", как Альберт Аммонс. Один разок и всё, этого хватит, сказал я себе, зная, что одного раза будет недостаточно, и никогда не бывает.

Я дунул на волну. В центре футляра появилась линия... держалась мгновение... и затем исчезла. Я постоял некоторое время, держа футляр в руках, а потом положил его обратно на каминную полку.

Я вспомнил, как молодой человек сказал, что оно не даст того, чего нет.

²⁰⁶ Альберт Аммонс — американский пианист, был королём буги-вуги и блюзового джаза

²⁰⁷ джиттербаг — популярный в 1930 — 1950-е годы танец, характеризующийся быстрыми, резкими движениями, похожий на буги-вуги и рок-н-ролл

²⁰⁸ Джерри Ли Льюис — американский певец, пианист, композитор, один из основоположников и ведущих исполнителей рок-н-ролла

²⁰⁹ Джоан Джетт — американская рок-певица, гитаристка, вокалистка и автор песен

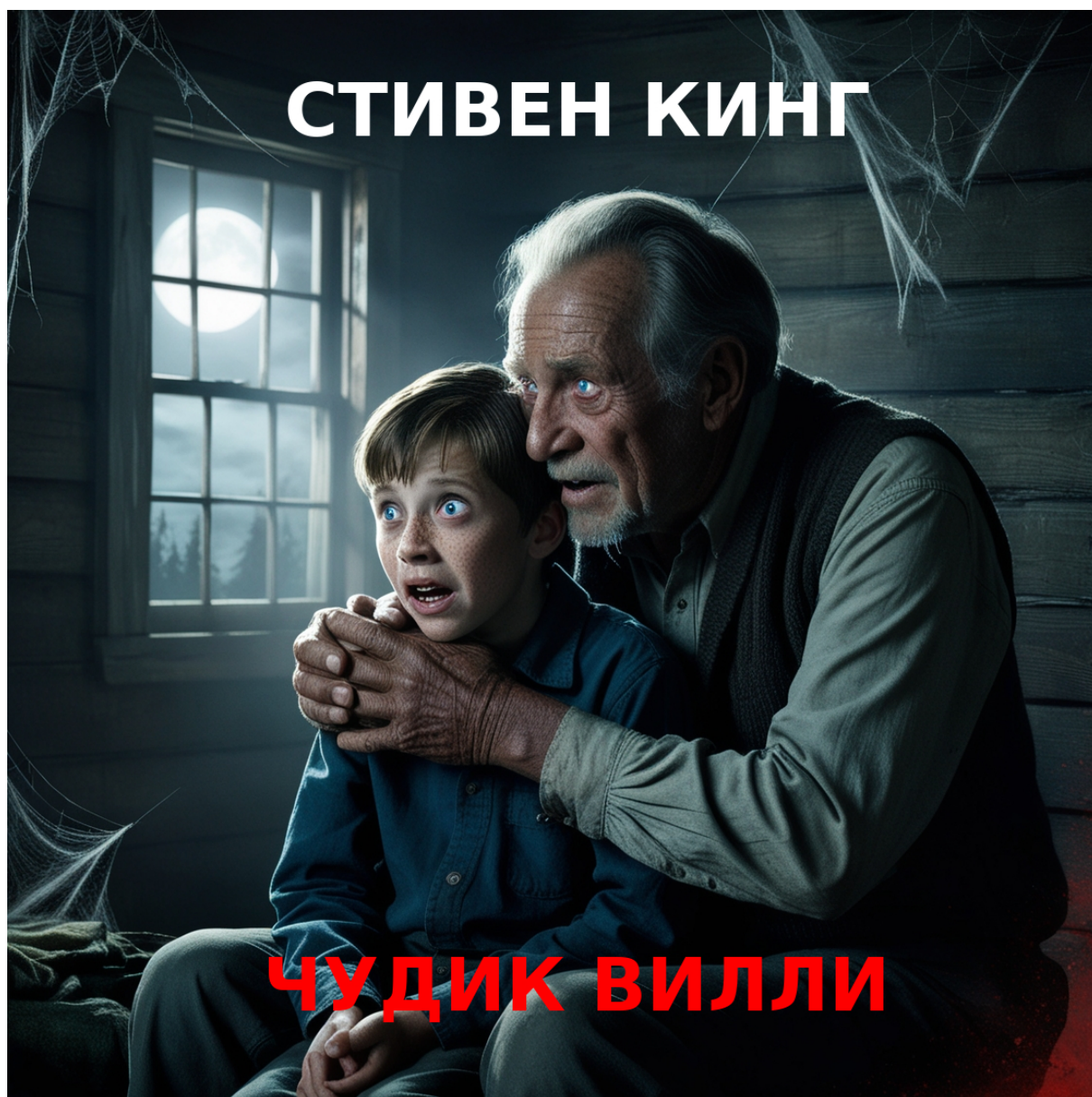
— Всё в порядке, — сказал я и тихонько рассмеялся.

Однако всё было не в порядке, это ранило душу, но я понимал, что рана заживёт. Я вернусь к своей жизни, и рана заживёт. У меня куча дел, связанных с моим знаменитым отцом, которые нужно уладить, я буду занят ими, и, в конце концов, у меня много денег. Возможно, я поеду на Арубу. Это нормально — желать невозможного. С этим можно жить.

Так говорю я себе и по большей части верю в это.

[К содержанию](#)

Чудик Вилли

Мама и папа Вилли считали своего сына странным: он прилежно изучал мёртвых птиц, коллекционировал дохлых жуков и мог часами смотреть на плывущие в небе облака. Но только Рокси озвучила их мысли вслух. "Чудик Вилли" – так назвала она его однажды за ужином, когда Вилли делал (во всяком случае, пытался) лицо клоуна из картофельного пюре, используя подливку для глаз. Вилли было десять лет. Рокси было двенадцать, и у неё начала расти грудь, чем она очень гордилась. За исключением тех моментов, когда Вилли пялился на её грудь, от чего ей становилось не по себе.

— Не называй его так, – велела мать. Её звали Шэрон.

— Но если это правда, — возразила Рокси.

Отец произнёс:

— Уверен, в школе ему и так достаётся. — Отца звали Ричард.

Иногда — точнее, часто — семья говорила о Вилли так, словно его не было рядом. Все, кроме старика, сидевшего в конце стола.

— А тебе достаётся в школе? — спросил дед. Он потёр пальцем кожу между носом и верхней губой, у него была привычка тереть это место после того, как он задавал вопрос (или отвечал на него). Деда звали Джеймс. Обычно за семейными трапезами он молчал. Отчасти потому, что это было в его натуре, а отчасти потому, что приём пищи стал для него тяжким испытанием. Он медленно жевал жаркое из говядины. Большинство его зубов выпало.

— Не знаю, — ответил Вилли. — Иногда. — Он внимательно смотрел на своё картофельное пюре. Теперь клоун ухмылялся блестящей коричневой улыбкой с маленькими каплями жира вместо зубов.

* * *

Шэрон и Рокси прибирались после ужина. Рокси нравилось мыть посуду вместе с матерью. Безусловно, это было сексистским разделением труда, но зато они могли спокойно и беспрепятственно обсуждать важные вопросы. Например, Вилли.

Рокси сказала:

— Он очень странный. Признай же это. Поэтому он ходит в коррекционную школу.

Шэрон оглянулась, чтобы убедиться, что их никто не слышит. Ричард ушел на прогулку, а Вилли удалился в комнату деда с человеком, которого Рич иногда называл стариком, а иногда — квартирантом. И никогда — папой или отцом.

— Вилли не такой, как другие мальчики, — сказала Шэрон, — но мы всё равно его любим. Так же?

Рокси задумалась.

— Наверное, я его люблю, но он мне не особо нравится. У него в дедушкиной комнате стоит банка со светлячками. Он говорит, что ему нравится смотреть, как они гаснут, когда умирают. Мне от этого становится жутковато. Он — яркая иллюстрация к книге "Серийные убийцы в детстве".

— Никогда так больше не говори, — приказала ей Шэрон. — Он может быть очень милым.

В глазах Рокси он никогда не выглядел милым, но она решила, что лучше промолчать. К тому же она продолжала думать о светлячках и их маленьких огоньках, гаснущих один за другим.

— И дедушка вместе с ним смотрит на них. Они всё время там разговаривают. Дедушка больше ни с кем не разговаривает.

— У твоего дедушки была тяжелая жизнь.

— Он мне вообще-то не настоящий дед. Ну, то есть не по крови.

— Можно сказать и так. Дедушка Джеймс и бабушка Элиза усыновили твоего папу, когда он был совсем малышом. Это не совсем одно и то же, если бы папа вырос в приюте, и, скажем, в двенадцать лет его бы усыновили.

— Папа говорит, что дедушка почти не разговаривал с ним после смерти бабушки Элизы. Говорит, бывали дни, когда они едва обменивались парой слов. Но с тех пор как он переехал жить к нам, они с Вилли сидят там и болтают без умолку.

— Хорошо, что они ладят друг с другом, — сказала Шэрон, но нахмурилась, глядя на мыльную воду. — Думаю, это удерживает твоего дедушку в этом мире. Он очень стар. Ричард появился у них поздно, когда Джеймсу и Элизе было уже за пятьдесят.

— Я не думала, что таким старым людям разрешают усыновлять детей, — сказала Рокси.

— Не знаю, как у них там всё устроено, — сказала мать. Она выдернула пробку, и мыльная вода начала убывать с бульканьем. У них была посудомоечная машина, но она сломалась, и отец — Ричард — не торопился её чинить. С тех пор как дедушка переехал к ним жить, с деньгами стало туго, потому что своей мизерной пенсией он не особо помогал семейному бюджету. Кроме того, как знала Рокси, мама и папа уже начали откладывать деньги на её обучение в университете. И вряд ли на образование Вилли, потому что он учился в коррекционной школе. Он любил облака, мертвых птиц и умирающих светлячков, а к учебе его совсем не тянуло.

— Мне кажется, папа не очень любит дедушку, — тихо произнесла Рокси.

Мать еще больше понизила голос, так что её едва можно было расслышать за последними булькающими смешками из раковины.

— Не любит. Но знаешь что, Рокс?

— Что?

— Так бывает в семьях. Ты вспомнишь об этом, когда у тебя будет своя.

Рокси не собиралась заводить детей, но если бы их завела, и один из них оказался бы таким же, как Вилли, то, скорее всего, у неё возникло бы непреодолимое искушение отвезти его в самый дальний темный лес, высадить из машины и просто оставить там. Как та злая мачеха из сказки. Она на мгновение задумалась, не странные ли мысли возникают у неё в голове, но затем решила, что нет. Однажды она услышала, как отец сказал матери, что потолком карьеры Вилли может стать упаковка продуктов в магазине "Крогер".

* * *

Джеймс Джонас Фидлер — он же дедушка, он же дед, он же старик — выбирался из своей комнаты (которую Шэрон называла берлогой, а Ричард — логовом) ради приёма пищи, иногда сидел на заднем крыльце и курил сигарету (по три штуки в день), но в основном оставался в маленькой задней спальне, которая до прошлого года была маминым кабинетом. Изредка он посматривал маленький телевизор на комод (три канала, без кабельного телевидения), но

большую часть времени либо спал, либо молча сидел в одном из двух плетеных кресел, глядя в окно.

Но когда к нему заходил Вилли, он закрывал дверь и начинал рассказывать. Вилли слушал, а когда задавал вопросы, дедушка всегда отвечал на них. Вилли знал, что большинство ответов были неправдой, а большинство советов деда было плохими (Вилли учился в школе для отстающих не потому, что был глупым, а потому, что это давало ему возможность думать о более важных вещах), но ответы и советы ему всё равно нравились. И чем безумнее, тем лучше.

В тот вечер, когда мать с сестрой обсуждали их на кухне, Вилли снова спросил деда — просто чтобы проверить, совпадают ли его ответы с предыдущими, — какая была погода в Геттисберге²¹⁰.

Дед потёр пальцем под носом, словно нащупывая щетину, и задумался.

— День первый, облачно и около 70 градусов. Неплохо. День второй, частичная облачность и 81 градус. Терпимо. День третий, день атаки Пикетта, 87 градусов, и солнце било по нам молотом. Не забывай, мы были в шерстяных униформах. От нас всех разило потом.

Прогноз погоды совпадал. Пока всё хорошо.

— Ты действительно там был, деда?

— Да, — без колебаний ответил дед. Он провёл пальцем под носом и над верхней губой, затем начал ковырять жёлтым ногтем в оставшихся немногочисленных зубах, вытаскивая волокна ростбифа. — И выжил, чтобы поведать тебе эту историю. А многие не выжили. А хочешь узнать о 4 июля, Дне независимости? Люди стали забывать об этом дне, потому что битва уже закончилась. — Он не стал дожидаться ответа Вилли. — Лил проливной дождь, грязь засасывала сапоги, мужчины плакали, как дети. Ли²¹¹ на своём коне...

— Травелер.

— Да, Травелер. Ли на своём коне был впереди. На его шляпе и на сиденье его брюк была кровь. Но не его кровь. Он не был ранен. Тот человек был дьяволом.

Вилли взял с подоконника бутылку (на выцветшей этикетке было написано "Хайнц Релиш") и начал наклонять её из стороны в сторону, наслаждаясь сухим шелестом мертвых светлячков. Он представил себе шум ветра в траве на кладбище в тот жаркий июльский день.

— Расскажи про знаменосца.

Дед провёл пальцем между носом и губой.

— Ты слышал эту историю уже раз двадцать.

— Расскажи только конец. Это моя любимая часть.

²¹⁰ Битва при Геттисберге — самое кровопролитное сражение в ходе Гражданской войны в США, произошедшее 1—3 июля 1863 года в округе Адамс штата Пенсильвания и считающееся переломной точкой в конфликте

²¹¹ Ричард Генри Ли — американский политик, участник Войны за независимость США

— Ему было двенадцать. Он поднимался на холм рядом со мной, высоко держа флаг "Звёзды и полосы"²¹². Конец флагштока был закреплён в маленьком жестяном стаканчике на его поясе. Тот стаканчик сделал мой друг Мика Леблан. Мы уже были на полпути к Семетери-Хилл, когда мальчика ударило прямо в горло.

— Расскажи про кровь!

— Его губы разошлись. Зубы были стиснуты. Думаю, от боли. Кровь хлынула между ними.

— И она блестела...

— Верно. — Палец быстро прошёлся под носом, затем вернулся к зубам, где ещё оставалось одно упрямое волокно. — Она блестела как...

— Как рубины на солнце. И ты всё это видел.

— Я же говорил. Я поднял флаг Конфедерации, когда тот мальчик упал. Я пробежал с флагом ещё двадцать шагов, и мы почти достигли скалы, за которой прятались янки, но нас отбросили назад. Когда мы отступали, я нёс флаг вниз по холму. Старался перешагивать через трупы, но их было так много, поэтому не смог перешагнуть через все.

— Расскажи про толстяка.

Дедушка потёр щеку, затем снова кожу под носом.

— Когда я наступил ему на спину, он пукнул.

Лицо Вилли исказилось в беззвучном смехе, и он обхватил себя руками. Так он делал всегда, когда ему было весело, и всякий раз, когда Рокси видела это перекошенное лицо и самообъятия, она лишний раз убеждалась в том, что его брат — чудик.

— Вот! — сказал дед, наконец, вытащив длинную нить говядины. — Покорми светлячков.

Он протянул кусочек мяса Вилли, который бросил его поверх мертвых светлячков в банку из-под "Хайнца".

— Теперь расскажи про Клеопатру.

— Какую часть?

— Про баржу.

— Аха, про баржу, значит? — Дедушка погладил ногтем подносовую бороздку. — Что ж, можно и про баржу. Нил был так широк, что мы едва видели другой берег, но в тот день он был гладкий, как животик младенца. Я держал руль...

Вилли подался вперёд, замороженный.

* * *

²¹² неофициальное название первого флага Конфедеративных Штатов Америки, использовавшегося во время Гражданской войны в США

Вскоре после того дня, когда Вилли делал лицо клоуна из картофельного пюре, он сидел на обочине после дождя. Вилли снова опоздал на автобус домой, но не расстроился из-за этого. Он наблюдал за дохлым кротом в канаве, гадая, смоет ли того бурлящая вода в канализационный сток. Мимо проходила пара здоровенных парней, обмениваясь ударами в плечо и различными нецензурными остротами. Увидев Вилли, они остановились.

— Взгляни на этого придурка, который обнимает себя, — сказал один.

— Потому что с ни одной нормальной девушкой ему не светит, — сказал другой.

— Вот уродец, — сказал первый. — Зацени эти пороссячьи глазки.

— И прическу, — сказал второй. — Как будто её слепили. Эй, ДЦП-шник!

Вилли перестал обнимать себя и посмотрел на них.

— Твоя морда подозрительно похожа на мою задницу, — сказал первый и получил "пятюню" от своего приятеля.

Вилли снова посмотрел на мёртвого крота. Его несло к канализационной решетке, но очень медленно. Вилли не верил, что он доплывет. По крайней мере, если снова не начнется дождь.

Первый пнул Вилли в бедро и предложил избить его.

— Брось его, — сказал второй. — Мне нравится его сестра. У неё секси-тело.

Они пошли дальше. Вилли подождал, пока они не исчезнут из виду, затем встал, оттянул влажную штанину от задницы и пошёл домой. Отец с матерью всё ещё были на работе. Рокси была, вероятно, где-то с подругами. Дед сидел в своей комнате и смотрел какое-то игровое шоу по телевизору. Когда Вилли вошёл к нему, он выключил телевизор.

— У тебя проблемка с движением, — заметил дед.

— Что?

— Прихрамываешь. Пойдём на заднее крыльцо. Я хочу покурить. Что с тобой случилось?

— Один пацан пнул меня, — пожаловался Вилли. — Я смотрел на крота. Он был мертв. Я хотел увидеть, смоет его в канализацию или нет.

— Смыло?

— Нет. Разве что после моего ухода, но не думаю.

— Пнул тебя, говоришь?

— Да.

— Ага, — сказал дед, и на этом тема была исчерпана. Они вышли на крыльцо и сели. Дедушка зажёл сигарету и закашлялся после первой же затяжки.

— Расскажи про вулкан под Йеллоустоуном, — попросил Вилли.

— Еще раз?

— Да, пожалуйста.

— Ну, он большой. Наверное, самый большой на свете. И однажды он взорвётся. Уничтожит весь штат Вайоминг, плюс часть Айдахо и большую часть Монтаны.

— Но это ещё не всё, — сказал Вилли.

— Совсем не всё, — дед курил и кашлял. — Он выбросит в атмосферу миллиард тонн пепла. По всему миру погибнет урожай. Люди будут повсюду умирать. А Интернет, которым все так гордятся, накроется.

— А те, кто не умрут от голода, задохнутся, — сказал Вилли. Его глаза сияли. Он схватил себя за горло и прохрипел. — Это будет массовым вымиранием, как с динозаврами. Только на их месте будем мы.

— Правильно, — подтвердил дед. — Тот пацан, который тебя пнул, больше не вздумает никого пинать. Он будет плакать по своей мамочке.

— Но его мамочка уже будет мертва.

— Верно говоришь, — похвалил его дед.

* * *

Той зимой болезнь в Китае, которая была всего лишь очередным сюжетом в вечерних новостях, превратилась в чуму, начав убивать людей по всему миру. Больницы и морги были переполнены. Люди в Европе в основном сидели дома, а когда выходили на улицу, надевали маски. Часть людей в Америке тоже надевали маски, в основном когда шли в супермаркет. Это было не так грандиозно, как мощное извержение вулкана в Йеллоустоунском национальном парке, но, по мнению Вилли, тоже было неплохо. Он лихорадочно отслеживал количество умерших на своем телефоне. Школы досрочно закрылись. Рокси рыдала, потому что пропускала бал, посвящённый окончанию учебного года, но Вилли не огорчился. Когда ты в классе для отстающих, у тебя не бывает выпускного бала.

В марте того года дедушка начал сильно кашлять, а иногда кашлял кровью. Отец отвёз его к доктору, и им пришлось ждать очереди к врачу в машине на парковке, потому что от вируса люди мёрли как мухи. И мать, и отец были уверены, что деда заразила либо Рокси, либо Вилли. Казалось, что большинство детей не заболевали или, по крайней мере, болели не так сильно, но они могли передавать вирус, и когда старики заражались, то обычно умирали. По новостям говорили, что нью-йоркские больницы хранили трупы в грузовиках-рефрижераторах. В основном трупы стариков, как дедушка. Вилли задумывался с интересом, а как выглядит содержимое этих грузовиков. Завернуты ли мертвецы в простыни или они лежат в мешках для трупов? А что, если кто-то из них ещё был жив, но замёрз насмерть в грузовике? Вилли подумал, что из этого вышло бы отличное телешоу.

Но оказалось, что у дедушки не было вируса, у него был рак. Врач сказал, что болезнь началась в поджелудочной железе, а затем распространилась на легкие. Мать рассказала всё Рокси, пока они мыли посуду, а Рокси выдала Вилли. В обычной ситуации она бы такого не сделала,

обычно кухня после ужина была как Вегас (о чем говорится в Вегасе, остается в Вегасе), но Рокси не могла удержаться, чтобы не поведать Чудику Вилли, что его любимый дедушка одной ногой в могиле.

— Папа спросил, ложить ли его в больницу, — рассказывала она Вилли, — и врач ответил: "Если не хотите, чтобы он умер через две недели, а не через полгода или год, держите его дома". Врач сказал, что больница сейчас — это рассадник микробов, и все, кто там работает, должны одеваться как в научно-фантастическом фильме. Вот почему он здесь.

— Аха, — хмыкнул Вилли.

Рокси толкнула его локтем.

— Я не пойму, тебе весело, что ли? Он же твой единственный друг? Если, конечно, ты не дружишь с другими такими же чудиками в школе. Которая... — Рокси издала печальный звук.
— ...теперь тоже закрыта, как и моя.

— Что будет, когда он больше не сможет ходить в туалет? — спросил Вилли.

— О, он будет продолжать какать и писать до самой смерти. Просто будет делать это в постели. Ему придётся носить подгузники. Мама сказала, что они бы отправили его в хоспис, только не могут себе этого позволить.

— Аха, — снова хмыкнул Вилли.

— Ты должен был плакать, — возмутилась Рокси. — Ты действительно грёбанный чудик.

— В стародавние времена дедушка работал полицейским в местечке под названием Селма²¹³, — сказал Вилли. — Он избивал чернокожих. Он сказал, что на самом деле не хотел этого делать, но ему приходилось. Потому что приказ есть приказ.

— Конечно, — сказала Рокси. — А в совсем стародавние времена у него были острые уши и туфли с загнутыми носками, и он работал в мастерской Санты.

— Это неправда, — возразил Вилли. — Санта-Клауса не существует.

Рокси схватилась за голову.

* * *

Дедушка не протянул ни год, ни шесть месяцев, ни даже четыре. Он сдал быстро. К середине весны он был прикован к постели и носил подгузники для взрослых под ночной рубашкой. Менять подгузники, конечно же, стало обязанностью Шэрон. Ричард заявил, что не выносит этой вони.

Когда Вилли предложил свою помощь маме, если она покажет ему, как это делается, она посмотрела на него, как на спятившего. Она надевала маску, когда меняла подгузники или

²¹³ В марте 1965 года именно из Селмы начинались марши на столицу штата Алабама — город Монтгомери, ставшие важной частью кампании за регистрацию черных избирателей, начатой Мартином Л. Кингом

кормила его протертой в блендере едой. Её беспокоил не вирус, потому что у деда его не было, а запах. Она называла его смрадом.

Вилли вроде как нравился этот смрад. Он не любил его, это было бы слишком, но ему он нравился — смесь мочи, лекарств "Викс" и медленно разлагающегося дедушки была интересной, как интересно было смотреть на мертвых птиц или наблюдать за тем, как мертвый крот совершает свое последнее путешествие по водостоку — что-то вроде похорон в замедленной съемке.

Хотя в дедушкиной комнате было два плетеных стула, теперь использовался только один. Вилли пододвигал его к кровати и беседовал с дедушкой.

— Насколько близко ты теперь к смерти? — спросил он однажды.

— Довольно близко, — ответил дедушка. Он провел дрожащим пальцем под носом. Его палец пожелтел. Вся кожа уже пожелтела, потому что он страдал не только от рака, но и от желтухи. Ему пришлось отказаться от сигарет.

— Больно?

— Когда кашляю, — ответил дедушка. Его голос стал низким и хриплым, как рычание собаки. — Таблетки помогают, но когда кашляю, кажется, что меня разрывает на части.

— А когда кашляешь, чувствуешь вкус своих какашек, — сказал Вилли будничным тоном.

— Верно.

— Тебе грустно?

— Нет. Всё в норме.

Снаружи дома Шэрон и Рокси работали в саду, согнувшись так, что Вилли видел только их торчащие задницы. И его это устраивало.

— Когда ты умрешь, ты будешь это осознавать?

— Если буду в сознании.

— Какая будет твоя последняя мысль?

— Не уверен. Может, о знаменосце при Геттисберге.

Вилли был немного разочарован, что это будет мысль не о нём, но не слишком.

— Можно мне посмотреть?

— Если будешь рядом, — ответил дедушка.

— Потому что я хочу это увидеть.

Дедушка ничего не ответил.

— Будет ли белый свет, как думаешь?

Дедушка помассировал верхнюю губу, обдумывая вопрос.

— Вероятно. Это химическая реакция, когда мозг отключается. Люди, которые думают, что это дверь в какую-то славную загробную жизнь, просто обманывают себя.

— Но ведь загробная жизнь существует. Не так ли, деда?

Джеймс Джонас Фидлер снова провёл длинным жёлтым пальцем по скудной коже под носом, затем продемонстрировал в улыбке свои немногочисленные оставшиеся зубы.

— Ты удивишься.

— Расскажи мне, как ты увидел сиськи Клеопатры.

— Нет. Я слишком устал.

* * *

Как-то вечером, неделю спустя, Шэрон подала свиные отбивные и велела семье насладиться ими — смаковать каждый кусочек, как она выразилась.

— Какое-то время отбивных больше не будет. Бекона тоже. Свинофермы закрываются, потому что почти все работники заболели вирусом. Цены взлетят до небес.

— День, когда не умрут свиньи! — воскликнула Рокси, разрезая свою отбивную.

— Что? — спросил отец.

— Это такая книга. Я делала по ней доклад. Получила четыре с плюсом. — Она бросила кусочек в рот и повернулась к Вилли с улыбкой. — А ты прочёл хотя бы букварь для первоклассников?

— Что такое букварь? — спросил Вилли.

— Оставь его в покое, — сказала мать.

У отца было хобби — строить скворечники. Местный сувенирный магазин взял их на реализацию и даже продал несколько штук. После ужина он отправился в свою маленькую мастерскую в гараже, чтобы соорудить еще один. Мама с Рокси ушли на кухню мыть посуду и болтать о своём. Задача Вилли была убрать со стола. Когда он закончил с этим, он отправился в комнату дедушки. Джеймс Фидлер превратился в скелет с лицом в виде черепа, обтянутого кожей. Вилли подумал, что если в его гроб заползут жуки, то они найдут там мало съедобного. Запах больничной палаты ещё сохранялся, но запах разлагающегося дедушки, казалось, почти исчез.

Дедушка приподнял руку и поманил Вилли. Когда Вилли сел рядом с кроватью, дедушка подозвал его ещё ближе.

— Вот оно, — прошептал он. — Мой главный день.

Вилли придвинул свой стул поближе. Он заглянул в глаза дедушки.

— Каково это?

— Хорошо, — выдохнул дедушка. Вилли подумал, не выглядит ли он в глазах дедушки отдаляющимся и тускнеющим. Он видел такое однажды в фильме.

— Подойди ближе.

Ближе придвинуть стул было уже невозможно, поэтому Вилли наклонился почти вплотную, так близко, что мог бы поцеловать иссохшие губы дедушки.

— Я хочу посмотреть, как ты умираешь. Хочу быть последним, что ты увидишь.

— Я хочу посмотреть, как ты умираешь, — повторил дедушка. — Хочу быть последним, что ты увидишь.

Его рука поднялась и с неожиданной, удивительной силой схватила затылок Вилли. Ногти деда вонзились. Он потянул Вилли к себе.

— Хочешь узнать больше о смерти? На, получи её полную порцию!

* * *

Через несколько минут Вилли остановился у двери на кухню, чтобы подслушать.

— Завтра мы отвезем его в больницу, — сказала Шэрон. Она была на грани истерики. — Мне всё равно, сколько это будет стоить, я так больше не могу.

Рокси что-то сочувственно пробормотала.

Вилли вошел на кухню.

— Вам не придется везти его в больницу, — сказал он. — Он только что умер.

Они повернулись к нему, глядя с одинаковым выражением шока и зарождающейся надежды.

Мать спросила:

— Ты уверен?

— Да, — ответил Вилли и провел пальцем между губой и носом.

[К содержанию](#)

Зловещие грёзы

Я не представляю себе, что такое Вселенная. Возможно, у меня имеются кое-какие догадки. И у вас они могут быть. Или нет. Но всё, что я могу вам сказать, — остерегайтесь сновидений. Они опасны. Я проверил это на собственном опыте.

* * *

Я отслужил два срока во Вьетнаме. Демобилизовался в июне 1971 года. Никто не плевал в меня, когда я сходил с трапа самолёта в Нью-Йорке, и никто не называл меня убийцей детей. Никто, конечно, и не поблагодарил меня за службу, так что это ничья. Мой рассказ — мемуары? исповедь? — не имеет никакого отношения к Вьетнаму, хотя, с другой стороны, имеет. Определенно имеет. Если бы я не провел двадцать шесть месяцев в этих беспролазных джунглях, то, возможно, попытался бы остановить Элджина, когда показались зубы. Хотя вряд ли бы у меня это получилось. Джентльмен науки²¹⁴ намеревался довести дело до конца и в каком-то смысле довёл. Но я мог хотя бы уйти и не участвовать в его жутком эксперименте. Я остался с Элджином, потому что молодой человек, который ушел на войну во Вьетнам, и

²¹⁴ Джентльмен науки — независимый исследователь, финансово независимый ученый, который занимается научными исследованиями без прямой принадлежности к публичным институтам, таким как университетские или правительственные научно-исследовательские и опытно-конструкторские учреждения

молодой человек, который вернулся оттуда, были разными людьми. Теперешний молодой человек был пуст. Эмоции были выжжены. Короче говоря, вышло так, как вышло. Я не считаю себя виновным и не несу ответственности за произошедшее. Он в любом случае продолжил бы свои опыты, со мной или без меня. Я просто знаю, что остался, даже когда понял, что мы пересекаем грань безумия. Наверное, я просто хотел пробудить себя, и, наверное, мне это удалось.

* * *

Я вернулся в Мэн и на некоторое время остановился у матери в Скаухигане. У нее всё было в порядке. Она работала помощницей менеджера в магазине "Банановая лавка Джорджа", звучит как придорожный ларек, но это был продуктовый магазин. Она заметила, что я изменился, и я согласился. Спросила, чем я собираюсь заниматься, и я ответил, что поищу что-нибудь в Портленде. Сказал, что буду делать то, чему научился у Сисси, и она похвалила меня. Думаю, она была рада, когда я от неё съехал. Наверное, я её сильно напрягал. Однажды я спросил её, по кому она скучает — по отцу или по отчиму. Она ответила, что по отцу. Лестера она охарактеризовала так: "Скатертью дорожка".

Я купил подержанную машину, поехал в Портленд и подал заявление на работу в агентство под названием "Темп-О". Женщина, которая приняла моё заявление, сказала:

— Я не вижу, где вы учились. — Её звали миссис Фробишер.

— Я не учился.

— Что не делали?

— Не ходил в школу.

— Молодой человек, вы, видимо, не понимаете. Мы нанимаем стенографистов, чтобы подменять тех, кто болеет или увольняется. Некоторые из наших сотрудников работают в окружном суде.

— Но вы проверьте меня, — сказал я.

— Вы знакомы с системой Грегга²¹⁵?

— Да. Я научился у своей сестры. Я помогал ей с домашними заданиями, но в итоге оказался лучше её.

— Где работает ваша сестра?

— Она умерла.

— Мне очень жаль. — Хотя особого сочувствия в голосе миссис Фробишер я не услышал, я её не винил. Людям хватает своих собственных трагедий, чтобы переживать еще и за чужие. — Сколько слов в минуту?

²¹⁵ распространенная в США система стенографирования. Стенография этого образца основана на геометрических линиях разной длины и высоты, важное значение имеет направление начертания алфавитных знаков

— Сто восемьдесят.

Она улыбнулась.

— Правда?

— Правда.

— Сомневаюсь.

Я промолчал. Она протянула мне блокнот и карандаш "Эберхард Фабер".

— Я с огромным удовольствием посмотрела бы на сто восемьдесят в деле.

Я открыл блокнот. Я вспомнил, как мы с Сисси сидели в её комнате: она за письменным столом в круге света лампы, я на кровати. Она говорила, что я лучше её. Она говорила, что я схватываю так, как можно было бы лишь мечтать, и это было правдой. Для меня это было похоже на изучение вьетнамского языка, а также диалектов тай и муонг. Это не навык, а просто талант. Я видел, как слова превращаются в крючки и петли. Толстые линии, тонкие линии, завитки. Они маршировали по моему разуму строем. Вы можете спросить, нравится ли мне это, и я отвечу: иногда. Как человеку иногда нравится дышать. Большую часть времени вы просто дышите, не замечая этого.

— Вы готовы?

— Всегда готов.

— Мы это сейчас увидим. — Затем она протараторила. — Не знает милосердие принужденья, двойная благодать его струится с небес, как тихий дождь; вы не можете просто прийти с улицы и сказать, что стенографируете со скоростью сто восемьдесят слов в минуту; благословен как пощадивший, так и пощаженный²¹⁶. А теперь прочтите это.

Я прочитал, не упомянув о том, что она немного ошиблась в последних словах речи Порции. Несколько секунд она просто смотрела на меня, а потом вымолвила:

— Да чтоб мне провалиться.

* * *

Я работал в "Темп-О" уже около десяти месяцев. Мы проигрывали во Вьетнаме. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять это. Иногда люди не могут остановиться, хотя следовало бы. Эти мысли снова возвращают меня к Элджину. Джентльмену науки.

Когда я начал работать, нас было четверо, потом шестеро, потом это число сократилось до трех, затем снова возросло до шести. Одним словом, высокая текучка кадров. Моими коллегами были одни женщины, кроме Пирсона, высоченного парня с залысинами, которые он старался прикрыть, и экземой вокруг носа и уголков рта. Вокруг рта она выглядела, как засохшая слюна. Пирсон работал там, когда я пришел, и остался, когда я уволился. Он мог стенографировать около шестидесяти слов в минуту. В хороший день. Если люди говорили слишком быстро, он просил "помедленнее, помедленнее". Иногда, когда было мало работы,

²¹⁶ строчка из пьесы Уильяма Шекспира "Венецианский купец" в переводе И.Мандельштама

мы устраивали гонки-соревнования. Две минуты рекламы по телевизору. Средства для мытья посуды. Зубная паста. Бумажные полотенца. Товары, которые приобретают женщины, смотрящие дневное ТВ. Я всегда выигрывал. Через некоторое время Пирсон перестал даже пытаться. Он называл это ребячеством. Не знаю, зачем миссис Фробишер держала его. Она не спала с ним. Думаю, он стал чем-то, к чему привыкаешь и перестаешь замечать, как к стопке рождественских открыток на столе в прихожей, которые остаются там до Дня святого Валентина. Меня он не любил. Я к нему не испытывал никаких чувств, потому что в таком состоянии пребывал в 1971 и 1972 годах. Но именно Пирсон познакомил меня с Эдждином. Можно и так сказать. Хотя он об этом даже не узнал.

Мы приходили около восьми тридцати или девяти и сидели в подсобке на Иксчейндж-стрит, пили кофе, ели пончики, смотрели маленький переносной телевизор или читали. Иногда устраивали гонки. Обычно лежало два или три экземпляра "Пресс Геральд"²¹⁷, и Пирсон всегда брал газету, бормоча себе что-то под нос и потирая экзему так, что кожа с него летела снежными хлопьями. Миссис Фробишер вызывала Энн, Дайан или Стеллу, если это была обычная работа. В суд, если кто-то заболел, в основном отправляли меня. Мне пришлось освоить стенографическую машинку и носить стеномаску, но это не составило проблем. Иногда меня отправляли на совещания с участием высокопоставленных персон, где запись была запрещена. Тогда оставались только я и мой блокнот. Я любил этот вид работы не больше остальных. Иногда я транскрибировал, делая расшифровку, а потом должен был сдать свой блокнот. Ничего особенного. Иногда мне давали чаевые.

Пирсон имел привычку швырять страницы газеты на пол, когда дочитывал их. Однажды Дайан назвала это паскудством, на что Пирсон ответил ей, что если ей не нравится, она может свернуть газету в рулончик и засунуть её себе в задницу, и через пару недель Дайан уволилась. Иногда я подбирал брошенные Пирсоном страницы и просматривал их. Когда не было работы, в подсобке, которую мы называли обезьянником, становилось дико скучно. Игровые и ток-шоу надоели. Я всегда носил с собой книгу в мягкой обложке, но в тот день, когда я узнал об Эдджине (хотя тогда я еще не знал его имени, потому что его не было в объявлении), книга, которую я читал, не увлекала меня. Это была военная книга, написанная человеком, понятия не имеющим о войне.

Я поднял страницу с объявлениями. Продажа автомобилей частными владельцами на одной странице и вакансии на другой. Я пробежал глазами вакансии, не то чтобы искал другую работу, меня вполне устраивала "Темп-О", просто убивал время. Слова "Джентльмен науки", выделенные жирным шрифтом, привлекли мое внимание. И слово "флегматичный". Такое слово не часто встретишь в объявлениях.

ДЖЕНТЛЬМЕНУ НАУКИ требуется помощник для проведения серии экспериментов. Стенографические навыки обязательны (60-80 слов в минуту или больше). Отличная зарплата при наличии отличных рекомендаций. Конфиденциальность и флегматичный темперамент также обязательны.

Там был указан номер. Любопытствуя, кому же нужен флегматичный ассистент, я позвонил. Просто убивая время. Это было в четверг в полдень. В субботу я проехал около семидесяти миль до Касл-Рока на своем подержанном "Форде" и выехал на Лейк-роуд, которая

²¹⁷ Портлендская ежедневная газета

заканчивалась у озера Дарк-Скор. На берегу стоял большой каменный дом с закрытым въездом, а за ним — маленький каменный домик, в котором я поселился, работая на Элджина, Джентльмена науки. Дом не был особняком, хотя не сильно от него отличался. На подъездной дорожке стояли "Фольксваген-жук" и "Мерседес". У "Жука" был номерной знак штата Мэн, наклейка с цветком на крышке бензобака и наклейка на бампере с надписью "Остановите войну". Я узнал эту машину. У "Мерседеса" был массачусетский номер. Я подумал, что он принадлежит Джентльмену науки, и оказался прав. Я так и не узнал, откуда у Элджина водились деньги. Наверное, джентльмены не рассказывают подобных вещей. Я решил, что он их унаследовал, потому что у него не было работы, насколько я мог судить, кроме джентльменской науки, и он называл этот почти-особняк своим летним домом. Понятия не имею, где у него был зимний дом. Вероятно, в Бостоне или одном из тех отдаленных пригородов, где черные или азиатские лица косили газоны и подавали обед (и только за этими занятиями их там можно было лицезреть). Я мог бы покопаться, поспрашивать в городе, потому что городские жители имеют склонность знать всё, и если спросить правильно, они всегда расскажут, они жаждут рассказать, ничего не убивает время лучше, чем сплетни, и я знал, как спросить, ведь сам вырос в маленьком городке и грассировал как настоящий янки, но я был не "в том психологическом состоянии", как мы тогда говорили. Мне было всё равно, был ли это Уэстон, Бруклин или Бэк-Бэй. Мне даже было всё равно, получу ли я эту работу или нет. Я не был болен, но и не был здоров. Вы можете понять меня, а может, и нет. Большинство ночей я не спал, и темнота была полна долгих часов. Большинство ночей я сражался с войной, и война побеждала. Это старая история, знаю. Её можно иногда увидеть по телевизору.

Я припарковался рядом с "Жуком". Из дома вышла молодая женщина, держа в одной руке портфель, а в другой — стенографический блокнот. Она была в костюме с юбкой. Это была Дайан, в последнее время работавшая в "Темп-О".

— Привет, незнакомка, — сказал я.

— И тебе. Ты, наверное, следующий. Надеюсь, тебе повезёт больше.

— Не прошла?

— Он сказал, что перезвонит мне. Я знаю, что это значит. Пирсон всё еще там?

— Да.

— Вот мурак.

Она села в своего "Жука" и укатила. Я позвонил в звонок. Элджин открыл дверь. Он был высоким и худым, с длинными зачесанными назад белыми волосами, как у концертного пианиста. На нем была белая рубашка и брюки цвета хаки, висевшие так, словно он похудел. На вид ему было около сорока пяти. Он спросил, я ли Уильям Дэвис. Я ответил утвердительно. Он спросил, есть ли у меня стенографический блокнот. Я ответил, что у меня их с полдюжины на заднем сиденье машины.

— Лучше захватите один.

Я взял один, полагая, что повторится история, как с миссис Фробишер. Он провел меня в гостиную, которая словно всё ещё хранила призрак зимы, когда дом опустел, а озеро

превратилось в лед. Он спросил, взял ли я с собой резюме. Я достал бумажник и показал ему свой армейский документ о почётной отставке, сказав, что это мое резюме. Я не думал, что его заинтересует, что я заправлял машины или работал посудомойщиком в "Безголовой женщине" после окончания школы.

— После того как я демобилизовался, я работал в Портленде в агентстве под названием "Темп-О". Ваша последняя претендентка тоже там работала. Можете позвонить, если желаете. Спросите миссис Фробишер. Возможно, она даже не уволит меня с работы, если узнает, что я ищу другую.

— Почему это?

— Потому что я у нее лучший.

— Вам действительно нужна эта работа? Потому что вы кажетесь, как бы это сказать, апатичным.

— Я бы не отказался от перемен. — Это было правдой.

— А что насчет зарплаты? Хотите узнать о ней? И о том, как долго будет длиться работа?

Я пожал плечами.

— Перекати-поле, да?

— Не знаю. — Это тоже было правдой.

— Скажите, мистер Дэвис, вы сможете произнести по буквам слово "флегматичный"?

Я произнес по буквам.

Он кивнул.

— Потому что последняя претендентка не смогла, хотя должна была прочитать это слово в моем объявлении. Сомневаюсь, что она вообще знала, что оно значит. Мне она показалась легкомысленной. Она была такой, когда вы работали вместе?

— Я бы не хотел её обсуждать.

Он улыбнулся. Тонкие губы. Линии, идущие по бокам рта, как у куклы чревовещателя. Очки в роговой оправе. Он не был похож на ученого. Он выглядел так, будто пытался выглядеть как ученый.

— Где вы служили? Во Вьетнаме?

— В основном.

— Вы убивали?

— Без комментариев.

— Есть какие-нибудь медали?

— Тоже без комментариев.

— Справедливо. Когда вы говорите, что вы лучший в "Темп-О" — я видел пару других оттуда, не только Дайан Биссоне, — о каком количестве слов в минуту идет речь?

Я озвучил цифру.

— Я проверю вас на это. Просто обязан. Если вы лучший, именно это мне и нужно. Стенография будет единственным документированием. Почти единственным. Не будет никаких аудиозаписей моих экспериментов. Не будет киносъемок. Будут снимки "Полароидом", которые я сохраню, если опубликуюсь, и уничтожу, если публиковаться не буду.

Он ждал, когда я проявлю любопытство, и мне действительно был интересно, но не настолько, чтобы спрашивать. Он либо расскажет мне, либо нет. На журнальном столике лежала стопка книг. Он взял верхнюю и проверил меня по ней. Это была "Человек и его символы"²¹⁸. Он говорил в хорошем темпе, но не так быстро, как миссис Фробишер. Там была техническая терминология, жаргонизмы типа "активация-синтез" и труднопроизносимые имена и названия, такие как Аниэла Яффе²¹⁹ и Брешианский университет, но я видел их правильно. Именно так и есть, своего рода видение. Я записал всё, хотя он и споткнулся на имени Яффе, произнеся его как Яфф, и перечитал ему.

— Вы растрчиваете свой талант в "Темп-О", — произнёс он.

Я не нашелся с ответом.

— Вы будете жить здесь на время моих экспериментов. В гостевом доме на заднем дворе. Будут выходные. Много свободного времени. У вас есть какие-нибудь медицинские навыки благодаря службе?

— Немного. Я могу вправить кость и реанимировать кого-нибудь. Если этого человека вовремя вытащили из озера. Сомневаюсь, что вам здесь понадобятся сульфаниламиды.

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Вы выглядите старше.

— Конечно.

— Вы случайно не были в Ми Лае?²²⁰

— Это было до меня.

Он взял в руки одну из книг в стопке: "Архетипы и коллективное бессознательное". Взял другую под названием "Воспоминания, сновидения, размышления". Он поднимал и опускал их, словно взвешивая на невидимых весах. — Знаете, что общего у этих книг?

²¹⁸ книга Карла Юнга, швейцарского психолога и психиатра

²¹⁹ Аниэла Яффе — психолог, работала секретарём К. Юнга

²²⁰ массовое убийство в Сонгми или резня в Ми Лае — военное преступление, совершённое солдатами армии США в деревенской общине Сонгми

— Обе написаны Карлом Юнгом.

Он поднял брови.

— Вы правильно произнесли его имя.

"Лучше, чем вы произнесли Аниэла Яффе", — подумал я, но промолчал.

— Полагаю, вы не говорите по-немецки?

— Ein wenig²²¹, — ответил я и развел большой и указательный пальцы в стороны.

Он взял из стопки еще один том. Книга называлась "Gegenwart und Zukunft".

— Это мое сокровище. Раритет, первое издание. "Настоящее и будущее". Я не могу ее прочесть, но смотрю картинки и изучил графики. Математика — это универсальный язык, как вы, я уверен, сами знаете.

Я этого не знал, потому что нет универсального языка. Числа, как и собак, можно обучить разным трюкам. А название его первого издания на самом деле было "Современность и будущее". Между "настоящим" и "современным" есть огромная разница. Целая пропасть. Мне это было безразлично, но меня заинтересовала книга, лежавшая под "Gegenwart und Zukunft". Это была единственная книга не Юнга. Это была "По ту сторону сна" Г.Ф. Лавкрафта. У человека, которого я знал в доках, артиллериста, был экземпляр этой книги в мягкой обложке. Она сгорела, и он тоже.

Мы еще поговорили. Предложенная им зарплата оказалась настолько высокой, что я задумался, законны ли его эксперименты. Он несколько раз давал мне возможность спросить об этом, но я не спрашивал. Наконец, он перестал меня дразнить и спросил, хочу ли я угадать, чего будут касаться его эксперименты. Я ответил, что, вероятно, сновидений.

— Да, но думаю, что пока сохраню настоящую природу своего интереса, так сказать, "направление", при себе.

Я не спросил о направлении, еще одна вещь, на которую я не удосужился обратить внимание. Он сфотографировал на свой "Полароид" мои документы об отставке, а затем предложил работу.

— Конечно, вы можете продолжать работать в "Темп-О", но здесь вы будете помогать мне исследовать области, в которые не вторгался ни один психолог, даже Юнг. Девственные территории.

Я согласился. Он сказал, что мы начнем в середине июля, и я вновь ответил согласием. Он попросил мой номер телефона, я дал его ему. Я сказал, что это телефон в пансионе и он стоит внизу в холле. Он спросил, есть ли у меня девушка. Я ответил, что нет. Он не носил обручального кольца. Я не заметил в его доме никакой прислуги. Я сам себе готовил или ел в кафе в городе. Не знаю, кто готовил ему еду. В Элджине было что-то вечное, что-то вневременное, как будто у него не было ни прошлого, ни будущего. У него было настоящее, но

²²¹ Немного

он был несовременен. Он курил, но я никогда не видел, чтобы он пил. Всё, что у него было, — это его одержимость снами.

На выходе я спросил:

— Вы что, хотите перелезть через стену сна?

Он рассмеялся.

— Нет. Я хочу проползти под ней.

* * *

Он позвонил мне первого июля и попросил подать заявление об увольнении за две недели. Я так и сделал. Я не надеялся, что миссис Фробишер скажет мне не беспокоиться о двух неделях и даст легко уйти (или свалить по-быстрому), и не ошибся. Я был у неё лучшим, и она хотела выжать из меня как можно больше. Он перезвонил восьмого июля и попросил переехать к нему четырнадцатого, как только я уволюсь. Он предположил, что если я живу в пансионе, то вещей у меня, наверное, не так уж много. В этом он был прав. Он сообщил, что у него сразу же есть для меня небольшое задание.

* * *

Последним, с кем я пообщался в "Темп-О" был Пирсон. Я сообщил ему, что он козёл. Он никак не отреагировал. Возможно, согласился с этой оценкой. Возможно, подумал, что я могу его ударить. Не знаю. Я подъехал к гостевому домику и увидел связку ключей, на которой висели два ключа, а третий торчал в замке. Четыре комнаты. Уютные. Теплее, чем в большом доме, вероятно, потому что пристройку сделали позже, когда уже появилась теплоизоляция стен. В гостиной был камин, а на заднем дворе — куча поленьев, накрытых брезентовым тентом. Я люблю огонь в камине, всегда любил. Я не стал заходить в большой дом. Подумал, что Элджин увидит мою машину и поймет, что я приехал. В маленькой кухне были интерком и факсимильный аппарат. Я никогда раньше не видел домашних факсов, но знал, что это такое, повидав несколько в штабах во Вьетнаме. На кухонном столе лежал альбом. К нему была приклеена записка, которая гласила: "Ознакомьтесь с этим. Возможно, вы пожелаете сделать заметки".

Я пролистал альбом. Заметок не делал. У меня хорошая память. В альбоме было двенадцать страниц и двенадцать фотографий под целлофаном или, возможно, это был рыбий клей. Две фотографии были с водительских удостоверений. Две — снимки голов. Шесть женщин и шесть мужчин. Все — разных возрастов. Самый младший выглядел как школьник. Под фотографиями были указаны их имена и профессии. Двое были студентами колледжа. Двое были учителями, вероятно, на летних каникулах. Один был пенсионером. Остальные были "голубыми воротничками", теми, кого называют рабочим классом: официантками и продавцами, плотником и дальнобойщиком.

В холодильнике были яйца и бекон. Я поджарил четыре яйца на жиру от бекона. Сбоку была небольшая терраса с видом на озеро. Я поел там, глядя на воду. Когда солнце было между горой Вашингтон и горой Джефферсон, и золото отражалось в озере, я вернулся в дом и лёг

спать. В ту ночь я спал лучше, чем за последние четыре года. Десять часов бездумной, пустой темноты. Наверное, так ощущается смерть.

* * *

В субботу утром я спустился к берегу озера. Там стояла скамейка, на которой сидел Элджин и курил. Всё в той же белой рубашке и тех же длинных брюках цвета хаки. Я никогда не видел его в другой одежде, словно это была своего рода униформа. Он попросил меня присесть рядом с ним, что я и сделал.

— Хорошо устроились?

— Да.

Он достал из набедренного кармана бумажник и протянул мне чек. Тот был выписан на мое имя от компании ООО "Дрим Корпорейшн". Сумма составляла тысячу долларов.

— Вы можете отнести его в "КиБанк" в Касл-Роке. Там у меня есть счета, как личные, так и корпоративные. Можете открыть себе счет, если пожелаете.

— Я могу просто обналичить его?

— Конечно. Вы помните первого испытуемого из альбома, что я вам оставил?

— Да. Алтея Гибсон. Парикмахер. На вид ей около тридцати.

— Хорошая память. Эйдетическая? Учитывая вашу скорость стенографии и знание вьетнамского, думаю, что да.

Значит, он немного покопался, провел небольшое расследование. Сделал несколько звонков, как говорят в таких случаях.

— Наверное. Я научился стенографии у сестры. Помогал ей в учёбе.

— И у вас это получалось лучше.

— Наверное, так. Но она добилась большего. Получила работу менеджером по персоналу в медицинском центре Восточного Мэна. Там лучше зарплата. — Ему необязательно было знать, что она умерла, я не хотел распространяться на эту тему.

— Вы были переводчиком во Вьетнаме.

— Некоторое время.

— Не желаете об этом говорить? Ладно. Здесь же хорошо? Спокойно. Позже появятся любители пикников. Жужжание лодок раздражает, оно тянется со Дня поминовения²²² до Дня труда²²³, но фанаты пикников остаются дальше по пляжу.

— Ваш участок уединенный.

²²² День поминовения — национальный день памяти США, отмечаемый ежегодно в последний понедельник мая

²²³ День труда — национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября

— Да. Мне нравится уединение. Мистер Дэвис, я верю в то, что могу изменить мир.

— Вы имеете в виду мир снов.

— Нет. Весь мир. Если у меня получится. — Он поднялся. — Я пришлю вам факс. Просмотрите его. Миссис Гибсон будет здесь в два часа дня во вторник. Я заплачу ей за закрытие её парикмахерской. Встретьте её и проводите внутрь. Я хочу заранее показать вам, как всё устроено. Скажем, в полдень. На случай, если она придет раньше.

— Хорошо.

— Прочитайте факс. Если будут замечания, воспользуйтесь интеркомом. В ином случае вы свободны до вторника. — Он протянул руку. Я встал, чтобы пожать ее. Меня снова поразил его вид вне времени. Какой-то умиротворенный. Он верил, что изменит мир. Он действительно верил в это.

* * *

Когда я варил кофе, затарахтел факс. Это был бланк согласия для его подопытных кроликов. Я снова задумался о законности данной операции. Там были поля, в которые испытуемый должен был вписать своё имя, адрес и номер телефона. Говорилось, что нижеподписавшийся был проинформирован и согласился на введение лёгкого снотворного препарата перед испытанием. Говорилось, что препарат выветрится через шесть часов или меньше и что испытуемый будет чувствовать себя хорошо. Поскольку препарат будет вводить Элджин и ответственность за последствия на меня не ложится, то у меня не возникло лишних мыслей. Признаюсь, мне становилось всё интереснее и интереснее. Я подумал, что, возможно, Элджин был сумасшедшим. После Вьетнама у меня был нюх на это. Я поехал в город и купил продукты. Банк был открыт до полудня. Я открыл счёт и положил на него сумму с чека, обналичив сто долларов. Не было никаких дополнительных проверок, значит, чек был надёжным. Я отобедал в "Закусочной Касл-Рока"²²⁴, затем вернулся в гостевой домик и вздремнул. Сновидений не было.

* * *

Во вторник в полдень я появился в его большом доме. Элджин ждал меня на крыльце. Внутри дома с левой стороны была гостиная, где он смотрел мои документы о демобилизации и показывал свои книги Юнга. Справа были двойные двери. Он открыл их. Раньше там была столовая, но теперь она стала его лабораторией, где он собирался проводить свои эксперименты. Эта комната была разделена на две части фанерной стеной. Одна половина комнаты предназначалась для его подопытных. Там стояла кушетка с поднятой головой и опущенными ножками, как у психиатра. С одной стороны кушетки на штативе была установлена фотокамера "Полароид", направленная вниз. С другой стороны стоял маленький столик, на котором лежал блокнот "Блу Хорз", открытый на первой чистой странице, и ручка. Видимо, он ожидал, что его подопытные будут делать заметки или, возможно, захотят зафиксировать свои сновидения, пока те были свежи. На стенах были установлены колонки "Боуз". Посередине фанерной стены, обращенной к поднятой части кушетки, висело зеркало, и нужно было не просмотреть ни одного полицейского телесериала, чтобы не догадаться, что это

²²⁴ Эта закусочная, в частности, упоминается в романе С. Кинга "Гвенди и её шкатулка"

было одностороннее стекло. На стороне Элджина стоял стол и ещё один "Полароид" на штативе, направленный на кушетку через одностороннее стекло. На столе был микрофон. Ряд кнопок. На стенах были еще колонки. Стереосистема "Филипс" с пластинкой на проигрывателе. Рядом с односторонним стеклом стоял стул.

— Это ваше, — сказал он, указывая на стул. — Ваш пост, где вы будете сидеть и наблюдать. У вас есть свежий блокнот?

— Да.

— Записывайте все мои слова. Если миссис Гибсон что-то скажет, вы услышите это из колонок с этой стороны и тоже фиксируйте. Если не разберёте, что она сказала — часто речь во сне неразборчива, — проведите двойную черту.

— Если бы был магнитофон... — начал я, но он отмахнулся.

— Я же сказал, что не будет записываться ни звук, ни изображение. Будут только "Полароиды". Я управляю звуковой системой и обеими камерами со стола.

— Без звука, без киноплёнки, понял. — Также не было никакого медицинского оборудования и не было никакой возможности записывать мозговые волны испытуемых или фазы быстрого сна. Весь этот проект выглядел каким-то безумием, но чек оказался надежным, как швейцарские часы, так что меня это устраивало. На лице Элджина не было ни возбуждения, ни нервозности. Олимпийское спокойствие. Он собирался изменить мир. Он был на все сто процентов в этом уверен.

Алтея Гибсон прибыла на пятнадцать минут раньше назначенного. Она была одной из тех двоих, кто прислал Элджину фотографию, сделанную, вероятно, профессиональным фотографом, использовавшим кольцевой свет, чтобы она выглядела немного моложе. Ей было около сорока, и она была полновата. Я встретил её у машины и представился помощником мистера Элджина.

— Мне немного страшновато, — сказала она, пока мы шли к дому. — Надеюсь, всё будет хорошо. Со мной всё будет в порядке, мистер Дэвис?

— Конечно, — заверил я её. — Всё пройдет, как по маслу.

Недаром говорят, что правда фантастичнее любого вымысла. Вот вам ярчайшее доказательство: женщина в конце проселочной дороги, заканчивающейся на частном пляже, разговаривает с мужчиной, которого она никогда раньше не видела, да и видела ли она ранее Элджина или только общалась с ним по телефону? Её не оттолкнуло, что с ней может случиться что-то плохое, хотя ей сказали, что ей дадут препарат, описанный как "лёгкое снотворное". Её не оттолкнуло, потому что плохие вещи случаются с другими людьми, в новостях по телевизору. Было ли это отсутствием воображения, что она не думала об изнасиловании или неглубокой могиле, или же это был лишь узкий горизонт её восприятия? Это поднимает вопрос о том, что такое воображение и что такое восприятие. Может, я думал в таком ключе, потому что повидал кое-что на другом конце света, где с людьми постоянно случались нехорошие вещи, иногда даже с парикмахерами.

— За восемьсот долларов, как я могла отказаться? — Она понизила голос и прошептала. — Я что, поймаю кайф?

— Я правда не знаю. Вы наша первая... — Кто же? — Наша первая клиентка.

— Вы же не воспользуетесь мной? — Сказано шутливо, в надежде, что это воспримут как шутку. — И он тоже?

— Ничего такого, — ответил Элджин, спускаясь в прихожую, чтобы поприветствовать её на крыльце. На плече у него висел небольшой плоский чемоданчик, похожий на полевую сумку разведчика. — Я абсолютно безвреден, как и Билл. — Он протянул обе руки, взял её за руки и слегка сжал. — Вам понравится. Обещаю.

Я протянул ей бланк согласия, который, вероятно, был таким же законным, как и трехдолларовая купюра. Она мельком пробежала глазами, заполнила пустые поля вверху, подписала внизу. Она жила своей жизнью и не представляла, что жизнь может закончиться или круто измениться. Слепота перед возможностями — это либо благословение, либо проклятие. Выбирайте сам. Элджин повел её к кушетке в бывшей столовой и достал из своего чемоданчика мензурку с прозрачной жидкостью. Он вытащил резиновую пробку и протянул ей мензурку. Она взяла её осторожно, словно боясь обжечься.

— Что это?

— Лёгкое снотворное, как я уже говорил. Оно введет вас в спокойное и безмятежное состояние и убаюкает вас. Не будет никаких побочных эффектов и похмелья. Это совершенно безвредно.

Она посмотрела на мензурку, затем, сделав жест как для тоста, произнесла:

— По губам и по зубам, держись, животик, оно там. — Она с легкостью выпила, правда фантастичнее любого вымысла, затем посмотрела на Элджина.

— Я думала, меня вырубят. Это была просто вода?

— В основном вода, — ответил он с улыбкой. — Вы вернетесь в свою машину и отправитесь домой... напомним, где вы живете?

— В Норт-Уиндхэме.

— Вы вернетесь в свою машину и поедете обратно в Норт-Уиндхэм в четыре часа с чеком на восемьсот долларов в сумочке. А пока расслабьтесь, и я скажу вам, что делать. Это очень просто. — Он взял у неё мензурку, вернул пробку и положил её обратно в чемоданчик, где для неё был специальный держатель. Он достал из кейса другую вещь. Это была картинка маленького домика в лесу. Дом был покрашен в красный цвет. У него была зеленая дверь с двумя каменными ступенями и кирпичный дымоход. Он протянул картинку ей.

— Сейчас я включу музыку. Очень тихую и спокойную. Послушайте её и смотрите на эту картинку.

— Ооо, я уже чувствую это. — Она улыбнулась. — Как после косяка. Так приятно!

— Смотрите на картинку, миссис Гибсон, и говорите себе: "Я хочу увидеть, что находится внутри этого дома".

Я записывал всё это, Г — для Гибсон и Э — для Элджина. Крючки и петли бежали по страницам девственно чистого стенографического блокнота. Я делал то, за что мне платили.

— А что внутри него?

— Зависит от вас. Возможно, вам приснится, как вы заходите в тот дом, и тогда вы увидите всё сами. Попробуете?

— А если мне не приснится, как я захожу в тот дом, я всё равно получу свои восемьсот долларов?

— Безусловно. Даже если вы просто приятно подремлете.

— Если я усну, вы разбудите меня к четырём? — Она начала клевать носом. — Соседка забирает мою дочку из школы, но я должна быть дома к шести, чтобы приготовить ей... приготовить ей...

— Приготовить ей ужин?

— Да, ужин. Посмотрите на эту зеленую дверь! Я бы никогда не покрасила дверь красного дома в зелёный цвет. Слишком по-рождественски.

— Смотрите на картинку.

— Смотрю.

— Вам снится дом. Попробуйте войти внутрь. — Как заклинание гипнотизёра.

— Хорошо.

Я подумал, что она уже под гипнозом. Наверное, если бы Элджин попросил её залаять, как собака, она бы попыталась.

— Войдите в дом и осмотритесь.

— Хорошо.

— Идите к гостиной.

— Хорошо.

— Но в гостиную не заходите, а просто подойдите к дверному проему.

— Нужно рассказать, как выглядит гостиная? Мебель и какие обои? Типа того?

— Нет, встаньте на колени и поищите трещину в полу. Прямо здесь, у дверного проема гостиной.

— А там будет трещина?

— Я не знаю, миссис Гибсон. Алтея. Это ваш сон. Если там есть трещина, просуньте в неё пальцы и поднимите пол гостиной.

Она одарила его мечтательной улыбкой.

— Я не смогу поднять пол, глупыш.

— Может, не сможете, а может, и сможете. Во снах возможно то, что в реальной жизни невозможно.

— Например, летать. — Мечтательная улыбка стала ещё шире.

— Да, как летать, — произнёс он с ноткой нетерпения в голосе, хотя для меня идея полёта во снах казалась такой же логичной, как и всё остальное, связанное с ними. По мнению Юнга, сны о полётах указывают на стремление психики освободиться от ожиданий других людей или — что ещё труднее, обычно невозможно — от собственных ожиданий.

— Поднимите пол. Посмотрите, что под ним. Если вспомните, когда проснётесь, запишите это в блокноте. Я задам вам несколько вопросов. Если не вспомните, ничего страшного. Мы скоро вернёмся, да, Билл?

Мы вышли из той части бывшей столовой, где лежала миссис Гибсон, и перешли в другую её часть. Я занял своё место перед односторонним стеклом, положив блокнот на колени. Элджин сел за стол и нажал одну из кнопок. Пластика закружилась, звукозаписыватель опустился, и заиграла музыка. Это был Дебюсси. Элджин нажал другую кнопку, и музыка в нашей половине экспериментальной станции прекратилась, но я слышал её в половине миссис Гибсон. Она смотрела на картину. Она хихикнула, и я записал, не используя систему Грегга, а по-простому: "Г. смеётся в 14:14".

Прошло некоторое время. Десять минут по моим часам. Она изучала изображение домика с таким пристальным вниманием, какое бывает только у тех, кто находится под сильным кайфом. Постепенно картинка начала опускаться в её руке. Поскольку голова кушетки была обращена к нам, я видел, как её глаза то закрывались, то снова открывались. Её ярко-красные губы смягчились. Элджин теперь стоял рядом со мной, наклонившись вперёд и уперев руки в колени. Он напомнил мне одного полковника, которого я знал там, в другом мире, наблюдавшего в бинокль, как истребители-бомбардировщики F-100D из 352-й эскадрильи заходят на бреющем полёте над Бьенхоа, беременные огненным желе, которое они сбрасывали в оранжевой завесе, выжигая всё живое в чреве зелени, превращая лес в пепел и скелетные пальмы. Мужчин и женщин тоже, они кричали "nahn tu, nahn tu" непонятно кому, потому что никто их не слышал, а если бы даже и слышал, то никого бы это не взволновало.

Картинка с изображением дома опустилась ей на живот. Она спала. Элджин вернулся к столу и выключил музыку. Он, должно быть, также прибавил звук в нашей части, потому что я услышал её лёгкий храп. Он вернулся и занял прежнюю позицию. "Полароиды" по таймеру вспыхивали каждые тридцать секунд, один в нашей части, другой в части Гибсон. При каждой вспышке фотография выбрасывалась с кошачьим урчанием и падала на пол. Через три или четыре минуты после того, как она уснула, я увидел нечто и подался вперёд. Я не поверил, как не веришь тому, что противоречит привычному укладу вещей. Но это на самом деле происходило. Я потёр ладонью глаза, но картина не изменилась.

— Элджин. Её рот.

— Вижу.

Её губы раздвинулись, и между ними начали вздыматься зубы. словно из океана поднялось нечто вулканическое, только без острых выступов, кроме, пожалуй, клыков. Но это были не клыки и не звериные зубы, это были её зубы, только длиннее и больше. Губы откинулись назад, обнажив розовую подкладку. Её руки дёргались, поворачиваясь туда и обратно, пальцы тряслись. "Полароиды" вспыхивали и жужжали. Ещё два раза там, два раза у нас. Фотографии падали на пол. Затем в фотокамерах закончилась плёнка. Зубы начали втягиваться обратно. Руки ещё раз дёрнулись, и пальцы, казалось, заиграли на невидимом пианино. Затем и это прекратилось. Губы сомкнулись, но на её подносовом желобке остался слабый красный след от помады.

Я посмотрел на Элджина. Он выглядел одновременно и спокойным, и взволнованным. Я на мгновение увидел, что скрывалось под его безмятежностью, как гряда облаков в конце дня может разойтись ровно настолько, чтобы обнажить кроваво-красное сияние заходящего солнца. Если у меня и имелись сомнения, являлся ли Джентльмен науки Сумасшедшим Джентльменом науки, то теперь они окончательно отпали.

— Ты знал, что произойдёт? — спросил я.

— Нет.

Двадцать минут спустя, в 14:58, миссис Гибсон зашевелилась. Мы зашли на её половину, и Элджин растряс её до пробуждения. Она проснулась без всякой сонливости, просто потянулась, широко раскинув руки, как будто хотела обнять весь мир.

Г: Это было чудесно. Чудесный сон.

Э: Хорошо. Что вам снилось? Помните?

Г: Да! Я зашла внутрь. Это был дом моего дедушки! Те же самые часы Сета Томаса²²⁵ в прихожей, которые мы с сестрой называли "тик-так дедули".

Э: А гостиная?

Г: Она тоже была дедушкиной. Те же самые стулья, тот же диван с гладким конским волосом, тот же телевизор с вазой на нем. Не могу поверить, что всё это помню. Но вы же сказали, что это неважно.

Э: Вы пытались поднять пол?

Г (после долгой паузы): Да... я немного приподняла его...

Э: Что вы там увидели?

²²⁵ Сет Томас — американский часовых дел мастер и пионер массового производства часов

Г: Тьму.

Э: Значит, подвал.

Г (после долгой паузы): Не думаю. Я опустила его обратно. Пол. Он был тяжёлым.

Э: Что-нибудь было ещё? Когда вы подняли пол?

Г: Там был неприятный запах. Вонь. (Долгая пауза) Смрад.

Тем вечером я спустился к пляжу, где Элджин сидел на скамейке, и присел рядом с ним.

— Ты расшифровал свои записи, Уильям? — спросил он, щёлкая зажигалкой.

— Сегодня вечером сделаю. Что было в той мензурке?

— Ничего особенного. Флуразепам²²⁶. Даже не клиническая доза. Очень разбавленный.

— Ни одно вещество не сделало бы то, что мы видели.

— Да. Но он сделал её внушаемой. Я сказал ей, что делать, и она это сделала. Получила доступ к реальности по ту сторону сна, к реальности под миром сновидений, если угодно. Если предположить, что такая реальность существует.

— Что стало с её зубами...

— Да. — Его спокойствие вернулось. — Поразительно, правда? И имеется доказательство. "Полароиды" это покажут, если кто-то решит, что у нас была коллективная галлюцинация.

— Такая мысль мне даже в голову не приходила. Чем же ты занимаешься?

— Наконец, ты спросил.

— Да. Наконец, спрашиваю.

— Ты когда-нибудь задумывался о существовании, Уильям? По-настоящему задумывался? Потому что мало кто это делает.

— Задумывался и даже видел его конец.

— Ты имеешь в виду, на войне.

— Да.

— Но войны — это дело рук человеческих. По отношению к Вселенной, которая охватывает всё существование, всю материю, включая время как в прямом, так и в обратном направлении, человеческие войны значат не больше, чем копошение в муравейнике под увеличительным стеклом. Земля — наш муравейник. Звезды, которые мы видим по ночам, — это всего лишь первый дюйм вечности. Возможно, когда-нибудь телескопы, запущенные в космос до Луны, Марса и дальше, покажут нам галактики за галактиками, туманности, скрытые за другими

²²⁶ снотворное средство бензодиазепинового ряда

туманностями, невообразимые чудеса, и так до самого края Вселенной, за которой, может, нас ждёт другая Вселенная. Подумай о другом конце этого спектра.

Он отложил свою зажигалку "Зиппо", наклонился, набрал в кулак горсть песка с пляжа и пропустил его сквозь пальцы.

— Десять тысяч крошечных частиц земли в моём кулаке, может быть, двадцать тысяч или даже пятьдесят. Каждая из них состоит из миллиардов, триллионов или гуголплекса атомов и протонов, вращающихся по своим траекториям. Что удерживает всё это вместе? Что является связующей силой?

— У тебя есть теория?

— Нет, но теперь у меня есть способ посмотреть. Ты видел это сегодня. И я тоже. Предположим, наши сны — это барьер между нами и этой бесконечной матрицей существования? Может, это и есть связующая сила? Предположим, она осознанна? Предположим, мы можем преодолеть этот барьер, не пытаясь пройти сквозь него, а заглянув под него, как ребёнок, заглядывающий под цирковой шатёр, чтобы посмотреть представление?

— Барьеры обычно существуют не просто так.

Он засмеялся, как будто я сказал что-то смешное.

— Ты хочешь узреть Бога?

— Я хочу увидеть, что там есть. Я могу потерпеть неудачу, но то, что мы увидели сегодня, убеждает меня, что успех возможен. Пол её сновидений оказался слишком тяжёл для неё. У меня есть ещё одиннадцать испытуемых. Кто-то из них может оказаться сильнее.

Именно тогда мне следовало уйти.

* * *

В июле у нас было ещё два подопытных кролика. Одним из них была женщина-плотник по имени Мелисса Грант. Ей приснился дом, но она не смогла попасть внутрь него. По ее словам, дверь была заперта намертво. Вторым был владелец книжного магазина в Нью-Глостере. Он сказал, что его магазин, вероятно, разорится и закроется, но он не был готов сдаваться, а восемьсот долларов позволят ему оплатить аренду ещё на один месяц и закупить партию книг, которые всё равно мало кто купит. Он проспал два часа под музыку Дебюсси, а проснувшись, рассказал, что ему снился не дом, а его отец, умерший двадцать лет назад. Ему приснилось, будто они вдвоем ходили на рыбалку. Элджин дал ему чек и отправил восвояси. В нашем июльском расписании была ещё одна встреча — с мужчиной по имени Норман Билсон, но он так и не появился.

Первого августа к нам на Лейк-роуд приехал человек по имени Хирам Гаскилл. Он был строителем, который остался без работы. Он скинул ботинки и лёг на кушетку. Сказал: "Давайте приступим" и без лишних вопросов выпил содержимое мензурки. Посмотрел на картинку, и сначала я подумал, что лекарство на него не подействует, он был крупным парнем, весил, вероятно, около двухсот семидесяти фунтов, но в конце концов он сдался и захрапел. Элджин

принял свою обычную позу рядом со мной, подавшись вперёд, как стервятник, так что его нос почти касался стекла, а дыхание затуманивало его. Почти час ничего не происходило. Затем храп прекратился, и всё ещё спящий Гаскилл слепо нащупал ручку, лежащую на раскрытом листе блокнота "Блу Хорз". Он что-то написал в нём, не открывая глаз.

— Зафиксируй, — сказал Элджин, но я уже записал, не системой Грегга, а по-простому: "В 15:17 Гаскилл пишет примерно 15 секунд. Бросает ручку. Сейчас снова спит и снова храпит".

В 15:33 Гаскилл проснулся сам, сел и свесил ноги с кушетки. Мы зашли к нему, и Элджин спросил, что ему снилось.

— Ничего. Простите, мистер Элджин. Я всё равно получу деньги?

— Да. Всё в порядке. Вы уверены, что ничего не помните?

— Да, но это был хороший сон.

Я заглянул в блокнот и спросил Гаскилла, служил ли он.

— Нет, сэр, не служил. Ходил на медосмотр, и у меня обнаружили повышенное кровяное давление. Теперь принимаю таблетки.

Элджин прочитал написанное в блокноте. Когда Гаскилл укатил на своём стареньком пикапе, оставив за собой голубое облачко выхлопных газов, которое ветерок быстро развеял, Элджин постучал по единственной строке, написанной аккуратным почерком, хотя у человека, водившего ручкой, глаза были закрыты. На лице его отразились волнение и торжество.

— Это не его почерк. Даже близко не его.

Он положил бланк согласия Гаскилла рядом с блокнотом. Имя и адрес на бланке были написаны рукой человека, который писал редко и без особого желания. Хотя сведений об испытуемых Элджина у нас было не больше, чем у Элджина научного оборудования для опытов, чудовищный почерк Гаскилла явно говорил о нём как о человеке, который получил лишь столько школьного образования, сколько требовал штат Мэн, да и то неохотно, за исключением, пожалуй, занятий в мастерской. Почерк на блокноте был аккуратным и точным, хотя и без диакритических знаков над словами в нужных местах, и орфография была неправильной. Создавалось впечатление, что Гаскилл писал то, что слышал. Записывал под диктовку, как это делает стенографист. И возникал вопрос: кто же диктовал?

— Это ведь вьетнамский, не так ли? Поэтому ты и спросил, служил ли он.

— Да.

Конечно, это был вьетнамский. Mat trang da day cua ma guy.

— И что это значит?

— Это значит, что луна полна демонов.

* * *

Тем вечером, когда я спустился к воде, Элджин сидел на скамейке и снова курил. Вода была серой, как сланец. Не было видно ни одной лодки. Небо заполонили грозовые тучи, надвигавшиеся с запада. Я сел. Не глядя на меня, Элджин произнёс:

— Это послание было предназначено для тебя.

Конечно, так оно и было.

— Он знал, что ты был во Вьетнаме. Более того, он знал, что ты понимаешь вьетнамский язык.

— Что-то знало.

Молния ударила по воде в миле от нас, поразив электрическим разрядом рыб, оказавшихся у поверхности. Они всплывали и кормили чаек. Скоро пойдет дождь. Холмы на дальнем берегу Дарк-Скор скрылись за серой завесой, которая грозно подбиралась к нам.

— Возможно, пора остановиться. Что-то по ту сторону твоего барьера говорит: не связывайтесь со мной.

Он покачал головой, не отводя взгляда от надвигающегося дождя.

— Вовсе нет. Мы на пороге. Я чувствую это. Знаю это. — Теперь он повернулся ко мне. — Пожалуйста, не оставляй меня, Уильям. Твои навыки нужны мне как никогда. Если я опубликуюсь, мне понадобятся не только фотографии и стенограммы, но и твои черновики. Кроме того, ты являешься свидетелем.

Не просто свидетелем. Гаскилл или то, что вошло в Гаскилла, выделило именно меня. Не Элджина. Джентльмен науки играл с чем-то опасным и знал об этом, но либо не хотел останавливаться, либо не мог, что в конечном итоге одно и то же. Я же мог остановиться и, продолжая эту опасную игру, поступал глупо, но был ещё один момент. Со мной что-то произошло. Во мне пробудилось любопытство. Это было в равной степени и радостно, и ужасно. Во мне проявилось чувство, а их в моём мире было крайне мало. Когда видишь человека без ног, лицо которого сползает, даже когда он кричит в агонии, когда видишь его зубы на рубашке, как варварское ожерелье, и знаешь, что всего несколько секунд назад ты стоял на том месте, где он умирает сейчас, это оглушает твои чувства так, как оглушает кролика удар поленом и валит его на землю, еще дышащего, но с глазами, смотрящими в никуда. И когда к тебе начинают возвращаться чувства, то понимаешь, что, возможно, ты еще не потерял окончательно как человек.

— Я останусь.

— Спасибо, Уильям. — Он протянул руку и сжал мое плечо. — Спасибо.

Пошёл дождь, смешанный с градом, который жалил, как пчёлы. Элджин вернулся в свой большой дом, а я — в свой маленький. Град барабанил по окнам. Дул ветер. Той ночью мне приснилась полая луна, кишущая демонами, пожирающими друг друга живьём.

Пожирающими себя заживо, как змей Уроборос²²⁷. Я видел красный дом под полной луной. И зелёную дверь.

* * *

У нас было еще двое испытуемых перед тем, как всё закончилось. Шестая подопытная, женщина по имени Аннет Кросби, проснулась с криком. Когда она успокоилась, то рассказала, что ей приснился красный дом, она открыла зелёную дверь, а потом не помнила ничего, кроме тьмы, ветра, дурного запаха и бесплотного голоса, произнёсшего слово, похожее на "тантула" или "тамтуша". Суеверный ужас проник во все уголки её души. Она сказала, что не согласится снова увидеть этот сон ни за восемьсот долларов, ни за восемь тысяч. При этом она, правда, взяла чек от Элджина. А почему бы и нет? Она его заслужила.

Затем появился Бёрт Деверо, преподаватель математики в Академии Святого Доминика в Льюистоне. Он заполнил анкету и перед тем, как её подписать, задал Элджину несколько вопросов, больше, чем другие, о "лёгком снотворном", которое ему предстояло принять. К удовлетворению Деверо, Элджин ответил на все эти вопросы. Деверо подписал бланк, занял своё место на кушетке и выпил стакан с прозрачной жидкостью. Я устроился перед односторонним стеклом, положив блокнот на колени. Элджин сел за стол и включил музыку. В комнате испытуемых мистер Деверо изучал картинку красного дома с зелёной дверью. В конце концов, его глаза стали смыкаться, и картинка начала опускаться в его руке. Всё было так же, как и во всех других наших тестах, пока не пошло иначе.

* * *

Я сидел на стуле. Элджин находился на своем месте рядом со мной. Прошло десять минут. С закрытыми глазами Деверо потянулся к блокноту и ручке, лежавшей на открытой странице, потом опустил руку. Его пальцы начали сжиматься и разжиматься. Другая рука поднялась, поколебалась, затем быстро задвигалась. Я записал: "15:29, Дев поднимает правую руку, сжимает кулак и бьет себя по щеке".

— Он пытается разбудить себя, — сказал я.

Деверо начал дрожать всем телом, как человек, страдающий от лихорадки. Его ноги тряслись и двигались вразнобой. Спина выгнулась дугой. Средняя часть тела приподнялась с кушетки, ударилась об нее и снова поднялась. Ноги отбивали чечетку, и он начал издавать звук, похожий на "мум-мум-мум", как будто его губы слиплись от слюны, и он пытался их разжать, чтобы выдать слова.

— Нам нужно разбудить его.

— Подожди.

— Господи Иисусе, Элджин!

— Подожди.

²²⁷ "Змей Уроборос" — фэнтезийный роман Эрика Рюкера Эддисона; уроборос — свернувшийся в кольцо змей или ящерица, кусающая себя за хвост

"Полароиды" вспыхивали. Их хитрые встроенные моторчики жужжали. Снимки сыпались на пол и с нашей стороны, и с его, начиная проявляться. Его веки начали выпячиваться, пока глаза под ними не раздулись до размеров мячей для гольфа, словно от вливания гидростатической жидкости. Веки открылись не естественным образом, а разошлись в стороны. Глаза Деверо были серыми. Глаза, которые продолжали выпирать из глазниц, были мертвенно-черными. Они росли на его лице, как опухоли. Рука Элджина сжала мое плечо, но я едва это почувствовал. Никто из нас не спрашивал, что происходит, и не потому, что мы не могли поверить. С таким же успехом можно было наблюдать, как из камина выезжает локомотив. Деверо завопил, его глазные яблоки лопнули, и черные тонкие усики, колыхаясь, как стебельки одуванчика, вырвались наружу. Они потянулись к одностороннему стеклу, как будто почувствовали нас.

— Боже мой, — промолвил Элджин.

"Полароиды" вспыхивали. Черные усики отделились от черных глазных шаров, которые их породили, и поплыли к нам, сначала в небольшом облаке, но по мере приближения начали таять и исчезать.

— Они мне нужны! — закричал Элджин. — Мне нужны доказательства! Доказательства!

Он рванул к двери. Я схватил его и удержал. Он боролся, но я был сильнее. Я не пускал его туда не потому, что он был мне настолько дорог, а потому что не хотел, чтобы он открыл дверь и выпустил этих тварей наружу.

Разорванные черные глазные яблоки начали втягиваться обратно к лицу Деверо, как в фильме, запущенном в обратном направлении. Он произнес "мум-мум-мум". Промежность его штанов потемнела, когда опорожнился его мочевого пузыря. Разорванные черные глазные яблоки зажили сами собой: сначала появился шов, затем он исчез, и они снова стали гладкими, только выпирали из его лица маленькими бугорками, похожими на те, что иногда можно увидеть на старых деревьях. Потом они втянулись обратно, его глаза закрылись, и Деверо сильно скрутило в талии, и он упал на пол. Белая рубашка Элджина порвалась, когда он вырвался из моей хватки. Он выбежал за дверь, обогнул перегородку и оказался в другой половине. Он опустился на колени и обхватил руками плечи Деверо.

— Помоги мне, Уильям! Помоги мне!

Если бы Деверо был мертв, это было бы частично на моей совести, и даже в шоковом состоянии я это понимал. Выдать себя за свидетеля, а не соучастника, уже не получится. Поэтому я обошел перегородку, вошел в комнату для опытов и спросил Элджина, дышит ли Деверо.

Он наклонился вперед, затем отшатнулся.

— Да, но у него ужасное дыхание.

Дело было не только в дыхании. Деверо наложил в штаны. Я огляделся и увидел, что не все черные усики исчезли. Часть того, что Деверо притащил из красного дома, когда поднял пол в гостиной, возможно, налетевшее на него из тьмы и заразившее его одним агрессивным, проникающим вдохом, всё ещё плавало в дальнем углу комнаты под одной из колонок. Я

пристально наблюдал за ними. Если они двинутся в нашу сторону, я сбегу и оставляю Джентльмена науки разбираться во всём самому. В конце концов, это был его эксперимент. Но даже тогда, в те бесконечные минуты, я думал о далеких звездах, недоступных никакому телескопу, о дымящихся недрах ста тысяч песчинок и понимал, что это также и мой эксперимент. Я не убежал. Мог бы, но остался. Я почувствовал, как ко мне возвращается какое-то подобие нормального человеческого состояния, чем бы это ни было и существовало ли оно вообще. Как конечность, которая онемела от долгого неподвижного сна и которая, пробудившись, начала оживать. "Я встрял", как говорили мы в глубинке. Или "забудь, проехали". К черту, проехали.

— Нам нужно вытащить его отсюда. — Я указал на черные усики. Они беспокойно шевелились. Думаю, они наблюдали за нами.

— Мне нужен образец.

— Тебе нужно подумать о том, как ты будешь выглядеть в тюремной робе. Помоги мне.

Мы подняли его, Элджин взял его за лодыжки, а я — за остальное. Мы вытащили его за дверь, через коридор и в гостиную. Положили на пол, из уголков его рта текла слюна. Я вернулся и закрыл двустворчатые двери бывшей столовой, запирая черных тварей из другого мира, мира под полом, если только они не выберутся оттуда под дверным косяком. Я надеялся, что оставшиеся просто исчезнут. Если Элджин захочет возиться с ними, это его дело. С меня хватит их.

Но сначала нужно было разобраться с Деверо. Я попросил Элджина помочь мне усадить его, чтобы он не задохнулся. Мы приподняли его верхнюю половину, Элджин с одной стороны, я с другой, наши руки сцепились за спиной Деверо. Из уголков его глаз потекли черно-красные слезы. Кровь и что-то еще. Я не хотел знать, что это за "что-то еще". Я шлепнул его по щеке и, наклонившись к уху со своей стороны, сказал ему проснуться, очнуться, боясь того, как будут выглядеть его глаза, если он очнется.

Его глаза открылись. Они были покрасневшими и серыми, как и раньше, но с совершенно пустым взглядом, лишенным какого-либо понимания. Элджин пощелкал пальцами перед его лицом, но без эффекта. Я поводил пальцами у его глаз, и тоже без эффекта. Он был дышащей куклой размером с человека.

— О, Боже, он придёт в себя?

— Не знаю. Придёт ли он в себя? Кто из нас учёный?

Элджин поднял одну из рук Деверо. Она безвольно висела, пока он снова не опустил её.

— Дадим ему час, — сказал он.

Мы дали ему даже два. Большинство черных усиков к тому времени исчезло, но несколько еще оставалось, и Элджин надел нитриловые перчатки и защитную маску, которые достал из одного из ящиков стола, и собрал их в пластиковый пакет. Я пытался его остановить, но он не слушал. Я думал, что они растают у него в руках, но этого не случилось. Один из них обвил его указательный палец, и Элджину пришлось отцеплять его, соскребая усик в пакет.

— Это глупость, — сказал я, на что он повторил:

— Это доказательства.

Всё это мне было явно не по душе. Учитель математики превратился в пускающего слюни манекена, который не подавал признаков здравого ума, и мне нужно было смириться с этим, и не ради Элджина, а ради себя. По крайней мере, бывший учитель и нынешний идиот не был женат и был бездетным.

Я подумал: "Я встрял".

Я подумал: "К черту, проехали".

— Ты отдал ему чек?

— Что? Нет. Я не отдаю чек, пока не закончится опыт и они не будут готовы уехать. Ты же знаешь.

— Сожги его. Он не приходил. Как и тот другой. Билсон.

Вот так просыпаешься в этом мире.

* * *

Я вытащил ключи из его кармана, влажного от мочи. Мы дотащили его до машины, неся, как мешок с мокрым и тяжелым бельем, и усадили на пассажирское сиденье. Он подался вперед и уперся лбом в приборную панель "Шевроле", словно молясь Аллаху. Я сказал Элджину откинуть его назад, а сам пристегнул ремень безопасности. Не во всех машинах были ремни, но в этой, к счастью, имелись. Это был трехточечный жгут, похожий на нагрудный ремень, который удерживал его в более или менее вертикальном положении, хотя его голова всё равно была опущена, а подбородок касался груди. Я подумал, что это не страшно, кто бы его ни увидел, мог подумать, что он спит. Один из тех черных усиков выполз из его носа и поплыл ко мне, но Элджин всё ещё был в нитриловых перчатках. Он схватил его в воздухе и сдул в сторону. Я задался вопросом, сколько их еще осталось в Деверо.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Не знаю.

Я сел в "Шевроле" и поехал обратно по Лейк-роуд. В зеркале заднего вида я увидел, как Элджин стоит на подъездной дорожке и смотрит мне вслед.

* * *

Я ехал с открытыми окнами и включенным на полную мощность кондиционером. На мне была пара нитриловых перчаток Элджина. Еще дважды черные твари вылезали из его носа и один раз из разинутого рта, но поток воздуха уносил их в пассажирское окно. Я ехал в направлении Льюистона-Оберна, но не собирался забираться так далеко. Я знал, где он живет, его адрес на Минот-авеню был указан в бланке согласия, но я не намеревался везти его в эти города-побратимы, да еще с учетом того, что нужно было пересадить его на водительское сиденье. Для этой задачи необходимо было найти тихое местечко.

Я ехал по шоссе 119 в Уотерфорде, когда увидел зону отдыха "Волчий коготь". В разгар дня там никого не было. Я припарковался под деревьями, обошел машину, открыл дверь с пассажирской стороны, отстегнул ремень безопасности, и Деверо подался вперед, пока его лоб снова не уперся в приборную панель. Я пожалел, что не попросил у Джентльмена науки одну из его масок, но какой толк был прикрывать рот и нос? Эти твари вылетали из глаз Деверо и с таким же успехом могли попасть и в мои. Мне оставалось лишь надеяться, что они все исчезли. Я не видел их последние десять миль, но они могли выползти и улететь через открытое окно, пока я смотрел на дорогу.

Я наклонил его к себе, поймал, вытащил из машины и поволок, огибая капот. На нем были мокасины, и один из них слетел. Его пустые глаза пристально уставились на солнце. Я усадил его за руль, но это заняло время и оказалось нелегко. Другого я и не ожидал. Хотя он дышал, но внутри был мертв, и я знал по опыту Вьетнама, что мертвые тяжелее живых. Не должны быть, но тяжелее. Гравитация жадна до мертвецов и хочет утащить их под землю. Просто мое мнение, но и другие его разделяют.

Он снова подался вперед, и я схватил его за волосы на затылке и потянул назад, прежде чем его лоб ударился о клаксон. Я пристегнул его ремнем безопасности, и его голова опустилась, пока подбородок не уперся в грудь. "И так сойдет", - подумал я. Я надеялся, что никто не появится, пока я не уберусь отсюда к чертовой матери. Я вставил ключи в замок зажигания, закрыл дверь и пошел по шоссе 119. Пройдя около четверти мили, я вспомнил о ботинке и вернулся назад. Наверняка, кто-то уже там, думал я, кто-то уже заглянул в открытое окно "Шевроле" с наклейкой Святого Доминика на бампере и сказал: "Эй, мистер, проснитесь", и "Эй, мистер, с вами все в порядке?", и "Кстати, мистер, что это за черные штуки выползают у вас из носа?"

Но там никого не было. Я поднял мокасин, снова открыл водительскую дверь и надел его ему на ногу. Затем замёл следы вокруг передней части машины, которые оставила его обувь, и вновь отправился в путь. Примерно через пять миль, когда моя тень начала тянуться далеко позади меня, я подошел к универсальному магазину и заправке с телефонной будкой. У меня было достаточно мелочи в кармане, и я не стал заходить в магазин, где кто-нибудь мог бы увидеть меня и запомнить. Возможно, ничего страшного не случилось бы, но к тому времени я уже начал думать как вор или убийца. Я позвонил Элджину, чтобы попросить забрать меня. Элджин не ответил, и я почувствовал страх. У меня был план, который мог бы обеспечить нам с Джентльменом науки алиби, но планы меняются. Я всё время думал о том, как он маниакально твердил "доказательства, доказательства". Я всё время думал о том, что он спятил, а потом понял, откуда это знаю. Я знал это с самого начала, но сказал "черт с ним, проехали".

Я повернул в другую сторону, моя тень теперь вырисовывалась всё длиннее и длиннее передо мной, а не позади. Приближалась машина, и я поднял большой палец. Она проехала мимо меня. Следующая промчалась тоже, но затем появился пикап, который замедлил ход и остановился. У водителя было обветренное красное лицо под седыми волосами.

— Куда едешь?

— В Касл-Рок. Там живет мой отец.

— Ну, залезай. Служил? У тебя такой вид, да и возраст подходящий для нынешней хреноты.

— Да, сэр, служил.

— И я. Около десяти тысяч лет назад. *Semper fi*²²⁸, нравится тебе это или нет.

Он рывком отпустил сцепление и заговорил о Корее, а потом спросил меня о пацифистах. Я согласился с его оценкой. Он сказал, что их всех надо отправить в Хейт-Факсберри²²⁹, и я ответил, что именно так и следует поступить. Он предложил мне пива. Я взял его, и когда он сказал "Возьми еще, солдат", взял еще. Через полчаса он остановился у обочины на Мейн-стрит в Касл-Роке.

— Мы надерём задницу этим узкоглазым сучьим сынам!

— Да, сэр.

— Береги себя, сынок.

— Так и действуем.

И он укатил. К тому времени наступил вечер, и на западе собирались грозовые тучи. Я прошел шесть миль до Лейк-роуд. Когда я добрался туда, дождь хлестал по озеру. Сверкали молнии. Гремел гром. В воздухе стоял запах озона. Моя машина всё еще была припаркована рядом с "Мерседесом" Элджина. Я вошел в дом. Он не включил свет, и прихожая превратилась в чашу теней.

— Элджин?

Ответа не было. Гостиная была пуста, книги разбросаны. "По ту сторону сна" валялась обложкой вверх. На журнальном столике лежали стеклянная пепельница, пачка "Винстона" и его зажигалка "Зиппо". Я взял "Зиппо" и положил себе в карман. Прошел в бывшую столовую, подумал было зайти в комнату с кушеткой, но, к счастью, передумал. Вместо этого я зашел в комнату с письменным столом, сел на свой стул и посмотрел через одностороннее стекло. То, что осталось от Элджина, Джентльмена науки, теперь лежало на кушетке. "Полароиды" были разбросаны. Разбитая мензурка валялась среди фотографий. На его голове было что-то, похожее на черный мешок. На некоторых фотографиях, тех, что лежали лицом вверх, было видно, как образовался этот мешок на его лице. На полу также лежали картинка красного дома с зеленой дверью и пластиковый пакет, в который он складывал свои "доказательства". Теперь пакет был пуст. Черный мешок на его голове был сделан из тех самых усиков. Он втягивался и вытягивался из того, что осталось ото рта Элджина, когда тот дышал. Я вспомнил о том, как он рассказывал мне о бесконечных вселенных где-то там и прямо под нашими ногами. Вспомнил о лице, сползающем с черепа человека. Вспомнил о горящем вертолете, тонущем в море напалма, которое сам же создал. Вспомнил, как надевал ботинок на ногу Деверо. Я думал о всех неизвестных и непознаваемых созданиях преисподней, которые могут существовать под барьером сновидений. Я подумал, что да, планы меняются. Элджин уже не мог спастись, но я, быть может, ещё могу.

²²⁸ "Всегда верен" — фраза, служащая девизом и названием некоторых структур, например, этот девиз использует корпус морской пехоты США

²²⁹ аллюзия на Хейт-Эшбери, район в Сан-Франциско, который был центром контркультуры и хиппи-движения в 1960-х годах, а в 1967 году принял знаменитое "Лето любви"

Несколько черных усиков, заметив меня, оторвались от черного мешка, пересекли комнату и прилипли к стеклу. Потом еще добавились. И ещё больше. Я смотрел, как они корчатся и извиваются, пока не составили мое имя: УИЛЬЯМ ДЭВИС.

* * *

На кухне стояла газовая плита. Я включил все конфорки и одну за другой задул голубые язычки пламени. Затем включил духовку и открыл её дверцу. Внутри загорелся запальник, и я задул и его. Создавая эту зарождающуюся газовую бомбу, я постоянно оглядывался через плечо, опасаясь черных усиков. Я был в страхе. Я был в ужасе. Я закрыл окна. Закрыл двери. Обошел гостевой домик и собрал свои вещи в дорожную сумку и чемодан. Положил их в багажник своей машины. Потом вернулся к крыльцу и стал ждать, щелкая зажигалкой. Молнии прожигали озеро, и гремел гром. Примерно через десять минут начался дождь, сначала просто барабания по крыше, как прелюдия к грозе. Я открыл дверь. Запах газа был невыносим. Я щелкнул "Зиппо", и когда появился огонёк, швырнул зажигалку и стремглав помчался к машине. Добравшись до нее, я уже начал думать, что ничего не произойдет, как тут же взорвалась кухня. Когда я отъезжал, дождь перешел в ливень. В зеркале заднего вида я увидел, что дом горит, как свеча, под черным небом, прорезанным молниями. На Лейк-роуд стояли дома и летние коттеджи, но никто не выходил на улицу во время грозы, а если кто и смотрел в окно, то видел лишь бесформенное пятно, похожее на машину. Я выехал из Касл-Рока и направился в Харлоу. Дождь ослаб, затем прекратился. В зеркале заднего вида, незадолго до того, как солнце скрылось за горами в Нью-Гэмпшире, я увидел радугу. Потом солнце скрылось, и радуга погасла, как неоновая вывеска. Я переночевал в мотеле в Гейтс-Фоллс и на следующее утро поехал в Портленд, в пансион, где я жил, когда работал в "Темп-О". В переднем окне висела табличка "Сдаются комнаты". Я позвонил в звонок, и миссис Блейк ответила.

— Опять ты.

— Да. Судя по вывеске, у вас есть комната.

— Так и есть, но не твоя. Она на третьем этаже и без кондиционера.

— Она дешевле той, что на втором?

— Нет.

— Я беру её.

* * *

На следующий день я вернулся в "Темп-О" и снова устроился на работу. У меня не было планов надолго задерживаться у миссис Фробишер, но я хотел, чтобы у меня была работа, когда нагрянут копы. Пирсон был в комнате для отдыха. Там же была Дайан. По телевизору шло ток-шоу. Дайан улыбнулась мне кривоватой улыбкой и произнесла:

— Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом²³⁰.

²³⁰ строчка из шекспировской пьесы "Генрих V"

Пирсон читал газету, разбросав страницы возле своих ботинок. Он мельком взглянул на меня и снова спрятался за газетой.

— Значит, ты вернулась, — сказал я Дайан.

— Как и ты. У Элджина не сложилось?

— Сначала складывалось, потом нет. Он начал странно себя вести, когда его эксперименты не удавались.

— И вот мы здесь. Все дороги ведут в "Темп-О".

Вошла миссис Фробишер.

— Кто желает на допрос к Брюн и Кэткарту? — Не дожидаясь ответа, она просто указала на новую женщину, которую я не знал. — Ты, Жанель. Живо.

Пирсон закончил читать раздел газеты, связанный с местными новостями, и я подобрал этот листок. На нижней части страницы 1В была статья под заголовком "МУЖЧИНА ИЗ КАСЛ-РОКА ПОГИБ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВЗРЫВА ГАЗА НА ОЗЕРЕ ДАРК-СКОР". В статье говорилось, что дело расследуется как несчастный случай или возможное самоубийство. Также отмечалось, что из-за сильного дождя пожар не распространился.

Я сказал:

— Чёрт возьми, мой предыдущий босс мертв, — и показал статью Дайан.

— Как не повезло ему и как повезло тебе. — Она прочитала статью. — Он был склонен к самоубийству?

Мне пришлось задуматься над этим вопросом.

— Не знаю.

* * *

На следующий день я был в суде. Когда я вернулся в пансион, в гостиной меня ждали двое полицейских. Один был в форме, другой — детектив. Они представились и спросили, сколько времени я работал у Элджина. Я ответил, что около месяца. Рассказал им то же, что и Дайан: что у Элджина поехала кукушка, когда его эксперименты не удавались, поэтому я ушёл. Да, я жил в гостевом доме, но съехал, когда уволился. Нет, меня там не было, когда его дом взорвался. Еще они спросили, знаю ли я человека по имени Бёртон Деверо. Я ответил, что слышал это имя, оно было в списке испытуемых Элджина, но самого человека не знал и никогда не видел. Детектив дал мне свою визитку и попросил позвонить, если я что-то вспомню. Я пообещал, что позвоню. Я спросил, не думает ли детектив, что Элджин покончил с собой.

— Это вас удивляет, мистер Дэвис?

— Не очень.

— Он включил газовую плиту, и мы нашли расплавленный кусок зажигалки на том месте, что осталось от кухонного пола, и как вы считаете?

Что я посчитал, так это то, что умный детектив мог бы задуматься: если они нашли остатки "Зиппо" на кухне, то как Элджин мог оказаться на кушетке в столовой? Но, видимо, детектив не блистал умом.

* * *

Я проработал в "Темп-О" до сентября, а затем уволился и уехал в Небраску. Никаких особых причин для Небраски не было, просто туда меня занесло. Я устроился на временную работу на ферму, одну из тех больших агрокомпаний, и управляющий оставил меня после окончания сезона сбора урожая. Сейчас я здесь. Идет снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за этим столом и думаю о галактиках за галактиками. Скоро я закрою этот блокнот, погашу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает меня. Иногда мне снятся вьетнамские джунгли и мужчины, кричащие в огне. Иногда женщины, кричащие в огне. Дети. Они умоляют: "Nahn tu, nahn tu". Это хорошие сны. Поверьте, я говорю правду. Потому что есть и плохие сны. В плохих снах я стою перед красным домом с зеленой дверью. Если я попытаюсь открыть эту дверь, она откроется. Я знаю это и знаю, что однажды войду внутрь и встану на колени у порога гостиной. "Nahn tu", — буду умолять я, — "nahn tu", но когда придет этот последний сон, пощады не будет. Не для меня.

С мыслями о Кормаке Маккарти²³¹ и Эванджелине Уолтон²³²

[К содержанию](#)

От переводчика

Перевод осуществлен бывшим студентом минского иняза (МГЛУ) Ернарар Шамбаевым абсолютно бескорыстно, что называется, из любви к искусству. Я крайне не поддерживаю решение Стивена Кинга отгородиться от русскоязычных читателей, но это его право. В любом случае убежден, что нельзя оставлять его творения без перевода на великий и могучий.

БОНУС: интервью со Стивеном Кингом (май 2024)

Мэри Луиза Келли: Я хотела бы начать с вопроса о повести "Человек-ответ". Вы начали ее писать, когда вам было 30, а закончили её в 75. Что же произошло?

²³¹ Кормаке Маккарти — американский писатель-романист, прозаик и драматург, сценарист, обладатель Пулитцеровской премии

²³² Эванджелина Уолтон — американская писательница

Стивен Кинг: Ну, я её потерял. Со мной так бывает: я пишу рассказы и не всегда их завершаю. Те, что не дописываются, попадают в ящик, и я про них забываю. А около пяти лет назад мои люди начали собирать все мои завершённые и незавершённые работы и складывать их в архив. Они искали повсюду – в ящиках стола, в корзинах для мусора под столом, во всех местах. Я не очень организованный человек. Мой племянник Джон Леонард нашел эту конкретную вещичку, написанную в отеле "Ю-эн Плаза"²³³ в 70-х годах, как мне кажется. И он сказал: "Знаешь, она очень хороша. Тебе действительно стоит её закончить". Я прочитал и сказал: "Кажется, теперь я знаю, как её закончить". И закончил.

Келли: Первые шесть или около того страниц, которые вы написали в отеле, превратились в 50-страничную повесть. Почему вы решили, что стоит вернуться?

Кинг: Ну, мне понравилась концепция: молодой человек едет по дороге и пытается понять, стоит ли ему присоединяться к юридической фирме своих родителей в Бостоне или начать свое собственное дело. И он встречает на обочине человека, который называет себя Человеком-который-знает-всё. И тот говорит: "Я отвечу на три ваших вопроса за 25 долларов, и у вас есть 5 минут, чтобы их задать". И я подумал, что напишу эту историю в трех действиях. Первый акт – когда вопрошающий молод, второй – когда он среднего возраста, и третий – когда стар. Вопрос, который я себе задаю: "Хочешь ли ты знать, что случится в будущем, или нет?"

Келли: Эта история, как и многие другие ваши произведения, – о судьбе, о том, чему суждено случиться, независимо от наших действий, независимо от того, какой выбор мы делаем. Вы верите в это?

Кинг: Мой ответ – я не знаю. Когда я пишу свои произведения, то пишу их, чтобы разобраться, что я думаю на самом деле. Не думаю, что на этот вопрос есть ответ.

Келли: В послесловии к книге вы упоминаете, что возвращение в свои семьдесят с лишним лет к завершению истории, которую вы начали писать ещё в молодости, дало вам, цитирую ваши слова, "крайне странное ощущение зова в каньон времени". Можете объяснить, что это значит?

Кинг: Ну, вы слушаете, вернется ли эхо. Когда я был молод, у меня были юные представления о Человеке-ответе. Но теперь, когда я достиг, скажем так, определенного возраста, я вынужден писать, опираясь на свой опыт и мысли том, каково это – быть стариком. Так что да, для меня это было, как крик и ожидание, вернется ли эхо спустя столько лет.

Келли: Есть ли такие темы, которых вы избегаете, которых вы сторонитесь, о которых вы задумываетесь и говорите: "Знаете что, это слишком жутко, слишком дико"?

Кинг: У меня был роман под названием "Кладбище домашних животных", который я написал и отложил в стол, потому что подумал: "Никто не захочет это читать. Это слишком ужасно". Я хотел его написать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, но не думал, что буду его публиковать. А потом я оказался в контрактных тисках-обязательствах и должен был выпустить книгу с моей старой компанией, поэтому выпустил её. И обнаружил – одновременно к своему восторгу и ужасу, – что американскую публику невозможно оттолкнуть чем-то очень страшным. Нельзя зайти слишком далеко.

²³³ отель в Нью-Йорке

Келли: Насколько я помню, это был огромный бестселлер.

Кинг: Да, это был бестселлер, и по нему сняли фильм. То же самое произошло с "Оно", о клоуне-убийце, охотящемся на детей.

Келли: Который до сих пор преследует меня в кошмарах, должна вам признаться. Сколько книг вы написали на данный момент?

Кинг: Не знаю.

Келли: Правда? В нашем недавнем репортаже о вас мы называли цифры от 50 до 70.

Кинг: Наверное, их около 70, но я не веду подсчетов. Помню, в детстве я думал, что было бы замечательно написать 100 романов за жизнь.

Келли: О Боже. Ну, вы, похоже, по-прежнему получаете от этого огромное удовольствие, так что надеюсь, нас ждёт впереди ещё много ваших романов.

Кинг: Было бы здорово.